НЁМАН

1/2012
ЯНВАРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

**Редакционно-издательское учреждение
«Литература и Искусство»**

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

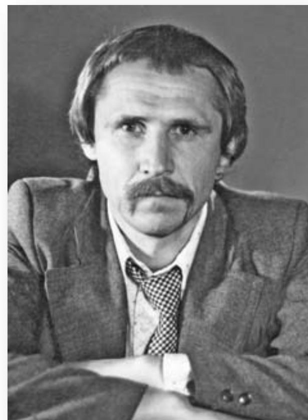
Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. Н. Макаренко*
Стильредактор *Н. А. Пархимович*
Набор *И. М. Кульбицкая*

Подписано к печати 09.01.2012 г. Формат 70 ×108 $^{1}/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,82. Тираж 3289. Заказ 86.
Цена номера в розницу 13 600 руб.
Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220005, Минск, пр. Независимости, 39.
Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора — 284-85-25; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

**Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»**



ГЕОРГИЙ МАРЧУК

Год демонов

Роман

> Хоть убей, следа не
> видно,
> Сбились мы, что делать нам?
> В поле бес нас водит,
> видно,
> Да кружит по сторонам.
> *А. С. Пушкин*

> Конец XX века. До развала СССР
> остается меньше года.

I

С некоторого времени, пребывая в благожелательном безразличии ко всему и вся, он стал замечать странное состояние духа: пережитое вдруг перестало волновать его, а будущее абсолютно не манило радужными мечтами. Казалось, был близок к тому, чтобы уверовать в бессмысленность жизни. Каким ветром принесло уныние, апатию, нежелание сопротивляться депрессии? Воздействие на психику человека последствий чернобыльской аварии? Знакомый ученый с авторитетным именем как-то сказал, что пик этих самых пагубных последствий наступит через пять-шесть лет после катастрофы. Пока минул сумбурный, суматошный, израненный растерянностью год. А может, и ученый мыслит тоталитарно: всем все поровну, в указанные сроки, в одном месте. Он в этом мире ни с кем не сравним, неповторим и по-своему реагирует на все процессы матушки-природы. Впрочем, и беспокоиться нет веских оснований. Он по счастливой случайности в тот злополучный и последующие дни был далеко от Белоруссии, более того, после завершения турне умышленно задержался в Петрозаводске еще на неделю, тем самым будто уклоняясь от служебных (а он знал, что они непременно будут) командировок в пострадавшие районы. Нашлись первопроходцы новой неоткрытой темы в редакциях других газет и журналов, а он как бы помимо воли остался в стороне, успокаивал и знакомых, и себя тем, что еще рано, что он не привык с поспешностью скандалиста поверхностно освещать жизнь. Имя и статус не допускают легкомыслия. Единственный сын жив-здоров, жена не изменяет (во всяком случае, убедительных фактов не было), хвори обходят стороной; в свои сорок он по-прежнему бодр, не слаб телом, уверенно контролирует рассудок и эмоции, талант его в расцвете, он чувствует, что многие, даже очень многие его побаиваются, ему не составляет особого труда добиться любой женщины, но безоглядного донжуанства он счастливо избежал, остановив свой выбор на двух любовницах. В его дом наконец-то пришел некоторый, по советским меркам,

материальный достаток, благосклонно обещающий сытое спокойствие. Так отчего же, черт подери, это неведомое прежде чувство душевной тревоги и томительное ожидание чего-то недоброго? С юности закаленный неудачами, хранимый везением, он всегда сознательно готовил себя к худшему... потому неизменно весомыми оказывались малые удачи, значительными успехи и достойными зависти победы. Осторожный в словах и поступках — особенно после высокого служебного назначения, он не изменился в общении с коллегами, незнакомыми людьми, с бывшими однокурсниками: он безошибочно распознавал суть и цену каждого, с кем приходилось побеседовать. Находясь в зените таланта и славы, он незаметно отстранился и от ненужных друзей, и от мелких врагов. Остались завистники, не понимающие, что одной завистью сыт не будешь. Он это и сам пережил в молодые годы, когда упорным трудом доказывал свое право на место под солнцем, удивлял работоспособностью, настойчивостью в достижении желаемого. Случалось, шутили с женою: она будила его среди ночи и засыпала вопросами. Он не открывал глаз, превозмогая сонное состояние, как компьютер выдавал на-гора информацию: в полуторамиллионном Минске ежедневное потребление воды составляет двести тысяч кубов, газа двадцать тысяч, хлеба четыреста пятьдесят тонн, картофеля семь тысяч тонн, яиц двадцать тысяч, мяса — шесть вагонов, рождений тридцать, смертей двадцать пять, зарегистрированных алкоголиков пятнадцать тысяч, парк машин ЦК — двести штук, Совмина — сто пятьдесят, инвалидов — восемь тысяч, жалоб поступает в Верховный Совет — шестьсот, в прокуратуру двести, бюджет разовой помощи малоимущим двадцать тысяч рублей, в медвытрезвителе коек восемьдесят, больничных мест восемь тысяч, четыре смерти на каждую тысячу новорожденных, заболевают триппером ежедневно шестьдесят человек, сифилисом один, врачей пять тысяч, членов Союза писателей двести восемьдесят семь, разводов четырнадцать, браков одиннадцать, сберегательные книжки имеют тридцать пять процентов населения, академиков десять, членов-корреспондентов — сорок пять, больших талантов, приближающихся к планке гения, нет, только один. «Кто?» — допытывалась удивленная и обескураженная его выстрелами-ответами жена. «Конечно я, — просто и уверенно отвечал он. — Собственный корреспондент в Белоруссии газеты «Правда» Любомир Григорьевич Горич».

Это ее обидело. Гордая, она втайне рассчитывала, что муж назовет ее имя. Правда, досада ее быстро проходила, и уже утром жена к его самоуверенности и самовозвышению относилась иронично, не забывая напомнить, что он так и не научился грамотно писать слова: интеллигенция, амбивалентность, экстремизм. Иного мнения был он сам. Быть может, несколько преувеличивая свой несомненный талант, он тем не менее знал себе цену и гордился, что в доперестроечные времена не заигрывал с совестью и отстаивал правду там, где других останавливала если не бюрократическая рука властей предержащих, то годами воспитанное чувство самосохранения. В том, что он не стал заурядным летописцем коммунистических буден, состоящих исключительно из праздников ударного труда и непреходящей радости от ожидания грядущего со дня на день счастья, была заслуга и его жены, самолюбивой, несколько надменной Камелии Юрьевны. Это она, воспитанная в интеллигентной семье своим дедом, репрессированным перед войной, увидела в нем, самовлюбленном, очень симпатичном юноше, жажду истины и справедливости. Более того, уже после их ранней женитьбы именно она отправила своему дяде в Москву его острые, нестандартные статьи, и родственник поспособствовал тому, чтобы они увидели свет не только в сатирическом журнале, но и в престижной, имеющей репутацию относительно независимой «Литературной газете».

Подковывали копыта Пегасу, указывали ему путь на Олимп, к нынешнему успеху сообща. Разговор о непростых, противоречивых семейных отношениях впереди, но, несколько опережая драматические события, надо отметить, что она никогда не упрекала мужа в том, что он всего достиг только благодаря ей, ее родне и связям со столичной элитой.

Пытливый ум Любомира искал причину охватившей разом и сознание, и душу непонятной тревоги. Подвергал анализу бытовой и общественный хаос, желание порвать с опостылевшими и ненужными любовницами и невозможность сделать это, преодолеть незнакомую раздвоенность, растерянность. Он старался мысленно вычислить негативное в ближайшей перспективе, определить хотя бы контуры причины упадка духа, дабы хоть как-то смягчить ожидаемые душевные раны. Неужели неминуем разрыв сносно-спокойных семейных отношений? Правда, они, эти узы, не всегда имели вид христианский, но и за пределы обоюдной терпимости все же не выходили. Может, у нее действительно намечается роман с этим молодым композитором? И почему, собственно, так тревожит ожидание грядущей беды? Раньше жизнь почему-то наполняло ожидание радости, сбывшихся желаний. А может, это обыкновенное пресыщение однообразием работы, серостью будней, предчувствием расставания с молодостью? Или причиной всему житейское, рядовое: два ночных телефонных звонка назойливого незнакомца-пенсионера. И почему он звонит, как запрограммированный, именно в половине двенадцатого ночи?

— Уважаемый Любомир Григорьевич, я решил обратиться только к вам, к последней надежде, к последней инстанции.

— Вы преувеличиваете. Последняя инстанция у нас суд и Господь Бог.

— Я никому не верю. Никому. Прошу вас о встрече. Я пенсионер. Бывший преподаватель вуза. Это все, что я могу сказать по телефону.

— Бог мой, к чему эта конспирация? Изложите суть дела в двух словах. Может, это не в моей компетенции, и тогда я вас переадресую своему коллеге Новикову, тоже из нашей газеты.

— Знаю. Я всех знаю. Прошу вас о встрече. Умоляю. Я готов ждать. Месяц, два... Как вас устроит.

Чувствовалось по голосу, что ночной собеседник-проситель искренен и не наигранно взволнован. Впрочем, чем он может удивить, какой тайной шокировать? Пришло время, когда злые люди, взяв к себе в подручные добрых, но наивных и обозленных от несправедливости собратьев, растащили государство. Куда ни ткни пальцем — всюду оскорбленные, обиженные, обманутые, несправедливо забытые, униженные, отбывающие срок вместо других, разочарованные. Что ж, год на год не приходится. Есть день ангелов, есть день демонов. Он все больше склонялся к тому, что пером, как и оружием, человека не переделаешь. Любомир, ссылаясь на чрезмерную занятость, просил позвонить через месяц. Подобные случаи были. Менялись обстоятельства, утихал воинственный пыл жалобщика, иногда все останавливала смерть просителя. Это первые месяцы в своей новой должности Любомир рвал и метал, суетился, носился на служебной черной «Волге» по всему городу, по области. Но очень скоро понял, что процесс, в который окунулся, бесконечен, как сама жизнь, и что ему просто не под силу соединить в себе надсмотрщика, судью, контролера, адвоката. Еще год, два назад смельчаков и новоявленных борцов с окостенелыми догмами тотального принудительного коммунизма были единицы. А нынче оторопь берет. Кто во что горазд. Все друг у друга пороки ищут. И чем больше их откопают в истории, тем больше зубы скалят, слюной исходят от удовольствия. Жалкие, робкие, до перестроечной истерии

угодливые его коллеги из молодежных, союзных газет, как голодные шакалы, накинулись на дешевые сенсации. Нет, — он не опустился до жизнеописания гомосексуалистов и лесбиянок. Это по душе его однокурснику Вовику Лапше. И пусть. Он далек от мысли осуждать товарища. Просто богу богово, а кесарю кесарево.

Уходит, уходит из-под ног почва. Побрякушками, дешевкою, заигрыванием с примитивным, скотским вкусом недалекого умишком читателя все они, кто отсиживался как мышь под веником, растворили, размыли его былую славу, которой он и не успел как следует натешиться. «Вот, пожалуй, одна из причин», — с горечью подумал Любомир. Он надеяся на плаву респектабельности, с веслами академизма, под парусом зрелого профессионализма долго плыть к морям почета, к берегам каких-никаких, а все же привилегий. Этак до годков пятидесяти. А там без божьей помощи, при поддержке драгоценнейшего старшего друга своего, второго секретаря ЦК Ивана Митрофановича, быть поставленным у руководства Союза журналистов, а еще лучше (единственная оставшаяся в живых мечта) законопатить себя представителем республики при Организации Объединенных Наций, если не получится осесть твердо и надежно по линии ЮНЕСКО в Женеве. А тут, гляди, как все круто развернулось. Неужели многоликая разновидность страха — потерять все достигнутое такими нервоуничтожающими усилиями — вцепилась и в его душу?

Страх? И это у него, кто не боялся ни сильных, ни слабых? Неужто золотая пора жизни, едва одарив блеском, проходит? Да... голова его седа не по годам, видна едва заметная усталость в голубых глазах, но они по-прежнему проницательны, по-прежнему тренированное тело упруго, походка ровная, спортивная, он ростом невысок, но независимая поступь, размашистые движения подчеркивают его независимость, уверенность в себе. Он не любит носить костюмы. Спортивная куртка, легкая спортивная обувь, старенькие, но приличные еще джинсы... добротное китайское кожаное пальто... всегда чистые разноцветные сорочки... в руках неизменный коричневый дипломат с цифровым замком. Когда-то он счастливо избежал подражания, хиппово-грязный имидж был ему, провинциальному пареньку из глубинного полесского городка Житковичи, чужд и неприятен. Нынешним имиджем делового европейского мужчины он был вполне доволен, хотя это был своего рода эгоизм, близкий к самовлюбленности, заносчивости, нарциссизму. Только в женском обществе он позволял себе отдушину, напуская на себя пленительную непосредственность внимательного, корректного, и почему-то всем всегда казалось, очень ранимого человека. На самом деле сердце его уже ожесточилось, он был бесстрастен и безучастен внутренне ко всем проблемам, которые неистово волновали негодующих правдолюбцев, досаждавших ему жалобами, сигналами, письмами, ища защиты от несправедливости властей.

Вот и этот, еще один непрошеный ночной собеседник. Что нового он может сообщить ему, чем удивить? Поди сталинист какой-нибудь. Не иначе, нагадил в молодые годы, а теперь ищет виноватых в своих неудачах, отмывается. Однако же пунктуальный и настырный старикан. Ровно через месяц в половине двенадцатого снова тактично напомнил о себе уже с некоторой мольбой в голосе. Наотрез отказался письменно изложить суть жалобы. Любомир сдался, назначил встречу через неделю. Сколько уже было у него ходоков? Они заговаривали его, утомляли, забирали драгоценное время на пустое, незначительное, подчас такое, что росчерком пера могли и должны были решать в ЖЭСах, отделах исполкома, в заводоуправлениях, в отделе здравоохранения, в общепите. Скорее бы в отпуск, к морю, подальше от этой повальной неразберихи, безответственности, самооплевывания. Благо теперь у него появилась возмож-

ность беспрепятственно воспользоваться путевкой в один из респектабельных санаториев на крымском берегу. И Камелия, может быть, еще больше и острее нуждается в отдыхе. После ухода сына на службу в армию она заметно изменилась, как ему показалось, к худшему. Вздорила и нервничала по пустякам, все ее раздражало и в нем, и в людях. Впрочем, суеты, признаков сумбура в мыслях у Любомира еще не было, но вот сознание угнетало это чувство тревоги, ожидания чего-то нелюбимого, нехорошего, гадости, пакости. Это чувство странно обострялось и при встречах с любовницей. Вот «Тихая» вздремнула у него на плече. Они в однокомнатной квартире ее брата, который на сей раз подвизался в должности железнодорожного пастуха: сопровождает скот в восточные регионы страны, за Урал. Квартира холостяка запущенная, давно требующая ремонта. В ней противный специфический запах браги и вяленой рыбы. Тридцатилетняя «Тихая», робкая и застенчивая преподавательница института иностранных языков, не встречается с ним в других «ненадежных местах», боится гнева и кулака мужа, тренера конно-спортивной школы. Их давнишняя, со студенческих времен, связь тянется аморфно, с перерывами в три месяца, полгода. При встречах с ним она, от природы молчаливая, незаметная, стеснительная, теряет дар речи и только слушает, слушает с широко открытыми глазами и нескрываемым интересом, как ребенок в детском саду, все, что бы он ни говорил. Он любил характеризовать женщин одним ярким, нестандартным, необидным словом: «Тихая», «Капризная», «Железобетонная», «Недосягаемая». Иногда получалось забавно.

— «Тихая»? Это я, буйнопомешанный на страсти к тебе Любомир. Выпустили из клиники специально к тебе на исцеление. Спасай. Жду в переходе под памятником. Строго наказали одному наверх не подниматься... могу покусать прохожих.

Она, безотказная, всегда, что удивительно, находила время для свиданий. Такая маниакальная преданность и верная служба импонировали ему. Он переступал через порог скуки, однообразия, духовной ее ограниченности, некоторой неряшливости и изредка тревожил ее скромные сексуальные фантазии своим доверительным, мягким приятно-манящим голосом.

— Извини, я, кажется, вздремнула?

— Самую малость, как комарик.

— Всю ночь переводила срочную работу из Торговой палаты. Ты, как обычно, торопишься? — не иронизируя, спросила она.

— На бал к сатане всегда успеем. Как мама? Брат, как погляжу, по-прежнему без дела? — он равнодушно погладил ее маленькую головку.

— Мама болеет. Сахарный диабет достал ее. Живого места нет от уколов. Брат все ищет работу. Сам знаешь — после тюрьмы, все оформляют временно. Муж если не на сборах, так на соревнованиях. Все на мне: дети, семья, мама, брат, работа. Ничего интересного. Будем одеваться?

— Да, пожалуй, — он бесстрастно тронул ее лоб губами.

— Извини. Отвернись, пожалуйста, я отвыкла от тебя. Стесняюсь, ей-богу. Разнесло меня, ты не смотри.

— В этом тоже есть свой шарм. Да без очков я и не разгляжу, — пошутил он.

— Пожалуйста.

— Ладно, — он повернулся к стенке, обклеенной до потолка винно-водочными этикетками.

— Мне обещали достать видеокассету с аэробикой Джейн Фонда. У тебя еще нет видео?

— Нет. Аэробику не видел, но порнофильм в порядке живого интереса лицезрел. Эффектно снято, ничего не скажешь...

— Мне кажется, я бы не смогла смотреть даже одна... неловко, стыдно.

— Стыдиться нечего. Там мало нового. Как говорят в Китае, есть четыре основные позы и двадцать четыре производные от них... вот и вся механика.

«Тихая» в последние два года стеснялась показывать ему свои упитанные ляжки, пышную, свисающую к овальному животу грудь.

— Все, — она, уже в одежде, села на краешек старой, скрипучей тахты.

«Да. Она подурнела», — подумал Любомир. Впрочем, она ему никогда особо и не нравилась. Подкупала безотказность и обязательность. Удивительно, но добиралась она к месту свидания всегда на общественном транспорте и никогда на такси. «Извини, я задержалась». Иногда он почти волевым усилием клал ей в ладонь три, пять рублей: «Прошу. Следующий раз приезжай на такси». — «Хорошо», — отвечала она и ехала автобусом, добиралась троллейбусом. Она панически боялась садиться в такси, помня доверительный рассказ подруги, которую однажды один наглый таксист вывез за город к лесной зоне, изнасиловал и, пригрозив физической расправой, отвез к черте города. Преодолев испуг, женщина об этом чудовищном случае только «Тихой» и поведала. К нему у нее никогда не было никаких просьб: вывести в люди, сходить в кино, появиться на премьере в театре, попасть на открытие выставки модного художника. Он сомневался, а бывает ли она вообще где-нибудь, кроме института, дома, поликлиник и магазинов? По выходным дням она, правда, ходила на курсы кройки и шитья в Дом культуры, со временем оставила это, записалась на курсы по вязанию в другой Дом культуры у черта на куличках, ездила полгода туда, но оставила и это кропотливое ремесло. Слабовольная, она не могла долго придерживаться рекомендаций (французских, польских, американских) по рациону питания. Голодание ее обычно прекращалось на второй день. Всякий раз, когда они расходились в спешке, почти как чужие, ненужные друг другу, она на остановке троллейбуса, как заклятие, повторяла одни и те же слова: «Следующий раз ты меня не узнаешь. Сажусь на жесткую диету. По рецептам тибетских монахов. Стану как балерина. Ты позвонишь?» — «Не обещаю. Если выкрою свободное время».

Сухими губами он прикладывался к ее горячей пухленькой щеке и уходил, не обращая внимания, что она, стоя у окна троллейбуса, еще долго глядит ему вслед.

«Пора завязывать. Ни уму ни сердцу», — с грустью размышлял он. Ведь если, не дай бог, узнает об этой никчемной связи Камелия? Разрыв, скандал, развод... при ее-то повышенном эмоциональном запасе. Обидно. Ведь не докажешь, что все пустое, полумертвое. Пора завязывать. Без сомнения, «Тихая» в контрасте с «Капризной» — надежный и преданный партнер. Взбалмошный, экстравагантный экскурсовод городского бюро по туризму, тридцатипятилетняя «Капризная», с которой он познакомился в том злосчастном турне по Карелии, являла собой полную противоположность «Тихой», но в крайностях была на нее похожа, как близнец. «У меня самая красивая грудь в Минске. Об этом говорят все без исключения. Надеюсь, ты не станешь отрицать. И не надо, как голливудские звезды, запускать под кожу силиконовые имплантаты. Все естественно. А талия? Семьдесят пять сантиметров. Следующий раз ты меня не узнаешь... Будет шестьдесят шесть, как у дочери английского миллионера». Желание быть на виду, в центре всеобщего внимания, желание флиртовать, казалось, и составляло основу ее сущности. В этих своих целенаправленных деяниях она проявляла капризность, находчивость, хитрость, во всем остальном мир воспринимала на уровне человека, который

после многих лет вышел из джунглей. Непосредственность, глупость, с которой она давала оценки всему, что происходило вокруг, доводили его подчас до гомерического хохота. Она умиляла детским наивом и все сводила к одному понятию: сколько произведено, сколько потреблено и как легко все и хорошо там, за бугром. Пиком ее мечты было найти недалекого, доверчивого умом еврея и эмигрировать с ним в Канаду.

«Трудно будет тебе найти среди евреев такого простофилю. Они люди умные». На что она, хитро прищурив свой глаз, отвечала: «Поймаем. Каждая нация имеет своего дурака. Авось найду. А пока дай поцелую тебя в последний раз», — и она повисала у него на груди.

Это «в последний раз» было ее неизменным ритуалом. Она боялась разбиться в аварии, обгореть, умереть, напиться и не проснуться (жаловалась на сердечную аритмию), просто забеременеть. Он искренне жалел, что так неосмотрительно, поспешно и глупо вступил с ней в постыдную связь без любви и страсти, да отступать было некуда. Раздробилась, измельчала сила воли. Правы французы: изменив один раз, изменишь не однажды. Иногда ему хотелось завыть от ее назойливости... но при первых же ее страстных, жарких поцелуях (а зацеловывала она его всего) он прощал эту «обезьяну».

Возвращаясь в условленное место, куда должен подогнать к назначенному часу «Волгу» «извозчик» Фомич, Любомир лоб в лоб столкнулся со своим бывшим однокурсником, давнишним товарищем-другом Вовиком Лапшой. Давно не виделись. Даже обнялись.

— Старик, ты с машиной?

— Да.

— Подбрось к исполкому. Свое дело пробиваю. Я, друг, решил порвать с советской журналистикой. Ухожу из молодежной газеты.

— Напрасно. С твоим талантом в наши дни... Сейчас пришло время публицистов, фельетонистов, журналистов. Бывают времена вождей, пролетариев, летчиков, физиков-атомщиков, космонавтов, и вот черед нашей братии.

— Вот именно, братии. Кликуш, которые провоцируют гражданскую войну. Мое дело вне политиканства, вне национальности. Звони. А то, как погляжу, возгордился, когда стал вхож к секретарям ЦК.

— Я все прежний. Ты ведь меня знаешь.

— Озабочен, как погляжу. Растворился в себе. Неприятности? — Вовик по-ленински, грациозно погладил свою лысину.

— Нет. Весенняя усталость. Хандра.

— Шебурши, старик. Спеши жить, радиация так бесследно не проходит, она укоротит нам жизнь годков этак на пять, десять. Благодарю. В общем, звони, — Вовик выпорхнул из машины и засеменил к крыльцу исполкома.

— Куда? — спросил в нос гладко упитанный, так и хотелось сказать, похожий на боровик, Фомич.

— Домой.

Он обещал жене, что сегодня появится дома после обеда, словно заранее чувствуя, что ожидает его неприятный и непростой разговор с ней. Примерную схему предстоящего выяснения отношений он представлял; сценарий в последнее время не претерпевал изменений, пожалуй, в одном: жена стала менее ревнива, не так дотошно, как в молодые годы, контролировала его свободное время. Его Камелия была красива собой, правда, красота ее носила оттенок строгости, недоступности... Она была горда, чрезмерно горда.

— Скажи мне, ты влюблен? Признайся. Я отпущу, если она лучше меня. Ты влюблен? — допытывалась при всяком удобном случае и без оного.

Он криво улыбался, оставаясь внешне невозмутимым.

— Ты влюблен? — уже настаивала именно на положительном ответе она.

— Да я забыл, что такое слово есть... «любовь», — ответил он.

— В таком случае выходит, что ты и меня больше не любишь? — по ее карим глазам пробежала искра нервозности.

— Это разные понятия, несоизмеримые вещи: любовь в семье, любовь вообще, любовь к жене. Я принадлежу тебе, значит, по-прежнему люблю, — изворотливо начал он. Это ее раздражало.

— Все. Закончим. С тобой все ясно. Терпеть не могу твои философствования. Я чувствую, ты отдалился от меня душевно.

— Не будем муссировать бесконечную проблему «муж, жена и любовь». Я просто устал душевно... ты правильно определила. Не хочу искать смысл понятий и их реальных проявлений. Будем, пока нечто объединяет, жить, просто жить.

— Да. Тебя на откровение всегда не хватает.

— Хорошо. Я не влюблен! Ты довольна? — процедил он сквозь зубы.

— Довольна. Напиши сыну, — быстро перевела она разговор на свою больную тему.

С горечью он подумал, что у него даже желание влюбиться отсутствует. Это стресс, депрессия. Вот и ушлый Вовик заметил, что у него мерзкий, угрюмый вид человека, который завидует тем, кто в могиле. Позвонили. К телефону, по счастливой случайности, подошел он. Звонила «Капризная» и через отработанный пароль назначила «жизненно необходимое» для нее свидание. Она, действительно, в экстренных случаях звонила домой. Обычно донимала его переливанием из пустого в порожнее по телефону в служебном «офисе».

Камелия, которая никогда доселе не интересовалась его телефонными разговорами, на этот раз спросила:

— Кто звонил?

— Ошиблись номером.

— Что-то часто стали ошибаться. На столе ручка и бумага.

— Ты же знаешь, у меня уже аллергия к этим орудиям растления духа. И потом... только вчера ты говорила с сыном по телефону.

Артем служил на границе в Бресте. В дни призыва она вся извелась: так было ей страшно отпускать единственного сына, пугал трагическими вестями Афганистан.

— Напиши. Он любит получать письма. Дед, отец твой, каждую неделю пишет.

— Ладно. Напишу. После программы «Время».

— Ты теперь уже как партийный босс, не можешь заснуть без программы «Время».

Оставшись одна, без сына, Камелия остро почувствовала вдруг свое одиночество, отчужденность, ненужность. Любомир понимал ее состояние и, странное дело, ничего не предпринимал, чтобы хоть как-то облегчить на первых порах разлуку, поднять жизненный тонус. Она искала любой повод, чтобы хоть чем-то занять свое свободное время, ибо работа не шла. Камелия еще на последнем курсе, когда они с Любомиром первыми из группы расписались, успешно переквалифицировалась в очень толкового музыкального критика: сказалась ее детская любовь к музыке, какое-то мистическое обожествление мировых корифеев Верди, Мусоргского, Моцарта, Баха, Чайковского. Это ей, исключительно ей, он обязан и своим приобщением к чарующей бессмертной классике. Правда, поначалу ему, поклоннику песен Высоцкого и

дешевых быстро проходящих эстрадных шлягеров, было мучительно тяжело высиживать с ней по два часа в филармоническом зале на концертах именитых гастролеров. Но что не вынесешь, не вытерпишь, чтобы покорить сердце такой недоступной красивой студентки?

Трижды за время службы сына он брал редакционную «Волгу», и они ездили проведать его, дважды Камелия ездила по собственной инициативе на поезде. Он не понимал ее благоговейного, болезненного материнского чувства к уже достаточно взрослому парню.

— Пиши, — настаивала она. — Программа закончилась.

Он молча, но резко, размашисто сел за пишущую машинку и нервно начал выстукивать первые слова письма. Минут через десять спросил у нее:

— Прочтешь? Может, хочешь что-нибудь добавить?

— Пусть не смеет уходить в самоволку.

Он запечатал конверт и оставил его на столе.

— Спрячь в дипломат.

Случалось, он забывал опустить письмо целыми днями.

Через минуту она выскочила из ванной, закрылась на кухне, хлопнув дверью. Любомир, приглушив на всякий случай звук телевизора, проверил в ванной краны: ни холодной, ни горячей воды не было. Знакомая и, увы, частая картина. После девяти к ним на пятый этаж вода не поступала. Он взял два ведра, спустился на второй этаж к соседке и, лелейно извиняясь, попросил воды, принес, открыл на кухню дверь.

— Сделай хоть это для семьи. Позвони в водоканал, представься!

— Бессмысленно. Надо уходить из хрущевки, получать новую квартиру.

— Десять лет простоять в очереди. Мне смешно.

— Почему же. Шеф обещал помочь. Всем собкорам «Известий», «Труда», «Советской культуры» в первый же год улучшить жилищные условия.

— Меня не интересуют другие. О чем ты думаешь?

— Да как-то ни о чем.

— Вот именно. Ты принес мне два ведра холодной воды.

— Извини.

Он спустился уже на третий этаж, к другой соседке-пенсионерке. Долго звонил. Сонная и недовольная, она открыла дверь. Извиняясь и не переставая заранее благодарить, он попросил ведро воды. Подождал, пока она медленно что-то убирала из ванной в корзину и ящик для белья.

«Да... все аукнется, — с горечью подумал он, вновь садясь к телевизору, — пощипал когда-то городские власти... запомнили... Трудно будет выбить квартиру, однако и ждать нет смысла. Завтра же после встречи с «Капризной» навещу мэра. Все не ладно и не складно. Пустой, никчемный день, из которого нечего и запомнить».

Приблизительно в этот же самый день, тремя часами раньше угрюмый, уже на подпитии, столяр ЖЭСа № 22 вставлял в дверь квартиры нововыдворенного на пенсию Николая Ивановича Барыкина дополнительный (третий по счету!) врезной французский замок.

— Вы шо, батя, наследство в Америке отхватили: мильенщиком стали, аль кооператив организовали?

— Пора уже пенсию советскую охранять, не только миллион, — угрюмо ответил Николай Иванович.

Столяр торопился, еще до начала работы он краем глаза заметил на кухне бутылку пива. Это была типичная, стандартная однокомнатная хрущевка на

третьем этаже пятиэтажки, стоящей в глубине двора, вдали от шумной улицы, окруженной кустами сирени и жасмина. Впрочем, новому квартиросъемщику было безразлично, какой ландшафт вокруг дома. Спешил с разменом. Забрал себе тахту со старым выцветшим пледом, небольшой книжный шкаф, в котором не уместились все книги и потому лежали хаотично в двух углах, рядом с ними стоял на полу большой портрет хозяина квартиры. Фотографировали, очевидно, в День Победы на Круглой площади. У Николая Ивановича торжественный вид, он в сером костюме, при орденах и медалях. Портрет ему понравился, закрепил его под стекло в рамку из позолоченного багета. Грешным делом подумал: «Лучше и не придумать, когда помру, это фото впереди гроба и понесут». Цветной телевизор «Горизонт» оккупировал своей массивностью весь угол возле узкой балконной двери. Словоохотливый столяр разговорился:

— У меня один клиент давеча всплыл. Музыкант. Вырвался на гастроли в Италию через посредничество одного польского еврея, нахапал там на халяву видеоаппаратуры, телефонов, барахла разного, так одурел от испуга. Вторую дверь вставил и обил жестью. Замки ни хрена не держат. Дверь из плитки легко вышибают плечом. Лучше укрепить рамы проема. Тут до вас семья жила. Трое детей, каждый месяц ключи теряли. Я замудохался замки менять. Живого места не было. Вам повезло. Как ветерану новую дверь поставили.

Николай Иванович слушал молча, подавал столяру то отвертку, то молоток.

«Видать, этот долго не протянет... руки дрожат... задыхается вроде. Подтеки под глазами... как от базедовой болезни все равно. Нездоровый вид у человека. Оплошал. Надо было бы ему подлатать до вселения старую дверь, а новую загнал бы в седьмой подъезд учительнице. Скупердяй, не иначе. Бутылкою пива отмахнется, червонца не даст, уж точно. Бутылки пустые, все больше из-под минеральной воды да молочные. Язвенник, поди, хронический. Хоть бы трояк урвать, и то день не пропал».

— Сетку на кухонную форточку ставить будем? В соседнем подъезде случай был... через форточку в квартиру пролезли, обчистили обэхээсника, что смешно, на тысяч пять.

— Не будем.

— Понятно. Вам повезло. Не первый этаж и не последний.

— Да. Повезло, — тихим усталым голосом ответил Николай Иванович, проверяя качество работы.

— У меня, как у немца, брак исключен.

Николай Иванович все же основательно проверил надежность и исправность замка.

— Спасибо. Хорошо.

Не успел столяр произнести свое традиционное «спасибо на хлеб не намажешь», как Барыкин, глядя в его просящие глаза, опередил желание, протянул десять рублей. Столяр расплылся в улыбке.

— Обращайтесь. Там перила на балконе подгнили. Заменим. Я с девяти до одиннадцати всегда в ЖЭСе. Стекло в кухонном окне треснуло. Через две недели достанем, — взглянув на часы, довольный столяр, забыв про пиво, заторопился: он еще успевал в ближайший винно-водочный магазин.

Николай Иванович запер за ним дверь на все три замка, подошел к окну в кухне, взял старый, со времен, очевидно, войны бинокль и приставил к слабеющим глазам, приближая новое ограниченное отныне пространство. В детский сад спешили в скромных одеждах уставшие женщины, торопливо разбирали своих детей, пролезая с ними через дыры в заборе. Спешили

врассыпную к торговому двухэтажному центру и к остановке автобуса. Это похоже было на выход людей из бомбоубежища. У пивного ларька толпились мужики, пили пиво, стоя у ограды детского сада, на ступеньках крыльца, ведущего к сапожной мастерской, пили, не отходя от бочки, и у газетного киоска. Два негра пили пиво, сидя у огромного котла, в котором утром варили смолу для заливки крыши соседних домов. Слева от пивной бочки у грязно-коричневых мусорных ящиков, переполненных мусором, дети жгли костер, дразня попутно пьяную бабу, которая никак не могла дойти до очереди за пивом. Дети разогревали на дощечках смолу и гонялись друг за дружкой. Никто их опасную забаву не пресекал. Двое мужиков в коричневых куртках из болоньи, прикрывая один другого корпусом, не стесняясь женщин, стоящих в очереди за крестьянской колбасой, мочились прямо на колеса платформы, на которой крепились бочки с пивом. За школой, которая утопала в зелени, подсвеченной золотом заходящего солнца, одиноко, словно обиженный высотными зданиями, возведенными с трех сторон, рос красивый сосновый лесок. Это, пожалуй, единственное, что радовало глаз Николая Ивановича, по воле судьбы попавшего в этот чужой, далекий от центра район города. Он отложил бинокль, сел на тахту, взял в руки газету, да поленился подойти к телевизору за очками, отложил газету. Все. Вот он и остался один в своей квартире и в своем противостоянии, противоборстве с обидчиками.

Совсем недавно, в январе, он с женою скромно отметил свое шестидесятилетие. Единственная сестра по старости да болезни не приехала из Ленинграда. Был товарищ с женой по теперь уже прежней работе в Институте экономики, в котором кандидат наук Барыкин двадцать пять лет добросовестно читал лекции, да племянница-медсестра, с которой он поддерживал больше джентльменские, нежели родственные отношения. Вечер не был помпезным, но удался. Они с женою скрыли от присутствующих свой разрыв, стремительно двигаясь к быстротечному разводу и размену жилплощади. Тяжбу со своим главным врагом — он не боялся охарактеризовать таким крайним словом человеческих взаимоотношений ректора института Константина Петровича Злобина — он проиграл вчистую. Однако, если судить по той спешке, активности, оперативности, с которой его выдворили на пенсию, он представляет для них если не прямую опасность — для апофеоза карьеры и приближения к высшей власти — то, вне сомнения, заметную, ощутимую помеху. Было вот только досадно, что его вторая жена, преподавательница немецкого языка в техникуме торговли Роза Мефодиевна, не выдержав кошмара этих последних пяти лет, устранилась, предала его. Они прожили, часто прощая друг другу несовершенство характеров, неполных семь лет, в меру сил помогая семье ее сына от первого брака и семье его дочери, живущей в Новополоцке. Было бы ошибкой думать, что в начале его конфликта с всевластным ректором Роза Мефодиевна самоизолировалась и не интересовалась ходом дела. Временами даже, вникнув в суть, она негодовала, упрекала супруга, которого беззастенчиво и нагло втаптывали в грязь, унижали и преследовали. Она, воспитанная в традициях «справедливости» законов при социализме, была уверена, что муж выйдет победителем.

Да правду в народе говорят: когда нет обороны, клюют сороки и вороны. А тут еще неурядицы в семье: сын оставил жену, ушел к другой женщине. Издерганный вконец тотальным преследованием, постоянным прессингом, сдал Николай Иванович, впервые обратился к психиатру за консультацией. И жена постепенно разуверилась в его правоте. Ведь если за столько лет ни одна дверь, в которые он стучался, не открылась, выходит, нет полной правды и объективности у Николая Ивановича. Когда же и ее фамилию некто неви-

димый нагло вычеркнул из состава делегации на поездку в Японию, женщина поняла, что и она попала в немилость к «власти предержащей». У мужа участились бессонные ночи, которые и у нее вызывали неврозы. А тут еще слезная телеграмма от дочери. Девушка вышла замуж на последнем курсе института и уже получила распределение на пятом месяце беременности. Приехали с молодым, несмелым мужем-очкариком, полные надежд и радости от наступившей самостоятельности и предстоящего рождения первенца. Администрация, узнав, что до родов осталось три месяца, под любым предлогом, изыскивая всякие глупые и наивные причины, не оформляла в штат новоиспеченного специалиста. Кадровик пренебрежительно — был заносчив и хамоват — бросил в лицо непонимающему инженеру: «Нам такие специалисты не нужны. Уйдете в декрет, а кто за вас работать будет? Одни убытки». Дочь со слезами в голосе каждый вечер звонила отцу в столицу, просила совета. Наконец он надел свой пиджак с орденами да медалями и подался в Новополоцк учить зарвавшихся бюрократов чести и человеколюбию. Любил это слово — «честь». Как память о своем предке, офицере царской армии. Дочь оформили на работу, предоставили комнату в общежитии, он, казалось, одолев «забронзовелых», должен был возвратиться в приподнятом настроении и с новыми силами к основной борьбе, но приехал усталым, подавленным, в расстроенных чувствах. Все меньше между ним и женою оставалось понимания, сочувствия, такта, все больше и больше рождалось нервозности, равнодушия, провоцировавших озлобленность и нетерпимость.

Роза Мефодиевна, к слову сказать, никогда и не испытывала особой радости от повторного брака. Николай Иванович показался ей человеком незаурядным, и во всяком случае, не эгоистичным.

Ах, если бы не это славянское упрямство, прямолинейность, это нежелание пойти даже на самый незначительный компромисс. С возрастом у него прямо до болезненности разрослась воинственность, жажда справедливости и правды. Как он не поймет, что человек по природе своей пока не способен жить в гармонии с обществом? Она втайне от него даже консультировалась с известным астрологом, футурологом, экстрасенсом.

«Вне сомнения, движение планет не способствуют вашему душевному согласию». Она мечтала после пятидесяти лет наконец-то воплотить в жизнь свою мечту о путешествиях в далекие Китай и Японию, на Ближний Восток или хотя бы в страну тюльпанов... но вынуждена была томиться в четырех стенах. Он оказался тяжелым на подъем... а после всего случившегося и мысли не допускал о возможности путешествия. «Жить, присутствуя рядом и не присутствуя в жизни, тягостно, однообразно и скучно». Она проклинала тот день, 8 марта, когда согласилась на брак. Вскоре нашелся, к облегчению обоих, повод: ее сын не ужился со второй женой и перешел временно жительствовать в их двухкомнатную квартиру. Ту квартиру, которую получала еще Роза Мефодиевна, он благородным жестом оставил первой жене и ребенку. Мать жалела непутевого сына, прощала все его грехи и скандальный характер. Боялась одного: только бы не спился, как его покойный отец, который тоже был нрава шаткого. «Брак чаще напоминает горящий бикфордов шнур, нежели канат, который указывает двоим дорогу в райский сад». И развод, и размен квартиры — все предложил он, Николай Иванович. Оба в тот вечер вздохнули с облегчением. Она охотно, с хорошим настроением, помогла ему переехать, просила звонить, держать ее в курсе всех дел. Больше порог его комнатушки она никогда не переступала. Оставшись один, он невзначай подумал, что вот так ведь можно нанять наемных убийц и спокойненько придушить его в постели. И вот уже больное воображение рисовало ему угнета-

ющие душу картины физического насилия. Неужели партия, членом которой он состоит с тысяча девятьсот сорок шестого года, не защитит его попранные честь и достоинство?

Любомира Горича он «вычислил» давно, когда тот смело и доказательно вел бой на страницах «Литературки» с властолюбиво-жестоким председателем одного колхоза. И разбудил-таки запуганный до смерти колхозный люд: как ни удерживали, ни спасали своего ставленника и выкормыша аппаратчики всех уровней и рангов, пришлось деспоту и самодуру покинуть хозяйство навсегда. Этот случай запомнился Барыкину, да и другие хлесткие статьи-обвинения в коррупции, казнокрадстве, превышении власти, подписанные его именем, он уже не пропускал. Оказавшись на краю пропасти, Николай Иванович решил только Горичу открыть свою боль. Тянуть дальше было бы непростительно. В стенах родного института, в коридорах минвуза, в кабинетах парткомов, райкомов, в прокуратуре, в апартаментах ЦК уже черной змеею полз ядовитый слух о его якобы психическом заболевании. Он будет и на этот раз хитрее. По наущению невидимого «дяди» психоневрологический диспансер назойливо предлагает ему пройти стационарное обследование. Наивные простаки. Им очень надо всеми правдами и неправдами поставить его на учет, и тогда уже сам Бог не вмешается. Он привезет им диагноз. Благо такая возможность есть. Он отправится в московскую клинику им. Кащенко к профессору Снежевскому и привезет диагноз от независимых экспертов. А пока как воздух нужна встреча с Горичем. Не дай бог ошибиться. Неужели и он, бескомпромиссный страж совести, единственный белорусский журналист-следователь, журналист-первооткрыватель, поборник правды и истины, ретируется и не вызовется ему помочь? Настораживало только то, что он третий раз переносит время встречи. Успокоил себя тем, что ждать осталось недолго: неделю.

II

В тот же самый день, когда униженный и оскорбленный Николай Иванович собирался в Москву на Дмитровское шоссе, а Любомир Горич маялся в предчувствии неприятностей (не подозревая, что судьба уготовила ему встречу с женщиной), ректора Института экономики пригласил на званый ужин в цековские дачи, обнесенные высоким зеленым забором в лесном массиве Дрозды, новоиспеченный второй секретарь Центрального Комитета Компартии республики Иван Митрофанович Горностай. Он переехал в небольшой деревянный двухэтажный дом, еще пахнувший свежей краской, совсем недавно. Не верилось, что он, пройдя путь от рабочего, инженера, секретаря парткома, горкома, обкома, к шестидесяти годам достиг желаемого благодаря подвижнической жизни партийного лидера, знающего людей, выделяющегося на общем фоне не только внушительным ростом, но и своей практичностью, даром проводить в жизнь нужные идеи, что заметно отличало его от других «теоретиков», «бумажных дел мастеров», «кабинетных крыс» и ортодоксальных «болтунов-демагогов». Он-то и смысла слова этого «ортодоксальные» не знал толком, но хозяйскую жилку в характере имел. Все ждал своей очереди. Всегда коробило, что менее способные, бестолковые пробивались к номенклатурным благам и высотам раньше. И вот свершилось! Историческая сорокаминутная встреча-утверждение у самого Михаила Сергеевича Горбачева, чью идею перестройки Иван Митрофанович воспринял безоговорочно и с вдохновением, потом утверждение на пленуме. Теперь обратной дороги

нет: могут только повысить до первого или (что нежелательно) отправить на пенсию. Имея техническое образование, он тем не менее может ориентироваться в гуманитарных науках, в культуре и искусстве (тут больше по подсказке), блестяще знает историю партии и основополагающие цитаты да идеи классиков марксизма-ленинизма. И уж конечно, четко ориентируется в социальных вопросах, в умении укреплять слабые места надежными партийными кадрами, в быту скромен и, как говорится, «без жажды не пьет, а если по нужде и пьет, то мало». Только одно беспокойство сидело занозою в его сознании: абсолютное отсутствие ораторских способностей. Без бумажки проклятой ни в туалет, ни на трибуну не ходок. Это природное неумение отца долго и свободно импровизировать на заданную тему переживала вся семья: жена, бывшая учительница, а нынче, как большинство жен высокого начальства, домохозяйка, дочь-архитектор и старший сын, которого он успешно переправил в столицу, в международный отдел комсомольского «Спутника». Дочь пробовала давать уроки ораторского мастерства, и он охотно согласился, потом пробовал заучивать текст — тщетно. Чтобы запомнить страничку, он должен был зубрить ее весь рабочий день. Пробовали пересказывать написанное. Что-то получалось, но опять сбивался, терялась логика, торжествовал сумбур, из вроде правильных слов не складывались умные мысли.

Жена, проявляя смиренную покорность, успокаивала: «Погляди на остальных. Не всем дано так хлестко рапортовать, как несостоявшемуся адвокату Горбачеву. Леонид Ильич никогда отсебятину не нес. Андропов — пример педанта, вот тебе идеал, всегда выступал по написанному. Уж какой артист был наш покойный Петр Миронович, который и тебя приметил, трубадур, а вот ведь не рисковал на огромной аудитории импровизировать. Так, в своем кругу, на мелком совещании красовался. Пост обязывает. Одно лишнее слово, одно неправильное предложение — и уже не тот акцент, повод для домыслов, не та трактовка событий. Уж лучше по бумажке. Во сто крат надежнее.

— Мама, выступление — это одно. А ему теперь на вопросы надо толково, грамотно и умно отвечать.

— А он будет избегать вопросов или отвечать на них письменно.

— В наше время это уже невозможно, — дочь была рада выдвижению отца и очень переживала за его имидж.

— Умно, говоришь, надо. Этого у меня не отнять. Ответить могу похлеще Хрущева. Наложу запрет на местное телевидение: ответы руководителей не показывать, пусть их пересказывает диктор.

— Лучше не насиловать себя, лучше по бумажке. Можно утверждать идеи Горбачева, но с разной степенью темперамента и умения, — рекомендовала хорошо поставленным голосом бывшая учительница.

— Мама, — не могла успокоиться вспыльчивая, худая, высокая дочь, — нам надо повышать культуру слова. За трибуной он горбится, скован, такое ощущение, что долго вчитывается в текст, комкает слова, глотает окончания и говорит в нос. Теряется все: и смысл, и общее впечатление.

— Он не артист и не диктор радио, — раздраженно ответила мать, — внимательно просмотрела отчет с партийного собрания в Союзе писателей и объединенного пленума творческих союзов, и эту... встречу с работниками высшей школы. Муха не пролетит. Все внемлют. В рот готовы заглядывать. Уважают.

— Просто папа новый человек, — стояла на своем упрямая дочь, — люди надеются, что с его приходом все изменится к лучшему. Своеобразный кредит доверия.

— Мать, не обижайся, но дочь права. Она чувствует дух времени, она из нового поколения. Надо учиться всю жизнь. Грош мне цена, если я засто-

порюсь и забронзовею. Все. Идите, встречайте Злобиных. Как говаривал когда-то мой дед-крестьянин, «не возьмем умом, возьмем силою», — и он залихватски подмигнул жене.

Первым на новоселье был приглашен доктор наук, профессор (ах, как он любил сочетание этих слов), с которым вместе работали в Совмине еще в конце пятидесятых, Константин Петрович Злобин, за семьей чопорный сановник Горностай послал служебную «тридцать первую Волгу» с угрожающим номером «00-13 МИД». После беглого осмотра комнат, ландшафта вальяжный Иван Митрофанович подвел приятеля к окну кабинета и указал пальцем в сторону двухэтажного кирпичного особняка, который виднелся за редкими соснами метрах в восьмидесяти от них.

— Ну вот, Костя, и приблизились к последней баррикаде. Это дача хозяина. Там все автономно. Своя обслуга: кухарка, уборщицы, киномеханик, охрана. Ему неуютно там после аварии... хоть и не по своей вине, как ты знаешь, а прошляпил вовремя проинформировать народ. Сбежит в Москву. Да на духовного отца партии и нации он никогда и не претендовал, упаси бог. Я знаю себе цену, не стану претендовать тоже, но предтечей быть осилю.

— Я, Ваня, никогда не сомневался и не сомневаюсь и в твоем таланте руководителя, и в твоей силе воли, — густым баритоном ответил Злобин и для большей убедительности свел на переносье густые, похожие на зубные щетки, черные брови.

Странные у них были отношения: при всей видимости неразлучной дружбы, втайне они словно соревновались, до вспышек ненависти завидуя продвижению по служебной лестнице и успеху друг друга. До конца откровенными и искренними они не были никогда. Хуторской, скрытой, единоличной, эгоистичной замкнутостью веяло от временных владельцев дроздовских дач. Этого не мог не заметить наблюдательный ректор. Чувство «второго хозяина», а на своей территории и первого, заговорило в Иване Митрофановиче сразу и властно. На глазах поник духом тщеславный и самолюбивый Злобин, исчезла с широкого круглого лица вечная лукаво-ироничная ухмылка. Иван Митрофанович обошел его, а при нынешней нестабильности, перетасовке кадров действительно может оказаться в кресле первого секретаря! О времена, о нравы! Злобин всегда считал себя на порядок выше и талантливее Ивана Митрофановича. Как блестяще выигрывают его жена и дочь по сравнению с женщинами второго секретаря. Не угнаться этой блеклой росомахе. Тешило ректора, что он одел своих во все импортное и модное. Наряды у супруги и дочери Горностая роскошные, дорогие, но выглядят на упитанных, раскормленных фигурах аляповато, безвкусно, как на пугалах. Спесь и надменность выросли как на дрожжах. Особенно у матери: даже походка стала, как у гусыни. «Хорошо, что мои не робеют, не конфузятся, — мысленно похвалил он своих, — у власти постоянный минус — она всегда временна». У него в перспективе член-корреспондент, академик — это стабильно, это остается в истории. А параллельно, если захочется утереть нос Ивану да хорошенько ввязаться в политику, то нетрудно будет догнать его.

Они бродили вокруг дачи, стараясь угадать сокровенные мысли друг друга. А в принципе, они были людьми одного поколения, надежно воспитанными одной системой, и нуждались один в другом. Иван Митрофанович, сколько себя помнит на партийных постах, всегда отвечал за кадры. Злобин подбирал, ковал, растил и воспитывал эти самые кадры. Расставляя их, пеклись не только о верности и преданности «основополагающей и направляющей роли партии», но и чтобы верно служили своим благодетелям, доморощенным патронам. Много, бессчетное количество лиц, возглавляющих по всей республике пар-

тийные и хозяйственные органы, прошли сперва через институт Экономики, его аспирантуру и курсы повышения квалификаций, и уже после присовокупили дипломы об окончании партийной школы. Влиятельные посредники, несгибаемые руководители, они шли в одной связке давно и надежно.

— Я тебе, Константин, наш буфет не показываю. Тебя, гурмана, удивить нечем.

— Почему? А финский чернослив с орехами? А ликеры? Китайская тушенка, сушеные бананы, — вмешалась жена Горностая.

— Нототения горячего копчения, — горделиво добавила дочь.

— Мать, вы забываете, что всех директоров магазинов и баз учил Константин Петрович. Но что хочу отметить: у нас тут полная демократия. Свой ли ты, гость ли, переступил порог дачных ворот, покупай в буфете что душа желает. А воздух? Чувствуешь, как сосны озонируют? Перенаселения нет, как видишь, скученность повсеместная отсутствует. Секретари ЦК и заведующие отделами... вот и вся сановная публика. Охрана дежурит безотлучно.

Всегда настороженные густо-коричневые глаза Злобина успевали видеть и замечать все: заколку в волосах жены друга, зад буфетчицы, которая на минуту выскочила из деревянного домика, выкрашенного в ярко-зеленый цвет, наполненные кичливостью и недоброжелательностью лица жен бесталанных, как он считал, клерков из высших эшелонов власти, пребывающих на седьмом небе даже от таких, в сущности, примитивных в сравнении с Ротшильдами да Хаммерами земных благ, но завидных и недоступных для простого смертного, добирающегося на работу тремя видами транспорта. Жена Горностая с радушием принимала гостей за богатым обеденным столом.

— Полощите рот коньяком, чтобы не было парадонтоза, — шутил, будучи в радужном настроении, Иван Митрофанович, поглаживая рукой стенку камина, украшенного изразцами. — А после обеда приглашаю вас всех посмотреть закрытую итальянскую комедию. Как называется, дочка, подскажи, запамятовал, — разливая коньяк, вещал Иван Митрофанович.

— «Безобразные, грязные, злые», — подсказала дочь.

— Вот-вот. С переводчиком.

Выпили за новоселье, здоровье присутствующих, новую должность, успех перестройки.

— Тут без меня кино не начинают. Отработанная система. Пока второй порог кинозала не переступлю, свет не гасят.

— Все, что крутят на закрытых просмотрах в Доме кино, показывают и у нас, — прихвастнула дочка.

— Такие шокирующие своей вульгарностью фильмы неловко смотреть, сидя рядом с детьми. Антипедагогично, — искала сочувствия у жены ректора жена Ивана Митрофановича.

— Мы их и не пускаем в широкий прокат. Массовый зритель еще не дорос до такого откровенного восприятия действительности, — успокоил свою хранительницу нравов Иван Митрофанович.

Отобедали в удовольствие. Не торопились. Пили кофе, разливая оставшийся на дне бутылки коньяк в кофейные чашечки. Шустрый, настороженный (а вдруг не придет «хозяин») киномеханик торговал билетами у входа в продолговатый, как амбар, клуб. Завидя приближающегося шефа с гостями, притворно-приветливо заулыбался.

— Чем угощаешь сегодня?

— Классная итальянская комедия, — отрапортовал киномеханик, приняв угодливый вид.

— Итальянцы — народ веселый. Умеют делать комедии. Особенно этот, которого мы последний раз глядели... Феллинчик, — решил удивить своей киноэрудицией Горностай.

— Феллини, — поспешил поправить киномеханик и пулей юркнул к себе в пристройку-аппаратную.

Фильм, может быть, несколько и шокировал присутствующих своими откровенными эротическими сценами (правда, с юмором снятыми), но в целом аудитории понравился. Иван Митрофанович в знак благодарности лично пожал руку уставшей и вспотевшей от волнения переводчице. Прибежал и киномеханик за своей порцией похвалы.

— Молодец. Такие фильмы заказывают через Матвеева, а то на наших впустую время теряем. Ни уму ни сердцу. Думаю, у нас на «Беларусьфильме» и режиссера не найдется, чтобы так смело, правдиво и смешно снять.

— Может, и найдется, но дадут ли? — заметил Константин Петрович.

— Большой талант прошибает любые запреты, я так думаю и лично буду поддерживать свежие идеи и любую творческую инициативу, — резюмировал Горностай. — Вы похлопочите там насчет кофе. А мы с Петровичем погуляем. И пусть подадут ликер.

Неохотно вступал в свои права теплый вечер. Дышалось легко. Настроение было приподнятое.

— А может, давай, Константин, ко мне в аппарат. Возглавишь отдел науки и учебных заведений, и я буду увереннее себя чувствовать. Не торопись с ответом. Знаю твою осмотрительность, осторожность, умение просчитать будущее. Теперь время работает на нас. Подумай.

— И думать не буду. Благодарю тебя за предложение. Полагаю, оно высказано в порядке вежливости. Приближаемся к седьмому десятку... вспомню — оторопь берет... страшные годы. Под занавес природа ничего не рекомендует менять.

— А как же перестройка? Лидер призывает всех в корне изменить отношение к жизни, к себе.

— Мужик он башковитый, может, не совсем дальновидный, но ловкий. Лучше партийцам самим вовремя очиститься, нежели ждать, когда придут голодные и злые дворники и выметут метлою из кабинетов. Теперь вам труднее... нельзя жить дальше, создавая видимость работы. Два пути: или партия в конце концов откажется от руководящей роли в обществе, или самораспустится, или видоизменится... не знаю... так чувствую. Я не против перестройки, но у меня всегда есть на все собственное мнение.

— Хорошо. Назови мне надежную силу, кроме партии? Крестьянство? Профсоюзы? Армия? КГБ? Как масса — это сила, но они подручные партии. Идеологически не самостоятельны. Вот и недавно мы направили около тридцати процентов наших кадров в органы милиции, КГБ. Что и говорить; не все оказались готовы: дрогнули, растерялись, повисли в безвременье. Я же, наоборот, чувствую себя уверенно. Мне перестройка по нраву. Я чувствую прилив сил. Чего тебе лично не хватает? Государственной премии? Пусть выдвигают ваш коллективный труд «История экономических учений в Белоруссии», и мне спокойно. Дадим премию. Возглавь работу коллектива над новой темой «Экономика и рынок при перестройке». Опережай события. Выдвинем и на Ленинскую премию.

— Измельчали настоящие ученые. Старец, толковый ученый, с которым мы создавали последний научный труд, помер. Надо развивать научную базу.... вкладывать деньгу. А где ее брать? За последние пять лет ни одной докторской.

— Выходит, белорусская земля не рождает ломоносовых-экономистов?

— Экономисты есть, ломоносовых нет.

— Будут и доктора, и кандидаты. Ты, главное, бди в другом. Сейчас отдаем под суд проректора медицинского института. В Баку, как слышал, вообще институт распустили, разогнали к черту. Держи дисциплину. В твоем заведении соблазн колоссальный и поле деятельности для взяткодателей неограниченное.

— Кто руку набил брать до перестройки, будет брать и во времена оной. Гласность, правда, прибавит жадности.

— Она всегда была, как тебе известно. Но не все знали то, что знали мы. А теперь все полезло на страницы газет. Остановить процесс невозможно, дай бог силы хоть контролировать.

— Боюсь, что поздно опомнились.

— Будем надеяться на здоровые силы общества.

Злобина тревожила, надо сказать, набирающая силу и агрессивность пресса. Гласность чудилась ему огромным дирижаблем, который завис над городом. Чем он начинен? А если взорвется? Что в нем: лепестки роз или навоз?

— Модернизируй институт. Будь в авангарде перестройки. Давай закупим у немцев компьютерный класс, методологию обучения менеджерству. Чем смогу, тем помогу, — искренне советовал Иван Митрофанович. — Чем удручен? Пойдем выпьем. С нас взятки гладки. Когда Андропов ковырнул дачу Георгадзе, кто мог — даже с больной фантазией — предположить, что там обнаружат 100 золотых слитков, бриллианты, царские сервизы, 42 миллиона в рублях. А мы пришли к достатку собственным трудом, помня, как родители наши получали по 70 копеек на трудодень, бесхлебицу, голодные студенческие годы.

Роднили их не только трудные годы юности. Перепадало — и немало — за услуги Константину Петровичу от благодарного друга и нужных ему людей. В свою очередь Горностай очень выручил Злобина в одном давнишнем нашумевшем деле. В столичном универмаге долго «налево» торговали коврами. В деле была замешана любовница Константина Петровича. Чертова бестия была красива, но ужасно болтлива и слаба духом. Исключительно благодаря связям Ивана Митрофановича ее буквально вытащили со скамьи подсудимых. Злобин отблагодарил своей преданностью, а семью завалил импортом. Косвенно Злобин не был замешан в сбыте неучтенных на фабрике ковров, но получал через любовницу свою долю барышей за покровительство и умелую расстановку на ключевых позициях надежных кадров. Тогда он в Совмине курировал всю торговлю республики.

Может быть, теперь, так высоко взлетев и поймав удачу за хвост, Иван Митрофанович и сожалел о «тайных сделках и сговорах», да переиначить, незаметно отдалить от себя Злобина было поздно и невозможно. У одного рычаги власти, у другого рычаги связей: они дополняли друг друга.

— Да, кстати, твой воинствующий ветеран не успокаивается. Вторую жалобу настрочил в ЦК, уже на мое имя.

— Вот об этом я и хотел у тебя спросить. Видно, до смерти не угомонится.

— Ты допустил ошибку. Перегнул палку. Не надо было его исключать из партии. Инкриминировать ему организацию групповой жалобы в Центральный Комитет рискованно и малодоказуемо. Он, судя по всему, чувствует свою правоту. Добивается у меня приема.

— Я на полпути, как тебе известно, не останавливаюсь. Подонка, врага надо обложить со всех сторон и уничтожить.

— Что ж... потянем волынку. Создадим одну комиссию, вторую на уровне райкома, обкома, минвуза. Хода жалобе не дадим.

— Отлично. Это уже судороги, как перед кончиной. Ваня, пригласил бы ты как-нибудь в выходные на озера или там в Березинский заповедник своего ставленника, начальника областного управления КГБ.

— Неужели тебя ветеран так напугал, что ты хочешь найти опору и в КГБ? — полушутя, полусерьезно спросил Горностай.

— Как ты знаешь, — слегка обидевшись, ответил Злобин, — я акул сметал со своего пути, не то что эту мелкую рыбешку. Мне надо выяснить один щекотливый вопрос.

— Хорошо. Подумаем. Не люблю я этот Березинский. Туда обычно первый ездит на охоту. Неэтично лоб в лоб. Это его вотчина.

— Поедем на Лепельские озера. У моего декана там брат ходит в председателях богатого колхоза, — нашелся Константин Петрович.

— Не нравится мне твоя паника. Даже если он и раскапывает твое участие в партизанской борьбе, то кто его, будь он даже осыпан с ног до головы орденами, пустит в архивы КГБ? Наивно. Ты мне сфотографируй ситуацию.

— Меня скомпрометировать и по этой линии трудно.

— Тогда я не понял! Он все еще в институте?

— С огромными усилиями, но выперли на пенсию.

— Ну и всем спокойно. Пусть разводит кроликов и готовится к рыночным отношениям. Пойдем выпьем. Это не стоит внимания. Мы хозяева жизни. Мы!

Застолье сползало к завершению. Хозяева выжимали из себя последние знаки внимания и интереса к гостям. Подшофе, жена Горностая сама вызвала дежурную «Волгу».

— Неужели прибудет вовремя? — делано не верила жена Злобина и намазала, еще за столом, яркой помадой губы.

— Минута в минуту, — высокомерно ответила жена Ивана Митрофановича.

Действительно, чистенькая белая «Волга» подкатила к крыльцу без пяти минут одиннадцать. Торопясь, но пребывая в приятном расположении духа, все расцеловались, хоть каждый думал о своем. Дочь Горностая вознамерилась просить у отца во что бы то ни стало видеомагнитофон, жена Злобина решила накрутить мужу хвост: «Продавай старую «Волгу» и немедля покупай новую». Сам Константин Петрович нет-нет да возвращался мыслями к неугомонному Барыкину. «И уволили, и из партии исключили, и психушкой запугали, а он не утихомирился. Неприятно все же с откровенным врагом жить в одном городе».

Только Иван Митрофанович, исполненный уверенности в собственной силе и значимости, был весьма доволен собой, с охотою погружаясь в сладострастие власти.

В этот же самый день, в послеобеденное время врач центральной детской больницы Олеся Георгиевна Якунина с букетом роз не спеша возвращалась по проспекту к своему дому. Мягкий ветер ласкал ее слегка растрепанные волосы, осторожно тронутые сединой. Она была мила лицом, а сегодня, в свой день рождения, по-особенному привлекательна, красива, хоть знатной красавицей себя никогда не считала. Она не доводилась родственницей Николаю Ивановичу, понятия не имела о существовании ректора Института экономики и никогда не встречалась с партийным функционером Горностаем. Круг ее знакомств ограничивался исключительно медицинской сферой. Судьбе было

угодно, чтобы они, врач и известный журналист, встретились и чтобы неожиданная встреча эта повлияла на их судьбы и дальнейший ход событий. Удивительное это дело, тайна жизни. Задержись Любомир в своем офисе на минуту-две, поговори Олеся с медсестрою дольше на три минуты — и, возможно, они бы никогда и не встретились. Любомиру позвонил из Житковичей отец, просил приехать на годовщину смерти матери. Опять придется долго убеждать-уговаривать Камелию, которая терпеть не могла поездок на его родину и холодно относилась к свекру. Он вышел на проспект, чтобы просто бесцельно пройтись, не подключая внимания к мимотекущей жизни, его трудно было чем-либо удивить. Холодный, расчетливый ум, взвешенные эмоции, умеренный ритм сердца, которое, как ему казалось, потеряло уже способность остро чувствовать, тем более кого-то, кроме себя, любить. Он считал себя отличным психологом, знатоком женских слабостей, а в нынешнем тотальном огрублении нравов, чувств, где возвышенное слово «любовь», романтическая элегия исчезли из обихода, уступив место откровенному потреблению любви, он считал, что не стоит унижаться до страданий, душевных мук, томлений духа, сомнений и ревности. Пришло время сурового прагматизма, чеканного рационализма, расчетливого удовлетворения сексуального инстинкта, и он с этим соглашался. Ограниченность современных «социалистических» женщин иногда пугала его своей беспросветностью. Одни и те же темы, знакомые слова в обращении, похожие жесты, ужимки. С грустью наблюдал он искусственные наслоения и в характере Камелии. Разуверился: настоящей женщины, некоего идеала город дать не способен. Как он мог до сих пор серьезно воспринимать всех этих «Тихих», «Капризных»? Общение с ними давит на голову, как сводчатое подземелье. Может, прав Вовик Лапша, не раз утверждавший, что женщина рождена для похоти и только. Они раздражали его нечистоплотностью, мерзким подражанием и повальным восхищением иностранным, особенно американским. Сводить смысл прожитых дней к победе над женщинами, их коллекционированию — глупо. Он смодулировал для себя метод поведения: как бы самоустраняясь от окружающих, научился не подключать эмоции в любых ситуациях, все больше и со страхом веруя в несовершенство человеческой породы. Не только женщины, но вообще все люди недостойны его переживаний. Он все еще умел острым пером указать на несправедливость, недостатки, унижение личности, но только констатировать факты, его же собственное отношение было расплывчато, позиция завуалирована. Он понял, что лучше всего, уютнее и спокойнее чувствовать себя между дбром и злом. Он любил шелест денег, но не откладывал их на «черный день», помнил изречение: «Когда деньги в обществе единственная мера всего — нельзя говорить о настоящей свободе». На социализм имел свой взгляд. Недостаток системы видел в неспособности к самоочищению от некомпетентного руководства. Жить по-старому, вооружившись, как дубиною, этим набившим оскомину словом «перестройка», он не хотел, жить по-новому (толком и не зная, что это значит) не решался. Он не обиделся бы, ежели бы некто умный назвал его нерешительным, промежуточным, растерянным человеком. Согласился бы и, возможно, под небом возрастного разочарования жизнью и даже цинизма признал бы, что он заносчив и зол.

Незаметно в суете однообразных будней подойдя к своим сорока, Олеся Якунина успела вкусить по капле многое и не успела ничем желаемым насладиться.

Серые, похожие на пальцы рук будни начинали исподволь угнетать ее повторяемостью и кажущейся безысходностью, но еще не настолько, чтобы

впасть в отчаяние и бессилие под грузом обстоятельств. Жизненное пространство было до отказа заполнено работой, заботой о детях, — старшая Оля заканчивала школу, младшая, Светка, внешне и характером очень похожая на мать, была только в 5-м классе. Уход за больной сестрой: Екатерина Георгиевна была на двенадцать лет старше сестры и, страдая жестокой гипертонией, не могла дождаться пенсии. Кроме этих забот уйму времени забирали «налеты» на магазины, бесконечные очереди и кухня. Не признавалась в усталости и на вопрос коллег «Как жизнь?» отвечала: «Типичная жизнь рядовой советской женщины, которой некогда задумываться об истоках, политике, истории и прочем». Среди сотрудниц она выделялась не только стройной фигурой, но и естественной непосредственностью и незлобивым остроумием. Крохи свободного времени проводила в уединении — любила природу, ездила с младшей в ботанический сад, в парк, хорошо ориентировалась в названиях множества цветов и трав. Если же случалось не выбраться из-за непогоды, болезни дочери — уединялась в своей двухкомнатной квартире, сидела допоздна на кухне, глядя на деревья под окном, пила чай или кофе со сливками, без особого интереса пролистывая дневную прессу. Она не стыдилась признаваться коллегам, что так до сих пор и не прочла нашумевшего когда-то романа «Сто лет одиночества». Она покорно несла свой крест, не веруя в Бога, в спасительную миссию церкви, в справедливость общества, полагалась исключительно на природный оптимизм и собственные силы.

Ее муж Август Ключников занимал скромный пост в республиканском центре стандартов и метрологии. Она исключительно редко с ним ссорилась и не подвергала нервной ревизии их семейные отношения, смирившись с мыслью, что человека перевоспитать невозможно. Коль природа наделила упрямством, тугодумством, замкнутостью, уж лучше найти ключ, чтобы использовать эти качества во благо семье. Это благо долго держалось на грани постоянной нехватки денег, отказа от модных и дорогих вещей, вынужденного ограничения желаний. Возможно, в сравнении с описанными любимым ею Достоевским петербургскими женщинами она жила лучше. Опять же, не сетовала. Помечтает, помечтает, сидя на кухоньке за чашкою кофе, и хорошо на душе, вроде и мечта осуществилась. Четыре года она никак не могла купить себе приличную песцовую зимнюю шапку. Носила — благо зимы последние выдались не морозными, — старенькую фетровую шляпку, которую во дворе больницы стыдливо прятала в сеточку и покрывала голову сиреневым полушерстяным платком. У Августа несколько лет назад обнаружилась язвенная болезнь, от которой он, напуганный до смерти, удачно излечился. Мучили — он был старше ее на три года — головные боли, перепады артериального давления. Донимал просьбами измерить давление после обильной еды, перед сном, после прогулки. Выводил для себя параметры и графики поведения, обложившись гороскопами, лунными таблицами, расписывая год на дни с биологически вредными ритмами и неблагоприятными магнитными полями. При малейшем недомогании амебою расплывался на тахте, и уже ни одна ее просьба, разве что пожар у соседей, на него не действовала. Они и не заметили, как их юношеская привязанность, похожая на любовь, переросла в обыденную привычку жить рядом. Он был партнером, а не супругом. Собственно, и она не назвала бы чувство к нему большой любовью. Пылко полюбила она в девятнадцать лет своего однокурсника. Обманывал он ее, не верил в искренность чувств, а может, по молодости не смог оценить ее порыва. Пользовался успехом у студенток и потому нагл был до предела. Она все же отказалась лечь с ним в постель до росписи в ЗАГСе. На что он дерзко ответил: «Да я сплю с каждой второй из группы. Наивная,

я тебя год уговаривать не стану». — «Не верю!» — вырвалось у нее нечто подобное на крик. «А ты поинтересуйся у своей подружки Светы, от кого она беременна. Посмотри на свою худобу. Кого ты из себя корчишь? Не грудь, а прыщики». Она затравленно молчала. Выплакалась на груди у еще живой тогда матери.

Светка родила мальчика, бросила институт, переквалифицировавшись в медсестру. Он на ней не женился, выбрал выгодную партию — дочь профессора.

С Августом познакомились в поезде: она возвращалась из столицы с курсов повышения, он ехал из Смоленска в Минск по обмену опытом. Тогда его мать после развода с отцом еще жила в Смоленске, это уже позднее вышла замуж (опять же за военного, на этот раз отставника) и переехала в Могилев. Текла в его жилах частица литовской крови, русской, белорусской... но Август никогда всерьез и глубоко не интересовался корнями рода, фамильными гербами... Он уютно чувствовал себя в одежде «советской земли человека». Всю ночь они проболтали в тамбуре. Открытая, разговорчивая, бесхитростная, она оставила ему свой рабочий номер телефона. Он ей позвонил 25 мая, в день рождения. Она встретила его на вокзале.

— Вот. Я выписался из Смоленска. Приехал к тебе. Выходи за меня замуж. Это серьезно.

Кроткое женское сердце растаяло. Такая нестандартная откровенность, искренность сразили ее. Как, однако, разнятся эти два дня рождения. Тогда, когда он подарил ей гранатовое ожерелье, и сегодня, в день сорокалетия, когда он, лежа на тахте, почти безучастно предложил: «Давай пройдемся по лоткам и магазинам да купим тебе чего-нибудь на день рождения».

Пошли. Изрядно устали. Он нервничал.

— Это тебе не нравится?

— Да так, — равнодушно отвечала она.

— Хорошо. Тогда не будем зря выбрасывать деньги. Мне предстоит командировка в Вильнюс, я тебе оттуда настоящую вещь привезу. Там у меня сестра, как помнишь, по линии отца... она знает, где и что модное купить.

На том и порешили. Вечером, возвращаясь с работы, он в переходе у филармонии купил пять тюльпанов. Она больше для приличия поцеловала его в холодную щеку. Удивила старшая Оля: впервые в жизни самостоятельно испекла торт, а младшенькая Лиля втайне от мамы вышила на платке большую розу и на деньги из собственных сбережений купила букет гвоздик.

Август за ужином между прочим заметил, что торт ему не понравился. Старшая дочь вспыхнула, до смерти обиделась на отца, всегда его недолюбливая и считая, что он недостоин мамы. Сказала грубое слово. Август вспылил и ушел к телевизору. Майский вечер заканчивался для нее обыденно-привычно. Уложила детей, помыла посуду, приняла ванну и вернулась в кухню. Муж все еще досматривал второй международный матч по футболу на Кубок мира. Оставалось десять минут. Она терпеливо ждала. Наконец улеглась в постель. Он монотонно, не спеша начал гладить ее ногу выше колена. Она лежала недвижимо. Август, дыша винным перегаром и густым никотином, целовал мокрыми губами шею, грудь. Она, чтобы не слышать этого противного винно-табачного запаха, обхватив его руками, уткнулась своим курносым носиком в его ключицу. Он, втискивая губами сосок в грудь, гладил бедро.

— Ты у меня стройна, как восемнадцатилетняя.

Ей не хотелось отвечать, она устала. Желала одного: скорее бы у него все завершилось, да уснуть мертвым сном... Она, искренняя во всем, никог-

да перед мужем не разыгрывала буйный темперамент и взрывную страсть, наоборот, с каждым годом все больше и больше считала себя холодной, если не фригидной женщиной. И Август старался явно не реагировать на ее холодность, просто, эгоистично, молча, без лишних ласк, изредка, когда этому способствовали биологические дни, выполнял супружеские обязанности...

Утром, по сложившемуся ритуалу, она взяла с собой на работу две бутылки шампанского, килограмм мандаринов и два торта, чем расстроила свою заведующую, у которой день рождения ожидался через две недели и которой было уже негоже приносить одну бутылку вина.

Собрались в третьем часу в ординаторской, заперли двери от чужого глаза.

Заведующая, депутат районного совета, свято блюла все законы, а этот указ о трезвости особенно. Но как не сделать исключение для своих, особенно для отзывчивой и преданной ученицы Олеси. Имениннице преподнесли сорок одну розу и чайный сервиз. Каждый не скупился на похвалы, а медсестра удивила стихом-эпиграммой собственного сочинения. «Всё, миленькие, всё, родимые, разбежалися, пока администрация ничего не заметила», — по-матерински заботливо торопила заведующая отделением. Еще раз все расцеловали счастливую Олесю. За воротами клиники ниточка душевного единства лопнула: одна, спохватившись, побежала к троллейбусной остановке, вторая круто взяла влево, третью ждал на мотоцикле молодой милиционер, четвертая задержалась у обочины в надежде остановить такси. Рассыпались как горох. Осталась Олеся одна, как бабочка на асфальте. Предчувствия, что именно сейчас, через каких-нибудь десять минут она встретит его, Любомира, не было. Профессия наложила свой отпечаток: постоянные контакты с больными, родителями, медсестрами сделали ее, и без того раскованную и общительную, внимательной к слову, к просьбе, отзывчивой, учтивой, однако в выборе друзей и знакомых она была осмотрительна. Может быть, поэтому некоторые сердцееды из клиники не решались заводить с ней нечто большое, нежели знакомство. Сказывалось положительное воспитание в семье, где почитались и ставились в пример добродетель, верность, понимание страданий ближнего. Элементарный стыд перед мужем удерживал ее от примитивного, пошлого флирта. Не завидовала некоторым своим знакомым, которые спокойно, свободно, без зазрения совести изменяли мужьям, годами держали рядом любовников. «Все лучшее позади, все лучшее позади». Ей пошел пятый десяток. Не хотелось верить. Она просто шла по улице с букетом роз, радовалась, что в ней многие нуждаются.

Сперва Олеся и не расслышала его обращения, удивившись: откуда возник рядом элегантно одетый, седой не по годам, симпатичный мужчина.

— Ради бога, извините. Я ошеломлен. В наше неулыбчивое, хмурое время вы переполнены жизнелюбием и счастьем.

Олеся виновато улыбнулась.

— Вы учительница? Возвращаетесь с последнего звонка десятиклассников? Разрешите мне пройти рядом с вами сто, двести метров, чтобы поприсутствовать в благостном вашем магнитном поле.

— Вы ошиблись. Я не учительница, а врач. И потом, вы опоздали ровно на ...аццать лет. Уже рядом один Ньютон ходит.

— Врач? Значит, само Провидение послало мне вас. Помогите мне выбраться из состояния, близкого к коматозному. Избавьте от гнетущих мыслей о наступающей гнусной жизни. Научите жизнелюбию.

— Опять вы обращаетесь не по адресу. Я детский врач. А вам нужна, если это не розыгрыш и не шутка, помощь психиатра или модного ныне экстрасенса.

— Я серьезно. Душа болит.

— И я не шучу. Это у вас такой оригинальный способ знакомиться?

— Нет. Это действительно такое состояние духа.

— Да, но вы не подошли к постовому милиционеру пожаловаться на жизнь.

— Взгляните на его усталый, одичалый вид. Не поймет. Подумает, псих...

— Да. Но ваше отчаяние выглядит несколько комично.

— От этого не легче. Я не пустобрех, поверьте. Я сам в некотором роде аналитик, психолог. Вы, действительно, поразили меня... на фоне озабоченных, злых, удрученных, озлобленных людей вы, как говаривал старик Добролюбов, луч света.

— Я хоть и не робкого десятка, но, ей-богу, вы меня перехваливаете и ставите в неловкое положение, — на ее щеках вспыхнул стыдливый румянец.

— Я искренен. Не интимофоб. Будем знакомы. Любомир Горич. Вам ничего не говорит эта фамилия?

— Извините, ничего, — сконфузилась она.

— Тем лучше. Вы будете абсолютно раскрепощены. Я собственный корреспондент газеты «Правда» в республике.

— Очень приятно, Олеся… — На секунду она растерялась и добавила: — Георгиевна.

— Переходя улицу, я наблюдал за вами и подумал: вот твоя героиня. Рискни. Читателя повально приучают к отрицательному. Я всегда шел против течения. Хочу явить многомиллионной аудитории положительный пример женщины, которая еще умеет радоваться, быть красивой, уверенной. Примите мое предложение. Хочу заручиться вашим согласием.

— Да как-то, — судорожно искала слова Олеся, — не знаю, что и ответить. Боюсь, ваши первые впечатления очень преувеличены. Просто в эту минуту у меня приподнятое настроение, можно сказать, счастливое. Но в жизни я рядовой, ничем особым не выделяющийся типичный советский человек.

— Меня никогда не подводила интуиция. Почему-то из сотни спешащих мне навстречу людей захотелось подойти только к вам.

— Мне, право, неловко. Моей серой жизнью страну не удивишь, в ней нет героического начала. Нынче в моде негативная сторона жизни: подворотни, тусовки да подвалы. Академики, народные артисты, спортсмены, что ни судьба — корабль приключений. За моей спиною серая жизнь, ничего интересного. Может, оставьте эту затею?

— Я устал от академиков, докторов наук, льстецов на Парнасе. Хочу написать просто о женщине, о ваших тонких и нежных руках, цветах, улыбке, глазах, будничной работе, о стирке белья в прачечной, о кухне... чем жив человек и что его держит на земле.

— О боже, вы задумали комедию?

— Не знаю. Я все так объемно увидел и представил. Условимся, без вашей визы, обещаю, я никогда не отправлю материал в редакцию.

— Не знаю. Я растеряна и подавлена. Можно, я подумаю?

— Я вам оставлю свою визитку.

— Не стоит. Приходите ко мне на работу в детское отделение 1-й клиники. Каждый день, кроме выходных, с восьми до пятнадцати я там.

Они прошли не сто и не двести метров, а все восемьсот к ее пятиэтажному дому, стоящему в глубине двора, ближе к параллельной улице, напротив бывшей автозаправочной станции.

— Вот мы и пришли. Это мой дом.

— А... — оглянулся Любомир, — это ничего, что вас могут увидеть с незнакомым мужчиной?

— Нет. У меня безупречная репутация.

— Похвально. Благодарю вас и за прогулку, и за доверие.

— Я еще не сказала «да».

— Все равно спасибо. До встречи.

— До свидания, — с затаенной радостью ответила она.

Дома она поставила разогревать на плиту тушеную картошку, затем достала из-под старенького с ободранными углами, кухонного буфета кипу газет в надежде отыскать среди них «Правду». Вскоре обнаружила, перелистав их, жалкую информацию за подписью: «Собкор Л. Горич». После ужина она отправилась в ближний магазин «Кнiгарня пiсьменнiка», в котором всегда в избытке, хоть маринуй, лежали книжки местных авторов. Без труда нашла среди книжных терриконов пачку из двух десятков книг в броской черно-белой обложке с его фамилией. Купила одну. В книге были исключительно публицистические статьи, датированные семидесятыми—восьмидесятыми годами.

Уютно расположившись у кухонного окна (Август по обыкновению дремал у телевизора), она жадно углубилась в чтение и вскоре разочаровалась. Было и остро, и метко, и смело, и характеры запоминающиеся, но она ожидала большего. Эти знакомства на улице — всегда непростительная глупость. «Не будь овцой, а то волк съест», — вспомнила почему-то слова старшей сестры.

Муж, отвернувшись к стенке и укрывшись по уши одеялом, спал. Она выключила свет и осторожно, как мышка, юркнула под свое тоненькое одеяло. Окно украшал огромный диск луны в расцвете полнолуния. Бледный свет падал на проигрыватель в углу, книжный шкаф, отчетливо высвечивая огромный семейный портрет: мать, отец и они, две сестры. Отец в военной форме с тремя орденами Славы на груди. Красивая мама в нарядной белой блузке. Одеты скромно, но празднично. Давно она так глубоко перед сном не задумывалась, осмысливая прожитый день. Жизнь словно бы расширилась, раздвинулась. В который раз возвращалась мыслями к мимолетной, сумбурной встрече с корреспондентом, отметив не без гордости, что хотя она и выслушивала его с жадностью и любопытством, но в глазах и ответах не было угодливости и робости. Вспоминала без каких-либо надежд, иллюзий, потаенных желаний. Предчувствия, что эта встреча резко изменит ход жизни, еще не было. Ее отзывчивая душа, лишенная на протяжении всего замужества мужской любви, заботы и ласки, была относительно спокойна.

— Окно на кухне закрыто? Нет сквозняка? — запоздало опомнившись, сквозь сон спросил Август.

— Закрыто, закрыто. Спи! — успокоила она.

Он быстро, как кот лапой, почесал пятернею свои густые черные волосы и затих.

Она уснула под шум скандала, доносящийся сверху: агрессивная и оборотливая бабенка Лера — страховой агент, в который раз «ремонтировала» своего аморфного непутевого мужа-пьянчужку Миколу.

Наконец они встретились. Николай Иванович воротился из Москвы-матушки — он любил ее как истинно русский, — в приподнятом настроении. Немало передумал. Ведь не в санаторий левадийский ездил, а в психушку.

Все оказалось на удивление по-домашнему, естественно и не страшно. И у людей в белых халатах нет изначальной подозрительности. Его поместили в

отдельную палату, не брали на испуг, а очень деликатно наблюдали, беседовали, просили отвечать на всевозможные тесты и, надо сказать, сытно кормили. Он свыкся с атмосферой, словно бы и не чувствовал, что живет под пристальным, неназойливым наблюдением. Почувствовал, что заметно улучшилось душевное состояние. А то ведь местные спецы, усиленно навязывая ему обследование, определили чуть ли не вялотекущую шизофрению. За день до отъезда долго беседовал с милейшим, несколько болезненного вида Снежевским. Прощаясь, именитый академик подтвердил, что они не видят в психике заметных отклонений, что имеющиеся особенности личностного плана не могут быть отнесены к заболеваниям и не препятствуют вождению автомашины. Из-за этого«можно водить — нельзя водить» — и разгорелся весь сыр-бор в минской поликлинике спецмедосмотров. «Каков окончательный диагноз?» — «Сутяжный синдром». Николай Иванович не знал и не мог знать, что всякий раз его гражданская активность, отправка телеграмм-жалоб, писем-протестов в советские, партийные органы и даже в прокуратуру республики не оставят без внимания, контролируют и фиксируют в картотеке психоневрологического диспансера.

Это была последняя встреча с доктором. Чувствовалось, что какая-то невидимая болезнь подтачивает силы академика, он устал, сказал, что один экземпляр заключения выдает Николаю Ивановичу на руки. «Желаю вам успехов. По-человечески солидарен и завидую вашей настойчивости и смелости. Все, чем могу», — были последние слова доктора. Едва сдерживая слезы благодарности, Барыкин произнес тихо: «Спасибо».

По возвращении тотчас же позвонил Любомиру. Корреспонденту в четвертый раз отказывать было против всех правил. До прихода Николая Ивановича оставалось два часа двадцать минут, и Любомир решил уделить их взбалмошной и напористой «Капризной» для «очень, очень, очень важного, жизненно необходимого разговора». Все равно не отстанет. «Надо решиться, наконец, и покончить раз и навсегда с этой связью, вспыхнувшей в минуту слабости. Духовное развитие ее остановилось где-то в начальных классах. Кроме секса, одежды, балдежа да кутежа «на халяву», ее, в сущности, ничто не волновало и не тревожило. «Государство, как орудие насилия, тем не менее, не мешает мне быть свободной и независимой в сексе», — повторяла она услышанные от кого-то слова. Он стыдился показываться с ней в кафе, в маленьких полуподвальных закусочных, опасался, что она опозорит непристойной выходкой, грубым матерным словом и его, и себя. «Ну, ты прямо засекречен, как спутник, — сетовала она, когда он в спешке увозил ее на такси к ее подруге (или другу). — Прощаю, ладно. Потому как мне сладко в твоих темпераментных объятиях. Не знаю, как насчет гениальности в журналистике, я не читаю газет, но в сексе ты король». Его удивляло, как человек с такой примитивной эрудицией, работая экскурсоводом, может говорить что-то людям об истории города, знаменитостях, культуре.

— Во-первых, все приезжие, пусть они будут из Прибалтики, Азии, Голландии, — полные болваны в нашей истории, — находился у нее ответ. — Во-вторых, туристов, какого бы роду-племени они ни были, не интересует, кем построено это здание, в котором расположен магазин, а интересует, что в магазине. Узбеки покупают детские вещи, смоляне — харчи, литовцы — запчасти к автомобилям и ткани, поляки и евреи — золото. Меня никогда не спрашивали: сколько получает рядовой сборщик на тракторном заводе, но интересовались, где то место, где поляки сбывают товар. Все едут готовенькие, заранее уважая белорусский народ, сочувствуя его жертвам в Отечественную войну, а теперь еще разделяя чернобыльскую беду. Я их статистикой между

глаз: сколько холодильников, тракторов, метров ткани, стиральных машин, в минуту, в сутки, и у них уже уши лопаются от избытка информации. До конца тему не раскрывают. Отвожу им час, два на ГУМ, ЦУМ, «Синтетику», «Электронику», — кстати у меня там связи, могу тебе устроить портативный цветной телевизор «Шилялис», — так вот, а сама бегу к тебе. Знакомый в кооператив приглашает. Восемьсот рублей обещает чистыми. Бутербродами торговать. Они скупают в столовых на окраинах продукты и продают втридорога в центре. Не хочу. Вкалывать надо. Мне дорого свободное время.

Одета она была вызывающе-броско, любила яркую деталь на шее, на голове. Уставилась своими маленькими, хитрыми, как у гадюки, глазками, прямо ему в переносицу:

— Я знаю. Это начало конца. Ты охладел ко мне. Не звонишь, не ищешь встречи. Не оправдывайся... я знаю. Как ты говорил, что там на кольце Соломона было написано?

— Все проходит.

— Вот именно. Не хочу реанимировать. Оставим все в зените. Жаль, мы не дотянули до пика. Я еще не исчерпала своих возможностей.

— Все еще впереди. Не удалось пока найти шведа?

— В нашу задрипанную республику шведы не ездят. Мои подруги-сикухи налетали, брали живьем австрияков в Жодино, итальянцев в Гатово. Там кожевенный завод строят. Мелочевка. Шуму много, а привезли всего по сотне долларов, консервированных сосисок, пива, жвачек, одну-две джинсовые юбки. Опуститься до их уровня, значит подписаться под словом «проститутка». Я еще пока держусь, обхожу стороной негров у общежития политехнического. И потом, ехать в Жлобин не с руки. Там меня с детства каждая собака знает. Все, — она закусила свои пухлые губки, — хочу, чтобы ты запомнил меня неповторимой. Сегодня я обниму тебя в последний раз.

Любомир улыбнулся.

— Ах, ты не веришь? Ты думаешь, женщина — примитивное и слабое существо, она не способна ни давать слово, ни держать его?

— Именно так и считаю.

— Я исключение.

Лифт не работал, и они без привычки долго поднимались на одиннадцатый этаж, осторожно, затыкая носы, обходили на темных лестничных площадках кучки человеческого дерьма. Она подала ему ключ, попросила открыть квартиру, так напоминавшую ему прокуренный, грязный старый вагон пригородного поезда.

— Тебе неприятно? И я мечтаю о сексе под пальмами на берегу лагуны Тихого океана, но увы... за сто пятьдесят рублей не могу позволить себе купить даже импортное бельишко: лифчик паутинкой и трусики ажурные. Я тебя раздену сама. Это не стандартно. Обычно раздевают баб.

Он покорно следовал ее желаниям, безвольно стоял в ванной, а она, довольная, терла его тело темно-коричневой, колючей, чужой мочалкою.

— Ты не бойся. СПИД через мыло не передается. А полотенце я принесла свое.

Ей нравилось ухаживать за ним, как за ребенком. Любила целовать его маленькие родимые пятна на шее, на мочке уха, на бедре.

— Я несчастлива в отношениях с мужчинами, потому что родилась в год Змеи, осенью, ночью. Давай зажжем свечу и поцелуемся в последний раз...

— Бог даст, свидимся, что уж так хоронить себя.

— Нет. Ты демон. Ты обладаешь, как Гришка Распутин, гипнозом. Не хочу тебя видеть и слышать.

Она впилась в его губы. Наигранно, закатывая глаза, стонала, силясь быть нежною, охала...

Расставались сухо, по-деловому, не тревожась о дальнейшей судьбе друг друга. В словах искусственная забота, в глазах — пустота. Как он раньше не замечал, что и «Капризная», и «Тихая» безразличны и неинтересны ему. «Бесчувственное, бездуховное совокупление ведет к одичанию», — с грустью подумал он, открывая тяжелую массивную дверь своего офиса.

В просторной приемной, обитой деревом, кроме секретарши (она же курьер, канцелярист, учетчик писем), милой и добродушной Антонины Михайловны, страдающей головными болями и никогда не обедающей в общественных столовых, сидел незнакомый мужчина с редкими седыми волосами на голове и усталыми глазами. Николай Иванович чем-то напоминал Любомиру его отца, провинциального учителя. Они познакомились. Любомир по-деловому пожал вспотевшую ладонь Николая Ивановича, жестом пригласил в свой кабинет, любезно предлагая сесть на мягкий новый диван. Барыкин, однако, сел на стул у стола.

— Слушаю вас внимательнейшим образом.

Николай Иванович достал старинные карманные часы без крышки, положил их на стол, вместительный портфель поставил на колени.

— Каким временем я располагаю? — голос его едва уловимо дрожал.

— Не будем ограничивать себя во времени. Сколько понадобится для выяснения сути дела, столько и будем сидеть.

— Спасибо вам. Тогда я, пожалуй, начну с предыстории.

— Пожалуйста, не выбирайте основное, не делите на важное и незначительное. Меня интересует все. Подчас мелочь, маленький факт дороже золота.

Довольный такой расположенностью Любомира, Николай Иванович достал из портфеля три (!) внушительного объема папки, очки.

«Да, не слабо. Если он начнет каждую страницу прочитывать, в четыре часа не уложимся», — с некоторой грустью подумал Любомир. В семь часов он твердо обещал Камелии быть дома, собирались в прачечную. Вскоре, однако, его профессиональное любопытство, схожее с любопытством разведчика, победило, и он уже не обращал внимания на быстротекущее время. Говорил Николай Иванович неторопливо, отчетливо, как и свойственно педагогу, внятно.

«Родился я в центральной России, в многодетной крестьянской семье. Мать моя белоруска из соседней деревни, отец — россиянин из середняков. Поверил большевикам, принял революцию и нам, детям, внушал идеи о всеобщем равенстве, социальной справедливости и светлом обществе, где не будет богатых и бедных, не будет звериной эксплуатации человека человеком. Я до сих пор не знаю и не понимаю, что можно было инкриминировать отцу, чтобы репрессировать? Умение и старание работать на земле? Может, мешала его совестливость и жажда до всего дойти собственным умом? Наступают времена, когда в обществе создается такая атмосфера, что не нужен человек честный, принципиальный, независимых суждений. Не оболваненный марионеточной властью, прессой и теми, кому она служит и чью политику скрытно или открыто проводит.

Исключительно благодаря усилиям родственника, сотрудника НКВД, я, старший в семье, перебрался в Москву на учебу. Выучился на слесаря. Тут война. Первый бой я принял в народном ополчении, чудом остался в живых. Пацан. Я себе приписал в военкомате лишних полтора года и записался добровольцем на фронт. Война — дело мужчин, и не дай бог ее заново

пережить. Парадокс: сражался за Отечество, а все ранения, легкую контузию получил за пределами нашей родины, закончив войну в госпитале в Австрии. Поскольку я был молод, то остался служить до сорок девятого года. Пробовал писать стихи. Да-да, как ни покажется вам странным, работал полгода даже в нашей брянской газете. Не все мои сестры остались в живых. Младшая умерла во время оккупации, старшая после войны уже... пережив горе утрат, гибель мужа... не выдержала, одним словом, ослабла духом и покончила с собой. Средняя, Нюра, доживает свой век в Ленинграде. Ее дочь, когда я уже закончил институт и работал в научно-исследовательском институте экономики и планирования, приехала ко мне в Минск, жила в нашей семье, выучилась на медсестру. Я полюбил Белоруссию. Освоил язык. Может быть, не в совершенстве, но ежели бы велось преподавание на родном языке, это не представляло бы для меня трудностей. Интересовался историей Средневековья, Великим княжеством Литовским, бытом, законами, дважды бывал на заседаниях клуба «Спадчына», слушал поэтов из полулегальной группы «Тутэйшыя». Я не чувствовал себя пришлым, чужим, умышленно оскверняющим самобытность белорусов и отрицающим их вклад в цивилизацию. Я закончил аспирантуру, диссертация — «Природные ресурсы Белоруссии и их использование в народном хозяйстве». Правда, в наши дни, когда мы распоясались в своем жестком отношении к природе, помаленьку вникнув в смысл слова «экология», моя работа шестидесятых годов не утратила актуальности. Мишуры и поверхностности в социалистической науке об экономии было и есть предостаточно. Не составляло труда получить степень кандидата по теме «Роль коммунистической партии в кооперативно-колхозном строительстве в Белорусской ССР» и прочее. В силу разных причин, одной из которых была ее измена, мой брак с первой женой распался. Ветреной была она от природы, шаловливого нрава. Я жил работой, был доволен своей профессией. Свою работу я любил, невзирая на расхожее ироничное высказывание экономиста-бизнесмена Паркинсона: «Пожив на свете, большинство из нас приходит к выводу, что почти все утверждения теоретиков-экономистов не соответствуют истине». Я считал и считаю, что безопасно и стабильно чувствует себя государство, которое вовремя решает экономические проблемы. Возможно, братья Райн, Эдисон или нынешние молодые изобретатели персонального компьютера «Эпил» и не пользовались рекомендациями. Возможно. Изучать, познавать, выводить законы, теоретизировать — не менее важно. Ведь не зря первая волна оголтелой перестроечной критики ударила по основе — по экономике. Впрочем, я ушел в сторону, извините. Так вот... я любил студентов и принимал активное участие в общественной жизни своей кафедры, факультета, всего института. Во времена Брежнева ветераны оживились, словно получив второе дыхание. Считалось престижным входить во всевозможные советы, быть членом парткома, бюро, разных комиссий. Я без лишней помпезности и претензий на незаслуженную славу и награды нес общественные нагрузки по долгу чести. Ректор во мне души не чаял, я был вхож к нему в кабинет без стука и предупредительного звонка. Всенародно, торжественно, искренне мы отмечали годовщины революции, Дня Победы, Первомая. Любо-дорого вспомнить. Духовой оркестр, вынос институтского знамени, вручение памятных медалей, почетных грамот, ценных подарков. Мы с ректором были самыми молодыми по возрасту участниками войны. И это сближало, объединяло как теперь говорят, «творцов счастья». Действительно, оборотная сторона такой благополучной внешне жизни не видна и не сразу открывается. Долго и я, увлеченный идеей коллективного руководства, не замечал невидимого щита ректора, нарождающегося угодничества, лицемерия и даже страха

перед ним. Умер у нас скромный, неказистый с виду, замечательный ученый, трудяга. Удар случился с ним прямо в кабинете ректора перед заседанием ректората. После похорон, — я был председателем комиссии, — жена покойного, зная, что я был с ним в дружеских отношениях, призналась: «В смерти мужа я виню только ректора. Он его убил!» — «Как?» — усомнился я в жутком откровении. «Морально. Террором, запугиванием, унижением». — «Да, но ведь они были соавторами ряда научных работ». — «Мнимое соавторство с ретроградом, лжеученым, сотворившим из своей особы культ, вынудил мужа пойти на компромисс. Аркадию Моисеевичу от природы не хватало бойцовских качеств, он был нерешителен и труслив, малодушно поверил в обещание тирана, мол, одному еврею ходу не дадут, а вместе получат Ленинскую премию. И мой сдался, а когда опомнился, было поздно. Я говорила ему: вон сколько Ленинских премий исключительно одним евреям и дают, что ты боишься его? А... что вспоминать. Старость, усталость... До чего доходило: ректор брал с машинки отдельные главы, что-то якобы редактировал, пыль в глаза пускал и отдавал на перепечатку, оригиналы не возвращал. И еще, изверг, заставлял моего рассчитаться с машинисткой. Верх наглости! К сожалению, ни посмертных записок, ни воспоминаний о зловещей роли ректора покойный не оставил».

Я был потрясен ее гневными откровениями, насторожился. Однажды, накануне праздника Дня Победы, ректор, пригласив меня к себе и вскользь поинтересовавшись дачными планами — наш институт как раз отвоевал себе участок под строительство дачного поселка, — неожиданно предложил мне, как члену редколлегии институтской газеты «Экономист коммунизма», в связи с приближающимся праздником опубликовать ряд статей о наиболее прославленных и почетных ветеранах Отечественной войны. «Так, скромно, никого не выпячивая из общего контекста и не перегружая количеством... пять-шесть талантливо пересказанных биографий». Свой портрет тактично, с комплиментами, «заказал» мне. Не спрашивая согласия, протянул папку со всеми необходимыми материалами. Не скажу, чтобы я возгордился и меня обуяло великое усердие. Да и отказать вроде причин нет. В нем бурлила дьявольская хитрость. Он так располагал к себе собеседника, так умел навязать свое мнение, свою оценку ситуации, так метко характеризовал окружающих, что приходилось невольно с ним соглашаться. Создавалось такое впечатление, что уже сама инициатива широко и всесторонне написать о нем исходила от меня. Возникал этакий негласный сговор, некий магический союз. До чего пронырлив, подлец. Я далек от мысли возводить себя в ранг прозорливых обличителей. Чего греха таить, я мало чем отличался от других преподавателей. Придерживался такой политики соглашательства, раболепия, желания угодить, чтобы взамен получить минимальные блага-привилегии: место для дачи, выплату в летнее время одновременно отпускных и «заработанных» денег. Протеста в душе ни на йоту. Не знаю, от природы это у меня или чисто русская черта — смирение и гордость на одном полюсе. Я с головой ушел в работу, но спеть панегирик не рвался. И все бы, может быть, вышло гладко, если бы не моя природная вдумчивость, неторопливость и дотошность. Я не мнил себя Светонием, описывая жизнь цезаря-ректора, но и не делал лишь бы как. Если человек достоин того, почему бы не показать пример подрастающему поколению, не дать образец для подражания: «делайте жизнь с таких людей, как ваш ректор». Углубившись в материалы и детально ознакомившись с «вехами биографии», — удалось день посидеть в архиве Института истории партии при ЦК КПБ, — я обнаружил ряд противоречивых фактов. Подтасовку, если хотите, обман. Мой герой приписал себе целый год сотрудничества с

не существовавшим еще тогда партизанским отрядом, более того, утаил свою работу в качестве учителя на временно оккупированной территории своего родного района в школе, организованной фашистами. Дальше еще хлеще. Вступив в партизанский отряд, он в составе группы разведчиков дерзко осуществил операцию по подрыву эшелона с вражеской техникой. Любопытно, но нигде не названы участники этого «подвига», ни одной фамилии. Детально изучив летопись партизанского отряда в разных источниках, я обнаружил, что такого масштаба операций на железной дороге вообще не производилось до середины сорок третьего года. Идеала героя войны, первого белорусского борца никак не получилось. Не стал я писать донос в КГБ, мол, разберитесь... исправьте ошибку. Не в моих это правилах. Пришел к нему и чистосердечно, без тени шантажа сказал, что я отказываюсь, мол, так и так — факты не согласуются, а если я в чем-то не уверен, то в это дело не ввязываюсь. Он побагровел, широкое лицо его, казалось, расширилось еще больше, как воздушный шар, от негодования и нескрываемой злобы. Увольте, говорю, сочинительствовать не приучен, не умею. Он язвительно отвечает: «Я человек не мстительный, — это он-то! — но ты меня, Барыкин, кровно обидел. Не знаю, сможем ли мы сработаться. Свободен». И как мальчику, указал пальцем на дверь. Я не стал учить его элементарной этике. Я ведь не обвинял его в предательстве, упаси боже, не был заносчив, не уличал во лжи. По-человечески, корректно объяснив мотивы, отказался. Ладно. Живем дальше. Без видимых причин профком вдруг находит основание заменить мне дачный участок на худший, и это когда я уже завез стройматериалы и почти начал строительство. Нашли ветерана, у которого больший стаж преподавания и больше заслуг. Я попытался протестовать, но получил от ворот поворот. «Не берете тот, который предлагаем, отберем и его, останетесь на бобах. У вас пенсия на носу, от вас институту пользы уже никакой». Не стал я спорить с хамами, а напрасно. И началось... Пришло время получить мне новую медицинскую справку. У меня старенький «Запорожец». И вдруг в поликлинике спецмедосмотров просто переполох, паника. Вы, мол, обращались за консультацией к психиатру, вам надо пройти обследование в психоневрологическом диспансере. Тут я, опешив, впервые сорвался, не выдержал. И пошло-поехало. Стал я замечать, что моя жизнь в институте под колпаком. Коллеги словно бы сторонятся меня, как прокаженного, начались какие-то странные налеты-проверки на мои лекции. Меня выводят из редколлегии газеты, исключают из состава парткома. Обида и горечь моментально переросли в протест, и я возьми да и с присущей мне доказательностью выступи на отчетно-выборном партийном собрании с жесткой, но аргументированной критикой ректора, зазнавшегося руководителя, которому все дозволено и который меня преследует открыто. В пылу спора приоткрыл завесу конфликта. Шумок негодования, удивления прокатился по залу. Выступлений в мою защиту и поддержку, увы, ни одного. Даже те немногие, кто считался друзьями, отмалчивались. В перерыве подходили, суетливо хвалили за смелость, правду, были солидарны... на словах и не более того. Уверенный в своем всесилии, ректор мне нагло заявил: «Будешь копать мне яму, сгною в психушке». Я думал, мое выступление на партийном форуме, где присутствовали ответственные лица из горкома, обкома, минвуза, аппарата ЦК, возымеет действие. Ноль внимания. Я пробовал апеллировать к самым высоким партийным инстанциям — все возвращалось на круги своя — на стол секретарю парткома и ректору. Заколдованный круг.

Удрученный безвыходностью положения, я поделился своей бедой со студентами-заочниками, среди которых нашлось несколько заводил в хорошем смысле слова, и они без моего ведома сочинили гневное письмо в мою защи-

ту на имя первого секретаря партии. И что же, в травлю ректор втянул все руководство факультета, профсоюз, партийного босса. Меня обвиняют в подстрекательстве, наговоре на руководство, в аморальном поступке и решением профкома заочно исключают из партии, заготовив приказ об увольнении. А тут еще нелады в семье. Смерть моей одинокой матери... она осталась доживать в родной деревне... не знаю, что поддерживало меня. Шесть раз я безуспешно пытался попасть к нашему министру... с трудом, наконец, прорвался. Оставили на работе, видите ли, сделали милость, но из партии исключили. Полтора года назад, в срочном порядке издав приказ, выпроводили на пенсию на второй день после шестидесятилетия. Срок моих преподавательских полномочий не истек. Мне оставалось до перевыборов еще полтора года. Представьте себе картину: создается комиссия из «своих» людей — записывается в протоколе графа о моей непрофессиональности, и «гудбай». Было такое ощущение, что страх расплылся по всему институту, как мазут по воде. Из моей персоны сотворили пугало, которое позорит институт, доброе имя ректора, жалуясь во все инстанции. Они запрашивали психоневрологический диспансер о состоянии моей психики. Кощунственно, жутко, предел травли... Тут уж меня задели до крайности. Ах ты, думаю, рыло мафиозное, да я под Москвою в рукопашную ходил, неужто успокоюсь, позволю тебе сытно есть, используя служебное положение в личных целях, глумясь над людьми! Пойду, думаю, на прием ко второму секретарю. А меня под всяческими предлогами не принимают. Большего позора я не переживал. Изгнанный из института, униженный, оскорбленный... так скверно, нелепо, гнусно завершать жизненный путь... такого унижения прав человека уже, очевидно, нет и в претории. Тошно вспоминать, что пережил тогда и приходится переживать сейчас. Обвинения в антинаучности, непрофессионализме, глумливые проработки на заседаниях кафедры, на ученом совете факультета. Эпитеты, эпитеты какие! Бездельник, нарушитель дисциплины, пьяница, даже антисемит. Газету, которую я редактировал, сожгли во дворе института. Еще деталь. На пятидесятилетие института мой недоброжелатель пригласил в почетный президиум всю партократическую знать самого высокого уровня, и даже полковника КГБ, как его представили. Грешным делом я подумал, что весь этот маскарад галстуков собран для моего устрашения. Мол, знай, с кем тяжбу затеял, сотрем в порошок, все в наших руках. Значит, нечист ты, Константин Петрович. Боишься меня. Обложили тяжелой артиллерией. Ох, как их цербер, приставленный ко мне, заведующий кафедрой, подбивал студентов объявить мне бойкот, не ходить на мои лекции. Студенты не поддались на провокацию... Это придало мне сил. Но пенсия отсекла меня от любимой работы. Есть, есть смелые, решительные люди... на них добро и справедливость опираются. Оставить все как есть? Значит расписаться в самоубийстве. Поздно. Да, вам я со стыдом признаюсь в бессилии. Но я еще жив, не сломлен и, как всякий смертный, надеюсь. Был бы верующим, уповал бы на бога. Жизнь моя подобна ныне мрачной и безлунной ночи. Горше не бывает. Вы — моя последняя надежда. Я на правах соблюдения закона, устава высшей школы, норм партийной жизни требую восстановить справедливость и попранные права, возобновить членство в партии, дать возможность доработать оставшиеся полтора года на кафедре до истечения срока преподавательских полномочий. Я теряю контроль над своими действиями. Они могут инспирировать мне психическое заболевание. Вы стоите на защите правды и чести. Люди должны знать, что иерархи власти и партии переродились в вампиров и демонов».

Взволнованно исповедуясь, Николай Иванович словно бы в доказательство истинности своих слов, доставал из папок всевозможные копии писем,

приказов, ответов, постановлений и выписок из протоколов. Наконец, возбужденный, он снял очки и перевел взгляд на Любомира.

— Хорошо, — уверенно и твердо начал Любомир, — меня заинтересовала ваша история. Я, пожалуй, возьмусь за дознание.

— Спасибо, — с облегчением сказал Николай Иванович.

— Я, правда, не большой охотник затевать дела в постфактуме, предпочитаю антифактум, но здесь особый случай. Оставьте мне, если не возражаете, основную из трех ваших папок. В процессе изучения документы должны быть под рукой.

— Ради бога, ради бога. Я вам безоговорочно доверяю, — оживился Барыкин.

— Необходимо, как понимаете, произвести дополнительное, уже журналистское расследование. Настоящий журналист всегда немного разведчик. Спешить не будем. Придется что-то перепроверить, уточнить, дополнить информацию.

— Я тут полагаюсь уже на ваш опыт. Оставлю вам свой номер телефона. Прошу звонить при надобности в любое время суток, — повеселел Николай Иванович, — спасибо.

— Благодарить рано. Попробуем.

Покидал корпункт Николай Иванович в приподнятом настроении, несмотря на то, что исповедь отняла много душевных сил. Покрутил в руках стеклянный флакончик с валидолом, но таблетку под язык не положил.

Любомир, сидя на стуле, потянулся, спрятал зеленую папку в нижний ящик стола. Тягостная атмосфера трудного разговора еще давила на него. Исподволь приятно начинало щекотать нервишки зарождающееся вдохновение.

Ах, как давно он не щупал сытых, самодовольных акул. Только каркал у них над ухом, как ворона. Охотился за мелкими рыбешками... А тут министры, ректор, зав. отделом ЦК, бывший первый секретарь горкома, а ныне второй секретарь Центрального Комитета. За год службы в центральной газете он и близко ничего подобного не печатал, подчиняясь негласному закону. Верхи партии и власти не подлежат гласной критике. Он бесхлопотно сидел на текущей информации, превращаясь в ходока по чужим заботам и мелким жалобам, в этакого «санитарного волка», сопровождал, случалось, иностранных гостей в Хатынь, в Заславль, спортивный центр «Раубичи». Пора, пора тряхнуть стариной. Шлюзы помаленьку открывают и в его «Правде».

Вскипятил воду, насыпал две ложечки растворимого кофе. Любил за чашечкой кофе обмозговать новую тему, прикинуть план работы на ближайшие дни. И тут вспомнил, что у Вовика Лапши, кажется, была любовница из этого самого Института экономики.

Парадоксальный это был человек, его бывший однокурсник, от присутствия которого всегда веяло какой-то мерзопакостной неряшливостью, ехидством, недовольством. Ему удавались пародии, спортивные обзоры и язвительные фельетоны. Скепсис по отношению к себе подавлял всевозрастающим самомнением. Если бы не ранняя лысина на темени, то фигурой он сошел бы за подростка. Из-за неуживчивого характера часто менял работу. В последнее время отбывал «каторгу» в молодежной газете, из которой его «ушли». По его вине случались казусы и ошибки, из-за халатности и невнимания просочились небезобидные опечатки. Вместо «предводитель дворянства» он написал «производитель дворянства». На первый раз простили. Простили и во второй раз, когда он допустил ляпсус на двух страницах и вместо «стабилизация нашего общества» пропустил «стерилизация нашего общества». Третью ошибку ему не простили. Он, на свое несчастье, опять был дежурным по номеру и выдал

перл: «В Алма-Ате накрылся (вместо открылся) съезд коммунистов Казахстана». Впрочем, привыкший к смене мест службы, он не больно унывал. Его лысина мелькала у стоек баров Дома литератора, Дома кино, в гостиницах «Планета», «Юбилейная». Однажды на день рождения Любомира, тринадцатого января, он прислал двухтомник Брежнева и меню: «Икра зернистая, расстегаи. Лососина, балык с лимоном. Ассорти «Лесная быль». Мусс из индейки с фруктами. Овощи свежие, соления, крабы. Бульон-борщок. Суп-крем из цветной капусты. Форель в шампанском. Филе фазана с вареньем. Пломбир. Кофе, миндаль. Фрукты». И приписал «Поздравляю тебя, будущее светило. Читай вождя-ленинца № 1, неустанного борца за мир, и ты развеешь окончательно все сомнения по поводу невозможности построения коммунизма в отдельно изъятой из Европы стране. Пусть кремлевское меню украсит и твой стол».

Любомир открыл записную книжку и позвонил Вовику по домашнему номеру. Недовольный, грубый женский голос ответил: «Не звоните по этому телефону больше никогда. Ваш полудурок-маньяк здесь больше не живет». Улыбнувшись, Горич, набрал номер телефона редакции газеты «Знамя юности» в надежде, что если он там и не появляется, то друзья подскажут, где его искать. Подсказали. Лапша обосновался в подвальном помещении, приспособив под «свой офис» две комнатушки с маленькими выпачканными грязью окошками.

Восседал за столом в мягком огромном, как в авиасалоне, кресле с неизменной сигаретой в слюнявых губах. Он изменился. Если бы Любомира попросили в трех словах обрисовать его фактуру, он бы безошибочно сказал: «Вовик напоминает поношенную шляпку на голове стареющей проститутки. Или в лучшем случае колючку на заднице верблюда».

Очень уж радушно и восторженно до неестественности встретил Вовик сотоварища. Очевидно, демонстрировал свои актерские способности перед двумя рослыми, тоже с сигаретами во рту, сотрудницами.

— Когда Вовику было плохо, никто не заступился, когда Вовику хорошо, он понадобился даже таким мэтрам, как ты? — иронизировал Лапша.

— Вольдемар, ты в тупик заводишь своей консервативностью и внезапными перемещениями. Мог бы и позвонить.

— Шучу. Тебе я прощаю только за то, что ты единственный называешь меня именно так, как нравится моей маме (она была концертмейстером в филармонии, помнишь?) — Вольдемар. Ты удивлен? Да, пока здесь начинаю, как Форд. Но уже все готово. Вот проекты — он показал на планшеты, — все в деле, все в движении. Слышал фольклор? «Куй железо, пока Горбачев». У меня грандиозные планы. Размышления Рериха об идеале красоты — сущий пустяк, мечтания коммунистов о рае — абсурд. У меня идея самая земная, возвышенная, всем доступная, без идеологий. Да, ты пока стоишь в навозной яме, но дай срок, и я отберу у сытых комсомольских руководителей здания обкома, а может, ЦК или Дворца культуры. Не веришь? Садись. Только осторожно, на спинку не облокачивайся. И мебель будет. Шикарная. Девочки, птички мои преданные, вот вам термос... шакалы из домоуправления отключили электроэнергию, но я их заставлю туалет в стене выдолбить... за деньги все сделают... принесите кофе. Пришло время, когда проснулось свойственное каждому чувство вантажа[1]. Начинаю более чем скромно: «Бюро по организации знакомств».

Женоподобное лицо его, редко знавшее бритву, просияло радостью. Он снял очки, потер пальцем вмятинку, оставленную тяжелой оправой на приплюснутом носу.

[1]Вантаж *(фр.)* — выгода.

— Ближайшие планы — создание и выпуск собственной газеты. Тебя мне сам Бог послал.

Любомир онемел от потока информации и увлеченности новоявленного пророка.

— Помоги мне с высоты своего ранга зарегистрировать мое частное предприятие и мое бюро. У меня аллергия на чиновников и цензоров, только автомата Калашникова и не хватает. Тебе это плевое дело. Выступишь поручителем или меценатом перед дурами в исполкоме.

— А какова идейная направленность твоей новой газеты?

— Сатрап, забудь это слово «идея». Никакой идеи! Выбраны только основополагающие темы: эротика, потустороння жизнь души, связь с инопланетянами, азбука любви и фарш из интернационального секса. Секс по-японски, по-китайски, по-индийски, по-шведски, по-американски, ангольский секс, секс Зимбабве и папуасов Новой Гвинеи. На первых порах информационный бюллетень, а потом многотиражная газета «Эрос». Любите, раздевайтесь, звоните, ищите друг друга и находите, занимайтесь сексом грамотно и со вкусом. Начнем с древнекитайской азбуки. Дао любви. Эротические гороскопы, поиски партнеров для брака, для свиданий. Анонимные брачные объявления. Долой стыд!

— Так и подмывает в унисон тебе сказать: да здравствуй разврат, — не без улыбки добавил Любомир.

— Это примитивный подход, поверхностный. Разве ты и я мало развращали умы своими тупорылыми статьями, дышащими верою в светлое завтра?

— Я просто вспомнил слова твоего кумира Сахарова, что «общество в плохую сторону изменяется очень быстро». Из одной крайности в другую.

— Да наплевать мне на всех кумиров, живых и мертвых. Ты же знаешь, сколько мы с тобой сами через прессу вдалбливали в сознание людей культов и культиков. Я в самом себе почувствовал приметы мещанства с первым вдохом свободы. Люди устали, они уже не люди, а роботы лозунгов, жертвы экспериментов, и я их хочу вернуть к природе, к естеству. Все это Возрождение надо заменить перерождением. Тусовку националистов в Троицком предместье и тусовку комиссаров-интернационалистов у витрин с золотом я соберу под одной крышей и примирю. Надо слушать и внимать одному голосу — голосу своего тела.

— Неофрейдизм, что ли?

— Не доставай из небытия пугал. Сейчас другие подходы. Мы выступили проводниками идей международного института души. Слышал о таком?

— Впервые слышу.

— Плохо, сатрап, отстаешь от идей перестройки. Про ауры хоть знаешь?

— Откуда?

— Нормальная, аномальная, проклятие, вампиризм.

— Даже так. На практике проверено?

— Мы семьдесят три года проверяли на практике возможность построения коммунизма, еле до него не дотянули. Биомасса с Венеры одному землянину нашептала, что мы, как космические частицы, нигде не нужны. Полно контактов с инопланетянами. У меня готово четыре интервью со свидетелями. Что ты, милый мой, дай только напечатать, оторвут вместе с моей газетой титьки у киоскерши. В нас накопились миллионы тонн грязной энергии. Она, ВЦ, Высшая Цивилизация, забирает энергию через Бермудский треугольник. Обо всех задумках и планах рассказать невозможно. Будет место гороскопам типа Хинди, предсказаниям, гаданиям... дали слово хиромантам и колдунам. Вот подборка, уже подготовленная к набору. «Как увеличить женскую грудь?» А? Свежо? «Сколько половых актов можно совершать за одну ночь?» А? «Размер

полового органа — влияет ли он на половую силу?», «Что нового у датских гомосексуалистов?» Надо учитывать интересы не только национальных, но и сексуальных меньшинств. Или вот исторический крен, чтобы вернуть к родовым корням: «Кого любила Екатерина II?» При нашем информационном голоде, когда выброшу в киоски свою газету, что сделают?

— Помню, помню...

— Да что там титьки, голову оторвут. Для нас не существует понятия сталинист, репрессированный, герой оттепели или жалкий диссидент — они люди своего времени, для них своя программа: «Лекарства от импотенции», «Искусственный член, реален ли он в Советском Союзе?», очень умная, тонкая статья нашего сексолога «Половая жизнь после семидесяти лет». Повторяю — это только часть задуманного, а в мечтах, в радужных планах, — а я осуществлю их вплоть до самосожжения, — есть выход на создание совместного с инофирмой предприятия. Советы перед долларом не устоят, и мы откроем республиканский центр Эроса. Это в перспективе. А пока газета. Нужен первичный капитал. Комсомол кинул на видеосалон десять тысяч, как голодному кость, но и за это спасибо. Найдем место сексуальным анекдотам, курьезам. Жизнь многогранна. Выступим инициаторами и спонсорами конкурса красавиц.

Голова у Любомира шла кругом, лицо побелело, не хватало воздуха. В этом микроаду было страшно накурено. Девушки принесли кофе, подали и ему чашку с отпечатками губной помады на краю. Секунду-две помолчали.

А вот ведь забыл показать самое забойное. В каждый номер, — не мог успокоиться вошедший в раж Вовик.

— Что? — Любомир взял в руки книжку небольшого формата.

— Подарок создаваемой сексуальной партии Польши. Любовные позы на каждую ночь. Уникальная книга. Она поможет любви набрать новые обороты. Знаешь, уйдя с головою в тему Эроса, я ожил, словно проснулся от летаргического сна. Я был близок к помешательству... Как вспомню... Герои пятилеток, планы, планы... Отчеты с партийных собраний, выборы, перевыборы, снова выборы... Субботник, ударные вахты, встречные планы, конференции, пленумы, пленумы, съезды партии, Союза, республики, комсомола, отчеты, отчеты... Невыносимо.

— Согласен. Время от времени в любом обществе наступает кризис общественной морали, — Любомир решил закрыть тему.

— Вот именно. Люди по-своему ищут спасения от разочарований, психологического однообразия. Кто в чем. Вот мы и будем подсказывать. Ненавязчиво направлять. Знаешь, я раньше не верил в жидомасонство. Думал, что наиболее угнетенные и растерянные русские патриоты придумали себе врага. Нет. Они есть. Умнейшие люди. В массе своей народ — быдло, духовные недоросли. Надо изучить примитивные инстинкты у каждой нации и умело, тайно направлять. Как? Посредством богатства создать политику, политика создаст власть, и они вместе утроят вложенный капитал.

— Друг мой, но в твоем благом желании осчастливить мир я вижу и обратную сторону медали. Свобода от морали — не приведет ли это к цинизму, равнодушию к пороку у молодого поколения? Великие, предостерегая, оберегали. Помнишь, Достоевский говорил о вседозволенности, Гоголь о безбожии, Шекспир о необходимости противостоять злу. Не спровоцирует ли твоя «просвещенность» элементарный блуд, разврат?

— Пуританин, как раз от разврата мы и спасем. Разве же развал, который охватил все структуры, — не разврат? Только сексуальная революция обходится без крови. Выжили и Дания, и Швеция, и Германия, и Америка.

— Не был, не знаю.

— Не прикидывайся коммунистом. Я был вроде тебя, закомплексован на запасных частях для трактора «Беларусь», молодечненских баянах и правильном написании призывов на городских щитах к Великому Октябрю. Однажды, выйдя рано утром на пустынный проспект, я представил щиты с женской грудью и мужскими детородными органами, и все стало на свои места. Я очистился. Перестроился. Я избавился от невроза, забыл, какой я национальности, исчез страх. Это мое призвание. Стезя не легка. Я первопроходец. Но кому-то всегда надо рисковать, быть первым. Нация вымирает. Каждый выбирается из дерьма по-своему. Тебе признаюсь. Мы напечатали ротапринтным способом, спасибо КГБ, еще разрешает, несколько экземпляров моей газеты «Эрос». Подпольно, как вождь «Искру». Ошеломляющий успех. На почтовый ящик пришли первые восторженные отзывы. Это утроило мои силы, объединило единомышленников. Вот некоторые выдержки: «Спасибо. Помогает нам в вопросах интима. Напишите, правда ли, что импортные презервативы увеличивают член?», «Кто читает вашу энциклопедию секса, тот повышает свой моральный уровень. Прочитал вашу газету. Спасибо. Я был близок к изнасилованию своей классной руководительницы. Вы умными подсказками о пользе онанизма остановили мое желание. Ученик седьмого класса К.».

Вот он, живой отклик читателей, критерий необходимости и успеха. А помнишь, в молодости... Мы ведь письма «мертвых» читателей инсценировали сами, придумывали их сами, сами же и отвечали. Монополии лжи, завладевшей массами, я противопоставляю правду. Интервью с проститутками, гомосексуалистами, лесбиянками — все это станет нормою. Надо нашему зашоренному человеку смелее и решительнее входить в Европейский дом с новым мышлением. Будет страничка и для самых маленьких. «Онанизм в детском саду и надо ли с ним бороться?» В передовой Америке табу с детского секса давно снято. Есть деньги, выписывай себе из Филиппин или Бангкока семилетнюю лилию и наслаждайся. Вот, я понимаю, свобода! А какой капитал! А мы профаны. Пока не поздно, пиши заявление, переходи в мое предприятие. Отдам место главного редактора. Что, жалко расставаться с черной «Волгой», пятьюстами рублей, лечкомиссией, буфетом ЦК и магазином в подвале Совмина?

— Боюсь, не осилю, уж больно обильный материал.

— Давай, иронизируй. Погляжу через год-два, когда я буду ездить на мерседесе, как ты запоешь. Хочешь на спор?

— Верю. Вольдемар, разве я когда-нибудь сомневался в твоих способностях?

— Думаешь, деградирует, потеряет профессионализм? Безграничное поле для фантазии. Вот одни объявления о знакомствах. Чехов растерялся бы. Из-под моего пера должны выходить такие перлы, чтобы дышащий на ладан старикан, прочитав брачное объявление, крик души, откликнулся на сексуальный зов и, можно сказать, из гроба, на всех парах вперед, к той единственной, о которой мечтал все последние пятьдесят лет. Вот оно, мое перо. Образчик послушай: «Отзовись! О, мой единственный, самый длинный, нежный, сильный! Это я, твоя Прекрасная Тамара. Мне надоело одиночество, ты приди, и я буду только твоя». «Доброжелательная, голубоглазая, играю на скрипке, гитаре, пианино. Познакомлюсь с порядочным мужчиной без алиментов, с образованием не ниже средней школы. Не склонна к полноте. Вкусно готовлю. Умею ждать». А вот текст клиента: «Природой не обижен. Интеллигент до мозга костей. Ищу покровительницу яркую, эффектную, сексуально-агрессивную, мечтающую о нетрадиционных формах сексуального общения. Хочу

быть в полном сексуальном подчинении. Скромных прошу не писать». Таких объявлений у меня пойдут сотни, тысячи.

— Допустим, просветил ты всех — от вахтера до шахтера. Дальше что?

— Наивный, по второму кругу. Детишки ведь подрастают. Диалектика жизни. Для нас старое, для них новое. Только вчера до полночи сидел, теперь мало отдыхаю, горю весь: закончил интервью с нудистом. Фанат. Семьдесят пять, а тело как у йога. Километров пять идет по берегу, находит укромное место, оголяется, очищает тело и разум от вредной энергии, роднится с природой. Его травили и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе. Выстоял. Хитер, бестия. Вместо плавок для конспирации сделал вокруг татуировку: все в овощах, фруктах, на ягодицах — виноград, а посредине огурчик. Остроумно. Редко кто мог заподозрить, что он голый, сейчас боится глазастых прорабов перестройки. Он был известным натурщиком в театрально-художественном институте. Изображал партийных работников, сталеваров, космонавтов. Скафандр на голову и сидит. Если бы не склероз, он и по сей день позировал бы. Болезнь подвела. Как сидел однажды, так в одной татуировке и пошел по улице, сел в троллейбус, приехал домой и вспомнил, что одежду забыл в аудитории. Пришлось вернуться. Это подвиг. Это для книги рекордов. О нем диссертацию писать можно. А ты думаешь, оскудели мы на личностей, не героев дня? Замечаю, что народ почему-то звереет, как во времена раскулачивания. В борьбе за власть общаются в основном посредством ненависти. Разве не благородна моя миссия: обратить ненависть в любовь?

Любомир, стараясь вникнуть в путаную связь слов, слушал очень внимательно, подчас подавляя смех. Не понимал: эйфория это маньяка, искреннее ли желание помочь людям, деградация духа, просто легкий способ разбогатеть за полгода, отчаяние, протест, патология, хитрая приманка для вербовки проституток? Что? Опьянение свободой? В голове все перемешалось, и он не мог определить истинной цели задуманного Вовиком Лапшой, который ошеломил и утомил его. Пора и свои дела решать, пока новоявленный миссионер не откопал очередной опус: «О влиянии лунного света на загробную жизнь импотента». Вроде до сорока он не страдал комплексом неполноценности. Втайне, может, и завидовал удачливым красавцам, потому как сам успехом у женщин не пользовался. Ему было достаточно быть себе на уме, неглупым, оставаясь всегда в тени. Принципиальный женоненавистник с «философским» подходом, он выливал в своих фельетонах пуды грязи на женскую половину человечества. И вот неожиданный крен, возвышение женщин и женского тела.

— Теперь слушаю тебя. Чем обязан? — Вовик решил передохнуть, закуривая третью сигарету.

— Хотелось бы тет-а-тет.

— Сделаем. Птички мои безголосые, еще бы кофейку.

Девушки нерешительно взяли со стола термос.

— Понял, — Вовик достал из нагрудного кармана джинсовой курточки три рубля.

— Мне нужна твоя помощь. Помнится, у тебя была пассия из Института экономики. Не мог бы ты познакомить меня поближе?

— В двух словах исходную обрисуй, — попросил Вовик.

— Я пообещал одному незаслуженно обиженному ветерану помочь восстановиться в партийной организации этого института. Твоя бы дама пролила свет на атмосферу.

— Как ты сказал? Помочь вернуться в партию? Вот образчик идиота совдепии. Сейчас из партии уже активно выходят, как крысы с корабля бегут, тысячи и миллионы, а ему свербит вернуться.

— Каждому свое.

— Если затуманят голову идеями — то это надолго. Ты знаешь... я пас, не смогу помочь в этой грандиозной акции. К моей бывшей вернулся из тюрьмы муж. Он сидел по мокрому делу, пришил одного. Он дебил. Ревнует, как три Отелло, вместе взятых. Мой тебе совет — обойди стороной. Сторожит ее... в замочную скважину подглядывает. Накрыть хочет. Она сама в ужасе. Боится с мужиком заговорить. Ему невтерпеж найти того, с кем она спала в его отсутствие. Не ходи. Я видел его глаза. Клинический случай Ламброзо. Впрочем, есть выход. Позвони.

— Нет. Это не телефонный разговор.

— Что там тебе уж такого тайного эта пешка может рассказать? Есть у нее там любовник. Она и меня за счет института возила в Крым, якобы к партнерам по внедрению научных разработок, так называемых хоздоговоров. Катаются, кто в милости у ректора, по всему Союзу: от Тихого океана до Балтийского моря.

— Ладно. Коли так, будем искать другие пути.

— Я бы помог, ей-богу. Секс — это высота, но жизнь дороже. Боюсь связываться с больными. Ты волк опытный в этих делах, обойдешься и без нее. Впрочем, вот тебе номер ее телефона и фамилия, но при условии... не упоминай моего имени.

Любомир не взял листок с телефоном, пообещав ходатайствовать по делу Вовика в исполкоме. Покинул душные и грязные апартаменты новоиспеченного бизнесмена. Водитель служебной машины, выходец из деревни, кряжистый, пузатенький Фомич не скрывал обеспокоенности.

— Я ужэ, Грыгорьевич, хотел вас шукать. Может, случилось што?

— Все в порядке. Нах хауз. Захватим мою половину, сумки с бельем, подбросишь к прачечной, и распишемся у Бога в ведомости, что день прожит без греха.

Что-то едва уловимое расстроило Любомира. Он не любил, когда дело в самом начале давало осечку. Это было плохим предзнаменованием. Проверено не один раз.

— Лучше расписываться в ведомости, где выдают наличными. А то мы расписываемся с вами у Бога уже второй год, а повышения зарплаты няма, — соскучился по разговорам водитель.

Фомичу под пятьдесят. У него две дочери, которых он никак не может выдать замуж, и скромная домоседка бухгалтерша-жена, которую он винит в том, что дочери до сих пор без пары. В глазах у Фомича услужливость, движения торопливые, нос боксера. Он читает только «свою» газету и детективы, из которых собрал приличную библиотеку. По субботам ходит к магазину «Букинист» на улице Волгоградской и полдня ждет, выменивает новое чтиво. Ему очень нравится, когда шефы-начальники обращаются с ним запанибрата: «Фомич, давай жми к Дому правительства, к заводу холодильников. Увольнение на час». Была у него слабость: любил, успевал крутануть баранку налево, сшибить пятак, червонец. Но чтобы самовольно, без спроса, внаглую — этого себе не позволял. Любомир с Фомичом сразу нашел общий язык, но держал его на расстоянии, очень редко посвящал в перипетии своей личной жизни.

К вечеру воротились очень усталыми, не включили даже телевизор — «третьего члена семьи».

— Когда-нибудь я выберусь из этой чертовой хрущевки, из этого прескверного микрорайона или нет? Или ты мне уготовил житие в этой дыре до смерти? — день утомил Камелию, ей надо было излить свою злость-раздражение.

— Ты отлично знаешь, что членам Союза журналистов не положена, в отличие от членов Союза писателей, дополнительная жилая площадь под рабочий кабинет. Мы можем претендовать на улучшение условий: из панельного дома в кирпичный.

— Кто тебе мешает улучшить? Сколько партийных нахлебников получили по второму разу.

— Жду. Шеф обещал ускорить.

— Обидно. Ты не понимаешь, что значит жить в центре. Ты не минчанин. Когда ты в командировке, я холодею от страха, возвращаясь с концертов домой, — ей хотелось, чтобы он посочувствовал.

— Постараюсь меньше бывать в отлучках. Надо уметь временно подчиняться обстоятельствам. Давай спать.

— Это твое новое кредо? Раньше слышала от тебя противоположное.

— В какой-то степени. Я ничем и никому не хочу быть обязан. У журналиста имя до тех пор, пока он независим, а независимость — гарант моего жизнелюбия и вдохновения.

— Неужели ты уверен, что мощный партаппарат не подчинит тебя своей власти? Вон, кающиеся ныне международники, борцы за мир не тебе чета, а как раболепствовали...

— Партия теперь меняет стратегию. Да и я не рядовой клерк. Переждем безвременье... меня не оставляет предчувствие, что мы уедем с дипломатической миссией в Нью-Йорк.

— Свежо предание…

— В последние годы ты меня почему-то особенно недооцениваешь.

— Между прочим, в этом мы с тобой квиты. Ты влюблен исключительно в себя и в свое творчество. Ты почти превратил меня в рабочую лошадку, ограничив мое творчество кухней, которая у меня уже ассоциируется с тюрьмой.

— Разве я не был добр к тебе?

— Не говори этих слов, не люблю. Это чужие слова. Так Сталин сказал у гроба Аллилуевой. Ты добр, может быть, но тогда, когда это тебе выгодно. Не могу здесь спать. Пойду в ту комнату, — она взяла свою подушку, одеяло.

— Хорошо. Иди.

— Ты, конечно, рад.

Через минут десять-пятнадцать он пошел следом за ней в комнату Артема, сел на тахту, гладил ее плечо, спину.

— Не обижайся. Ты талантлива, умна, горда, — говорил он с натужной теплотой в голосе, уставившись глазами в старый ковер на полу.

— Не трогай меня. Все это ложь. Все слова, движения. Ты умеешь тонко притворяться, но я чувствую ложь. Выключи свет. Я устала... от всего устала, даже кажется, устала жить.

Он выключил свет и без тени сожаления вернулся на свой диван, накрывшись вместо одеяла большой желтой махровой простыней. Он думал об Олесе; ему хотелось услышать ее голос. Завтра же после поездки на завод холодильников (там запускали в производство новую модель) он встретит ее у входа в клинику. Без звонка, сюрпризом. Мысли о деле Николая Ивановича отошли на второй план. Прежний азарт, нетерпение, негодование, напор, желание «закрыть проблему» в течение трех-пяти дней угасли.

Перевод с белорусского Натальи МАРЧУК.
Продолжение следует.



МИХАИЛ ПОЗДНЯКОВ

Научиться мигом дорожить

* * *

Не обозлись, не потеряйся:
Мол, впереди уже — ни зги.
Унынье — тяжкий грех, покайся,
В душе надежды не сожги.

Ты посмотри: ведь у природы
Извечно свой круговорот,
И за зимой весна приходит,
А вовсе не наоборот.

И сколько есть тоски, печали,
Есть столько радости, добра!
И те, что верили и ждали,
Нам подтверждают, что — не зря.

* * *

О времена, о нравы! Люди
К себе неужто лишены любви?
Друг в друга бьют из всех орудий
И торжествуют на крови.

Неужто демон в них вселился?
И в руки дал кровавый меч?
И Бог, бессильный, прослезился?
И тщетно варварство пресечь?..

* * *

Побродить бы опять по деревне,
Погрустить по ночам, помечтать
И поспать на дурманящем сене,
И настоем земли подышать.

Босиком по серебряным росам
Убежать в предрассветный туман

Да с ребячьей ватагой у сосен
Поиграть бы опять в «партизан».

В нашей тихой, прозрачной речушке
Наловить на уху окуней
Иль под свист переливный пичужки
Замереть вдохновенно пред ней.

Вновь нарвать бы во ржи придорожной
Синеглазый букет васильков
И, подкравшись к окну осторожно,
Подарить однокласснице вновь.

Побродить и представить все снова,
Все, к чему возвращения нет,
Да на луг забрести бы медовый
И упасть на ромашковый свет.

* * *

Листва вдоль аллеи кружилась,
И ветер пел голосом струн.
Смотрел я, как солнце садилось
За юную, сочную рунь.

И нежное чувство земное
Наполнило сердце мое.
Истоком его было поле,
А может, смущенье твое.

* * *

Нет, не стану отрицать:
В зимний час, в весенний
Счастье может состоять
Только из мгновений.

А вот горе может быть
Долгим и незваным…
Научиться б дорожить
Мигом долгожданным…

* * *

Мы теряем жизнь, не умирая,
А живя, предав волшебный свет.
Не грусти, о прошлом вспоминая,
В грусти тоже утешенья нет.

Все познав, от боли отрекаясь,
Презирая мир наш и любя,
Я туда пойду, не озираясь,
Где — ни лжи, ни мрака, ни тебя…

* * *

А любовь — это свет
Чистоты неземной,
И не может любви
Быть на свете иной.

Все другое — обман,
Заблуждения вязь,
Ибо там лишь любовь,
Где отсутствует грязь.

Нерасцветшая роза

Вдруг повеяло холодом в мае,
Не поняв и не приняв беду,
На промозглом ветру умирает
Нерасцветшая роза в саду.

Как теплом она первым дышала,
Как под нежной небес синевой
Расцвести поскорее мечтала,
Изумить всех своей красотой!

И до времени с тайным восторгом
Как спешил к пробужденью твой цвет!
Только грезила роза недолго —
Рассмеялся мир грезам в ответ.

Знаю, часто такое бывает.
Сам когда-то вот так же уйду…
Но рыдает душа: умирает
Нерасцветшая роза в саду.

* * *

Придешь такая озорная
И очаруешь красотой.
Но я ведь знаю, я ведь знаю:
Ты только гость сегодня мой.

Уйдешь, и на душе метели
Навеют боль, тоску и грусть.

Ах, неужели, неужели
Я расставаться приучусь.

Не станет сердце волноваться,
Привыкну временно встречать
И разучусь большое счастье
От полусчастья отличать.

* * *

Я знаю, что на небесах
Однажды радуга растает
И вскрикнет в солнечных стихах
Мечта наивно-золотая.

Но только будет сквозь года
Весной врываться сладко в душу
Большое то, что никогда
Святое что-то не нарушит.

И будет боль моя светла,
И будет свет струиться болью,
Что, не придя ко мне, ушла
И что, не встретив, я с тобою.

* * *

Не всё продаётся,
Не все продаются.
Великие сердцем
Не могут прогнуться.

Есть Бог и Отчизна,
Есть Воля и Правда —
Бесценное в жизни
Сегодня и завтра.

Перевод с белорусского автора.





ВЕРА ЗЕЛЕНКО

Два рассказа

Инстинкт

— Виктория Викторовна! Уважаемая! Мне очень жаль, но мы не можем принять ваш подарок. Велосипед замечательный, о таком мечтает любой мальчишка. Честно говоря, я с удовольствием купила бы похожий для своего внука. — Голос заведующей слегка потеплел, ласковым взором она еще раз прошлась по блестящим деталям великолепного подросткового велосипеда. — Но принять его мы не можем. — Голос ее снова прозвучал жестко.

Краем сознания Вика зацепила: у нее отобрали надежду. Ей тотчас захотелось вытворить что-нибудь этакое, например, садануть по лбу, расколошматить эту скуластую размалеванную куклу с короткими руками. За последние двадцать лет Вика успела напрочь забыть о подобном типе человеческой породы. Это осталось в прошлой, советской жизни, к которой она уже не имела никакого отношения.

— Но почему? — интонация, вопреки воле, получилась заискивающей. — Ведь по телефону вы всячески намекали… — она запнулась, — вы просили о посильной помощи дому. Вот вам моя помощь! Адресованная Павлику… — Вика осторожно подбирала слова. — А внуку вашему я привезу точно такой в следующий раз, — это было началом лицемерия.

— Это исключено, — проговорила заведующая, как Вике показалось, чуть испуганно.

— Но что, что случилось?

— Видите ли, уважаемая, — заведующая подняла на Вику глаза, по цвету они удивительным образом сочетались с грязно-серыми обоями приемной, — с момента нашего последнего разговора действительно кое-что изменилось в отношении иностранных лиц, желающих усыновить русского ребенка. Участились случаи жестокого отношения к усыновленным детям. Политика государства в этом вопросе претерпела изменения, — повторила, четко выговаривая каждое слово, заведующая. За спиной у нее колыхались и нежно струились капроновые шторы.

— Вы странная женщина, Галина Ивановна. Ну какое же я иностранное лицо? Я говорю с вами по-русски, и заметьте, без акцента.

— Мы с вами обсуждаем проблему по второму кругу. Извините, у меня полно дел. — И она уткнулась в папку с документами. Замолчав, Вике дали понять, что в ее присутствии больше не нуждаются.

— Сколько? — неожиданно даже для себя выкрикнула Вика.

— Что сколько? — глаза заведующей сузились.

— Чем вы берете — рублями, долларами, евро?

— Я сейчас вызову милицию! — тетка покрылась красными пятнами.

— Пожалуйста, не делайте этого, — Вика мгновенно съехала до жалобной интонации. Она поняла, что совершила тактическую ошибку. — По крайней мере, вы позволите мне увидеть мальчика еще раз?

— Нет! В этом нет необходимости, — рявкнула Галина Ивановна. — Не будем травмировать ребенка. Мы с вами беседуем в последний раз. — Она снова взглянула на новенький велосипед, на этот раз с сожалением. — И как это угораздило ваших родителей, дорогая Виктория Викторовна, при таком отчестве дать вам такое имя? — вопрос прозвучал хамски.

— Разве дело в этом? — побочный смысл ускользал от Вики. Словно она забыла, где и зачем находится. — Главное — ребенку будет комфортно со мной. — И она снова заговорила об усыновлении как о решенной проблеме: — Мы с мужем будем заботиться о Павлике. Я буду учить его музыке.

Вика на секунду закрыла глаза, по телу пробежала волна неожиданной радости — она представила, как ведет Павлика в первый класс музыкальной школы и в руке у него детская скрипочка. Она разомкнула веки, увидела грязно-серые стены приемной, волна нечаянной радости мгновенно разбилась о жестокую реальность.

— Сколько вам лет? Сорок пять, пятьдесят? — делано равнодушно поинтересовалась Галина Ивановна.

— Сорок восемь — если уж вы так настаиваете, — пролепетала она, не понимая, куда клонит заведующая. Взгляд женщины стал окончательно беззащитным.

— Извините, но вы и по возрасту не годитесь в приемные матери. А почему вы сами не родили, на вид вы вполне здоровая женщина? — выстрелила очередной бестактностью заведующая.

— С чего вы взяли, что не родила? У меня взрослая дочь. У нас прекрасные отношения. — Лицо Вики мгновенно полиняло. Похоже, эта размалеванная кукла понятия не имеет о деликатности.

— Ну так потребуйте у нее внуков!

— Как же вы не понимаете, я хочу сделать счастливым именно Павлика!

— Все! Разговор окончен. Всего вам доброго! Поищите ребенка в Германии. Или, на худой конец, в Минске. Вы, кажется, оттуда родом? Для усыновления вам вовсе не надо было ехать так далеко, в Ленинградскую область. И не забудьте забрать ваш велосипед. В знак прощания с некой возможностью… я дам вам бесплатный совет: живите в свое удовольствие, с нашими проблемными детьми этого у вас не получится. — Лицо ее вновь стало непроницаемым.

Вика резко толкнула входную дверь, вышла из кабинета отчасти оглушенная. Она была унижена, оскорблена, раздавлена. Жалобно скулила душа. Еще никто не позволял себе разговаривать с ней в подобном тоне. И это в день ее триумфа…

Она завернула за угол дома-интерната, один вид которого мог привести в уныние и менее эмоционального человека. У скамейки, выкрашенной в мерзкий болотный цвет, ноги ее подкосились, Вика рухнула на жесткие доски, сумка упала в грязь…

Павлик появился неожиданно — то ли вывалился откуда-то, то ли вырвался из чьих-то цепких объятий.

— Мамочка! — мальчик кинулся к Вике на шею, и ее глаза мгновенно стали влажными. — Забери меня отсюда. Я тебя так долго ждал, волновался, вдруг ты найдешь себе другого сыночка.

— Ну что ты, Павлик! Другого мне не надо. Я хочу только тебя… Послушай, а ты не хочешь прогуляться со мной в город? — неожиданно спросила

она вкрадчивым голосом и воровато огляделась. Решение вызрело почти мгновенно.

— Хочу, — неуверенно ответил малыш.

— Я сейчас выйду за ворота. А ты… у вас есть где-нибудь дыра в заборе?

— Есть, там, за сараем, только очень маленькая.

— Ты не мог бы… — она не знала, как начать фразу, — ты не мог бы, ну, словом, проскользнуть в нее? — Вика не решалась заглянуть малышу в глаза. — Понимаешь, ваша Галина Ивановна не хочет, чтобы мы с тобой общались.

— Я знаю, — горестно вздохнул малыш. — Она хочет, чтобы у меня была другая мама… Недавно приезжала чужая тетя. Очень красивая, но глаза у нее, как у куклы, — неживые. Еще у нее такая крошечная собачка — с бантиком и золотой цепочкой на шее.

— Так уж и с золотой? — удивилась будто бы Вика. — Ну да ладно. Ты все понял?

— Да, — тихо ответил Павлик и жалко улыбнулся.

Вике захотелось расплакаться.

— Ты только не заходи в комнату. Ладно?

— Мне же надо переодеться. И попрощаться с Антошкой. — Он, кажется, все понял, этот маленький человечек.

— Не надо. Мы купим тебе все новое. А Антону ты напишешь письмо, когда научишься грамоте.

— Я уже знаю пять букв, — гордо заявил малыш.

— Ну, беги! — и она подтолкнула его в сторону сарая.

Вика вышла за ворота самого мрачного заведения из всех, что ей пришлось посещать в жизни, на выходе сдержанно кивнула сторожу. Теперь дрожали не только ноги, дрожали руки, мелкой дрожью сотрясалось все ее тело. Впрочем, на ощущениях зацикливаться было опасно. Хладнокровие и только хладнокровие может сейчас ее спасти.

Она махнула рукой водителю проезжающего мимо автомобиля, он даже не сбавил скорости. И только пятый или шестой по счету автомобиль притормозил. Вика села на заднее сидение, жестом показала водителю ехать вдоль кирпичной стены по направлению к деревянному сараю, крышей лишь возвышающемуся над просевшей кладкой старого забора. Возле крошечной дыры Вика едва разглядела Павлика — он сидел на корточках, маленький, до смерти перепуганный воробышек. Сердце Вики зашлось от жалости и сострадания. Она едва сдержала рыдания. Водитель делал вид, что ничего не понимает. Вика толкнула дверцу автомобиля, махнула Павлику рукой, мол, давай действуй быстрее, затем, когда он вплотную приблизился, ловким движением втянула его в салон автомобиля, прикрыла рукавом, как крылом, наконец выдохнула водителю: «Гони в Питер!» — и на его наглое «Сто баксов!» показала рукой, — ладно, вези, мол, там разберемся.

— Мама, скажи дяде, — пролепетал Павлик, — что ты меня из детдома украла.

— Тише, Павлик, я тебя не украла, а усыновила. — Вика бросила испуганный взгляд в сторону водилы. Тот сделал вид, что ничего не слышит. Ее всегда потрясали особенные чуткость и благородство людей, рассчитывающих впоследствии на особенную награду за свои особенные чуткость и благородство.

…Дзекцер, с редкой расторопностью распахнувший дверь гостиничного номера на их тихий стук, был явно обескуражен. Он и предположить не мог, что в этой стране хоть что-то может мгновенно сдвинуться с места. Он сразу

же занялся легким ужином — надо было срочно накормить на глазах увеличившееся семейство. С Павликом он уже был знаком. С плохо маскируемым любопытством он поглядывал на малыша, но вопросы задавать остерегался.

Вика устало бросила:

— Я тебе потом все объясню… Детдом закрывают на ремонт, документы были уже готовы, так что затягивать вопрос не было нужды.

Дзекцер никогда не сомневался в способности жены решить любую, пусть самую сложную проблему легко и даже виртуозно. Он знал — если надо, она пойдет напролом.

Вика металась по гостиничному номеру, пытаясь скрыть собственное смятение не только от Дзекцера, но и от себя. Пять минут она посидела возле Павлика, обняв его и вдыхая особенный запах его волос, его нежной кожи. Стала себя уверять, что так пахли волосы Лады, когда та была маленькой. Значит, можно считать малыша отчасти родным. Она гладила его плечи, руки, сбитые коленки, он жался к ней своим маленьким острым тельцем. Трудно было представить, что где-то живет женщина, его настоящая мать, возможно, тихая пьяница, не понявшая, какой дар был ей послан Богом. Ну да ладно. Не суди, да не судим будешь.

— Звонила Анна Павловна, — равнодушно сообщил Дзекцер.

Вика чуть не набросилась на него:

— Так что же ты молчал?

Он лишь пожал плечами в ответ.

— Хочешь сока? — немного успокоившись, спросила она ласково у жавшегося к ней Павлика.

— Нет, он кислый, — малыш смешно сморщился. — Хочу кока-колы.

— Она вредная.

— Почему все вкусное — вредное, а кислое и горькое — полезное? — весело поинтересовался малыш.

— Не знаю. Надо подумать.

— Мама, я что, пойду в школу, где учатся одни немцы?

— Возможно, — спокойно ответила Вика.

— А немецкие дети дружат друг с другом?

— Наверно. Как и везде.

— А Антон говорит, что русских нигде не любят.

— Антон глупый. Павлик, ты посмотри, пожалуйста, телевизор, а я… в общем, мне надо переодеться.

Вика распахнула гостиничный шкаф, где, как в дорогом магазине, в замечательном порядке были развешаны ее замечательные наряды, но протяжно зазвенел телефон. Это звонила мать. Из Минска.

— У меня все в порядке! — прокричала в мобильник Вика. — Защита прошла гладко, но скучновато. Даже обидно. Я ведь столько лет ждала этого дня. Да, сегодня собираемся у Лизы. Потом будет небольшой фуршет. И Анна Павловна будет, а как же! Ну зачем ты об этом спрашиваешь? До каких пор ты будешь вмешиваться в мою жизнь? — Вика, как всегда, когда говорила с матерью, пришла в сильнейшее раздражение. — Мама, мне почти пятьдесят, а ты все учишь меня жить… Ах, оставь это…

Дзекцер слушал разговор вполуха, потягивая шампанское. Он давно научился не реагировать бурно на Викины выходки. Он к ним привык. Это была женщина-вулкан. И рядом с нею можно было сохранить себя только при условии спокойного восприятия любого извержения. Да, иногда он мог отравиться угарным газом или слегка перегреться, но он никогда не лез в самое жерло.

— Мама, давай договоримся, что я сама буду решать, как мне жить. И усыновлять мне Павлика или нет, это исключительно мое дело… Про Ладу лучше не спрашивай. Она готова бесконечно изучать все что угодно, лишь бы не начинать зарабатывать себе на жизнь. Хорошо, если ее будущий муж поймет это сразу. — Вика резко повернулась к Дзекцеру, крикнула раздраженно: — Дзекцер, стучат же, ты разве не слышишь? Открой! Нет, погоди минуту! Ладно, мама, я тебе завтра перезвоню. Я тебе и Анне Павловне купила путевки в Палангу. Все! Дзекцер, милый, — она снова повернулась к Дзекцеру, — уведи Павлика в ванную и умой его. Пожалуйста! Все нормально, просто я не хочу, чтобы его тут видели.

Снова у Вики задрожали руки, волна страха второй раз за день накрыла ее. Такого прежде не случалось. На ватных ногах она подошла к двери, прислушалась, открыла. Перед ней стояла Лиза и что-то радостно щебетала. Смысл ее слов плохо доходил до сознания. Потом Лиза обняла ее, еще раз осыпала поздравлениями, сказала, что будет ждать ее и Дзекцера внизу. Петр Сергеевич уже там. Ему тяжело было бы подняться. Хотя он тоже спешит заключить Вику в свои объятия, искренне поздравить с победой. Вика вдруг подумала с раздражением: «Эта дурочка нашла себе поклонника, который вот-вот рассыплется, зато выслушивает от него каждые пять минут самые изысканные комплименты».

— Павлик! — Вика присела рядом с мальчиком на диван, обняла его. — Мне очень жаль, но мы с Дзекцером вынуждены оставить тебя на вечер. Мы обязательно должны посетить сегодня вечером одно мероприятие. Мы постараемся задержаться ненадолго. Ты не скучай! Ладно? Вот тебе книжки-раскраски, карандаши. — И Вика вытащила из сумки заранее приготовленные для Павлика подарки. Наконец-то все эти детские вещи стали уместны.

— Как ты можешь оставить его одного в первый же вечер? — спросил по-немецки Дзекцер, интонация, как всегда, была бесстрастной.

— Ты же знаешь, какой для меня сегодня день! — раздраженно ответила Вика, разумеется, тоже по-немецки. — И не делай вид, что ты лучше и благороднее меня. Ты до сих пор не начал изучать русский. Я тебя просила об этом сотни раз. В конце концов, как ты собираешься общаться с ребенком?

Дзекцер поднялся с дивана, чтобы вернуть на место бокал, при этом что-то бормоча себе под нос, что-то вроде: «Я на их месте не стал бы доверять тебе ребенка!»

— Что? — резко выкрикнула Вика. — Что ты сказал?

— Я думаю, ты еще не созрела для материнства! — произнес он спокойно, но взгляд почему-то отвел в сторону.

— А-а! Ты полагаешь, у меня еще есть время для дозревания? Смотришь, годам к семидесяти я стану идеальной мамочкой! Ты это имеешь в виду? — в ней все клокотало от бешенства.

Дзекцер дипломатически умолк.

Вике и в самом деле было невероятно жаль в первый же вечер бросать малыша, но, несмотря на справедливое замечание Дзекцера, положение обязывало посетить мероприятие, организованное Лизой в ее честь. И все же как некстати этот сегодняшний вечер! Но никому ведь не объяснишь, что Вике сегодня совсем не до Вертинского. Она прилетела в Питер, чтобы защитить докторскую, которую уже однажды защитила в Германии. Диссертация была об открытии новых иммунных клеток, что, по отзывам профессионалов, стало очередным прорывом в микробиологии. Тему Вике подарил бывший шеф, когда-то гостеприимно приютивший ее, молодого и перспективного ученого-

микробиолога из Минска, в своей лаборатории. Шефа уже не было в живых, а Вика все питала к нему самые нежные чувства… В какой-то момент кропотливой и долгой работы над иммунными клетками ей даже показалось, что она не прочь выйти замуж за немолодого, но весьма элегантного своего руководителя, и она начала совершать некие действия в этом направлении. И все-таки более сильное и более естественное чувство к молодому красавцу Дзекцеру, такому же соискателю ученых степеней, одержало в ней верх. Хотя иногда она очень жалела об этом.

В общем, год назад шеф покинул бренный мир, и думать обо всем этом теперь не имело никакого смысла.

Наверно, Вика должна была подарить Дзекцеру сына. Но, во-первых, у нее уже была дочь, плод странной любви неприкаянной пары. Дочь она растила трудно, часто передоверяя ее своим бойфрендам, которым и сама была не очень склонна верить. Став взрослее, она с ужасом вспоминала, как бросала тринадцатилетнюю Ладу со своим бывшим мужем, который вовсе Ладе отцом не являлся, а был к тому же музыкантом, гитаристом, то есть личностью неустойчивой, подверженной перепадам настроения, да и отношения между ними к тому моменту сошли на нет. Она вытащила его из Минска, из того постсоветского ужаса, от которого бежала сама, привезла в Германию… чтобы вскоре понять, насколько он бездарен и инфантилен. Но роль няньки он какое-то время исполнял исправно.

Родного отца Лада помнила плохо. Вика и вовсе не любила о нем вспоминать. Илья был первым профессором на ее пути. Она вышла за него замуж сразу после университета. Ее распределили в научно-исследовательский институт, где Илья возглавлял отдел. Он был видным ученым, автором многочисленных трудов, с его мнением считались. У него на тот момент была семья, взрослые дети. И все вроде бы шло в его жизни по плану. Но тут явилась Вика, и Илья забыл о возрасте, о благоразумии, об осторожности. Вика разбудила в нем забытые инстинкты, закрутился роман, и рождение Ладочки стало его венцом.

Потом случился Чернобыль. Всех молодых специалистов в институте отправляли работать в тридцатикилометровую зону. И даже таким, как Вика, молодым мамочкам не делали исключения. Вот тогда впервые у нее появились диссидентские настроения, зародилась мысль о бегстве… Как только открылись двери на Запад, она, забыв обо всем на свете, и даже о своем не слишком молодом муже, рванула в том направлении. Благо, на микробиологов за границей всегда был хороший спрос. Собственно, в этом заключалась вторая причина, по которой она не родила еще одного ребенка. Она с головой ушла в работу, трудилась день и ночь, поставила сотню опытов — она могла гордиться собою. Брак с Дзекцером открывал новые перспективы — Вика уже не была эмигранткой. Они поехали в Англию — преподавать в Оксфорде. Профессорское звание дало каждому из них возможность получить высокооплачиваемое место, и как следствие, купить великолепный старинный дом в два этажа, с огромным участком и знаменитым английским газоном. Вика слала фотографию за фотографией Анне Павловне в Минск. Дружба с нею была отдушиной, неким оплотом, ценностью, которой она невероятно дорожила и которой утверждала степень своего успеха, добротность достижений. Всегда должен быть в жизни кто-то, к кому можно прийти и сказать просто: «Я сделал это!» И этот кто-то никогда не скажет: «А, ерунда, пустяк!» — а непременно восхитится: «Это же так здорово! Мы в тебя всегда верили!»

Вот и сегодня Анна Павловна приехала в Питер из Минска, чтобы поддержать Вику в ее по-настоящему заслуженной победе. Теперь Викин труд будет признан и в России.

Лиза, питерское крестное дитя абсолютной атеистки Анны Павловны, кстати, и познакомившей в один из своих приездов крестницу с Викой, привела всех на концерт музыкально-литературного общества, хотела порадовать своих белорусских друзей весьма насыщенной и интеллектуальной программой. Собственно, этот концерт Лиза не случайно приурочила ко дню Викиной защиты. Когда еще соберешь всех вместе! Петр Сергеевич был руководителем и душой общества и благодаря своему признанному положению в литературных кругах имел возможность проводить подобные встречи в самых изысканных музейных залах. На этот раз темой вечера было творчество Александра Вертинского. Лиза, между прочим, сделала попытку пригласить на вечер и Марианну Вертинскую, но та отказалась, сославшись на материальные трудности, о чем Лиза весь вечер не переставала сожалеть. Петр Сергеевич говорил об Александре Вертинском вдохновенно, ему самому было что-то около девяноста, стало быть, он вполне мог общаться в молодости с героем вечера. Речь Петра Сергеевича лилась изысканно и страстно, он изъяснялся как истинный аристократ — на забытом всеми великолепном литературном языке, помнил, видно, каким речам привыкли внимать эти стены. Вика сразу же очаровалась славным старичком. Пожалуй, Лизка права, от такого редкого поклонника не отказалась бы и сама Вика.

Она сидела в пятом ряду, в центре небольшого партера. Слева расположился Дзекцер, справа Анна Павловна. Вика рассеянно слушала музыку и мучительно решала тем временем вопрос, как устроить документы для Павлика так, чтобы комар носа не подточил. Мысль о ребенке мучила давно. Однажды она даже предложила своему многодетному брату отдать ей на воспитание одного из трех сыновей, на что тот резонно заметил: «А остальные? Как я им объясню, почему для счастливой жизни выбрал именно Димку?» В то время Вика с Дзекцером уже работали в Англии и могли себе позволить многое. В общем, вариант с усыновлением племянника отпал.

…Потом в Англии не стало работы. Пришлось срочно продать дом, вернуться в Германию. У Дзекцера началась депрессия. И Вика поняла, что надо срочно что-то менять в жизни — каким-то образом спасать свою семью. А кто как не ребенок может сделать это лучше всего! Лада, взрослая дочь, уехала в Италию изучать искусства. Это, конечно, совсем не профессия… Мать и дочь уходили все дальше друг от друга. А ведь Вика так хотела воспитать хорошую интеллигентную девочку… Лада требовала денег — изучать искусства занятие не из дешевых, тем более в Италии. Потом Лада собралась замуж. Попросила у Ильи, своего забытого всеми отца, тысячу евро на свадебное платье. Отец деньги прислал, но приглашения на свадьбу так и не дождался. А вскоре и вовсе покинул этот не слишком настроенный на благодарность мир. Вика иногда мысленно перебирала, как четки, всех своих мужчин, оставивших тот или иной след в ее жизни. Она до сих пор с тоской вспоминала о шефе, своем научном руководителе. И никогда об Илье, отце своей единственной дочери.

— Анна Павловна! — тихо прошептала Вика во время исполнения очередного шедевра Вертинского. — Мне кажется, дух Манфреда (она редко называла своего обожаемого руководителя по имени) витает сейчас где-то здесь и даже касается меня своим крылом. Вот только что он коснулся моего колена. Я знаю, я говорю нелепые вещи. Но мне его так не хватает.

Дзекцер сидел с погасшим взором. Он даже не сделал попытки прислушаться к Викиным словам.

— Вика! Не стоит сейчас об этом. — Анна Павловна была слегка обескуражена столь неуместным поведением взрослой женщины, своей ученицы, которую, оказывается, совсем не знала.

— Анна Павловна, а как вы смотрите на то, что я выкраду Павлика из детского дома?

— Боже тебя упаси! Зачем это делать? Детей сейчас и так с радостью раздают по семьям.

— Мне отказали.

— Значит, надо подумать, почему с тобой так обошлись.

— А что если я вернусь в Минск? Навсегда? — задала она давно мучивший ее вопрос.

— Боюсь, ничем хорошим для тебя это не закончится. Ты уже другая, и мы уже другие.

— Какая ерунда! Мир стоит на одном и том же: человек рождается, живет и умирает. Все остальное от лукавого. Господи, что же мне делать?

Все рушилось. Жизнь теряла всякий смысл. Она пронеслась мимо, невнятно процедив главные свои стадии: первая любовь, замужество, рождение дочери, эмиграция, научные поиски. А ведь то, что ты ощущаешь сегодня, чьей руки касается твоя рука, кого ласкаешь взглядом, для кого произносишь как будто ничего не значащие, но на самом деле полные глубокого внутреннего смысла слова, из всего этого и складывается твоя жизнь. Если не удастся увезти Павлика, останется только признать — все было бессмысленно. О Ладе думать не хотелось. Это был ребенок из другой, прежней жизни, с которой она уже не имела ничего общего. А жить хотелось сейчас. Сейчас хотелось ловить каждое слово своего маленького ребенка, внимать его мыслям, радоваться успехам. И пусть это будет Павлик. Она назначила его своим сыном.

— Анна Павловна! — прошептала снова Вика. — Я купила вам и маме по путевке в Палангу.

— И совершенно напрасно, — жестко отозвалась учительница.

— Но вы не можете отказаться! — обиженно прошептала Вика.

— Еще как могу! Вика, я не люблю, когда ко мне подходят так близко. Извини за резкие слова!

Вике всегда хотелось сделать что-то очень значительное для своей любимой учительницы, взять на себя решение хотя бы какой-то одной ее проблемы, причем абсолютно бескорыстно, в знак самой искренней дружбы, но при этом она мечтала, чтобы учительница заметила ее усилия и показала бы это потеплевшим взглядом, отметила добрым словом. Она столько лет шла навстречу Анне Павловне с каждым своим успехом, с каждой своей новой мыслью, — в этом было что-то очень ученическое, такая огромная потребность в постоянном одобрении умного и сильного человека, — так что иногда казалось, что без этого одобрения и успехи, и новые проекты лишены будут всякого смысла. Со временем она поняла, что вся ее прежняя жизнь, как, впрочем, и все более истончавшаяся связь со всей былой огромной страной, в которой она имела несчастье родиться, каким-то неразрывным образом соединилась в сознании с дорогой Анной Павловной. И даже мама ушла в тень. О подругах вообще говорить не имело смысла. Подруги с их мелкими житейскими радостями растворились в том дне, в котором самолет с Викой на борту взмыл в серое ноябрьское небо.

Вике хотелось плакать. Наступил день, о котором она столько мечтала. Наконец она доказала стране, которая пусть и не изгоняла ее за свои пределы, но уж точно отпустила с преступным равнодушием, она доказала стране, что уехала не напрасно, уехала для того, чтобы вернуться однажды не с пустыми руками. В своем деле она достигла вершин. Она признанный ученый. И всю свою славу, свой успех она дарит стране, ее взрастившей.

— Анна Павловна! Знаете, когда я была больше всего счастлива в жизни? Помните Борьку Кочана? И как я носилась с ним на мотоцикле? На болота, где мы с ним ранними утрами фотографировали птиц? И даже моя сломанная нога и поездка потом к Илизарову, где мне мучительно вытягивали ногу на спицах, ничего не меняют. Мы были в начале пути, и мы знали, что у нас все получится. О цене думать было слишком рано… Помните, я прислала вам кассету с моим бракосочетанием? Приглашенные гости были сплошь интеллектуалы, говорили на многих языках. Я понимала всех. Все понимали меня. В тот момент я была очень горда собою. Я хотела, чтобы вы тоже гордились мною… А ведь вы меня даже и не учили в школе. Вы даже не представляете, как бесилась Лариса Петровна, когда я убегала к вам на уроки литературы. На ваших уроках я тоже была очень счастлива. А сейчас я думаю, зачем мне все это. Моя докторская, Германия, тихо спивающийся — это так по-русски — Дзекцер. Я готова от всего отказаться ради Павлика, ради того, чтобы каждое утро будить его в школу, кормить кашей, делать с ним уроки.

— Вика, ты ведь не увезешь его силой?

— Нет, конечно! Об этом и речи не может быть… Анна Павловна, а знаете, почему я не люблю Германию? В ней нет истинной науки. Она закончилась еще до войны, до прихода нацистов к власти. Да-да, до той самой, давно забытой всеми войны. Немцы ленивы и не любопытны. Они проживают то, что наработали их предки.

Павлик был одет и собран. Он казался очень серьезным. За спиной у него висел замечательный рюкзачок, любовно выбранный Викой в Германии. У Вики окончательно вызрел план, как вывезти Павлика за границу. Но для начала надо было добраться до Минска. Дзекцер делал вид, что ни о чем не догадывается, а может быть, и в самом деле не догадывался ни о чем. Внизу ждало заранее заказанное такси. Вика взяла малыша за руку, перекрестила его, перекрестилась сама, ее знобило — щенячий скулеж тоски не оставлял ее. Они вышли не спеша в длинный гостиничный коридор. Дзекцер закрывал ключом номер. В этот момент из-за угла прямо на них выскочила старая знакомая Галина Ивановна, размалеванная скуластая фурия с короткими руками. Следом за нею выплыли капитан милиции и два его юных безусых помощника.

— Может, это и к лучшему! — одними губами произнес по-немецки Дзекцер, вытаскивая ключ из замка.

Его никто не услышал. Да и не до него было всем.

Вечеринка в складчину

— Юлька, готовься, Стасик приглашает всех на день рождения! — Рита кричала в трубку так, что пассажиры, сидящие впереди, поневоле стали оглядываться. — Говори громче, ничего не слышу!

Здесь она сделала короткую паузу, пытаясь определить, какая же последовала реакция на другом конце провода, точнее, на другом конце радиоволн.

— Ритуля, ну какой еще день рождения? Какой еще Стасик? — раздраженно отозвалась Юлька. Ну что они все от нее хотят?!

— Ну, здрасьте! — разочарованно буркнула Рита, начинается это никому не нужное ломание. — Не может быть, чтобы ты не помнила Стасика! Он глаз с тебя не сводил в пиццерии.

— Ах, этот? — равнодушно уточнила Юлька.

— Что значит этот? Он, между прочим, студент театрально-художественного. Будущий режиссер, между прочим.

— Слушай, Ритка, мне в понедельник сдавать курсач. Полностью сделанный коттедж. Со всеми расчетами элементов перекрытия, фундамента, разрезами, узлами утепления стен, экспликацией полов и прочей мурней.

— Ладно, не души интеллектом. Все и так знают, что ты у нас шибко умная. Прошлый раз твердила про архитектурные обломы, построение энтазиса.

Часть пассажиров вышли из автобуса, вновь вошедшие и те, которые ехали дальше, с возрастающим интересом продолжали слушать Риту.

— Ну и память у тебя! — восхищенно пропела в трубку Юлька. — Потрясающая!

— Да-да! Мне даже пришлось заглянуть в словарь архитектурных терминов. И я прочитала там, чем же отличается ионическая капитель от дорической и коринфской. И это, заметь, при моем неполном филологическом образовании.

— Ну, ты даешь!

— Чего не сделаешь ради любимой подруги! Я же должна тебе соответствовать. И вообще, даю голову на отсечение, твой курсач давно уже готов и даже перевязан розовой ленточкой.

— Так уж и розовой? — рассмеялась Юлька. Неожиданно она пришла в замечательное расположение духа. — Ладно! — начала сдаваться потихоньку она. — Только недолго и недалеко. — Ой, совершенно забыла! — вдруг снова встрепенулась она. — Ничего не получится. Моя очередь дежурить у постели бабушки.

Рита от досады чуть не швырнула еще не отключенный телефон в сумку. Но секунду поразмышляв, выдвинула убойный аргумент:

— Там будет Макс!

— Мне все равно нечего надеть, — Юлька сползла голосом до интонации, в которой прозвучало окончательное согласие.

— Ладно, буду ждать тебя у «Октябрьской», — приказным тоном проговорила Рита. — Я даже отдам тебе свой лучший наряд, лишь бы ты пришла. — И она с чувством исполненного долга захлопнула крышку своего телефона.

Упомянуть о том, что вечеринка состоится за городом, в снятом в складчину коттедже, и предполагает быть долгой, — упомянуть об этом она забыла. А может быть, не посчитала нужным.

Юля сразу же позвонила Насте, своей двоюродной сестре, попросила заменить ее у постели больной бабушки.

— Настя, скажу тебе прямо, Маргарита пригласила меня на вечеринку. Честно говоря, я идти не хотела. Но ты же знаешь Маргариту: уж если что задумает — не отделаешься.

— Слушай! Не страдай! Иди с легким сердцем. Сколько можно сидеть за компьютером, рисуя дурацкие коттеджи! Все давно уже спроектировано и выстроено, нет нужды напрягаться, — неожиданно легко отпустила Юльку Настя. Иногда она все-таки бывает человеком.

— Мам, как ты думаешь, что мне надеть? — Юля присела возле матери. Нина Тимофеевна смотрела телевизор, вытянувшись на диване. Ее больные ноги были чуть приподняты и лежали на валике, так, чтобы кровь оттекала от стоп.

— Ты куда-то собираешься?

— Да вот Маргарита пригласила меня к своему другу.

Мама отстраненным, почти чужим взглядом посмотрела на дочь. Не красавица, не дурнушка. Когда говорит о чем-то с увлечением, становится

милой. Впрочем, понятия о красоте за последние двадцать лет претерпели значительные изменения. Особое очарование современные юноши видят в легкости, с которой девушки меняют их. Очевидно, что девушки видят достоинство молодых людей в том же. Мир всегда был симметрично устроен.

— А ты оденься просто. У тебя замечательная фигура. Те девчонки, которые вырядятся в дорогие наряды, рядом с тобой будут выглядеть вульгарно и смешно.

— Мама, я не хочу никого травмировать! — рассмеялась Юлька.

Рита, сосредоточенная и крайне деловитая, встретила Юлю у метро «Октябрьская». Она была с какими-то баулами, за плечами висел рюкзак. Одета была тепло, явно не для вечеринки где-нибудь в теплом кафе. Юля, успевшая замерзнуть в своем легком выходном пальто, помогала ей перетаскивать сумки с места на место, но вопросы задавать не решалась. Сначала они доехали на маршрутке до вокзала, там маршрутку сменили. И только когда автобус миновал последний жилой квартал и покатил по абсолютно пустому загородному шоссе, Юля не удержалась от мучившего ее вопроса:

— Ты куда меня везешь?

— Я же сказала, к Стасу на день рождения.

— Но я ведь предупреждала — далеко не поеду.

— Ах, перестань. Далеко, близко… Все относительно. Главное, нас ждет потрясающий праздник — с шампанским, с танцами, с бассейном.

— Ты мне ничего не говорила об этом, — растерянно твердила Юля.

Оставшуюся часть пути девушки ехали в полном молчании. Юля от отчаяния покусывала губы.

Их встретил Макс, бросил испытующий взгляд на Юлю, потом вопросительный на Риту, та только передернула раздраженно плечами. Он взял сумки в обе руки, и они двинулись по сельской улице вдоль богатых коттеджей. Лиловый шлейф фонарей, как лунная дорожка, перемещался вместе с ними, освещая путь. Дорога была очищена от снега, он оставался лежать лишь у заборов — как суфле, разрезанное острым ножом. Юля с любопытством разглядывала дома. Смешение стилей в поселке было полное. Тут тебе и нелепая готика, и вычурное барокко, и ослепительный модерн. И лишь один коттедж, явившийся взору, как только они свернули на боковую улицу, поразил ее воображение гармонией линий, идеальным сочетанием каменной кладки и черепицы. В таком она согласилась бы жить. С мамой, с отцом и с любимым человеком. Она скосила глаза на Макса. Тот оживленно болтал о чем-то с Риткой. Все-таки они когда-то учились в одном классе, сидели за одной партой. Теперь он студент факультета международных отношений, собирается стать таможенником. Неужели все таможенники — выходцы факультета международных отношений? Как-то мелко после такого диплома идти в таможенники. Присутствие Макса всегда волновало Юлю, мысли начинали путаться, казалось, она теряет волю. Макс, между тем, не проявлял к ней ни малейшего интереса.

Они приблизились к замечательному коттеджу, поднялись по парадной лестнице на второй этаж, Макс резко толкнул входную дверь — их сразу же оглушила музыка. В доме все сверкало от множества зажженных люстр из хрусталя, всяческих диковинных бра, великолепных торшеров. Это было полное торжество света. Юля на секунду зажмурилась, так неправдоподобно ярко сверкало и переливалось все в огромном холле. В центре был накрыт стол, белоснежная скатерть с кружевным низом подчеркивала торжественность момента. Стол ломился от бутылок шампанского и водки — этого бы

хватило на целый полк. Стасик суетился вокруг стола. На диване сотрясались от хохота девчонки. С некоторыми из них Юля была отдаленно знакома. Девчонок развлекал Иван.

Юля все еще стояла в прихожей, не решаясь войти, Рита слегка подталкивала ее.

— Вот, привел вам красоток! — зычно проговорил Макс и метнулся куда-то в сторону.

Юлия, скованная и даже испуганная, продолжала одиноко стоять в дверях. На ней была коротенькая юбка и черная простая кофтена, туго обтягивающая ее. В ушах сверкали самые красивые сережки из маминой коллекции, по сути, довольно скромные, на шее такой же кулон, тонкий золотой браслет обхватывал запястье. Все. Она даже не стала краситься — так, чуть-чуть, прошлась неяркой помадой по губам.

Девчонки, только что заходившиеся в приступе неудержимого веселья, почему-то сразу умолкли, стали рассматривать Юлю придирчиво и даже враждебно. Девушка уже не один раз пожалела о том, что выбралась на эту вечеринку. И только дружелюбный взгляд Стаса как-то подбадривал ее.

— Народ, налетай на сумки, все содержимое валите на стол! Пировать так пировать! — радостно призывал он всех.

— Какая моя доля в этой складчине? — тихо спросила Юля Риту, когда они наводили последние штрихи на праздничном столе.

— Да не волнуйся ты, ради бога! Все оплачено! Львиную долю расходов взял на себя Стас, остальное поделили ребята. Девчонки потратились так… по мелочи. Конечно, снять на сутки коттедж — это накладно…

— Как на сутки? — изумилась Юля. — Ты ведь ничего не сказала об этом!

— Да ладно! Делов-то! Позвонишь маме, скажешь, что опоздала на последнюю маршрутку. В первый раз, что ли?

— В первый, — тихо проговорила Юля. — Но это не ты должна была решать.

— Иди возьми мой рюкзак, там для тебя платье. И для меня тоже.

— Спасибо! Я одета, мне твоего ничего не надо! — резко проговорила Юля.

— Как хочешь! Я пошла переодеваться.

Юле захотелось тихо выскользнуть в прихожую, натянуть свое худое пальтишко и исчезнуть-испариться с вечеринки, к которой она не имела никакого отношения. Но на улице мороз, к вечеру он стал крепчать, она по глупости отправилась в поездку в тонких чулках и в своих выходных сапогах на высоком каблуке. Знать хотя бы расписание маршрутки!

Она сидела на стуле, с прямой спиной, натянутая как струна, абсолютно чужая среди гостей Стасика. Стас изредка бросал на нее восхищенные взгляды, но приближаться не решался. Максим с кривой усмешкой наблюдал за происходящим.

В этот момент распахнулась одна из дверей, ведущих в многочисленные боковые комнаты, и на пороге во всей своей пышной неотразимости предстала Ритуля. На ней было черное, облегающее, очень открытое платье, дорогая бижутерия сверкала в ушах, на шее и на руках огромными каменьями.

— Ой, Ритуля, зашибись! — девчонки бросились к ней в радостном возбуждении, стали ощупывать со всех сторон.

— Ну, все-все! Раскудахтались! Садимся за стол! — захлопал в ладоши Макс. — Пора уже выпить за Стасика!

Иван подхватил Аленку и Женю под руки, увлек к столу. Остальные девушки решительно потянулись к ребятам, мужчин не хватало. В этот момент на пороге дальней комнаты неожиданно возник заспанный Виталик.

— Ой, Виталь! А мы и не знали, что и ты здесь! — заверещали довольные девчонки.

После первого тоста, сопровождавшегося бурным возлиянием, народ возликовал. Девчонки тут же принялись курить. Закурила и Рита. Юлька никогда прежде не видела Риту с сигаретой. Это выглядело по меньшей мере забавно.

— Юлька, да ты расслабься! — шепнула ей весело Рита. — Никто тебя тут не съест! Здесь людоеды не водятся.

— Предлагаю выпить за прекрасную Юлию, — воодушевленно выпалил Стасик, он прямо-таки истомился в ожидании заветной реплики, — за наш маленький бриллиант!

— За наш необработанный, нетронутый бриллиант! — хохотнула опьяневшая Маргарита.

Максим улыбнулся лишь уголками губ.

Юля бросила на Риту взгляд, полный ярости, она была готова испепелить предательницу. А еще, называется, подруга! Сама она тоже хороша. Так глупо попасться, так бездарно вляпаться…

— Мы все тут нетронутые и дремучие идиоты! — глухо сказала она и сделала долгий глоток шампанского.

Стасик попытался загладить неприятный для Юли момент, который сам же и спровоцировал, он стал что-то подсовывать ей на тарелку — то бутерброд с икрой, то с красной рыбкой. Эта дура Ритка чуть все не испортила.

Юля бросала исподлобья пытливые взгляды то на Риту, то на Макса, то на девчонок. Казалось, все потеряли к ней интерес, и она, наконец, перевела дух. Ритуля окончательно повисла на Максе. Кровавые пятна от ее помады светились на его бледной шее, щеках. Он оставался в меру трезвым, с иронией наблюдал за происходящим. Шлейки Ритулиного платья скатились с ее шикарных плеч, пышная грудь стала еще пышнее. Юля никогда не видела ее такой.

— Ах, Максик! Если бы ты только знал… только знал… — пьяно повторяла Ритуля, забравшись к нему на колени и обхватив руками его фарфоровое лицо. Он не сопротивлялся.

В этот момент рука Стаса скользнула вдоль Юлиной спины, жадно осязая ее тело. Нервным движением она тут же отбросила его руку. Щеки горели. Было гадко и душно…

— А не пора ли нам всем в бассейн? — вдруг предложил Иван. И все дружно завопили:

— Пора! Пора! В самый раз!

Девчонки в сауне набросились на Риту:

— Какого черта ты притащила ее сюда? Испортила нам праздник! Она, что, из полиции нравов?

— Плевала я на полицию нравов! — пьяно восклицала Рита.

— Теперь сама с ней разбирайся. А сауна — балдеж! Вот бы так каждую неделю!

— Девчонки, я больше не могу! Жарко! — выдохнула Аленка, замоталась в широкое полотенце и вышла к бассейну, зазывно вихляя бедрами. За ней выкатились Женька, Аллочка и, наконец, Ритуля. Полина осталась париться дальше.

Юля побродила по опустевшему холлу. Отвлеченным взглядом попыталась оценить дизайн. Избыточная роскошь сыграла злую шутку с интерье-

ром — все казалось чрезмерным, а потому нелепым. Зачем здесь эти огромные вазы с райскими птицами, зачем римская колоннада, как в античных дворцах римских императоров, многочисленные арки и тут же чешский хрусталь? Нет стиля. Нет теплоты и уюта… Хотелось спать — сказывались бессонные ночи за компьютером. Юля подалась в комнату, где Рита бросила свой рюкзак. На огромной двуспальной кровати лежало платье — серебристое, искрящееся фиолетовым и зеленым, с глубоким вырезом на спине, декольте, само собой, тоже было приличным. Боковой разрез начинался почти от талии. Юля съежилась от холода, на минуту представив себя в нем. А потом что-то щелкнуло в подсознании, такой легкий взрыв не вполне понятного происхождения, нездоровое бурление крови… Быстрыми движениями она сняла с себя свой скромный наряд, осторожно натянула серебристое платье. Одного мгновенного взгляда в зеркало было достаточно, чтобы понять, что это платье изначально предназначалось ей. Оно подчеркивало все изгибы ее тонкого тугого тела, ее мерцающую кожу, красоту ее потрясающих волос. Юля ахнула — она не знала, что может быть такой. Вот бы сейчас ее увидел Макс! И мама! Повинуясь непреодолимому желанию тут же продемонстрировать себя молодому человеку, она бросилась в холл, с третьей попытки, открывая по очереди все двери, определила выход в бассейн, робко вошла. Чуть-чуть, совсем не противно, пахло хлоркой. Изумрудная вода была подсвечена из-под толщи воды. В полумраке она разглядела у широких окон кадушки с экзотическими пальмами. Ей показалось даже, что звучали птичьи голоса.

Она вошла и остановилась у самого бортика.

— Богиня! — крикнул кто-то. Надо думать, это был Стас.

— Богиня целомудрия! — хихикнула Ритуля. Ее тембр не перепутаешь ни с чьим. Смешок вышел глухим. Через минуту Рита выскочила из бассейна. Она была в кружевных трусиках с тонкой, почти невидимой полоской сзади, тут же завернулась в махровую простыню.

— Макс, выходи! — пьяно распорядилась она.

Макс лениво выбрался из бассейна, обтерся полотенцем. Он не сводил с Юли глаз.

Девушка будто окаменела. Она так и стояла на краю бассейна в своем серебристом платье.

— Ладно, пошли! — грубо сказала Ритуля и цепко обхватила Максима за шею рукой. Они побрели прочь. Казалось, Ритуля прилагала огромные усилия, чтобы вести Макса за собой. Он оглянулся.

Юля вернулась в холл. Она спряталась за одной из многочисленных колонн, свернулась калачиком в маленьком узком кресле, накрылась чьей-то шубкой, так и замерла, пытаясь заснуть. В темноте ее никто не приметил.

— Ленка, ты чего еле тащишься? — услышала Юля голос Ивана. В голосе звучало нетерпение. — Какого хрена назюзюкалась? Что с тобой теперь делать?

— Не волнуйся! После бассейна я как огурчик, — заплетающимся языком бубнила Ленка.

Следом проплыли Виталик с Женькой.

— Вы не видели Юлю? — теребил всех подряд Стас, он устал слоняться по дому. — Как сквозь землю провалилась!

Юле хотелось плакать. Как зло, как жестоко над ней посмеялись. Лучше бы она провела вечер с бабушкой. Лучше бы она вообще умерла. Нет, она вовсе не дурочка. Она все отлично понимает. Есть мужики, которых любят все. Просто это такое испытание чувственности. Если и ты не можешь пройти мимо, значит, и ты нормальная, все у тебя с инстинктами в порядке. И не

более того. И она попалась. Как последняя дура, втюрилась в этого смазливого самца…

Дом погрузился в тишину. Юля осторожно поднялась с кресла, туфли надевать не стала, на цыпочках пошла в направлении бассейна. Было зябко, сыро, страшновато. Она прилегла на шезлонг, вытянула ноги... Подсветку выключить забыли. Завороженным взглядом девушка долго глядела на изумрудную воду, на дрожащий жемчужный узор на потолке, на пальму, своими очертаниями напоминавшую некое фантастическое существо, на фиолетовые тени. Птицы больше не пели. Дом спал.

Медленным движением она сняла с себя платье, драгоценности, бросила все на пол — все стало чужим и ненужным. Плавно и нереально, как по течению сна, она спустилась по ступенькам в воду. В первый момент вода обожгла прохладой. Девушка поплыла в противоположный конец бассейна, где предполагалась глубина. Вода доходила до подбородка. Юля легла на спину, набрала полную грудь воздуха. Тело медленно пошло вниз. Сначала было весело и ясно — вот какая, мол, я отчаянная, полюбуйтесь, мол, на меня. Потом очень хотелось вдохнуть, но она держалась из последних сил. Потом сознание стало путаться, но все же она помнила, для чего все это затеяла. Она снова и снова просила у мамы прощения. Мама умрет без нее от тоски. И только в последний момент, когда не дышать уже было просто невозможно, слабо пульсирующее сознание довело до нее мысль, что вся эта ситуация хоть и унизительна, но все-таки преодолима. Она рванулась из последних сил наверх, увидела потоки льющегося на нее света, захлебнулась, снова пошла ко дну, еще раз вынырнула и почувствовала вдруг сильную мужскую руку.

— Дура! Идиотка! Да кому ты нужна? Это же нельзя воспринимать всерьез! — кричал срывающимся голосом Стас и тащил ее за собой к бортику, к свету, к жизни.

г. Минск





НАДЕЖДА ЧМАРА

Мой свет

* * *

Умирала любовь, о как больно мне было!
Дождь стекал по щеке леденящей слезой.
Протянув руки к небу, я Бога молила:
«Не убий, не отринь, не оставь, успокой,
Помоги, защити, я совсем не готова
Боль тяжелой и горькой утраты принять.
Пусть любовь еще скажет последнее слово,
Поверни хоть на миг ты прошедшее вспять».
И, молитву услышав, Творец не оставил,
Он любви приказал: «Ну-ка, встань, исцелись!»
И любовь поднялась, гордо крылья расправив,
Унося нас с тобой в поднебесную высь.

* * *

Бури бешено-мятежной слышен рев,
Призывающей меня: «Вырвись из оков,
Не гнушайся и прими мой совет:
Не заменит свет в окне солнца свет.
Поднимайся и ложись на крыло,
Как просторно в небесах, как светло!»
Бурю голоса лишил мой ответ:
«В том окне моя любовь, там мой свет».

Разные женщины

Взгляд холодный, тяжелая поступь.
Вы такая в себе уверенная.
У нее же в глазах звезд россыпь,
На губах улыбка растерянная.
И в душе ее боль и тревога…
Но вины ее нет перед вами.
Он сказал ей: «Любовь от Бога
Предначертана небесами».
Не корите ее, не надо,

Ничего от этого не изменится,
Просто ей будут петь серенады,
На таких, как вы, просто женятся.

Атаманша

Ободранные ноги
И щеки в синих кляксах,
А ну, сойди с дороги,
Перед тобой не плакса.
— Кто там сказал — девчонка?
Да нет, я гой-девица,
С рассвета до заката
Могу за правду биться,
На деревянном мостике,
Что через речку Сенну,
Карая всех прохвостиков
За ложь и за измену.
За ней толпа мальчишек
Весною, каждый вечер,
Ходила непременно
На мостик тот заветный.
На нем она кружилась,
Читала громко стансы,
А старики дивились:
— Ну, мать, ну, атаманша!
И слушали мальчишки,
Девчоночьи указы,
Хотя не раз грозились
Поколотить заразу.
Но тут же испарялся
Их замысел коварный,
Когда она взлетала,
Как опытный пожарный,
На стены замка квелого
В соседней деревушке.
— Ой, девка оголтелая, —
Вздыхали вслед старушки.
Весну сменяло лето,
Летели год за годом,
И атаманша правила
Подвластным ей народом.
Но той весной холодной
Опешили мальчишки,
Когда ее увидели
Такой, как пишут в книжках.
В капроновых чулочках,
В коротенькой юбчонке,
Приопустив ресницы,
Шла мимо пай-девчонка.
Едва ль ее узнали.

Где лихость атамана?
Стеной мальчишки встали,
Сжав кулаки в карманах.
Она ж под звон капели
Сказала очень внятно:
— Мы просто повзрослели,
Простите мне, ребята.
Давно снесен мосточек,
Деревни нет в помине,
Но помнят атаманшу
Мальчишки и поныне.

* * *

Коль нога в стремя жизни заброшена
И твой конь под пурпурным седлом,
Бери от жизни хорошее,
Не оставляй на «потом».
Другу отдай внимание,
Любимой — все краски неба,
Страждущему — сострадание,
Голодному — дай хлеба.
Жаждущему — напиться,
Озябшего — обогрей,
Сторицей все возвратится,
Так что бери, не жалей.





ГЕННАДИЙ АВЛАСЕНКО

Переступив черту

Фантастическая повесть

Глава 1

Народу в вагоне электрички было негусто: человек пятнадцать-двадцать от силы... и это считай что на весь вагон. Поэтому ни рядом с Ольгой, ни напротив никто так и не уселся, что Ольгу вполне устраивало. Сидя у самого окна, она тихо дремала в такт убаюкивающему перестуку вагонных колес, и все было как всегда, все было так обыденно...

Вдруг на сидении напротив Ольги что-то ярко сверкнуло зеленоватым светом, и там, совершенно ниоткуда, появились... очки. Самые обыкновенные солнцезащитные очки. И одновременно с этим Ольга чуть вздрогнула и открыла глаза. Впрочем, возможно, ее и разбудила именно эта зеленоватая вспышка.

Некоторое время Ольга лишь молча разглядывала недоуменным взглядом лежащий напротив предмет, словно вспоминая, находился он на сидении чуть ранее, перед тем как она задремала, или все-таки не было там ничего. Так и не вспомнив, она нерешительно протянула руку и, взяв очки, принялась внимательно их рассматривать. Впрочем, особенно смотреть было не на что: очки как очки...

Поняв это, Ольга огляделась в надежде вычислить потенциального их обладателя. И вновь ничего у нее не получается. Да и как, скажите, могло оно получиться, ежели за окном то и дело брызгает мелкий летний дождик... вряд ли кто из пассажиров в такую пасмурную погоду додумается таскать с собой солнцезащитные очки в качестве предмета первой необходимости.

Впрочем, всякие чудаки встречаются...

— Граждане пассажиры! — громко проговорила Ольга, чуть приподнимаясь над сиденьем. — Солнечные очки никто не терял?

Пассажиры никак не отреагировали на этот вопрос. Но несколько человек все же посмотрели в сторону Ольги. С полным, надо сказать, безразличием.

— Очки от солнца! — вновь повторила Ольга, для пущей убедительности подняв руку с очками над головой. — Вот эти! Тут, на сиденье... никто не оставлял?

И вновь никакой реакции. Впрочем, один подросток, лет так тринадцати-четырнадцати, с разноцветной прической «а-ля дикобраз», дернулся, не совсем, правда, решительно. Но встретившись взглядом с Ольгой, подросток тут же опустил глаза. Может, стыдно стало зариться на чужое...

— Ну, как хотите! — сказала негромко Ольга, вновь опускаясь на сиденье, и добавила, уже вполголоса и неизвестно кому: — Тогда моими будут!

Она решительно нацепила очки на нос и... даже вскрикнула от неожиданности.

Подсознательно Ольга ожидала, что солнцезащитные очки еще более сгустят полумрак вокруг, но получилось с точностью до наоборот. Эффект был таковым, будто в вагоне одновременно вспыхнуло несколько десятков ярчайших прожекторов.

Мгновенно сорвав очки с лица, Ольга сконфуженно огляделась по сторонам.

И действительно, на этот раз пассажиры обратили на Ольгу куда больше благосклонного своего внимания. Почти все они смотрели в ее сторону, кто с интересом, кто с недоумением... одна почтенная старушка даже перекрестилась. И только подросток, который хотел, но так и не решился присвоить чужое имущество, вдруг сорвался с места и бросился в сторону тамбура, моментально исчезнув из вида.

Сама же Ольга, ощущая на себе все эти любопытствующие или недоумевающие взгляды, тоже встала и торопливо пошла в противоположном направлении, в соседний вагон.

Пассажиров тут было куда больше, но все же свободных мест хватало с избытком, и Ольга, опустившись на одно из них, принялась с удвоенным интересом изучать свою необычную находку.

Впрочем, изучение не дало ей ровным счетом ничего. Очки как очки, самые обыкновенные на вид... ну, может, чуть тяжеловатые для своего размера. И в то же время странные они какие-то, ежели не сказать большего. И не стоит, наверное, ей проводить с этим загадочным агрегатом дилетантские эксперименты...

Или стоит?

И Ольга, решившись, вновь осторожно нацепила очки на нос. На этот раз ярко вспыхнувший свет восприняла как нечто само собой разумеющееся. Медленно поворачивая голову, Ольга принялась внимательно рассматривать пассажиров.

И новое потрясение! Трое девчат, сидящих неподалеку и вполголоса перебрасывающихся короткими репликами с группой подвыпивших парней напротив, оказались... ну совершенно неодетыми! Голыми, одним словом.

Удивительным было то, что сами девчата наготы своей нисколечко не стыдились, вели себя совершенно раскованно и даже, можно сказать, развязно. Но еще более удивительным было совершенное безразличие всех окружающих к такому, можно сказать, вопиющему факту нарушения общественной морали.

Торопливо сняв очки с переносицы, Ольга сразу же поняла причину такого безразличия. Девчата теперь оказались полностью одетыми, несколько вызывающе, правда, но тем не менее...

Некоторое время по завершении очередного «эксперимента» Ольга сидела тихо и от нечего делать исподтишка рассматривала молодую пару, расположившуюся напротив. Странная какая-то она была, эта пара...

Красивый молодой человек, даже слишком красивый для юноши, и рядом с ним совершенно невзрачная девчушка, худая, неприглядная... с волосами тусклого, мышиного цвета. Девчушка нежно прижалась к плечу своего кавалера, тот же, небрежно приобняв ее левой рукой, бросал в сторону Ольги довольно-таки откровенные взгляды.

Но это без очков. Взглянув же на соседей сквозь стекла странных очков, Ольга вздрогнула от ужаса, зажав рот ладонью, чтобы вновь не вскрикнуть.

Молодой человек теперь не просто обнимал свою невзрачную спутницу. Он душил ее, медленно, не спеша: у несчастной девушки уже и глаза вылезли из орбит, и язык изо рта начал постепенно вываливаться....

Торопливо сорвав очки, Ольга с немалым облегчением обнаружила напротив себя прежнюю благостную картинку: девушка мирно дремлет на плече у юноши, а тот все никак не сводит с Ольги страстного взора.

Скорчив смазливому ловеласу зловещую гримасу и тем самым приведя его в недоумение, Ольга встала и торопливо перешла на другую половину вагона, благо свободных мест и тут было хоть отбавляй. Не решаясь больше надевать очки, она просто смотрела на них с некоторым испугом и пыталась понять, что же такое увидела только что...

Что это было: эпизод недавнего прошлого или картинка из недалекого будущего? И разве такое возможно: взгляд в будущее?

А может, посредством странных очков Ольга просто смогла «прочитать» самые сокровенные мысли смазливого красавчика?

Вздохнув, Ольга оторвалась наконец-таки от созерцания своей находки и внимательно осмотрелась по сторонам. Только теперь обнаружила, что очередным соседом ее оказался респектабельный мужчина средних лет и весьма привлекательной наружности. Мельком взглянув на Ольгу и встретившись с ней мимолетным взглядом, мужчина, совершенно равнодушно улыбнулся и вновь уткнулся носом в тонкую потрепанную книжонку на японском языке.

Бессмысленно вертя очки в руках, Ольга некоторое время исподтишка наблюдала за привлекательным соседом. Не то чтобы он ее как-то особенно заинтересовал... скорее Ольгу просто задело его подчеркнутое безразличие к ее персоне...

— Вы что, понимаете по-японски? — обратилась она к мужчине, когда стало окончательно ясно, что сам он заводить разговор с ней не намерен.

— Что вы спросили?

Оторвавшись от книжки, мужчина внимательно посмотрел на Ольгу и даже соизволил слегка улыбнуться ей. Ольга в ответ тоже улыбнулась, стараясь сделать это как можно приветливее. Или кокетливее, это с какой стороны посмотреть...

— Вы читаете по-японски? — повторила она свой вопрос, несколько видоизменив его.

— Немного, — сказал мужчина и, утратив к собеседнице всяческий интерес, вновь целиком погрузился в чтение.

Но Ольга решила не сдаваться.

— А это роман? — спросила она. — Или повесть?

Мужчина на этот раз даже головы от книжки не поднял.

— Это философские очерки, — коротко проговорил он, переворачивая очередную страницу.

— А автор кто? — все никак не могла смириться с поражением Ольга.

Вместо ответа мужчина лишь досадливо передернул плечом.

— Тут много авторов, — ответил он немного погодя и не особенно любезно.

Ольга замолчала, надулась и принялась с преувеличенным вниманием смотреть в окно. Впрочем, окно было сплошь залито потоками мутной дождевой воды, смотреть там было абсолютно не на что. Тогда Ольга вновь решила обратиться к странным очкам. Нацепив их в очередной раз, она исподтишка взглянула на любителя японской философии.

И вновь, в который уже раз, просто ошеломляющее открытие!

Вместо книги в руках у мужчины оказалось два короткоствольных автомата, типа «Узи». Вместо респектабельного костюма-тройки — пятнистый комбинезон, лицо основательно размалевано черными и зелеными полосами. Внимательно, с каким-то холодным профессиональным интересом мужчина

смотрел теперь на Ольгу, пристально так смотрел... и черные зрачки автоматов нацелены ей прямо в лицо... и, кажется, вот-вот мужчина нажмет на курки...

Вскочив с места, Ольга стремглав бросилась прочь. Она бежала по проходам, оставляя за собой вагон за вагоном... Обернувшись, Ольга увидела, как вслед за ней неторопливо шагает мужчина в камуфляжной униформе. Вскрикнув от ужаса, она побежала еще быстрее.

А вот и последний вагон! Бежать дальше было некуда, а пассажиров в этом вагоне как назло ни одного! Угодив в ловушку и только сейчас осознав это, Ольга метнулась в обратную сторону... но не тут-то было! Мужчина уже выходил из тамбура.

Прижавшись к закрытой двери, Ольга с ужасом наблюдала за его медленным приближением.

— Что вам надо? — дрожащим срывающимся голосом выкрикнула она. — Что вам от меня надо?

Мужчина остановился в двух шагах, медленно поднес палец к губам.

— Тс-с-с! — сказал он. — Не шуми!

Но Ольга зашумела! И еще как! Она вся зашлась в истерическом вопле, очки при этом упали на пол и...

Перед испуганной Ольгой не оказалось никакого мужчины, это во-первых...

Ну, а в самом вагоне народу было довольно-таки много, это уже — во-вторых...

И весь этот народ, кто с любопытством, а кто и с затаенным страхом, наблюдал за странным поведением Ольги.

Ну и в-третьих, посмотрев на пол, Ольга не обнаружила там даже намека на странные очки. Они тоже вдруг самым таинственным образом исчезли.

Глава 2

Сидя на заднем сидении частного такси, Ольга бездумно вглядывалась в проплывающие за мокрыми окнами машины ярко освещенные витрины.

Потом машина свернула в темный переулок, и рассматривать стало нечего.

— А почему мы тут свернули? Так короче, да?

Таксист ничего не ответил. И вообще, как-то непонятно он себя вел, этот таксист...

Поминутно дергал головой, то к правому плечу наклонит, то рукой ухо потрет с каким-то остервенением...

Машина вырвалась, наконец, из темноты на освещенную улицу, и Ольга, забыв о странностях таксиста, вновь прильнула к окну.

— Через три дома остановите! — проговорила она, открывая сумочку для расчета. — Возле третьего...

И не договорив, остолбенело уставилась в раскрытую сумочку.

В сумочке лежали очки. Те самые.

Ольга взяла очки, и тут снова ее внимание привлек таксист. Он вдруг изо всей силы принялся хлопать себя ладонью по правому уху.

«Псих, что ли?»

И Ольга вновь решилась. Она быстро нацепила очки (знакомо полыхнуло вокруг ярким светом) и взглянула на таксиста.

Таксист не изменился совершенно. Как был плотным лысоватым мужиком средних лет, таковым и остался. Вот только в голове у него (около правого уха) наблюдалось большое алое пятно, которое медленно пульсировало...

— У вас ухо болит? — наконец-таки догадалась Ольга. — Сильно болит?

— Зверски! — промычал таксист, притормаживая возле указанного дома. — Прямо хоть на стенку лезь! Может, у вас что-нибудь есть... болеутоляющее? Анальгин там... или еще чего...

Но Ольга его не слышала. Как зачарованная смотрела она на это медленно пульсирующее пятно... нет, не на пятно даже, а на то, как вокруг алого пятна образовывалась некая тонкая зеленая линия. Еще мгновение — и линия сомкнулась...

И пятно сразу же перестало пульсировать.

— Полегчало! — с облегчением и одновременно с некой опаской проговорил таксист, осторожно трогая ухо рукой. — Надолго ли?

По-прежнему не слушая его, Ольга все смотрела и смотрела, как зеленая удавка сжимает алое пятно, как постепенно это пятно съеживается, уменьшается в размерах. Вот оно уже почти исчезло, вот исчезло уже без всякого «почти». А потом, вслед за алым пятном, исчезло и маленькое зеленое пятнышко... то, что осталось от зеленой этой «удавки»...

— А как теперь? — осведомилась Ольга, снимая очки. — Не болит?

Повернув голову, таксист посмотрел на Ольгу непонятным каким-то взглядом: то ли благодарным, то ли испуганным.

— Не болит! — с трудом выдавил он из себя. — Совсем не болит! Как вы это сделали?

Ольга неопределенно пожала плечами и достала из сумочки кошелек, одновременно опуская туда очки.

— Сколько с меня?

— Нисколько! — таксист по-прежнему не сводил с Ольги взгляда. — Спасибо вам!

— Это вам спасибо!

Ольга вылезла из машины и, раскрыв зонтик, быстро зашагала к подъезду.

— Подождите!

Ольга обернулась. Таксист, покинув машину, неуклюжей рысцой бежал в ее сторону. В руке у него были деньги... довольно много денег.

— Да не надо мне платить! — возмутилась Ольга. — Я же просто...

И замолчала, глядя в лицо таксисту.

Взрослый солидный мужчина плакал. Вернее, не то чтобы плакал, просто слезы бежали у него из глаз как бы сами по себе, перемешиваясь с каплями дождя...

— Что, ухо? — встревоженно спросила Ольга, вновь раскрывая сумочку. — Опять?

Таксист отрицательно мотнул головой.

— Дочка у меня! — проговорил он хрипло. — Десять лет ей...

Он замолчал, умоляюще глядя на Ольгу, и та, наконец, все поняла.

— Что с дочкой?

— Лейкоз у нее... Тяжелая форма...

В глазах у таксиста была такая мольба и вера в чудо, что Ольга невольно отвела взгляд.

— Предлагают лечение в Германии, — торопливо заговорил таксист, словно боясь, что Ольга сейчас повернется и уйдет. — Но за это надо платить, а мы... нам таких денег вовек не собрать! Я ведь доцент, преподаю в университете... а по ночам извозом вот пытаюсь заняться. Только конкуренция огромная... много не заработаешь... а дочка, ей врачи больше чем полгода вообще не дают...

Он замолчал, продолжая умоляюще смотреть на Ольгу.

— Я ведь не врач, — растерянно проговорила Ольга, — я... поймите меня правильно! Я вам сочувствую, очень даже сочувствую, но я ведь...

Плечи таксиста как-то сразу поникли. Он вздохнул, повернулся и, сгорбившись, медленно побрел назад, к машине.

— Я даже не знаю, что это такое, лейкоз! — закричала Ольга ему в спину. — Слышала, что есть такое... и все! Как я смогу вылечить то, чего даже не знаю?

А таксист уже садился в машину.

— Ладно, поехали! — Ольга вновь бросилась к машине, пытаясь на бегу закрыть непослушный зонтик. — Далеко хоть ехать?

* * *

Наголо остриженная девочка лежала в кровати, и в больших глазах ребенка было что-то совсем не детское. Девочка понимала и свою обреченность, и бессилие родителей помочь ей, и безмерное их отчаянье...

Она все-все понимала, эта не по годам мудрая девочка...

— Привет! — сказала Ольга, неловко присаживаясь на самый краешек кровати. — Тебя как зовут?

— Лена, — проговорила девочка тихо, еле слышно. — А вас?

— А меня — Оля!

Ольга ободряюще улыбнулась девочке, и та тоже невесело улыбнулась в ответ.

— А по отчеству как? — спросила девочка Лена. — Взрослых надо всегда по имени-отчеству называть.

— Вот еще! — как можно более бодро проговорила Ольга, рассеянно осматриваясь вокруг (впрочем, смотреть тут было не на что: маленькая комнатка весьма небогатой квартиры). — Рано мне еще по имени-отчеству называться! Зови меня просто... просто Ольгой. А я тебя Леной звать буду. Или нет, лучше — Леночкой. Договорились?

Девочка кивнула утвердительно. Потом она протянула руку и несмело дотронулась тоненькими пальчиками до Ольгиной ладони.

— Вы хотите помочь мне, да?

Теперь уже Ольга кивнула ей и, отвернувшись в сторону, быстренько вытерла ладонью глаза, ставшие подозрительно влажными.

— Я тебе помогу! — поспешно проговорила она, вытаскивая из сумочки очки. — Я тебе обязательно помогу! Обязательно!

Скрипнули двери. Ольга обернулась и увидела позади себя женщину. Это была мать девочки, Ольга мельком заметила ее еще в прихожей, и уже там они как-то сразу не понравились друг другу. Какая-то взаимная антипатия у них возникла, если не сказать большего...

— Я не помешаю? — спросила женщина хмуро и с вызовом. — Ничего, если я тут постою?

Ольга нахмурилась и вновь спрятала очки в сумочку. Девочка Леночка с тревогой посмотрела на Ольгу, потом перевела взгляд на мать.

— Лучше вы там постойте! — сказала Ольга, улыбаясь и стараясь говорить как можно спокойнее. — С той стороны. Вы мне и в самом деле будете мешать!

— Вот как? — женщина тоже улыбнулась, но улыбка у нее вышла язвительной, недоброй. — И чем же, интересно, я буду вам так мешать?

— Мария! — послышался снаружи напряженный голос доцента-таксиста. — Выйди сюда!

— Зачем?

— Выйди, я сказал!

Женщина вышла, окинув напоследок Ольгу прямо-таки уничтожающим взглядом. Ольга ответила ей почти таким же, потом, когда за женщиной захлопнулась дверь, она вздохнула и вновь повернулась в сторону Леночки.

— Не понравилась я твоей маме!

— Вы ее простите, — проговорила девочка негромко. — Она, вообще-то, хорошая. И приветливая! Это она из-за меня такой стала... понимаете?

— Понимаю! — Ольга улыбнулась девочке и вторично вытащила очки из сумочки. — Да не переживай ты так, видишь — я ни капельки даже не обиделась!

— Понимаете, мама не верит в народных целительниц, она их шарлатанками называет! — шепотом сообщила Ольге девочка. — А папа то одну привезет, то другую. Позавчера шептуху какую-то привез... она — то пошепчет, то водой вокруг себя сбрызнет. Полчаса пошептала — пятьдесят долларов за это взяла...

Девочка замолчала и как-то очень по-взрослому вздохнула.

— А вы что, тоже шептать будете?

— Нет, я шептать не буду! — сказала Ольга, торопливо надевая очки. — И водой тоже не буду брызгать. А теперь ложись так, чтоб тебе было удобно, закрой глаза и не шевелись! Хорошо?

— Хорошо! — тихо, еле слышно проговорила девочка. — Не буду шевелиться!

— И глаза не открывай! Ни в коем случае не открывай глаза!

Она встала и сдернула с девочки одеяло.

В ярко освещенной комнате хрупкое тельце девочки выглядело теперь сплошным пульсирующим пятном. Вернее, почти сплошным, ибо это было, скорее, не пятно даже, а некое сложное переплетение превеликого множества толстых и тонких алых нитей... пульсирующих нитей...

И никаких следов спасительной зеленой линии! Хотя, нет... вот же она, появилась, тоненькая, еле заметная...

— Давай же, давай! — прошептала Ольга, и тоненькая зеленая ниточка стала едва заметно утолщаться. — Давай же, ну!

Зеленая нить сжимала алое зло, но это давалось ей ох как непросто. Зло пыталось вырваться из окружения... оно вдруг с удвоенной силой принялось пульсировать...

— Больно! — тоненьким голоском вскрикнула вдруг девочка. — Мне больно!

— Я знаю, что больно! Потерпи, маленькая моя! Потерпи! Немного уже осталось!

Девочка стонала сквозь крепко сжатые зубы, ее худенькое тельце билось в жестоких судорогах, но она больше не кричала. И глаз не открывала, наоборот, еще крепче их зажмурила.

А Ольга уловила вдруг торопливое шлепанье босых ног по коридору... все ближе, ближе! Шум борьбы... дверь затряслась под чьим-то неистовым напором... ясно было, что мать пытается ворваться в комнату, а отец ее изо всех сил удерживает...

— Не впускай ее сюда, слышишь, не впускай! — рявкнула Ольга, даже не оборачиваясь в сторону двери. — Попробуй только впустить!

Зеленая нить теперь надежно сжимала алое зло... оно было совсем уже крошечным, с кулак, не больше... зло больше не пыталось вырваться...

А девочка все продолжала и продолжала стонать.

— Потерпи, маленькая! Еще чуть потерпи! Совсем немного осталось!

Все! Алого пятна больше не наблюдалось. Зеленая точка тоже постепенно таяла, исчезала... вот она исчезла совсем.

«Теперь, кажется, действительно все!»

Ольга сняла очки. С тревогой взглянула на девочку.

— Как ты?

— Хорошо! — прошептала девочка, счастливо улыбаясь. — Правда хорошо! И ничего не болит, совсем ничего!

— Маленькая ты моя!

И тут Ольга расплакалась. Даже не расплакалась, разрыдалась, бессильно опустившись на пол. Девочка, соскользнув с кровати, обняла ее тоненькими ручонками... а оба родителя, молчаливо застыв в дверном проеме, потрясенно смотрели на них во все глаза...

* * *

Когда Ольга выбралась, наконец, из машины, таксист-доцент тоже вылез вслед за ней. Дождь уже почти прекратился, но вокруг по-прежнему было мокро и неуютно. И очень темно к тому же....

— Может, все-таки возьмете деньги? — нерешительно проговорил таксист.

Ольга отрицательно мотнула головой.

— А на жену мою не обижайтесь! Понимаете, она...

— Вы все же Леночку врачу покажите! — посоветовала Ольга. — Анализы пускай сдаст... ну и все такое прочее...

— Хорошо!

— И не откладывайте! Завтра же это сделайте!

— Хорошо!

— И еще...

Ольга замолчала, внимательно глядя на таксиста-доцента.

— Никому обо мне не говорите, понимаете? Никому ни слова!

— Почему? — потрясенно спросил таксист. — Почему нельзя говорить?

— Потому, что я так хочу! Понятно?

Таксист молчал.

— Понятно, я вас спрашиваю?

Таксист, наконец, кивнул (крайне неохотно, правда), и Ольга, не оборачиваясь, быстро пошла к своему подъезду.

* * *

Бравурная мелодия мобильника застала Ольгу в душевой, вернее, она уже выходила оттуда, на ходу вытираясь полотенцем. Взяв телефон и мельком взглянув на экран, Ольга невольно улыбнулась, поднесла мобильник к уху.

— Приветик! — сказала она своему невидимому собеседнику. — Ты где?

— Недалеко! — послышался из телефона бодрый юношеский голос. — Совсем рядом!

— А если точнее? — поинтересовалась Ольга.

— А если точнее — подойди к окну!

Не отнимая телефон от уха, Ольга подошла к окну и выглянула наружу. Внизу, возле единственного фонаря, на мокром блестящем асфальте она сумела разглядеть силуэт человека, внимательно смотревшего на ее окно. Обнаружив в оконном проеме Ольгу, замотанную в полотенце, он приветливо помахал ей правой рукой. Левой же рукой молодой человек по-прежнему крепко прижимал к уху мобильник.

— Ну вот, ты меня и обнаружила! — все тем же бодрым голосом произнес молодой человек. — Теперь, надеюсь, впустишь в свои пенаты?

— Стас, ты сумасшедший! — сказала Ольга, отворачиваясь от окна и зевая. — Я дико устала, спать хочу! Что? Куда посмотреть?

Вновь взглянув вниз, она обнаружила, что молодой человек по имени Стас, встав на колени, умоляюще протягивает к ней руку. Правую.

— Нет, ты правда не в себе! Я же сказала: нет! Нет, нет и нет!

— Да, да и да! — прокричал в трубку Стас, по-прежнему стоя на коленях. — И еще раз да!

— Ладно! — наконец-таки соизволила сменить гнев на милость Ольга. — Дверь я, кажется, еще закрыть не успела...

— И что?

— Надеюсь, ты знаешь, в какую сторону она открывается?

Отойдя от окна, Ольга сбросила с себя полотенце, но одеваться не стала. Вместо этого подошла к большому зеркалу на стене. Некоторое время стояла перед ним неподвижно, внимательно-критическим взором разглядывая собственное отражение. Потом вздохнула, медленно приблизилась к кровати и, забравшись под одеяло, принялась терпеливо ждать.

Ждать, впрочем, ей пришлось совсем недолго...

Глава 3

Проснулась Ольга рано, можно сказать, с первыми петухами. Вообще-то никаких петухов в ближайших окрестностях не наблюдалось, но солнечные зайчики водились, и один из них забрался к Ольге на одеяло, а потом одним прыжком оказался на потолке. Возможно, именно он и разбудил Ольгу... впрочем, так же возможно, что проснулась она от громкого и бессвязного бормотания слева от себя.

Стас иногда что-то говорил во сне, и Ольга к этому уже почти привыкла. Тем более что, отговорив невнятной скороговоркой какое-то время, Стас потом надолго замолкал.

Вот и сейчас он быстренько умолк, так и не проснувшись, а Ольга уснуть уже не могла. Она просто лежала рядом со Стасом, бездумно глядя на зайчика, так же продолжающего разгуливать по потолку. Потом вздохнула, и, набросив на плечи халат, подошла к окну. Постояла молча и посмотрела вниз, на то место, где вчера Стас умоляюще протягивал к ней правую руку. От вчерашнего ненастья еще оставались кое-где мокрые пятна на асфальте, но небо было синим, будто выстиранным, без единого облачка. Так что сегодняшний день обещал стать, наконец-таки, первым по-настоящему солнечным и теплым днем, после длительной череды хмурых и ненастных...

Потом Ольге вспомнились вдруг странные события вчерашнего вечера.

Сейчас, ранним солнечным утром, события эти показались еще более нереальными, чем казались вчера.

А были ли они на самом деле, эти события?

Еще раз вздохнув, Ольга отошла от окна и, опустившись на диван, раскрыла сумочку. Она и сама не знала толком, чего больше желала: обнаружить там удивительные очки или никогда в жизни больше их не видеть.

Но очки лежали там, где и положила их вчера Ольга, выходя из квартиры таксиста.

Внимательно рассматривая очки, поворачивая и так, и этак, Ольга и сейчас, при ясном утреннем освещении, не нашла в них ничего особенного. Очки как очки, немного тяжеловатые, правда, для своей немудреной конструкции.

Стас вновь заворочался, забормотал что-то во сне, и Ольга, почти забывшая о самом его существовании, вдруг с каким-то новым интересом посмотрела на парня. Потом, повинуясь внезапному, не вполне осознанному порыву, решительно надела очки.

Знакомая уже вспышка яркого света все же немного ослепила ее, хоть в комнате и так было достаточно светло. Так что Ольга не сразу и разглядела, что же такое происходило в это самое мгновение на ее собственной кровати.

А потом все же разглядела. И хорошо разглядела.

Стас и какая-то незнакомая Ольге рыжеволосая девушка, откинув в сторону одеяло, неистово занимались любовью...

— Стас! — пронзительно вскрикнула Ольга.

Стас, разбуженный пронзительным ее воплем, чуть приподнял голову и недоуменно вытаращился на Ольгу.

— Ты чего? — хриплым со сна голосом осведомился Стас, недоуменно осматриваясь по сторонам. — Случилось что?

Ничего ему на это не отвечая, Ольга вторично надела очки.

И вновь та же картинка! Вернее, почти та же, только на этот раз сексуальной партнершей Стаса оказалась стройная темноволосая девушка, явно восточного происхождения...

Некоторое время Ольга молча и с каким-то холодным интересом наблюдала за их мерными, на удивление слаженными движениями, потом она медленно сняла очки, не глядя сунула их обратно в сумочку.

И вновь перед ней был один только Стас, недоуменно на нее уставившийся.

— Оленька, что-то случилось?

— Ничего, — быстро проговорила Ольга, все еще не в силах отойти от только что пережитого. — Не обращай внимания!

— Как это не обращать?

Стас сел в кровати, потянулся и принялся торопливо одеваться. А Ольга, вторично подойдя к окну и прислонившись горячим лбом к холодному влажному стеклу, вновь принялась внимательно и бездумно рассматривать улицу. Улица эта постепенно оживала, люди спешили куда-то по делам... впрочем, рассмотреть их более вимательно Ольге мешали слезы.

— Я тебя чем-то обидел ночью, Оленька?

Подойдя к Ольге вплотную, Стас обнял ее за талию, стал осторожно целовать в шею.

— Ну, извини, не знаю, правда, за что! Но ты все равно извини! Да что это с тобой?

Почти насильно Стас повернул Ольгу в свою сторону, принялся целовать теперь в губы. Ольга не вырывалась, но и не отвечала на страстные поцелуи. Она просто отсутствовала. И все бежали и бежали из глаз у нее слезы...

Увидев это, Стас немедленно отпустил девушку. Он понял уже, что что-то изменилось в их взаимоотношениях, что-то пошло не так... вот только никак не мог понять, что же именно пошло не так. Поэтому некоторое время

они просто стояли рядом и молчали, потом Стас, словно вспомнив о чем-то, взглянул на часы.

— Слушай, мне ведь пора! — озабоченно проговорил он. — Я пойду, ладно?

— Иди, — без всякого выражения произнесла Ольга, даже не посмотрев в его сторону.

Стас тотчас же устремился к выходу... впрочем, он тут же остановился, внимательно посмотрел на Ольгу.

— Я позвоню! Завтра... или, нет, лучше послезавтра. В общем, на этой неделе! Договорились?

Ольга ничего на это не ответила, и Стас наконец вышел.

Некоторое время Ольга смотрела из окна ему вслед, потом, словно очнувшись, выхватила из сумки злосчастные очки. И изо всей силы швырнула их в стену!

Отлетев от стены, очки с тяжелым глухим звуком упали на пол. Они почему-то остались целехонькими, и этот факт привел Ольгу в совершеннейшее исступление. Она набросилась на очки, принялась изо всех сил топтать их ногами... наконец очки, не выдержав яростного напора, треснули, разламываясь сразу на несколько крупных частей и множество мельчайших стеклянных осколков.

— Проклятые! Проклятые! Проклятые! — неистово бормотала Ольга, захлебываясь в рыданиях и разбрасывая ногами осколки по всей комнате.

Опустившись на пол и все еще всхлипывая, девушка наконец-таки взглянула на жалкие остатки того, что еще минуту назад являло собой некий таинственный и непонятный прибор неизвестного назначения и еще более неизвестного происхождения. Взглянула и почти сразу горько пожалела о содеянном: разбросанные во все стороны обломки очков неожиданно вздрогнули и устремились к ней.

Вскрикнув от неожиданности, Ольга в одно мгновение оказалась на кровати. Испуганно наблюдала она, как быстро сближаются друг с другом покореженные обломки очков, как, сблизившись, моментально сливаются в единое целое. Еще мгновение — и вот уже на полу подле кровати вновь лежали очки. Целые и невредимые.

А сама Ольга так и не смогла до конца осознать: рада она этому невероятному их воскрешению или...

Или вовсе даже не рада.

Пробовать уничтожить вторично уникальные эти очки Ольга не стала (рука как-то не поднялась). Брать их с собой в город тоже не решилась. Поэтому приняла компромиссное решение: подняла очки с пола и бережно положила их в маленький сейфик, удобно расположенный в средней части секции.

* * *

Возможно, это произошло совершенно случайно.

Под убаюкивающий перестук колес Ольга сидела в самом углу вагона и читала газету. Внезапно, на мгновение оторвавшись от чтения и оглядевшись по сторонам, она вдруг встретилась взглядом с каким-то подростком, сидящим неподалеку. Подросток тут же отвел взгляд, но Ольга все же успела распознать его... да и трудно было не заметить такую особенную прическу. Именно этот подросток вчера бросился прочь из вагона электрички, а чуть раньше едва не предъявил свои права на найденные Ольгой очки.

И вот теперь он вновь оказался почти рядом с ней. Что это, случайность?

Или никакой случайностью тут и не пахнет?

Решив это выяснить, Ольга ногтем процарапала в газете небольшое отверстие, потом вновь поднесла ее к самому лицу и сделала вид, что всецело отдалась чтению. Сама же принялась внимательно наблюдать за подозрительным подростком.

И сразу обнаружила, что подросток тоже внимательно за ней наблюдает!

Или он просто смотрит в эту сторону, а всему виной маниакальная ее подозрительность?

В это время поезд остановился, Ольга, дождавшись, пока все желающие покинут вагон, вдруг, резко вскочив с места, тоже выскочила наружу. Двери вагона сразу же плотно закрылись, и Ольга с каким-то непонятным удовлетворением увидела удивленное и даже обиженное лицо подростка по ту сторону окна. Потом поезд тронулся и умчал подростка с собой.

В это же самое время к станции подкатил противоположный поезд, и Ольга почти бегом устремилась к нему. Вошла в один из вагонов, села.

Поезд тронулся, и Ольга... вновь увидела подростка. Того самого. Он сидел, развалившись на сиденье неподалеку и, уже не таясь даже, внимательно смотрел на девушку. Заметив ее смятение и недоумение, паренек нахально улыбнулся.

Потеряв всяческое терпение, Ольга встала и решительным шагом направилась к нему.

— Как ты успел?

— Что? — по-прежнему нахально улыбаясь, паренек недоуменно посмотрел на Ольгу. — Вы что-то спросили, тетенька?

— Я спросила, — уже не сдерживаясь, рявкнула на подростка Ольга, — как ты успел перебраться сюда и что тебе вообще от меня нужно?

— Мне? От вас? — подросток перестал улыбаться, теперь на лице его было написано самое искреннее недоумение. — Да ничего мне от вас не надо, тетенька, с чего вы взяли!

— Тогда почему шпионишь за мной?

Подросток пожал плечами и перевел взгляд на своих соседок, двух почтенных старушек.

— Я ее первый раз вижу, эту тетеньку! — плаксиво проговорил он. — Чего она ко мне пристает, не понимаю?

Обе старушки тотчас же приняли сторону подростка и сердито уставились на Ольгу.

— Стыдно, женщина! — поджав губы, проговорила та, которая сидела справа. — Аферистка какая-то... к детям пристает!

Ее соседка согласно закивала головой.

В это время поезд вновь остановился на очередной станции, и Ольга без дальнейших пререканий торопливо покинула вагон.

Странный подросток не последовал ее примеру. Он остался сидеть подле старушек и, кажется, увлеченно им что-то рассказывал, кивая головой в сторону Ольги. Потом поезд тронулся и через какое-то мгновение скрылся в черном отверстии тоннеля. Ольга же, проводив его взглядом, направилась в сторону эскалатора и...

Паренек был уже там. Он стоял подле эскалатора и с прежним нахальным видом смотрел в сторону Ольги.

Подойдя к нему вплотную, Ольга тоже остановилась... и так некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Как тебе это удается? — спросила Ольга.

— Что удается? — вопросом на вопрос ответил пацан. — Не понимаю, о чем вы, тетенька!

И вновь некоторое время они продолжали стоять молча. Потом Ольга вздохнула и ступила на ступеньку эскалатора. Помедлив мгновение, подросток последовал ее примеру.

— Ты можешь стоять рядом со мной! — обернувшись, предложила ему Ольга. — Так, вообще-то, гораздо удобнее будет...

Она не ждала ответа и оказалась совершенно права. Странный паренек так ничего ей и не ответил. Впрочем, терять Ольгу из виду он тоже вроде бы не намеревался.

Вместе они вышли из метро, вместе прошлись по одной из улиц, потом свернули на другую. Когда же Ольга внезапно повернулась и направилась в противоположную сторону, подросток в точности повторил и этот ее маневр.

И вот что еще удивительно. Сначала пацан следовал за Ольгой в некотором от нее отдалении. Но через некоторое время расстояние между ними заметно сократилось и с каждым новым шагом продолжало и продолжало сокращаться.

Закончилось это тем, что Ольга и подросток пошли уже рядом. Правда, они по-прежнему ни о чем не разговаривали и даже не смотрели друг на друга. Они просто шли рядом.

Остановившись возле продавщицы мороженого, Ольга мельком взглянула на подростка и вдруг неожиданно для себя самой попросила два эскимо. Одно взяла себе, другое протянула подростку.

— Держи!

Поколебавшись какое-то мгновение, подросток мороженое взял. Но ничего не сказал Ольге, даже не поблагодарил ее.

Так они и шли вдвоем. Ели мороженое и по-прежнему молчали.

Когда мороженое закончилось, а они как раз дошли да знакомой парикмахерской на углу, Ольга вспомнила вдруг, что давно собиралась зайти в парикмахерскую, да все откладывала и откладывала...

— Мне сюда надо, — почему-то сообщила Ольга подростку. — Хочешь — пошли вместе, а еще лучше — подожди меня вон на той скамейке. Не бойся, я не сбегу.

Подросток ничего не ответил. Он просто смотрел на Ольгу, и взгляд у него был совершенно не детский. Дети так не смотрят, не должны смотреть...

Не выдержав пристального этого взгляда, Ольга первой отвела глаза.

— Ну, я пошла! — сказала она бодро. — Хочешь — жди!

Она взялась за ручку двери, и в это самое время женщина в синем халате, подойдя к двери повесила на стекло табличку с надписью «Технический перерыв».

— Не повезло! — проговорила Ольга, вновь поворачиваясь в сторону подростка. Потом ее словно осенило: — Это ты сделал?

Подросток неожиданно кивнул.

— Ну и зачем?

Она не надеялась на ответ, но на этот раз подросток все же проговорил:

— Там было опасно!

— Опасно? — не поняла Ольга. — Для кого опасно? Для меня, что ли?

Она еще раз посмотрела на двери парикмахерской, заложенные изнутри щеткой, потом перевела взгляд на странного подростка.

— Может, ты объяснишь мне, что происходит? Кто ты такой, в конце-то концов?

И снова этот недетский взгляд исподлобья.

— Зря ты во все это ввязалась! — сказал вдруг подросток с прежним равнодушием. — Не надо было тебе в это ввязываться!

— Во что это я ввязалась? — зло и одновременно умоляюще выкрикнула Ольга. — Ты можешь толком объяснить?

— Не могу!

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу!

Подросток повернулся и медленно пошел прочь.

— Подожди!

Догнав подростка, Ольга схватила его за плечо, повернула к себе.

— Ну? — проговорил подросток без всякого выражения. — Что еще?

— Послушай, мальчик... — Ольга присела на корточки... теперь она смотрела в лицо подростку снизу вверх. — Ты ведь хороший мальчик, да?

«Хороший мальчик» ничего не ответил.

— Это из-за тех очков, да? В них все дело?

И вновь никакого ответа.

— Но ведь я их выбросила! Точнее, не выбросила, а... просто оставила дома! У меня их нет с собой, понимаешь?

Она перехватила взгляд подростка. Подросток смотрел на сумочку в руке Ольги.

— Там их нет! — нерешительно проговорила Ольга, открывая сумочку. — Вот, смотри, если не веришь! Я их и в самом деле оста...

Она запнулась, не договорив.

В сумочке лежали очки.

А когда Ольга, оторвав, наконец, взгляд от сумочки, хотела объяснить подростку, что она тут совершенно ни при чем, перед ней никого уже не было.

* * *

Вернувшись домой и войдя в квартиру, Ольга испытала новое сильнейшее потрясение.

В квартире был полнейший разгром и кавардак. Видно было, что тут что-то усиленно искали, и Ольга даже знала, что именно искал тут неизвестный налетчик. Или налетчики...

Все шкафы были отворены настежь, а все их содержимое валялось на полу. На полу валялись истерзанные подушки, и матрас на кровати был тоже располосован чем-то острым крест-накрест. Многие книги были не просто сброшены с полок, но еще и основательно изодраны. Когда же Ольга, вдоволь насмотревшись на разрушение, вошла в кухню, увидела еще больший разгром. Здесь на полу, густо усеянном мукой и раздавленными макаронинами, громоздились еще и мелкие осколки вдребезги разбитой посуды.

— Мило! — негромко проговорила Ольга. — Очень мило!

И вдруг, выхватив из сумочки злополучные очки, Ольга на вытянутой руке провела ими по воздуху.

— Ну что, довольны? Довольны теперь? Хорошо получилось?

Она смотрела на очки почти с отвращением.

— Хотите, чтобы я вас надела? А я не буду! С меня во как довольно! А впрочем...

Ольга надела очки.

— Может, покажете мне, кто это сделал? Или это не в ваших силах? Тогда какого черт...

Она вдруг умолкла, потрясенная.

На ее глазах кухня принимала прежний облик. Собиралась рассыпанная мука, ловко соединялись в единое целое мелкие осколки чашек и тарелок... сами же чашки и тарелки не менее ловко запрыгивали на прежние свои места.

Прошло совсем немного времени, и вот уже на кухне царил образцовый, можно сказать, порядок.

Сорвав очки с переносицы, Ольга убедилась, что все это не оптический обман. На кухне по-прежнему было идеально прибрано. Тогда она, вновь нацепив на нос очки, рванулась в комнату.

Там с ее приходом тоже все начало само собой реставрироваться.

И вскоре все стало как прежде...

И даже лучше, чем прежде...

И в это же самое время раздался вдруг звонок в дверь.

Некоторое время Ольга стояла в нерешительности, испуганно глядя в сторону входной двери.

Звонок повторился.

Метнувшись на кухню, Ольга вооружилась топориком для отбивания мяса и, крепко сжав грозное свое оружие в правой руке, двинулась в прихожую. Очки она теперь держала в левой руке.

Звонок прозвенел в третий раз.

Ольга осторожно прильнула к дверному глазку, потом вздохнула с облегчением и открыла, наконец, дверь. В комнату не вошла, а буквально ворвалась мать вчерашней девочки. Упав перед Ольгой на колени, женщина принялась лихорадочно и исступленно целовать ей руки.

— Простите меня! — сотрясаясь от рыданий, бормотала она, в то время как растерянная Ольга тщетно пыталась высвободить руки. — Простите меня, ради бога!

— Привет!

Подняв голову, Ольга увидела и саму Леночку. Девочка весело ей улыбалась и выглядела теперь совершенно здоровой.

— Привет, малышка! — Ольге наконец-таки удалось высвободить руки, и теперь она попыталась поставить женщину на ноги. Пусть не сразу, но ей удалось и это.

— Простите меня! — еще раз повторила женщина и замолчала.

— А я уже не больна! — торжественно объявила Леночка, подходя к Ольге вплотную. — Мне это самый главный врач сказал!

— Правда? — обрадовалась Ольга. — Вот здорово!

Потом она посмотрела на топорик в своей руке и несколько смутилась.

— Вы проходите! — сказала она. — Не стесняйтесь! Я тут... вроде как уборкой занималась...

— Может, вам помочь? — с надеждой спросила женщина.

— Да нет, я уже закончила.

Она замолчала, и в прихожей повисло продолжительное и довольно-таки неловкое молчание.

— А где ваш муж? — спросила Ольга женщину, просто чтобы хоть что-то спросить.

— Внизу, у машины! — как-то несмело проговорила женщина. — Позвать?

— Конечно, зовите! Сейчас чай пить будем.

Женщина метнулась за дверь, а Ольга, взяв Леночку за руку, повела ее в комнату.

— У тебя тут красиво! — сказала Леночка, осматриваясь. Она подошла к фотообоям на стене, изображающим морское побережье, остановилась.

— Тебе нравится? — Ольга наконец-таки сумела избавиться от топорика, засунув его под диван. — А мне не очень!

Она села на диван, посадила девочку рядом с собой.

— Знаете, о чем я теперь мечтаю? — спросила Леночка, все еще продолжая всматриваться в морской пейзаж. — О море!

— В чем проблема! — Ольга прижала девочку к себе. — Теперь тебе любое море по колено! Правда?

Леночка несмело кивнула и вновь обняла Ольгу тоненькими ручонками.

В это время в прихожей послышался шум, потом в комнату все так же несмело вошла мать Леночки с огромным тортом в руке. У отца, который следовал за ней, в каждой руке было по бутылке шампанского плюс еще какой-то увесистый сверток под мышкой...

* * *

— А может, все же возьмете?

Был вечер, они стояли недалеко от подъезда, прощаясь, и в руках у доцента-таксиста были деньги. Довольно крупная сумма в рублях и частично в валюте.

— Мы ведь от чистого сердца!

— Я знаю!

Ольга почему-то вздохнула и посмотрела на машину. Леночка уже сидела там, на заднем сиденье, и тоже внимательно смотрела на нее через довольно запыленное стекло.

— Знаете что, — сказала Ольга, в который уже раз отстраняя руку доцента с деньгами. — На эти деньги вы лучше свозите Леночку к морю! На Кипр, в Италию, в Болгарию... но только не в Крым! Я там была... ничего интересного!

Родители переглянулись. Кажется, затея пришлась им по душе.

— А ей это не вредно? — нерешительно спросила мать и тут же поправилась: — Впрочем, мы проконсультируемся у врача.

— Разумеется! — сказала Ольга и, помахав напоследок Леночке рукой, пошла к своему подъезду.

Родители уже садились в машину, когда Ольга, вновь обернувшись, стремглав бросилась к ним.

— И никому ни слова! Вы меня поняли: никому обо мне ни слова! Для вашего же блага!

В ответ доцент лишь испуганно кивнул и торопливо захлопнул дверцу. Машина, взревев, быстро рванула с места, унося счастливое и в то же время весьма озадаченное семейство. Впрочем, девочка Леночка, обернувшись, принялась оживленно махать Ольге рукой на прощание.

Но Ольга уже не смотрела в ее сторону, теперь она смотрела в сторону совершенно противоположную. На детскую площадку, расположенную как раз между двумя домами.

Там, на качелях, сидел подросток. Тот самый. Качели медленно раскачивались, как бы сами по себе, подросток же, не спуская глаз с Ольги, приветливо ей улыбался.

Ольга подошла к качелям, остановилась, некоторое время молча наблюдала, как раскачиваются качели, сами по себе, без малейших усилий со стороны подростка.

— Следишь?

Подросток ничего не ответил. Он по-прежнему улыбался Ольге, но теперь скорее равнодушно, нежели приветливо.

— Ну, следи, следи!

И снова некоторое время они молчали, слышалось только негромкое поскрипывание качелей.

— Это ты мою квартиру разворотил?

Подросток, продолжая улыбаться, лишь отрицательно мотнул головой.

— А кто, знаешь?

Утвердительный кивок головой.

— Скажешь?

И вновь отрицательное покачивание.

— Ну и черт с тобой! И со всей вашей паршивой конторой тоже!

Она повернулась и быстро пошла в сторону подъезда.

— Будь осторожна! — донеслось со стороны площадки.

Ольга стремительно обернулась.

На площадке уже никого не было. Совсем никого. Только качели все еще продолжали медленно раскачиваться, словно от порыва ветра.

Некоторое время Ольга молча рассматривала поскрипывавшие качели, потом кто-то неожиданно ухватил ее за плечи.

— Приветик!

Испуганно вскрикнув, Ольга сначала просто отшатнулась, а уж потом обернулась. Некоторое время молча смотрела в недоуменное и слегка испуганное лицо Стаса.

— А, это ты! — проговорила она равнодушно, почти холодно. — Какими судьбами? Мимо проходил?

— Почему мимо? — встревоженный столь неласковым приемом, Стас неуверенно улыбнулся. — А ты что, не рада меня видеть?

Ольга ничего не ответила. В памяти у нее вновь пронеслись те унизительные утренние картинки: Стас и рыжеволосая... Стас и японка... а может, китаянка...

— Она и в самом деле японка? — невинным тоном осведомилась Ольга, внимательно глядя на парня. — Или китаянка?

— Кто? — спросил Стас, явно изменившись в лице.

— Ну, эта... подруга твоя восточная! Или она тебе уже не подруга?

Стас ничего не ответил.

— А эта, рыженькая, она ничего! У вас с ней как, серьезно?

Стас виновато и заискивающе улыбнулся.

— Я тебе сейчас все объясню!

— А вот этого не надо! — покачала головой Ольга. — Зачем врать без надобности. Тем более, что я на тебя ни капельки не сержусь! И даже приглашаю в гости, если ты не особенно сейчас занят!

— До пятницы я совершенно свободен! — аж просиял от удовольствия Стас. — А ты что, и вправду на меня не сердишься?

— Вправду, вправду! — рассеянно проговорила Ольга, думая о чем-то своем. — А впрочем, вру! Сержусь, и здорово! И все же приглашаю в гости. А теперь спроси: почему?

— Почему? — сразу же спросил Стас.

— Не хочу сегодня оставаться одна. Устраивает такой вариант?

— Не то чтобы совсем, — несколько обиженно пробормотал Стас. — Впрочем, это лучше, чем ничего!

Он обнял девушку, нежно поцеловал ее в висок, потом в ухо... Затем принялся жадно и торопливо целовать шею Ольги, ее щеки, подбородок... Сама

Ольга никак на все это не отреагировала... скорее всего, она просто ничего этого не заметила...

Поверх плеча Стаса Ольга смотрела на пустые качели, которые все продолжали и продолжали раскачиваться сами по себе...

Глава 4

В комнате царил густой вечерний полумрак, и лишь зеленоватый ночник на стене тускло освещал небольшую часть комнаты с кроватью в центре. Устав от любовных игр, Ольга и Стас теперь просто лежали рядышком. Стас курил, Ольга, заложив руки за голову, внимательно на него смотрела.

— Знаешь, — внезапно проговорил Стас, стряхивая пепел в пепельницу, стоящую на тумбочке, — все эти мои... Ну, скажем так, прежние мои увлечения, все эти брюнетки, блондинки, рыженькие... да они мизинца твоего не стоят!

— Да неужели? — с деланым удивлением отозвалась Ольга. — Ладно, спасибо за комплимент! Впрочем, ты, наверное, каждой из нас такое говоришь?

— Да нет же, нет! — заволновался Стас. — Не каждой! Далеко не каждой! Тебе только! Ты... ты знаешь, какая ты?

— Знаю, — сказала Ольга довольно равнодушно. — Девятнадцать лет уже знаю, какая я. И какой ты... тоже знаю...

— А что я? — Стас на мгновение замялся, как-то виновато вздохнул. — Я такой, какой есть... ну, в общем, сама понимаешь...

— Понимаю! — сказала Ольга еще более равнодушно. — Это я давно уже поняла. Я другого понять не могу...

— Чего именно?

— Мне б гнать тебя в три шеи, а я вот лежу с тобой в кровати, любовью занимаюсь. Это от боязни одиночества, да?

— А может, я тебе просто нравлюсь? — внес предположение Стас.

— Не смеши! — Ольга фыркнула. — Ты меня просто устраиваешь в постели... вот и все твое достоинство!

Видно было, что Стас обиделся. И даже здорово. Он ткнул окурок в пепельницу и демонстративно повернулся к Ольге спиной.

— Ладно, не сердись! — сказала Ольга, приподнимаясь на локте и снисходительно хлопая его по спине ладонью. — Лучше послушай, что со мной приключилось!

— А что с тобой могло приключиться? — ворчливо отозвался Стас, не повернув головы. — Встретила, наконец, принца своей мечты?

— Да нет, другое! — Ольга вздохнула. — Странная какая-то история со мной произошла, вернее, происходит со вчерашнего дня! Я даже не знаю, как тебе о ней рассказать. Ведь все равно не поверишь! Или поверишь?

— Слушай! — Стас, наконец-то сменив гнев на милость, соизволил вновь повернуться к собеседнице. — Сварганъ кофейку, а!

— Кофейку? — Ольга невольно посмотрела на часы, висевшие на стене. Обе стрелки приближались к цифре двенадцать. — Не уснешь ведь потом, балбес!

— А я и не собираюсь! — Стас внезапно привлек к себе Ольгу, принялся исступленно ее целовать. — Не усну и тебе спать не дам! И вообще, устрою тебе сегодня совершенно незабываемую ночь!

— Остынь, мачо! — Ольга легко вывернулась из объятий юноши и, накинув халат, направилась в сторону кухни. — Тебе сколько сахара класть?

— Семь ложек, и не размешивать! — тут же отозвался Стас. — Не люблю сладкого!

— А я не люблю остряков! Особенно плоских!

В это время часы на стене принялись бить полночь.

— Так как насчет кофе? — осведомился Стас, широко улыбаясь.

— Никак!

Ольга показала Стасу язык и вышла, а он, закинув руки за голову, широко и довольно улыбнулся. Вдруг его улыбка исчезла, глаза испуганно расширились.

Прямо из стены напротив выплыла какая-то тень. Человеческая. Тень двинулась в сторону Стаса.

— Что это? — прошептал Стас сдавленным голосом. — Кто это?

— Я — это ты! — негромко отозвалась тень, стремительно принимая облик Стаса, тоже неодетого, с испуганными, широко раскрытыми глазами. — А ты — это я! Понял?

* * *

— Ваш кофе, сэр!

Ольга внесла на подносе чашечку кофе и тарелочку с бутербродами. Все это она поставила на тумбочку, рядом с пепельницей.

— Прошу отведать, сэр!

Стас как-то странно улыбнулся ей, но кофе пить не стал.

— Ты ведь что-то хотела рассказать мне? — сказал он почти деловито. — Говори, я слушаю!

Ольга растерянно посмотрела на дымящуюся чашку с кофе, потом перевела взгляд на непривычно серьезного, непохожего на себя Стаса.

— А кофе? — спросила она почти жалобно.

— Кофе подождет! — в голосе Стаса проскользнули вдруг почти повелительные нотки. — Итак, что с тобой произошло?

Некоторое время Ольга с удивлением смотрела на парня, не понимая, почему он внезапно так изменился за те несколько минут, пока она отсутствовала.

— Ну, так как? — вновь произнес Стас сухо и деловито. — Будешь рассказывать?

— Ладно! — наконец решилась Ольга. — Расскажу! Все расскажу! Но для начала, чтоб ты лучше понял... и поверил... Где же они? — Ольга задумалась. — Ага, кажется, здесь!

Она метнулась к сумочке, раскрыла ее, выхватила оттуда очки.

— Вот, смотри, я надеваю их и...

— Не надо! — пронзительно закричал вдруг Стас, вскакивая с постели. — Не надевай!

Рука Ольги с очками застыла на полпути.

— Почему? — ничего не понимая, пролепетала она. — Почему не надо?

Тут до нее что-то дошло.

— Ты не Стас! — проговорила Ольга, медленно отступая к стене. — Ты... кто ты такой?

Лжестас стремительно изменялся прямо на глазах у Ольги. Вот он стал каким-то лысым толстяком, потом толстяк превратился в худощавого мужчину в очках... Следующее превращение — и вот уже на Ольгу смотрит какой-то смуглый тип с усиками и в строгом черном костюме-тройке, типичный мафиози из старых фильмов.

— Ты права, я не Стас! — сказал мафиози, приближаясь к ней. — Но тебе не надо меня бояться!

— А я и не боюсь! — соврала Ольга, продолжая пятиться, и вдруг уперлась спиной в стену. — Не подходи! — истошно завопила она пронзительным фальцетом. — Стой, где стоишь!

Мафиози послушно остановился.

— Мы можем договориться! — быстро проговорил он.

— Договориться? — Ольга, тяжело дыша, уставилась на незнакомца. — О чем это вы?

Мафиози вздохнул, посмотрел в сторону кресла, и оно вдруг послушно к нему подъехало. Потом он как-то небрежно взмахнул рукой, и в кресле неизвестно каким образом оказался черный кейс.

— Итак, — сказал мафиози, опускаясь в кресло и ставя кейс себе на колени. — Ты отдаешь мне эти так называемые, очки, а взамен получаешь...

Мафиози щелкнул замком, отворил кейс, и потрясенная Ольга увидела, что он буквально набит деньгами.

— Тут сто тысяч евро, — небрежно сказал мафиози. — И эти деньги будут твоими, если ты сейчас же отдашь мне очки!

Ольга, не отрываясь, смотрела на деньги. На целую кучу денег. Да ей за всю жизнь столько не заработать!

— Итак? — проговорил мафиози нетерпеливо. — Мы договорились?

Ольга ничего не ответила. Мафиози по-своему расценил это ее молчание.

— Ладно! — проговорил он, захлопывая кейс и тут же вновь его открывая. — Теперь тут миллион евро! Видишь?

Ольга потрясенно кивнула. Действительно, денег в кейсе стало значительно больше, да и сами купюры, кажется, стали значительно крупнее прежних.

— Надеюсь, теперь-то мы договоримся?

Ольга вздрогнула и, с трудом оторвав взгляд от кейса, посмотрела на его хозяина. На тонких губах мафиози змеилась неопределенная усмешка.

— Почему я должна вам верить? — сказала она. — Вы возьмете очки, потом убьете меня и присвоите деньги себе! Если они, конечно, не фальшивые...

Смуглое лицо мафиози по-прежнему было невозмутимым, даже усмешка исчезла.

— Деньги настоящие! — проговорил он, чеканя каждое слово. — Это раз! Мы не нуждаемся в этих деньгах, это два! — добавил он презрительно. — Просто нам нужно получить обратно нашу вещь!

— Вашу вещь? — Ольга внимательно посмотрела на очки. — Так это ваша вещь?

Мафиози кивнул.

— И я должна вернуть ее вам?

Мафиози кивнул вторично.

— А вы мне за это — миллион евро?

Мафиози демонстративно посмотрел на часы.

— Мы теряем время, — сказал он. — Бросайте мне очки!

Ольга вздохнула, посмотрела на очки в своей руке и послушно бросила их в сторону мафиози. Тот мгновенно вскочил с кресла, выбросил перед собой обе руки, приготовившись ухватить очки, но случилось нечто совсем непредвиденное. На полпути между Ольгой и мафиози очки вдруг резко вильнули в сторону и, описав в воздухе плавный полукруг, вновь очутились в руке у Ольги.

— Я... — пролепетала она, виновато глядя на исказившуюся, разочарованную неудачей физиономию мафиози. — Я не хотела... они сами...

— Ну что ж... я должен был это предвидеть, — пробормотал мафиози, постепенно успокаиваясь. — Они быстро привыкают... чрезвычайно быстро...

— Они? — не совсем поняла Ольга. — Они что, живые?

Мафиози вопрос явно проигнорировал.

— Почему бы вам просто не подойти ко мне и не забрать их?

На этот раз Ольгин вопрос, видимо, показался мафиози достойным хоть какого ответа.

— Все не так просто, — проговорил он медленно и с явно ощутимым сожалением в голосе. — Если б это было так просто...

Он вздохнул и замолчал, не договорив. Ольга тоже молчала и смотрела на открытый кейс. На миллион евро, который мог стать ее собственностью. Потом она просто сделала шаг в сторону мафиози и протянула ему очки. И тотчас же из очков вылетела тонкая зеленая молния и ударила в паркет прямо у ног мафиози.

— Нет! — закричал он, вздрагивая всем телом. — Отойди лучше!

Ольга послушно отодвинулась на прежнее расстояние.

— Должен же быть какой-то выход! — проговорила она задумчиво, потом ее осенило. — Я придумала!

Она подбросила очки, и они словно застыли в воздухе.

— Вы мне не нужны! — закричала она, глядя в упор на странные эти очки. — Вы мне абсолютно не нужны!

Очки слабо шевельнулись и немножечко отодвинулись от Ольги.

— Убирайтесь прочь!

Очки отодвинулись еще сантиметров на десять. Остановились.

— Прочь, я сказала!

Очки поплыли дальше.

— Молодец, девочка! — прошептал мафиози, жадно следя за медленным движением очков. — Еще говори!

— Дряни! Идиотки! — Ольгу трясло как в лихорадке. — Вы меня уже во как достали!

Очки продолжали уплывать в сторону мафиози, и тот, стремительно вскочив с кресла, ухватил их обеими руками. Брызнули во все стороны ярко-зеленые искры, но мафиози свою добычу из рук не выпустил.

— Есть! — воскликнул он, пускаясь в пляс. — Есть!

Ольга опустошенным взглядом смотрела на него.

— Ну вот, — сказала она тихо и безнадежно. — Они у вас! А теперь вы убьете меня, ведь так?

Мафиози остановился, удивленно посмотрел на Ольгу.

— Зачем?

— Ну, хотя бы затем... — слова давались Ольге с трудом, она как бы выталкивала их, одно за другим, медленно, поодиночке, — затем хотя бы, что я слишком много знаю...

Мафиози продолжал смотреть на Ольгу.

— Ты все забудешь, — сказал он. — Ты просто все забудешь. Эти два дня просто исчезнут из твоей памяти.

— А деньги? — тихо спросила Ольга. — Они тоже исчезнут?

— Деньги останутся, — сказал мафиози. — И останется весьма правдоподобная история их получения. Ну что, ты довольна?

Ольга ничего не ответила, и некоторое время они оба молчали.

— Я что-то забыла! — сказала вдруг Ольга задумчиво. — Что-то очень важное для меня!

— Потом вспомнишь, — сказал мафиози. — А мне пора! Сейчас ты уснешь, а утром все будет совершенно по-другому. Это я тебе обещаю. Ты мне веришь?

Ольга кивнула, правда, неуверенно. Что-то потаенное продолжало мучить ее, вот только она никак не могла понять, что же такое ее мучит...

— А теперь будь умницей, ложись в кровать! — сказал мафиози, надевая очки. — Не бойся, это совсем не больно!

Ольга послушно подошла к кровати, так же послушно легла, до подбородка натянув на себя одеяло.

— Халат сними, — сказал мафиози, подходя чуть ближе к кровати. — Неудобно спать в халате. Снимай, не бойся, в этом отношении я не представляю для тебя совершенно никакой опасности.

Вздрогнув, Ольга вдруг резко села в кровати.

— Стас! — выкрикнула она. — Где он?

Мафиози недоуменно посмотрел на девушку.

— Это и есть то важное, что ты хотела вспомнить?

— Где настоящий Стас? — прошептала Ольга, испуганно глядя на равнодушную физиономию мафиози. — Он... жив?

Мафиози неопределенно пожал плечами.

— Жив, мертв... — проговорил он. — Знаешь, это все так относительно. Когда ты проснешься завтра утром, он будет лежать в постели рядом с тобой. Целый и невредимый... — Мафиози замолчал, вздохнул терпеливо. — Теперь все?

Ольга неуверенно кивнула.

— Тогда ляг и закрой глаза. И ничего не бойся! И сбрось ты этот халат к чертям собачьим! Ну, что еще?

Но Ольга уже вставала с кровати.

— Что еще не так, говори!

— Девочка! — проговорила Ольга хрипло и почти невнятно. — Та девочка, Леночка... что с ней теперь будет?

Мафиози задумался.

— Какая девочка? Ах, эта... с лейкозом...

— Что с ней теперь будет?

— Ничего не будет, — сказал мафиози. — Она станет прежней, только и всего....

— Прежней — это значит: вновь умирающей от лейкоза?

Мафиози улыбнулся холодной, ничего не значащей улыбкой.

— Знаешь, сколько человек в мире каждый день умирает от лейкоза? Одним больше, одним меньше...

— Но ведь она поверила мне! — с отчаяньем в голосе выкрикнула Ольга. — Поверила, понимаете!

— Завтра, — проговорил мафиози безапелляционным тоном, — она ничего этого уже не вспомнит. Как и ее родители. Как и ты сама. Этого не было, понимаешь, не было!

— Это было! — выкрикнула Ольга гневно. — Было и останется! Такое мое условие!

Лицо мафиози за черными очками осталось непроницаемым. Его крайнее раздражение выдавал голос.

— Сейчас я диктую условия! — процедил он сквозь зубы. — Я, а не ты, жалкий земной червяк! А теперь — спать! Спать, я сказал!

Черные полукружья очков блеснули вдруг зеленым, и какая-то неведомая сила бросила Ольгу на кровать, прижала ее к одеялу.

— Нет! — закричала Ольга, извиваясь всем телом. — Нет!

— Спать! Я приказываю: спать!

Изловчившись, Ольга вдруг вытянула вперед правую руку и крикнула, властно и повелительно:

— Ко мне!

И случилось чудо. Очки, соскочив с переносицы мафиози, быстро поплыли в сторону Ольги. Мафиози попытался ухватить их, но чуть опоздал.

— Назад! — отчаянно завопил мафиози, вытягивая руку. — Ко мне!

Очки остановились в нерешительности.

— Ко мне! — закричала Ольга, не опуская руку. — Забудьте все, что я вам наговорила! Вы мне нужны!

— Ко мне! — вопил мафиози, вытянув перед собой уже обе руки. — Теперь я ваш хозяин!

Но очки, по всей вероятности, придерживались прямо противоположного мнения. Резкий рывок... и вот они снова в руке у Ольги. Она выпрямилась, с торжествующей улыбкой посмотрела на мафиози.

— Дрянь! — рявкнул тот, вне себя от ярости. — Дрянь паршивая!

В ладони у него вспыхнул вдруг ярко-оранжевый комочек света.

— Умри!

Еле уловимый взмах ладони, и ярко-оранжевый шар метнулся в сторону Ольги. Но в это же самое время навстречу ему прямо из очков вылетел зеленоватый светящийся шар. Шары встретились в воздухе и исчезли.

— Сдохни! — завопил мафиози, бросая один за другим сразу несколько оранжевых сгустков. И столько же зеленоватых светящихся шариков выбросили им навстречу очки.

«Надень нас! — послышался в голове у Ольги какой-то странный мяукающий шепот. — Надень нас!»

Ольга недоуменно взглянула на очки. Кажется, это они с ней только что разговаривали.

«Давай же!»

И Ольга повиновалась. Она надела очки.

«А теперь посмотри на него!»

— Нет! — испуганно закричал мафиози. — Не надо!

Но Ольга уже смотрела. Сквозь очки.

«Мафиози» теперь не выглядел таковым. Он вообще не выглядел теперь человеком. Кошмарное, уродливое создание, покрытое чешуей, как у рептилии. Да он и похож был на рептилию, большую, бесхвостую рептилию, вставшую на задние лапы. Некоторое время существо продолжало что-то вопить, уже на совершенно непонятном Ольге, свистящем языке, потом его резко отбросило к стене.

«Убить?» — прошептали очки.

— Да! — мстительно выдохнула Ольга. — Убей!

И сейчас же яркое зеленое пламя вспыхнуло вокруг него. Отвратительное это существо рухнуло наземь, корчась в судорогах и пронзительно вопя от жестокой, невыносимой боли.

— Нет! — отчаянно вскрикнула Ольга, срывая с глаз очки. — Хватит!

«Зря! — прошелестели очки. — Зря!»

Прежний мафиози, лежа на полу, испуганно смотрел на Ольгу. Лицо его было красным и потным, костюм слабо дымился... но особых повреждений у мафиози вроде не наблюдалось.

Потом он медленно поднялся, для чего-то принялся старательно отряхивать свой изрядно потрепанный и все еще дымящийся костюм.

— Пошел вон! — негромко произнесла Ольга. Мафиози поднял голову, пристально на нее уставился.

— Ты не убила меня? — спросил он удивленно. — Почему?

— Убирайся!

И мафиози исчез. Просто исчез, как бы растворившись в воздухе.

«Зря!» — вновь прошептали очки.

— Ты не убила его? — спросил чей-то голос позади Ольги. — Почему?

Ольга обернулась.

В кресле сидел подросток. На коленях у него лежал все тот же кейс с деньгами.

— Ну и? — проговорила Ольга свирепо. — Игра продолжается?

Ничего ей на это не отвечая, подросток медленно раскрыл кейс. И вновь перед глазами Ольги предстала искушающая картина сверхденежного изобилия.

— Искушение Святого Антония! — сказала Ольга, устало опускаясь на край кровати. — Итак, что ты хочешь предложить мне за эту же сумму? Или увеличишь ставку?

Подросток захлопнул кейс, бросил его на кровать рядом с Ольгой.

— Деньги не мои! — сказал он равнодушно. — Ты вольна распоряжаться ими по своему усмотрению! Странно, конечно, что ты не убила лемура... ну что ж, не все сразу...

— Лемура? — переспросила Ольга. — Он что, лемур?

Подросток кивнул утвердительно.

— А ты?

— А я не лемур!

— Кто же ты тогда?

Подросток ничего на это не ответил, а Ольга украдкой взглянула на очки в своей руке.

«Ты хотела бы его убить?» — мысленно поинтересовались очки.

«Нет! — тоже мысленно воскликнула Ольга, сразу же отводя взгляд от очков. — Я просто хотела... хотела просто...»

— Тебе так не терпится увидеть мой настоящий облик? — громко и даже весело спросил вдруг подросток.

Ольга растерянно посмотрела на него.

— Не знаю, — проговорила она жалобно. — Я уже ни черта не понимаю!

Подросток молча продолжал смотреть на нее.

— Может, ты все же объяснишь мне, что все это значит? Во что такое я вляпалась?

— Ты просто переступила черту, — сказал подросток почти сочувственно. — А все остальное — лишь следствие...

— Черту? — Ольга растерянно смотрела на подростка. — Какую черту?

— Ту, которую нельзя переступать!

Подросток встал, и Ольга тотчас же испуганно вскочила с кровати, отпрянула назад.

— Ты и меня боишься? — восхитился подросток. — А впрочем, правильно! Не доверяй никому! Даже им!

И подросток указал рукой на очки.

— Охотникам, стрелкам... — продолжал перечислять подросток. — Тем более, диспетчеру!

— Кому? — Ольга недоуменно уставилась на подростка. — Какому диспетчеру?

— Обыкновенному, — сказал подросток. — Тебе слово «диспетчер» о чем-нибудь говорит?

— Говорит, — честно призналась Ольга. — Впрочем, вру, ни о чем оно мне не говорит!

— Тогда зачем спрашивать? Кстати, твой дружок уже в постели! И, кажется, он сейчас проснется...

Ольга обернулась.

В кровати вновь лежал Стас. Он крепко спал, повернувшись на бок и обхватив обеими руками измятую подушку.

Подойдя к кровати, Ольга остановилась, внимательно и настороженно рассматривала спящего бойфренда.

— Не бойся! — послышался голос подростка за ее спиной. — Теперь он настоящий.

— А где он находился все это вре... — Ольга вновь повернулась в сторону подростка, но, так и не договорив, замолчала.

Подростка в комнате уже не было. А Стас вдруг сонно и невнятно забормотал, ворочаясь и, кажется, просыпаясь.

Ольга схватила кейс, огляделась по сторонам и, не найдя ничего лучшего, просто затолкала его под кровать. И в это же время Стас, открыв глаза, сонно уставился на Ольгу.

— Я, что... уснул?

Ольга кивнула, фальшиво и натянуто ему улыбаясь.

— Черт! — Стас посмотрел на часы на стене напротив и зевнул так, что челюсть хрустнула. — Уже два часа ночи! Черт, как спать хочется! А ты чего не спишь?

Не отвечая, Ольга выключила ночник и, сбросив халат, торопливо забралась под одеяло. Чтобы отойти от всего только что пережитого, крепко обняла Стаса, принялась довольно нескромно тормошить его, как бы приглашая к любовным играм... впрочем, ни черта у нее не получилось...

— Ты что, и в самом деле спишь? — потеряв, наконец, всякое терпение, возмущенно крикнула Ольга Стасу в самое ухо. — Сурок!

— Сурок! — сонно пробормотал Стас, соглашаясь с Ольгиным определением. — Сплю! Не кантовать!

— Ничего себе! — Ольга возмущенно фыркнула. — Ты же обещал мне незабываемую ночь! Или забыл уже?

— Глаза слипаются! Извини, но я... это...

— Ну и спи! — обиженно пробурчала Ольга. — Донжуан несчастный!

— Ты чего-то там хотела мне рассказать? — бормотал Стас, уже совсем засыпая. — Или это мне тоже приснилось?

— Тоже? — привстала на локте Ольга. — А что тебе еще приснилось?

Она затаила дыхание в ожидании ответа. Но Стас ничего не ответил. Он спал.

— Что тебе снилось еще? — повторила Ольга, наклоняясь к Стасу и тряся его за плечи. — Говори, что? Что тебе приснилось, отвечай!

— Кошмары... — бормотал Стас, не открывая глаз и уже почти неразборчиво. — Фильм ужасов какой-то, а не сон! Лемуры, понимаешь, заколебали...

— Лемуры? — насторожилась Ольга. — А еще кто?

— А еще охотники, — продолжал бормотать во сне Стас. — И эти, как их... стрелки...

— Охотники? Стрелки? — Ольга с удвоенной силой принялась трясти Стаса за плечи. — А диспетчеры там были? Скажи, там был хоть один диспетчер?

Но Стас уже крепко спал и вопроса даже не расслышал.

Глава 5

Утром следующего дня Стас и Ольга стояли на остановке неподалеку от дома. Ольга была уже совершенно спокойна и даже весела. Что же касается Стаса — то состояние его было не из лучших.

— Ты извини, — вдруг неловко пробормотал он, весь багровый от смущения. — Извини за вчерашнее...

— А что вчера? — с невинным видом осведомилась Ольга. — Не понимаю!

Некоторое время Стас лишь молча смотрел на безмятежное лицо Ольги. Потом мрачно вздохнул.

— Да все ты понимаешь! — буркнул он зло. — Я ведь прошу извинения за...

— За секс, которого не было? — закончила за него Ольга. — Или был, но ты об этом просто ничего не помнишь?

— А он был? — мгновенно оживился Стас. — Был, да?

Ольга ничего не ответила, и Стас вновь увял.

— Уснул в кровати! — все никак не мог успокоиться он. — Знаешь, первый раз со мной такое!

— Надеюсь, не в последний?

— Не надейся!

Вздохнув, Стас принялся торопливо шарить по карманам в поисках сигарет.

— Черт, так курить хочется!

— Ты же с сегодняшнего дня бросить хотел, — прищурившись, Ольга внимательно посмотрела на парня. — Слово мне вчера дал! Или ты уже не хозяин своему слову?

— Захотел — дал, захотел — взял... вот какой я хозяин! — буркнул Стас мрачно. — Я ведь тебе и незабываемую ночь обещал! И что? Уснул, как последний...

— Успокойся! — проговорила Ольга, внимательно вглядываясь вдаль. — У меня вчера и так была незабываемая ночь!

— Издеваешься?

— Нет, серьезно! Вон твой автобус!

— Вижу! — уныло буркнул Стас. — Ну... пока, что ли!

— Пока! — проговорила Ольга почти нежно. — И хватит переживать! Все путем!

Ничего на это не отвечая, Стас с трудом втиснулся в переполненный автобус. Автобус отошел, и Ольга осталась на остановке одна. Впрочем, уже, кажется, не одна...

— Привет! — сказала она подростку, невесть откуда возникшему вдруг рядом с ней. — На боевом посту?

Подросток ничего не ответил. Он даже не посмотрел в сторону Ольги.

— Ты что, все время за мной наблюдаешь? Не надоело?

Подросток и на этот раз ничего не ответил.

— И хватит меня игнорировать, слышишь? Изволь хоть повернуться в мою сторону!

На этот раз подросток все же повернулся и невозмутимо посмотрел на разгневанную Ольгу. Или, скорее, куда-то сквозь Ольгу....

— Слушай, ты когда-нибудь спишь? — с интересом осведомилась она. — Я к тому, что должно же быть у тебя хоть какое свободное время!

— Туда посмотри! — проговорил вдруг подросток, показывая куда-то направо.

Ольга невольно посмотрела в указанном направлении и... заметила там, на качелях, второго подростка, как две капли воды похожего на первого. Подросток номер два, увидев, что на него смотрят, приветственно помахал ей рукой.

— Понятно, — сказала Ольга хмуро. — Близнецы?

И тут она замечает третьего «близнеца». Он сидит на лавочке, на противоположной стороне улицы и тоже вскидывает руку в знак приветствия.

— Обложили! — пробормотала Ольга невнятно. — Ну и ладно! Итак, куда мы сегодня?

Но подростка рядом с Ольгой уже не было. Не было и его копии напротив. И качели тоже были пусты, правда, они все еще продолжали медленно раскачиваться.

— Ну и ладно! — сказала Ольга почти весело. — Ну и проваливайте!

* * *

Это случилось вскоре после того, как Ольга вышла из троллейбуса. Идя по тротуару и с трудом лавируя в толпе, она заметила вдруг вчерашнего «мафиози». Тот как раз вышел из супермаркета с пакетом в руке... вышел, остановился, принялся внимательно осматриваться по сторонам.

Ольга тоже остановилась, спрятавшись за газетный киоск и притворившись, что с интересом изучает его ассортимент. Сама же продолжала внимательно наблюдать за лемуром — так, кажется, назвал вчера подросток жуткое это существо...

— Женщина, вы мешаете мне работать! — с плохо скрытым раздражением обратилась к Ольге продавщица. — Если вам что-то нужно — спросите!

— Я пока еще не выбрала, — пробормотала Ольга, отходя немного в сторону, но стараясь не терять из вида лемура. — Я еще посмотрю, ладно?

— Смотрите, — сказала продавщица и вдруг совершенно неожиданно... исчезла вместе с киоском. И люди вокруг тоже исчезли, все до одного. И машины. Дома, правда, остались. Остались растерянная Ольга и лемур, который внимательно за ней наблюдал. И был он теперь в своем настоящем, нечеловеческом обличии...

Потом из супермаркета вышел второй лемур, за ним третий... четвертый... Скоро их набралось около десятка, и все десять тварей смотрели на Ольгу. Просто смотрели...

Трясущимися руками Ольга лихорадочно принялась расстегивать сумочку... наконец она сумела ее расстегнуть, выхватила из сумочки очки.

«Не надевай! — послышался в голове у Ольги знакомый мяукающий голос. — Нельзя!»

— Что? — Ольга никак не могла приспособиться к дурацкой манере очков разговаривать с ней мысленно. — Почему нельзя?

«Ты хочешь убить их всех? — поинтересовались очки. — Ведь так?»

— Ну, не знаю! — Ольга поежилась, вновь посмотрела в сторону неподвижно застывших лемуров. — Наверное, у меня не получится...

«Тогда лучше беги!»

— Куда?

«Куда угодно! И не разговаривай вслух!»

Ольга попятилась и, повернувшись, побежала прочь по пустынному городу. Это было так непривычно и страшно — бежать по таким знакомым и таким безжизненным сейчас улицам. Потом впереди, метрах в ста, Ольга

увидела еще нескольких лемуров, которые шли навстречу. Заметив бегущую Ольгу, они остановились и тоже начали пристально всматриваться в нее.

«Ну а теперь куда?» — задыхаясь от непривычно быстрого бега, спросила мысленно Ольга у очков.

«Налево и наверх!»

Это было какое-то административное здание (какое — Ольга так и не успела прочитать). Она ворвалась в него, потом побежала наверх по лестнице, а лемуры бежали следом. И не просто бежали: над головой Ольги вдруг пролетело несколько оранжевых шаров, разорвавшись впереди девушки с оглушительным треском.

«Сюда!»

Прямо перед Ольгой был туалет. Мужской. Впрочем, другого выхода у нее все равно не оставалось. Поэтому Ольга, ни на мгновение не задумываясь, вбежала внутрь туалета и торопливо щелкнула за собой задвижкой.

«Это лишнее, — сказали очки. — Это не поможет. Лучше подойди к зеркалу!»

Ольга послушно подошла. Зеркало было большим, до самого мозаичного пола.

«Посмотри в зеркало!»

Ольга взглянула и вдруг увидела перед собой... море! Волны плескались так близко, что было удивительно, как они еще не перехлестывают через край стекла и не выплескиваются сюда, на мозаичный пол.

«Плавать умеешь?» — спросили очки.

«Плавала когда-то... — ответила Ольга, испуганно глядя на волны. — В бассейне...»

«Тогда прыгай!»

— Нет! — вслух вскрикнула Ольга. — Уж лучше я тут погибну!

«Ладно, — сказали очки. — Зажмурься, потом открой глаза и посмотри в зеркало еще раз!»

Теперь в зеркале был лес. А в дверь уже ломились, и ясно было, что долго она не выдержит.

«Лес тебя устроит?» — несколько язвительно осведомились очки.

— Да, да! — торопливо проговорила Ольга, опасливо косясь на бешено трясущуюся дверь. — Вполне устроит!

«Тогда чего же ты ждешь?»

Все еще сомневаясь в реальности того, что находилось там, за стеклом, Ольга первым делом осторожно вытянула вперед руку и... рука ее не встретила никакого препятствия, прошла сквозь стекло. Тогда Ольга решилась и шагнула в зеркало. И... оказалась в лесу, по инерции подавшись вперед и упав лицом вниз в густой вязкий мох. При этом она еще и выронила очки.

Осознав это, Ольга быстренько вскочила на ноги и принялась внимательно и встревоженно осматриваться по сторонам. Очки нашлись быстро, они лежали рядом с Ольгой. А лес... лес по-прежнему оставался лесом...

Но это был странный какой-то лес. Вроде и еловый, а вроде и не совсем еловый...

«Осмотрелась? Теперь надень нас снова!»

Ольга послушно надела очки. И тотчас же вскрикнула от ужаса.

Вокруг бушевал огонь! Целое море огня!

— Что это? — закричала Ольга, срывая очки и вновь оказываясь в нетронутом, зеленом лесу. — Что это было?

«Будущее, — бесстрастно сообщили очки. — То, что случится через десять минут!»

— Через сколько? — Ольга еще раз, уже более внимательно, осмотрелась по сторонам. — Не похоже что-то, чтобы это случилось через десять минут...

«Это случится через девять минут! — повторили очки. — Тебе лучше поспешить».

И в это самое время легкий ветерок донес до Ольги горьковатый запах дыма...

— Черт! — в панике Ольга бросилась бежать, напрямик, через бурелом... — Черт!

«Не в ту сторону, — бесстрастно подсказали очки. — Ты бежишь как раз навстречу огню!»

— Черт! Черт! Черт!

Ольга повернулась и побежала в обратную сторону. Она бежала, падала, вновь поднималась. Белый костюмчик, в котором она вышла сегодня из дома, постепенно превращался во что-то грязное и неопределенное.

А сзади уже явственно слышался треск пламени, и все вокруг постепенно заволакивало густым, едким дымом.

«Огонь движется быстрее! — сообщили очки. — Он тебя уже обгоняет!»

«А пошли бы вы! — тоже мысленно огрызнулась Ольга. — Будто сама не вижу!»

Ольга оглянулась и в самом деле увидела позади себя пламя. Пламя было и справа, и слева... но справа пламя было куда мощнее...

«Давай влево!» — посоветовали очки.

«Сама знаю!»

Ольга метнулась влево. Она бежала напрямик, продираясь сквозь густой дымящийся подлесок... потом лес стал понемногу редеть, бежать стало легче, да и пламя уже, считай, осталось позади...

«Они тебя преследуют! — бесстрастно сообщили очки. — Оглянись!»

Задыхаясь от быстрого бега, Ольга остановилась и оглянулась. И тотчас оранжевый сгусток пламени ударил в какой-то куст рядом с ней. Куст мгновенно вспыхнул ярким факелом, а Ольга побежала дальше, отчаянно петляя между деревьями. А оранжевые сгустки били по ней с нескольких сторон сразу, и это было чудо, что они ни разу еще в нее не попали.

«Там впереди шоссе! — сказали очки, внезапно вырываясь из рук Ольги. — Мы их немного задержим, а ты за это время постарайся поймать машину!»

Впереди и в самом деле оказалось шоссе, и Ольга, выскочив на него, активно, но, увы, безуспешно, попыталась привлечь к себе внимание стремительно проносящихся мимо машин. Впрочем, вид у нее был весьма неважнецкий, ибо к прежней лесной грязи добавились еще копоть и сажа...

«Тебе надо срочно уехать! — сообщили очки, вновь оказываясь в руке девушки. — Скоро стемнеет, а они вот-вот опомнятся!»

«Стемнеет? — Ольга встревоженно огляделась вокруг, солнце действительно садилось за верхушки деревьев. — Почему так скоро?»

«Потому что вечер!»

— Как вечер? — не сразу дошло до Ольги. — Только что утро было!

«А теперь вечер!»

— Благодарю за ценную информацию! — в сердцах проговорила Ольга, по инерции поднимая руку навстречу очередной проносящейся мимо машине. И вдруг, о чудо, машина затормозила. Ольга опрометью бросилась к ней.

— До города подбросите?

Вместо ответа водитель лишь открыл дверцу.

— Садитесь! — коротко бросил он, и Ольга торопливо уселась на переднее сиденье. Машина рванула с места.

— Спасибо! — сказала Ольга, впервые взглянув на водителя и, не сдержавшись, вскрикнула: — Вы?

Перед ее мысленным взором пронеслись картинки из недавнего прошлого: электричка... мужчина, читающий японскую книгу... он же в камуфляже, с раскрашенным лицом и автоматами в обеих руках...

— Мы знакомы? — вежливо поинтересовался мужчина, даже не взглянув в сторону Ольги.

— Да... то есть, нет! — торопливо проговорила Ольга. — Кажется, обозналась!

— Бывает!

Некоторое время они ехали молча.

— По-моему, нас преследуют!— вдруг произнес мужчина. — Тот синий мерседес!

Ольга оглянулась. Позади них действительно мчалась машина синего цвета.

— Это ваши друзья? — неожиданно спросил мужчина.

— Кто? — не сразу поняла Ольга, потом, поняв, обернулась вторично. — С чего вы взяли?

— А может, ревнивый муж?

Ольга в третий раз обернулась.

— Просто машина...

— Эта «просто машина» тащится за нами как приклеенная! — сказал мужчина, внимательно глядя в зеркальце заднего вида. — Впрочем, можем проверить!

И он вдруг круто свернул на боковое ответвление дороги.

— Куда вы? — испуганно вскрикнула Ольга. — Зачем?

— Не бойтесь! — водитель продолжал внимательно следить за преследователями. — Видите?

Но Ольга и сама уже увидела, как повернул вслед за ними синий мерседес.

— Чем вы им насолили? — как ни в чем не бывало спросил мужчина, увеличивая скорость.

— Ничем! — коротко ответила Ольга.

— Понятно!

В это время со стороны задней машины донесся звук выстрела, за ним второй.

— Черт! — пробормотал мужчина, предельно увеличивая скорость. — Похоже, ты во что-то серьезное вляпалась, девочка! Так?

— И что? — с вызовом бросила Ольга. — Высадите?

— Нет! — водитель мчал теперь уже на запредельной скорости. — Вот черт!

Впереди показался железнодорожный переезд. Тревожно мигал сигнал, шлагбаум был опущен. Мужчина притормозил.

— Ну что ж... — обреченно проговорила Ольга и оглянулась. Синий мерседес быстро приближался, и так же быстро приближался с левой стороны поезд, огромный товарный состав. — Спасибо вам за все... я, пожалуй, выйду...

И она распахнула дверцу, собираясь покинуть машину.

— Куда? — мужчина схватил ее за руку, рванул обратно. — Сиди, сейчас мы их одурачим!

И машина, внезапно рванувшись вперед и лихо обогнув шлагбаум, проскочила через переезд перед самым носом у поезда.

* * *

Когда они въехали в вечерний, сияющий разноцветными огнями город, Ольга успокоенно дремала, устало откинувшись на сиденье. Когда мужчина довольно резко притормозил у очередного светофора, она вздрогнула и чуть приоткрыла один глаз.

— Уже приехали? — сонно поинтересовалась Ольга. — Это город?

— Город, — сказал мужчина, искоса поглядывая на девушку. — А вам куда?

Наконец Ольга проснулась окончательно.

— Мы где? — тревожно проговорила она, озираясь. — Это какой район? Мне, вообще-то, в Серебрянку надо!

— В Серебрянку? — удивленно переспросил мужчина. — А в нашем городе разве есть такой район?

Встрепенувшись, Ольга посмотрела налево, направо.

— Это... это Минск? — спросила она нерешительно. — Что-то я не узнаю ничего...

— Это, вообще-то, Владивосток, — сказал мужчина, осторожно трогаясь с места по зеленому сигналу светофора.

— Что? — изумилась Ольга. — Как Владивосток?

Мужчина удивленно на нее посмотрел.

— Так, Владивосток! — сказал он, немного помолчав. — А тебе... вам куда надо?

— Мне, вообще-то, в Минск... — упавшим голосом сообщила Ольга. — А это и в самом деле Владивосток?

— Ну да, Минск... Владивосток... это же совсем рядом! — произнес мужчина, внимательно всматриваясь в растерянное Ольгино лицо. — Как я сразу не догадался, что тебе в Минск надо! — Он помолчал немного и добавил вежливо: — Это ничего, что я на ты?

Ольга не ответила. Как раз в это время они вновь притормозили перед красным сигналом светофора.

— Вот же не везет! — пробормотал мужчина. — Итак, на чем мы остановились? Ах да, на Минске!

— Что же мне теперь делать? — проговорила Ольга, растерянно глядя на мужчину.

Мужчина пожал плечами и ничего не ответил.

— Ладно! — Ольга раскрыла сумочку. — Сколько с меня?

— Нисколько! — сказал мужчина, странно улыбаясь.

— Да нет же, я... — Ольга продолжала рыться в сумочке. — О, черт! У меня же одни наши... белорусские!

— Да ладно тебе! — сказал мужчина. — Не надоело прикалываться?

Ольга так и не нашла, что на это ответить. Потому лишь гордо промолчала.

— Куда тебя отвезти?

— На вокзал, — сказала Ольга решительно. — Или нет, лучше в аэропорт! Ой, у меня ни паспорта, ни денег ваших!

— Да еще в таком виде? Тебя же моментально в ментовку загребут! Знаешь, какие у нас менты бдительные?

Ольга не знала, а потому и на этот раз ничего не ответила. Да и что было отвечать.

— Ладно, поехали! — сказал мужчина, трогаясь.

— Куда это? — встрепенулась Ольга. — К вам домой?

— Угадала! — сказал мужчина, внимательно следя за дорогой. — А теперь спроси: зачем?

— Зачем? — тотчас же спросила Ольга.

Мужчина рассмеялся.

— Ну... надо же тебе хоть как-то умыться, перекусить... — сказал он с двусмысленной улыбкой. — А потом... потом ты сама решишь, что делать дальше...

— Хорошо! — немного помолчав, произнесла Ольга, и в ее голосе слышалась полная покорность судьбе. — Но только умыться! И... перекусить! И чтоб без глупостей всяких!

— Ну, вот и договорились, — сказал вполголоса мужчина, не переставая при этом двусмысленно улыбаться. — Без глупостей так без глупостей. Впрочем, каждый понимает глупость по-своему...

* * *

Без «глупостей» все же не обошлось, причем инициатором «глупостей» была сама Ольга. Нисколечко об этом впоследствии не сожалея...

И вот теперь они лежали рядом в кровати. Мужчина на спине, заложив руки за голову, Ольга же устроилась сбоку от него, обняв мужчину левой рукой и прижав голову к его груди.

— О чем ты думаешь? — спросил вдруг мужчина.

Ольга ничего не ответила. Она даже глаз не открыла, а лишь несколько неопределенно пожала плечами.

— Ты ничего не хочешь рассказать мне? — вновь спросил мужчина.

— О чем рассказать?

— Ну... — мужчина чуть шевельнулся, тоже пожал плечами. — О том хотя бы, как ты смогла оказаться в лесу так далеко от своего Минска, даже об этом не догадываясь? Ну, признайся, что ты меня разыгрываешь!

Ольга открыла глаза, села в кровати, прикрыв грудь одеялом.

— Ладно, разыгрываю! — сказала она обиженно и сердито. — Люблю, понимаешь, мужиков разыгрывать! — Потом, помолчав немного, добавила с горечью в голосе. — Я в такое вляпалась, что... Впрочем, все равно не поверишь!

Мужчина вытянул руки, обнял Ольгу, привлек к себе. Нежно поцеловал в губы.

— А вдруг поверю?

— Нет! — прошептала Ольга, жадно отвечая на поцелуи. — Не поверишь! Ни за что не поверишь! И правильно, и не верь! И черт с ними со всеми!

Глава 6

А в это время в Минске был еще день. И по городу, в потоке других машин, медленно продвигалась синяя легковушка. Та самая, что преследовала Ольгу по пути во Владивосток. Как могла машина очутиться так быстро в Минске — про это история наша умалчивает.

Вот она, машина эта, остановилась возле обычного жилого дома... вот из нее вышли трое в милицейской форме. Остановились, внимательно огляделись по сторонам, торопливо вошли в подъезд.

* * *

И в это же время Стас вошел в другой подъезд, в подъезд Ольгиного дома. Тоже остановился на мгновение, улыбнулся чему-то и, бодро насвистывая веселую мелодию, стал быстро подниматься вверх по лестнице...

* * *

Звонок в дверь. Потом еще звонок, очень длинный и настойчивый. Доцент, отец Леночки, в халате и шлепанцах подошел к двери.

— Кто там? — спросил он настороженно.

— Откройте, милиция! — раздалось из-за двери.

Доцент прильнул к дверному глазку. Видимо, увиденное его успокоило, и он, откинув цепочку, принялся отпирать дверь. Трое в форме вошли.

— Чем обязан? — спросил доцент, немного волнуясь.

— Ничем! — сказал один из вошедших. — Извини! Так надо!

Он небрежно взмахнул рукой, и оранжевый светящийся шар, сорвавшись с ладони, вошел прямо в лоб доцента. Не издав ни звука, тот просто... исчез.

И тотчас же отчаянно завизжала жена доцента, как раз в это время выглянувшая из кухни. Впрочем, визг ее оборвался вторым оранжевым снарядом, ударившим ее почему-то в грудь, а не в лоб. Может, из-за этого, а может, по какой другой причине, но исчезла женщина не сразу. Она исчезала постепенно, сначала сделавшись полупрозрачной и все продолжая и продолжая при этом беззвучно вопить от ужаса. Не обращая на нее совершенно никакого внимания, трое в милицейской форме переглянулись между собой.

— Ищите девочку! — повелительно проговорил один из них, в форме майора. — Быстрее!

Двое других послушно разошлись по комнатам.

— Ее нигде нет!

— Она где-то здесь! — свирепо рявкнул «майор» на своих «подчиненных». — Она просто прячется! Ищите!

А Леночка, забившись в самый дальний уголок под кроватью и прижав кулачки ко рту, чтобы не закричать, с ужасом наблюдала за двумя парами ног, то появлявшимися, то исчезавшими из ее поля зрения.

* * *

В это же время двое во Владивостоке продолжали заниматься «глупостями» на широкой двуспальной кровати. И громкая мелодия мобильника раздалась в самый разгар приятного их занятия.

— Звонят! — шепнул мужчина на ухо Ольге. — Тебе!

— Не хочу ничего знать! — учащенно дыша, прошептала Ольга. — Меня нет!

— Меня тоже!

Некоторое время они и в самом деле не обращали никакого внимания на отчаянную мелодию мобильника, которая то прекращалась, то начинала звучать вновь. Наконец мужчина не выдержал, нашарил на ощупь Ольгину сумочку, протянул ей трезвонящий телефон. Ольга, мельком взглянув на номер звонящего, прижала телефон к уху.

— Стас! — проговорила она сухо и с каким-то негодованием. — Ты с ума сошел! Ты знаешь, который час? Что? В парк? В какой парк? Нет, ты сумасшедший! В два часа ночи? Сколько сейчас? Ах да, я и позабыла... у вас же еще день в самом разгаре!

* * *

— У нас? — ответно орал Стас в трубку, стоя у самых дверей Ольгиной квартиры. — А у вас, значится, уже ночь? А где это у вас, позвольте поинтересоваться? Во Владивостоке? Подожди, ты хочешь сказать, что в данный момент находишься во Владивостоке? И ты думаешь, я тебе поверю? Мы же с тобой всего несколько часов, как расстались!

* * *

— А мне плевать, поверишь ты мне или нет! — выкрикнула Ольга в телефон и, отключив его, швырнула обратно в сумочку. — Вот кретин!

— Подожди! — мужчина чуть приподнялся на локте, внимательно посмотрел на Ольгу. Внимательно и настороженно. — Так ты что, и вправду попала сюда из Минска?

Ольга ничего не ответила. Она тоже смотрела на мужчину внимательным взглядом...

И вновь в памяти у нее словно прокрутилась та давешняя сцена в электричке: камуфляжный пятнистый комбинезон, разрисованное лицо... автоматы «узи» в обеих руках...

— Почему ты так смотришь? — спросил мужчина.

— Я думала, что ошиблась, — медленно проговорила Ольга. — Но я не ошиблась! Это был ты!

— Не понял! — сказал мужчина, нахмурившись. — О чем ты?

— Скажи, где ты был позавчера? — вопросом на вопрос ответила Ольга. — Позавчера вечером.

— Позавчера вечером? — мужчина задумался на мгновение. — Позавчера вечером я был в Токио.

— Где? — удивленно переспросила Ольга.

— Есть такой японский город. Может, слышала?

— А может, хватит заливать мне мозги!

Сердитая Ольга вскочила с кровати и, завернувшись в одеяло, уселась в кресло. Мужчина, оставшись без одеяла, тут же натянул на себя простыню и с улыбкой посмотрел на разгневанную Ольгу.

— Не понимаю, что тебя так взбесило? — сказал он. — Я и в самом деле был в Токио позавчера!

— А я видела тебя в электричке, — сказала Ольга. — Недалеко от Минска. Как ты это можешь объяснить? Между прочим, ты читал японскую книгу! В оригинале.

— Ну да, я неплохо знаю японский, — мужчина вновь улыбнулся. — Не скажу, чтобы в совершенстве... но довольно прилично. И позавчера я действительно ехал в электричке и читал книгу.

— Вот видишь! — обрадованно вскинулась Ольга, но мужчина тут же добавил:

— Но эта была японская электричка. И направлялась она в Токио. В Токио, а не в Минск!

— Черт! — Ольга вздохнула. — Неужели я все-таки ошиблась!

— Бывает! — сказал мужчина. — А теперь будь умницей, верни одеяло на родину и поскорее возвращайся сама! Может, это и странно звучит, но мне тебя не хватает!

— А мне тебя! — сказала Ольга, послушно вставая с кресла.

* * *

Утром, когда во Владивостоке стало совсем светло, а в далеком Минске, наоборот, воцарилась самая настоящая ночь, Ольга спокойно спала, уютно свернувшись калачиком. Мужчина, видимо, проснувшийся чуть раньше, стоял перед зеркалом и старательно завязывал галстук. На нем были белая рубашка и серый костюм-тройка, что придавало ему весьма респектабельный вид.

Открыв глаза, Ольга растерянно и даже тревожно осмотрелась по сторонам, потом увидела мужчину у зеркала, вспомнила вчерашнее и успокоилась.

— Салют! — проговорил мужчина, не оборачиваясь. — Как ты?

— Куда ты? — вопросом на вопрос ответила Ольга, садясь в кровати.

— Я скоро вернусь! — мужчина подошел к Ольге, нежно поцеловал ее в губы. — А ты будь умницей и никуда отсюда не уходи! Договорились?

Вместо ответа Ольга лишь послушно кивнула головой.

— Насчет еды... пошарь в холодильнике. Кстати, там должно быть и пиво. А вино и виски найдешь в баре напротив.

* * *

В просторном мужском халате Ольга сидела в кресле и внимательно-критическим взглядом рассматривала остатки своего белого костюмчика. Здорово же ему вчера досталось, ничего не скажешь!

Надевать на себя эти лохмотья было бы верхом глупости и ничем больше. Ну как, скажите, выйти в них на улицу... тем более до аэропорта добраться? И денег почти нет...

Впрочем, она же обещала своему новому знакомому никуда отсюда не выходить до его возвращения. Вопрос только: стоит ли выполнять это обещание?

«Очки! — подумалось Ольге. — Может, они что посоветуют?»

Вскочив с кресла, Ольга схватила сумочку, все еще валявшуюся возле кровати, раскрыла ее и... сердце у нее словно оборвалось, упало куда-то...

Очков не было.

Все еще надеясь на что-то, Ольга лихорадочно начала вытряхивать содержимое сумочки на одеяло. Так: телефон, денег немного... ключи... зеркальце, помада...

И все! Больше ничего в сумочке не было.

«Так! — невольно подумалось Ольге. — Вот и все! Ловушка захлопнулась!»

Она и не сомневалась даже, что очки у этого подозрительного мужчины. И что он все это время знал об их существовании — в этом она тоже не сомневалась теперь. Как и в том, что вовсе не случайно он встретился ей вчера вечером там, на шоссе. Это один из лемуров... и зря она не посмотрела вчера на него сквозь очки! Ох, зря!

Дура, какая же она дура!

А впрочем, она же смотрела на него тогда, в электричке. И он не был лемуром... он был вроде как... человеком...

Человеком с двумя автоматами в руках...

— Далеко же ты забралась!

Обернувшись, Ольга обнаружила в кресле, с которого только что встала, знакомого подростка. Он сидел, закинув ногу за ногу, насмешливо смотрел на девушку, и в руках у него были... очки. Ее очки!

— Отдай! Отдай сейчас же!

Ольга метнулась к подростку, но тот, рассмеявшись, сам отпустил очки, и они немедленно поплыли навстречу законной хозяйке.

Ухватив очки обеими руками, Ольга вздохнула с облегчением, потом нахмурилась и недоуменно посмотрела на подростка.

— Почему ты мне их отдал? — поинтересовалась она с некоторым раздражением.

— Потому что они не мои, — сказал подросток равнодушно.

— Но ведь они и не мои, — тихо проговорила Ольга. — Чьи же они тогда?

— Тебе обязательно хочется это узнать? — спросил подросток. — Уверяю: к делу это совершенно не относится!

— А что же тогда относится к делу? — спросила Ольга. — Ведь ты здесь не случайно, да?

Подросток усмехнулся ей неопределенно, но ничего не ответил.

— Этот мужчина... хозяин квартиры... он один из вас?

— А почему ты называешь его «этот мужчина»? — с неожиданным интересом спросил подросток. — Вы что, даже не познакомились? А, понимаю! Не до того было?

— А вот это не твое дело! — немедленно ощетинилась Ольга. — Всякий молокосос будет мне... да ты подрасти сначала!

Подросток вдруг весело расхохотался, а Ольга вновь недоуменно и сконфуженно на него уставилась.

— Извини! — сказала она. — Просто не могу воспринимать тебя иначе, как обычного земного ребенка! А ты ведь далеко не ребенок. Или все же ребенок?

— Тебе, наверное, очень хочется взглянуть на меня сквозь очки? — весело поинтересовался подросток, ничего на это не отвечая. — Уверяю: ответы на свои вопросы таким образом ты не получишь! Так что лучше этого не делай...

— А что же мне тогда делать? — почти жалобно проговорила Ольга. — Что мне делать?

— Тебе надо вернуться домой, — сказал подросток уже серьезно. — Тебе просто необходимо сейчас же вернуться домой! И чем скорее — тем лучше!

— Правда? — Ольга нервно засмеялась. — А может, ты подскажешь, как это лучше сделать, не имея ни паспорта, ни денег, ни даже приличной одежды? Ничего, кроме вот этого!

И не в силах уже сдерживаться, она швырнула в подростка перемазанный, изорванный свой костюм.

Подросток лениво приподнял руку, и грязный полотняный комок исчез, просто растаяв в воздухе. В следующее мгновение исчез и сам подросток.

— Ты где, черт возьми? — заорала Ольга, вертя головой во все стороны. — Куда смылся, паршивец? Как мне попасть домой, скажи, как?

«Подойди к зеркалу!» — послышался вдруг знакомый мяукающий голос.

Умолкнув на полуслове, Ольга послушно подошла к большому трельяжному зеркалу у стены. На нее из зеркала тотчас же взглянула собственная хмурая физиономия.

— Ну! — спросила Ольга физиономию с вызовом. — Подошла! Дальше что?

— Надень очки! — проговорило вдруг Ольгино отражение. — Быстрее!

Даже не удивившись этому (она устала уже удивляться чему бы то ни было), Ольга надела очки.

— Черт! — медленно проговорила она, внимательно вглядываясь в зеркало. — Вот черт!

Своего отражения в зеркале она больше не видела. И отражения комнаты, в которой она находилась, — тоже.

Вместо этого...

— Это же моя квартира! — Ольга помолчала немного и протянула руку к стеклу. — Я что, вот так запросто смогу туда попасть?

И она решительно шагнула в зеркало.

* * *

Когда Ольга в мужском халате и с очками на носу вышла из зеркала в собственной квартире, вид у нее был довольно оторопелый. И это еще мягко сказано.

Машинально повернувшись, она посмотрела на окно.

За окном была ночь.

Обернувшись, Ольга некоторое время молча всматривалась в только что оставленное ею жилище, потом, сняв халат, бросила его назад, в зеркало. Халат, пролетев сквозь стекло, упал на пол во Владивостоке. А Ольга, сняв, наконец, очки, вновь увидела в зеркале лишь свое собственное хмурое отражение. В одних трусиках, между прочим.

— Ну, как я выгляжу? — спросила Ольга у отражения. — Вроде ничего... как считаешь?

Но отражение никак не считало. Оно почему-то вновь утратило самостоятельность и теперь лишь послушно повторяло за Ольгой каждое ее движение.

Но Ольга уже ничему не верила.

— Ну и ладно! — сказала она своему отражению. — Ну и притворяйся дальше!

Обернувшись, Ольга взяла с кровати халат, накинула на плечи. Медленно прошлась по собственной квартире, показавшейся ей сейчас особенно пустой и неуютной, заглянула на кухню, вновь вернулась в комнату. Почти без сил опустилась на кровать и ощутила вдруг острое сожаление. Зря она покинула Владивосток, ох, зря! А что, если они больше никогда не встретятся... ведь она ничего о нем фактически не знает: ни имени, ни фамилии, ни даже точного адреса! Надо срочно возвращаться туда... если это, конечно, возможно...

Но это, увы, оказалось невозможным! И даже очки ничем не смогли (или не захотели) помочь ей. Они упорно не желали ничего изменять в зеркале и даже разговаривать не были сейчас расположены...

— Ну и ладно! — медленно, сквозь зубы процедила Ольга. — Считайте, что вы меня обвели вокруг пальца! Хоть... откуда у вас пальцы... колеса стеклянные!

Она почти с отвращением швырнула очки на кровать, и в это самое время экран телевизора неожиданно засветился сам по себе. Вернее, не засветился... просто на его темном экране возникло вдруг пульсирующее оранжевое слово: «Сообщение!»

Что за чертовщина?

Некоторое время Ольга внимательно смотрела на экран, затем невольно перевела взгляд на розетку, убедилась, что телевизор не включен. Немного погодя она подошла к телевизору и щелкнула кнопкой выключения. Но экран упрямо продолжал высвечивать слово «Сообщение».

Вздохнув, Ольга вернулась к кровати, села. Машинально взяла очки...

— Ну! — сказала она, обращаясь к телевизору. — Что такого важного ты мне хочешь сообщить?

Надпись мигнула и исчезла. А на экране появилось вдруг заплаканное лицо Леночки.

— Пожалуйста! — проговорила она, запинаясь и всхлипывая. — Пожалуйста!

— Леночка! — закричала Ольга, выронив очки и бросаясь к экрану. — Ты где, Леночка?

Но Леночка ее, конечно же, не видела.

— Пожалуйста! — вновь повторила она и заплакала. Потом изображение пропало, экран погас...

— Леночка! — закричала Ольга, лихорадочно ощупывая экран. Потом включила телевизор, стала щелкать один канал за другим.

«Бесполезно! — промяукали очки. — Ее там нет!»

— А где она? — закричала Ольга, глядя на очки. — Где она сейчас?

«У лемуров!»

— У лемуров? — Ольга вновь смотрела на очки почти с отвращением. — Что от меня надо этим тварям? Вас?

«Нас! — сказали очки. — Но ведь ты не отдашь нас им?»

— Отдам! — сказала Ольга со злорадством. — И еще как отдам! Я отдам им все: вас, деньги... только бы они отпустили девочку!

«Они не отпустят девочку, — возразили очки. — Они ее уничтожат, как уже уничтожили родителей».

— Что? Уничтожили родителей?

У Ольги бессильно разжались пальцы. Очки почти упали на пол, но тут же, передумав, изменили траекторию и вновь оказались у Ольги в руке, чего она, кажется, даже не заметила.

— Это из-за меня! — прошептала она тихо, одними губами. — Это из-за меня все!

«Мы спасем девочку! — успокаивающе замяукали очки, и Ольга, словно теперь заметив их вновь в своей руке, с надеждой на них уставилась. — Мы спасем девочку, но сначала тебе надо немного успокоиться!»

— Да? — Ольга вдруг истерически расхохоталась. — А это хорошая мысль! Может, мне еще и поспать?

«И это хорошая мысль!»

Зеленая молния, вылетевшая из-под дужки очков, попав Ольге прямо в глаза, отбросила ее на кровать. В следующее мгновение девушка уже крепко спала и чему-то улыбалась во сне. Видимо, снилось ей что-то очень хорошее.

А очки, выскользнув из рук Ольги, медленно поднялись в воздух, самостоятельно приблизились к лицу девушки и плавно опустились на переносицу. Но, не задержавшись там ни на мгновение, стали быстро погружаться в кожу ее лица. Еще немного — и они полностью исчезли из вида.

Но Ольга так и не проснулась. Продолжая крепко спать, она по-прежнему улыбалась и улыбалась во сне...

* * *

А несколько часов спустя, уже утром, возле двери Ольгиной квартиры переминался с ноги на ногу неугомонный Стас. Вновь и вновь нажимал он на кнопку звонка и всякий раз совершенно безрезультатно. А это говорило о том, что Ольги все еще не было дома...

Впрочем, этого и следовало ожидать. Стас, покорно вздохнув, повернулся было, чтобы податься прочь, как вдруг...

Как вдруг дверь все же отворилась, и парень, облегченно вздохнув, вошел внутрь.

— Приветик! — бодро произнес он и тут же умолк растерянно.

В прихожей никого не было, совсем никого... Кто же, в таком случае, открыл дверь — оставалось совершенной загадкой. А дверь вдруг сама по себе с шумом и металлическим лязгом захлопнулась у него за спиной.

— Оля, ты где? — недоуменно и немного испуганно проговорил Стас, вертя головой во все стороны и медленно продвигаясь к комнате. — А, вот ты где!

В единственной комнате (она же — спальня) Ольга, совершенно обнаженная, восседала в позе лотоса перед зеркалом и внимательно в него всматривалась.

— Оленька — ты просто прелесть! — восхищенно пробормотал Стас, пожирая фигуру девушки страстным взглядом. — Мне нравится! Ты всегда так меня встречай!

Ольга никак не отреагировала на эту пошловатую фразу. Она продолжала молча смотреть в зеркало.

— Я так и понял, что с Владивостоком ты меня вчера наколола! — сказал Стас, подходя к Ольге вплотную и опускаясь позади нее на колени. — Но дома тебя вчера не было! Где-то ты все-таки была! И с кем-то ты все-таки была вчера. С кем, если не секрет?

Ольга вновь никак на это не отреагировала. Тогда Стас, сгорая от нетерпения, обнял девушку за стройную талию, нежно притянул к себе.

— Ну, все, Оленька, заканчивай свою йогу! — нетерпеливо проговорил он. — А то я с ума схожу от нетерпе...

Договорить он не успел. Ольга вдруг резко подняла вверх правую ладонь, и Стаса просто отшвырнуло прочь. Да так, что он перелетел через кровать и, врезавшись головой и верхней частью спины в настенный ковер, тяжело обрушился на пол.

— Ты что? — испуганно закричал Стас, с трудом поднимаясь на ноги. — Очуме...

Но и на этот раз он не успел договорить, вернее, так и замолк на полуслове с открытым ртом, ибо в это время Ольга повернула к нему голову и глаза ее вспыхнули каким-то странным ярко-зеленым светом.

— Не мешай! — коротко бросила она оробевшему парню. — Стой там, или мне придется...

Она умолкла, не договорив, но Стас намек понял. Он вжался спиной и затылком в пушистый ворс ковра и стал молча смотреть.

А смотреть действительно было на что.

Ольга встала и подняла руки над головой. По обнаженному телу ее заскользили какие-то зеленоватые блики... сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. На коже девушки сама по себе стала образовываться одежда... странная одежда: зеленая, блестящая, плотно облегающая тело. Потом вокруг талии возник широкий пояс, тоже зеленый и блестящий, со множеством разнообразных приспособлений, разгадать назначение и принцип действия которых Стас, конечно же, не мог. На ногах у Ольги появились высокие ботинки... ну и, наконец, в правой руке ее прямо из воздуха материализовалось какое-то странное оружие. Стас почему-то сразу понял, что это оружие...

Ольга повернулась к Стасу, и глаза ее вновь полыхнули странным зеленоватым светом. Потом она чуть приподняла непонятное свое оружие, и

черное зловещее отверстие его глянуло, казалось, не в глаза, а в самую душу Стаса...

— Оленька, ты что? — хриплым, срывающимся голосом пробормотал он. — Не надо, Оленька!

Но Ольга уже не смотрела в его сторону. Она смотрела в зеркало... и Стас тоже стал смотреть в зеркало, тем более что с зеркальной поверхностью тоже происходило что-то непонятное.

Зеркальная поверхность чуть затуманилась, потом по ней, словно по воде, пробежала легкая, но вполне явственная рябь... и вот уже на прояснившейся этой поверхности видна... улица! Тихая, безлюдная улица, а никак не отражение самой Ольги и ее комнаты.

— Оставайся здесь! — не оборачиваясь, проговорила Ольга. — Тут ты в безопасности! Или уходи! Там ты тоже в безопасности. Но не вздумай следовать за мной!

Сказав это, Ольга замолчала и... вошла в зеркало! Спокойно и непринужденно, словно в открытую дверь. Вошла и тут же исчезла.

— Черт! — только и смог вымолвить ошарашенный Стас. — Вот же черт!

Медленно, с опаской, он приблизился к зеркалу. Остановившись, молча в него смотрел. И тоже видел в нем не свое собственное отражение, а какую-то пустынную городскую улицу. Кажется, вполне минскую... впрочем, в этом Стас не был уверен...

Глава 7

Решение последовать вслед за Ольгой далось Стасу ох как нелегко, но он все же, затаив дыхание, шагнул вслед за Ольгой в ненормальное это зеркало. И с криком ужаса рухнул куда-то вниз. К счастью, там оказалось совсем невысоко.

— Черт! — вполголоса пробормотал Стас, с трудом поднимаясь на ноги. — Дернул же черт!

Уже жалея, что ввязался во всю эту авантюру, Стас покрутил головой в поисках зеркала. Захотелось почему-то вернуться назад, в квартирную безопасность, но ничего хоть отдаленно напоминающее зеркальную поверхность Стас перед собой не обнаружил. Отступление, а вернее, позорное бегство пришлось, увы, отменить...

Поняв это, Стас немного успокоился и принялся более внимательно осматриваться по сторонам. Впрочем, осматривать тут было совершенно нечего. Пустой город: ни машин, ни людей.

Но ведь так не бывает, не должно быть! Но и зеркал, в которые можно заходить, как в двери, тоже не должно быть! И тем не менее...

— Ну и что дальше? — пробормотал Стас, медленно бредя вдоль пустынной улицы, потом его внимание почему-то привлек продовольственный магазин. — Зайти, что ли?

Но, зайдя в магазин, Стас обнаружил, что тот тоже совершенно пуст. Ни людей, ни товаров. Лишь пустые полки, абсолютно пустые...

— Так, — вполголоса пробормотал Стас. — Понятно! Все понятно!

Хотя понятно ему ничего не было.

И тут блуждающий взгляд парня привлекла одна из желтых пятиэтажек напротив...

— Черт, это же... это же...

Теперь он узнал и улицу, и дом напротив. Ведь это...

Это были его улица и его дом! Вот только...

Вот только на этом месте еще вчера... да что вчера, еще сегодня утром не было никакого продовольственного магазина!

А, плевать! Главное, что сам дом на месте!

Быстро преодолев непривычно пустую улицу, Стас вбежал в подъезд и на одном дыхании взлетел по такой знакомой лестнице на третий этаж. Чуть запыхавшись, остановился перед дверью, торопливо пошарил в кармане в поисках ключей. Наконец ключи найдены... и Стас, широко распахивая дверь, зашел внутрь. Почему-то остановился в прихожей, прислушался. В квартире, конечно же, кто-то есть, со стороны кухни до слуха Стаса донеслись чьи-то невнятные голоса.

— Мама? — негромко осведомился Стас. — Ты дома?

Он подбегом пересек прихожую и заглянул в кухню. И едва не вскрикнул от неожиданности.

Возле зажженной плиты стояло какое-то чудовище. Такое лишь в кошмарном сне привидеться может... это с одной стороны.

А с другой стороны, чудовище это показалось удивительно знакомым. Где-то он уже видел подобное... вот только где и когда?

Больше всего оно напоминало бесхвостую ящерицу, вставшую на задние лапы. Ящерица что-то варила в небольшой булькающей кастрюльке, потом она подняла голову и увидела оторопевшего Стаса в дверях.

— А-а! — заорала в ужасе ящерица, широко разинув зубастую пасть.

— А-а! — с не меньшим ужасом заорал Стас, выбегая из кухни. По пути к выходу он столкнулся с еще одной ящерицей, гораздо меньшего размера, кажется, детенышем. Детеныш этот только что выбежал на крик из зала и довольно неосмотрительно сунулся Стасу под ноги. Оба они упали, детеныш тоже заверещал шипяще-пронзительно... но Стасу было уже не до него. Почти на четвереньках добрался он до входных дверей, пулей вылетел на лестничную площадку и стремглав понесся вниз по лестнице.

Выбежав на улицу, парень тут же заметил неподалеку от себя еще трех ящеров, с недоумением на него уставившихся. Эти были значительно крупнее той, первой, и чем-то неуловимо от нее отличались. Стас почему-то решил, что эти три ящера — самцы, а та, первая, была, скорее всего, самкой. Впрочем, окончательно додумать свое открытие Стас просто не успел, ибо откуда-то сверху послышался пронзительный вопль, и, обернувшись, Стас вновь увидел все ту же самку. Высунувшись почти по пояс из распахнутого окна, она показывала на Стаса чешуйчатой лапой, продолжая при этом пронзительно верещать.

— Черт! — выдавливает из себя Стас, бросаясь прочь. — Вот черт!

Ящеры словно опомнившись, немедленно бросаются в погоню. Они неплохие бегуны, во всяком случае, бегают значительно быстрее Стаса и довольно скоро его настигают.

Поняв, что ему не убежать, Стас останавливается и поворачивается лицом к преследователям.

— Ну что? — с отчаяньем обреченного заорал он, принимая боксерскую стойку. — Трое на одного, да? А один на один слабо?

Один из ящеров, высокий и широкоплечий, тотчас вышел вперед.

— А-а! — продолжал орать Стас с лихорадочным упоением. — Ты хочешь получить первым, мурлатый? Ну, давай, подходи! Что, трусишь?

Он бросился на врага, неуклюже размахивая кулаками и — полетел наземь, после первого же ответного удара. Впрочем, тотчас же вскочил на ноги.

— И это все, что ты можешь? — прокричал Стас классическую фразу всех боевиков. — Немного же ты можешь!

Словно желая показать, что он может и больше, ящер вдруг высоко подпрыгнул, резко взмахнул ногой, и Стас вновь зарылся носом в землю. Вся чешуйчатая троица весело зашипела и закудахтала. Наверное, для них это и означает смех.

— Ишь, раскудахтались, твари! — пробормотал Стас, с трудом поднимаясь на ноги и вновь принимая боевую стойку. — Весело, да?

Но ящеры лишь продолжали весело кудахтать. Потом вся троица дружно повернулась и ушла.

А Стас лишь недоуменно смотрел им вслед.

— Струсили, да?

Ящеры, останавливаясь, посмотрели на Стаса, потом друг на друга и... повернули обратно.

— Ладно, будем считать, что это я струсил! — заорал перепуганный Стас. — Я, а не вы!

Но, кажется, он немного запоздал с этой фразой...

Некоторое время спустя ящеры все же удалились с чувством исполненного долга. Но вид у Стаса оказался довольно плачевным: левый глаз был основательно подбит, правое ухо имело ярко выраженный рубиновый оттенок. Правый рукав рубашки был почти оторван, а левый — отсутствовал вовсе...

— Твари! — пробормотал Стас, негромко и шепеляво, и выплюнул на ладонь зуб. Молча рассмотрел его, затем со злостью отбросил в сторону, встал. — Вот же твари!

— Ты пойдешь с нами, человек! — раздался позади Стаса шипящий голос. — Ты нам нужен!

— Что?

Стас резко обернулся, некоторое время молча смотрел на двух новых ящеров, неизвестно каким образом оказавшихся подле него. В отличие от тех тварей, которые только что ушли, чешуйчатые тела этих были во многих местах обмотаны широкими желто-красными лентами. На головах круглые оранжевые шлемы, в чешуйчатых лапах непонятные приборы, похожие на оружие...

— Зачем я вам нужен? — дрожащим голосом поинтересовался Стас. — И кто вы такие, черт бы вас побрал?

— Ты нам нужен! — невозмутимо повторил один из ящеров. — У нас мало времени. У тебя тоже.

— А не пошел бы ты! — набравшись решимости, почти храбро выкрикнул Стас. — Может, у вас, ребята, и существует проблема со временем... а у меня его хоть пруд пруди! А потому... ох!

Из раскрытой ладони одного из ящеров неожиданно вылетел оранжевый сгусток света и попал Стасу в живот. Охнув, он согнулся пополам, и в это время второй световой сгусток вонзился парню в затылок. Стас упал, все тот же ящер навел на него какой-то прибор, отдаленно напоминающий большой электрический фонарик, — и все трое внезапно исчезли...

* * *

Очнувшись в огромном подвальном помещении, или, скорее, в подземелье, Стас обнаружил, что сидит, крепко прикрученный к металлической конструкции, немного напоминающей кресло, а около него столпилось не менее десятка чешуйчатых тварей, перепоясанных лентами.

— Какое внимание к моей персоне! — с трудом шевеля распухшими губами, произнес Стас. — Как-то неловко даже...

Одна из тварей, по всему видно, самая главная, подошла к Стасу вплотную.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, человек, — зашипела она прямо в лицо Стасу. — Нам нужна информация. У тебя она есть.

— Да? — Стас пожал плечами, вернее, попытался это сделать, так как был прикручен к металлическому креслу намертво. — И что это за информация?

— Где в данный момент находится человек по имени Ольга?

— Не знаю, — вполне искренне ответил Стас и тут же получил удар по лицу. — Да я и вправду не знаю!

Новый удар, еще сильнее прежнего. И еще удар...

— Вот же твари! — прохрипел Стас, выплевывая на пол очередной зуб. — Вам бы вышибалами работать, самое для вас занятие!

— Отвечай, человек! — наклоняясь к лицу Стаса, шипели ящеры. — Где она сейчас? Что она замышляет?

— А не пошли бы вы на три веселых буквы! — еле слышно выдавил из себя Стас и тотчас же получил еще один удар по лицу. — Что, не хотите? Тогда поцелуйте меня в задницу!

Еще один удар! И еще! Голова Стаса бессильно поникла, но его хватают за волосы, рывком поднимают голову.

— Говори, человек! Говори! Где она?

— Здесь! — вдруг послышался негромкий женский голос, и твари тотчас обернулись на этот голос. Стас тоже слегка приподнял голову, правда, видеть сейчас он мог только одним глазом, да и то смутно...

Но все же Стас смог рассмотреть, что Ольга стоит у дальней стены подвала, странное оружие ее смотрит прямо на чешуйчатых тварей.

— Идиоты! — по-прежнему негромко и даже устало произнесла она. — Он же и в самом деле ничего обо мне не знал!

Оружие Ольги словно ожило, выбрасывая из дульного отверстия зеленоватые сгустки энергии. Твари бросились врассыпную, некоторые из них сразу попадали, остальные открыли ответную стрельбу из похожих на пистолеты штуковин, выбрасывающих оранжевые молнии. Впрочем, молнии эти тотчас же гасли, едва касаясь зеленой Ольгиной одежды... ее же собственное оружие продолжало бить без промаха...

И вот уже последняя из чешуйчатых тварей валится на пол без признаков жизни.

Опустив оружие, Ольга подошла к Стасу, некоторое время молча его рассматривала.

— Привет! — прохрипел Стас, тщетно пытаясь улыбнуться щербатым ртом. — Как выгляжу?

— Хреново... — Ольга сделала какое-то еле уловимое движение рукой, отчего все путы просто исчезли. — Идти можешь, герой?

Стас встал на ноги, пошатнулся, и Ольге пришлось поддержать его под руку. Но Стас гордо отвел ее руку в сторону.

— И куда мы теперь? — нарочито бодрым тоном спросил он. — Совершать подвиги?

— Врезала б тебе по шее за самодеятельность, да вижу, и так досталось! — мрачно и задумчиво произнесла Ольга. — Я же просила: не лезь! И куда мне тебя сейчас?

Вместо ответа Стас лишь молча пожал плечами.

— Ладно, пошли! — сказала Ольга. — Только очень тебя прошу: держись позади!

— А оружие? — почти умоляюще выдавил из себя Стас. — У тебя не найдется хоть какого пистолетика для меня?

— Найдется!

Ольга наклонилась и, подняв одну из лежащих на полу пистолетоподобных штуковин, протянула Стасу.

— Держи! Принцип действия знаешь?

— Откуда?

— Все очень просто! Нажимаешь сюда — отсюда вылетает разряд! Попробуй! Только не в меня!

Стас вытянул руку и, зажмурившись, нажал округлую кнопку снизу. Оранжевый сгусток пламени врезался в стену, вырвав из нее изрядный кусок штукатурки.

— Отлично! — сказала Ольга. — Только зажмуриваться не обязательно. Целиться в мою сторону тоже ни к чему...

— Слушай, — сказал Стас, опуская оружие. — А что это за твари?

— Лемуры, — коротко ответила Ольга. — Тебе что-нибудь говорит это слово?

— А как же! — моментально оживился Стас. — Зверушки такие водятся в Африке... или, нет, вру... не в Африке! На Мадагаскаре, вот где они водятся! Милые такие зверушки... не то что эти!

— Эти тоже милые! Когда подыхают!

Ольга вдруг резко обернулась, выстрелила два раза куда-то в темноту подземелья поверх головы Стаса. Стас тоже повернулся в ту сторону и успел заметить, как два лемура один за другим валятся навзничь, тяжело грохаясь на бетонный пол.

— Классный выстрел! — восхищенно сказал он. — Ты у меня просто снайпер!

— Сама знаю! Ладно, пошли!

* * *

Узкий тоннель, вернее, целая система тоннелей. Они совершенно одинаковые... и Стасу начинает казаться, что они не идут, а топчутся на месте...

Или ходят по кругу, что, в принципе, одно и то же...

— Слушай, а мы сами отсюда выберемся потом? — спрашивает Стас, оглядываясь вокруг. — А то ходим, бродим... Слушай, кажется, мы тут уже проходили!

— Креститься надо, если кажется! — посоветовала Ольга. — Осторожно!

Она упала на пол, одновременно с этим сбивая с ног Стаса — не десятки, сотни оранжевых молний проносятся вдруг над ними. И тотчас же широким губительным веером летят ответно зеленые молнии Ольгиного странного оружия...

— Сюда!

Схватив Стаса за шиворот, Ольга втолкнула его в боковое ответвление тоннеля, сама нырнула следом. Потом они долго бежали по бесконечному круглому тоннелю. Шаги их гулко отдавались металлическим эхом.

— Все, больше не могу! — прохрипел Стас, по-рыбьи хватая широко распахнутым ртом затхлый воздух подземелья. — Давай отдохнем чуток!

— Нет времени! — на бегу отозвалась Ольга. — Уже немного осталось!

— Немного до чего? — спросил Стас, тяжело дыша. — Куда бежим... ты можешь мне толком это объяснить?

— Потом!

— А что это за лемуры такие? Инопланетяне?

Ольга ничего не ответила. Некоторое время они бежали молча.

— Не нравится мне все это! — обессиленно прохрипел Стас. — Ох, не нравится! Черт!

Он споткнулся, упал, снова вскочил и — не нашел рядом с собой Ольги. Ее вообще нигде не было видно...

— Эй, ты где? — растерянно закричал Стас, впрочем, не очень громко. — В прятки играешь? Вот черт!

Откуда-то сбоку вдруг вываливается лемур. Увидев Стаса, он вскидывает оружие, но Стас его опережает. Оранжевая молния — и лемур падает навзничь.

— Надо же! — сказал Стас с удивлением. — Ай да я!

В это время в отдалении мелькнул другой лемур. Стас снова выстрелил, но на этот раз промазал. Ответный выстрел лемура тоже не совсем точен, молния ударяет в стену прямо над головой Стаса.

— Вот же сука! — прохрипел Стас, плашмя упав на бетонный пол, и откатился в сторону.

Оранжевая молния ударила точно в то место, где он только что лежал и рикошетом ушла в потолок. Замерев в полной неподвижности, Стас выжидал. Неподалеку послышались шаркающие приближающиеся шаги. Потом они замерли, и совершенно неожиданно для Стаса еще один лемур оказался позади него.

— Не шевелись, человек! — свистящим шепотом сказал он. — Брось оружие!

Стасу ничего не оставалось, как подчиниться.

— А теперь встань на колени!

Стас снова подчинился. Лемур держал его на прицеле, к нему подошли еще двое... один на ходу подобрал брошенное Стасом оружие.

— Если хочешь жить, человек, исполняй наши указания! — зашипел первый лемур. — Позови Ольгу или умрешь!

Но Стас молчал.

— Ты хочешь умереть, человек?

Чья-то стремительная тень возникла вдруг позади чешуйчатых тварей. Поздно среагировав, те успели лишь обернуться. Короткая схватка, вскрики, удары... и вот тела всех трех лемуров неподвижно валяются рядом со Стасом. А его спаситель подошел ближе. Это был мужчина в пятнистом комбинезоне, лицо раскрашено, в каждой руке у него по автомату типа «узи» — именно в таком обличии Ольга видела его в электричке... впрочем, Стасу этот мужчина незнаком совершенно...

— Где она? — вполголоса спросил мужчина Стаса, но только тот собрался что-то ответить, как мужчина остановил его: — Тихо!

Вдалеке послышались крики, топот множества ног, оранжевые и зеленоватые вспышки. Потом из-за поворота выбежала Ольга с какой-то девочкой на руках. Мужчина, схватив Ольгу за руку, бросил ее вместе с девочкой прямо в объятия Стаса, а сам выскочил навстречу лемурам и открыл по ним губительный огонь из двух автоматов сразу.

— Ну как? — спросил Стас шепотом. — Все нормально?

Ольга ничего не ответила. Она чутко прислушивалась к грохоту боя за поворотом...

— Длинными рубит! — все так же шепотом проговорил Стас. — А что будет делать, когда патроны кончатся?

— Не кончатся! — сказала Ольга уверенно. — Нет там патронов.

— Нет патронов? — удивился Стас. — Чем же он стреляет?

— Помолчи!

— Я знала, что ты за мной придешь, — вдруг сказала девочка Ольге. — Ты не могла не прийти! Ты тоже шел меня спасать? — неожиданно обратилась она к Стасу.

Ничегошеньки не понимая, Стас тем не менее кивнул утвердительно. Выстрелы за поворотом умолкли, а через мгновение появился мужчина. Он остановился, молча посмотрел на Ольгу.

— Здравствуй, охотник! — сказала Ольга.

— Здравствуй, стрелок! — ответил мужчина.

— Еще немного, и ты опоздал бы!

— Но ведь я не опоздал?

— Нет, ты пришел вовремя!

— Тогда все хорошо! Пошли!

— Пошли туда, не знаю куда! — неожиданно взорвался Стас. — Что вы меня за дурака держите! Вы можете все толком объяснить?

— Что именно объяснить тебе толком? — поинтересовался мужчина, равнодушно рассматривая кипящего от негодования Стаса. — Задавай вопросы.

— Вопрос первый: кто это? — Стас показал на неподвижное тело лемура у своих ног. — Инопланетяне?

— Не совсем.

— Что значит, не совсем?

— То и значит, что не совсем!

— Ладно, проехали! — вполголоса пробормотал Стас. — Тогда вопрос второй: мы где? Это Земля?

— Не совсем.

Мужчина умолк в ожидании следующего вопроса, но Стас тоже молчал.

— Что, больше вопросов нет?

— Больше нет! — язвительно сказал Стас. — Я полностью удовлетворен, мне все очень даже понятно!

— Тогда пошли!

Глава 8

В квартире из зеркала первыми появились Ольга с Леночкой на руках, следом за ними вылез Стас, и наконец последним в комнату ввалился мужчина. Именно ввалился, потому что размеры зеркала были для него немного маловаты.

— Фу! — произнес Стас, обессиленно плюхаясь в кресло. — Знаешь, Оленька, мне всегда нравилась твоя квартирка, но сегодня я ее просто обожаю! Черт, что это с вами такое происходит?

Пятнистая форма мужчины вдруг начала быстро изменяться, превращаясь в строгий деловой костюм-тройку. У Ольги дела были похуже: ее облегающая одежда просто-напросто исчезла, оставив девушку в чем мать родила...

— Ай! — испуганно вскрикнула Ольга, приседая за креслом и шаря по его спинке в поисках халата. — Не смотрите на меня!

Наконец халат найден, и Ольга получила возможность выпрямиться. Очки, которые вновь появились неизвестно откуда, она держала в руках.

— Я хочу домой! — сказала Леночка. — К маме и папе!

Она посмотрела на взрослых, но те молчали. Стас — потому что ничего не понимал, Ольга и мужчина — потому что им нечего было ответить девочке.

— Вы отведете меня домой? — дрогнувшим голосом спросила Леночка. — Пожалуйста!

— Я, это... — Стас встал с кресла. — В общем, сейчас вернусь...

И он стремглав бросился к туалету. Леночка посмотрела ему вслед, потом вновь повернулась к Ольге.

— Почему вы молчите? — спросила Леночка со слезами в голосе. — Почему вы не хотите отвести меня домой?

Теперь и мужчина, и Ольга смотрели на девочку.

— Мои папа и мама... они... — Леночка умолкла на мгновение. — Они... они живы?

Ей снова не ответили, и девочка, опустившись на пол, тихо заплакала. Ольга села рядом, обняла ее, крепко прижала к себе.

— Ты теперь одна из нас, — сказал мужчина негромко. — Так получилось...

— Ты нашел себе новых стрелков, охотник?

Все обернулись в сторону кресла. В нем сидел все тот же подросток.

— Привет! — сказала Ольга. — Давно не виделись!

Подросток поднял руку, как бы для приветствия, тотчас же из Ольгиной руки вырвались очки и оказались в руке подростка.

— Я возвращу их диспетчеру, — сказал подросток. — Надеюсь, у тебя нет возражений?

— Нет! — ответила Ольга, по-прежнему крепко обнимая прижавшуюся к ней девочку. — Они мне больше не нужны!

— Вот и отлично! — сказал подросток. — Разрешите откланяться!

— Погоди! — Ольга внимательно на него смотрела. — Один вопрос!

— Я слушаю! — подросток тоже смотрел на Ольгу. — Впрочем, могу ответить сразу: я — в одном экземпляре!

— А как же тогда... — начала Ольга, но подросток ее перебил.

— А так! — он щелкнул пальцами.

Возле кресла появился другой подросток, как две капли воды похожий на первого. Они оба щелкнули пальцами и снова раздвоились.

— Хватит? — явно наслаждаясь ситуацией, спросил подросток в кресле. — Или еще?

— Класс! — восхищенно произнес Стас. Оказывается, он все это тоже наблюдал, стоя в дверном проеме.

Подросток в кресле щелкнул пальцами, и все остальные «двойники» просто «вплыли» в него.

— Еще вопросы будут?

— Только один! — сказала Ольга. — Кто такой диспетчер?

Но подростка в кресле уже не было.

— Я, наверное, сойду с ума! — сказал Стас. — Или, может, я уже чокнулся и вы все мне только мерещитесь?

Стас двинулся по направлению к креслу, но, не дойдя, сел на кровать.

— Слушайте! — сказал он несколько нерешительно. — А можно и мне задать несколько дурацких вопросов?

— Задавай, — согласился мужчина. — Впрочем, это не значит, что ты получишь ответы. Но кое-что все же узнаешь...

— Это радует! — пробормотал Стас. — Итак, кто вы такие?

— Мы — охотники, — ответил мужчина.

— Она тоже охотник? — Стас кивает в сторону Ольги.

— Она стрелок! — сказала вдруг Леночка, подняв голову. — Я это только что поняла!

— Что ты поняла? — спросил Стас.

— Что она стрелок. Что она будет убивать этих тварей!

— Тварей? Каких тварей? — Стас непонимающе посмотрел в сторону мужчины, потом до него дошло. — Ах, этих! Инопланетян?

— Лемуров! — поправил Стаса мужчина. — Не инопланетян!

— А в чем разница?

На этот вопрос никто Стасу не ответил.

— Понятно! — сказал Стас с оттенком горечи в голосе. — Ну что ж, не желаете отвечать — не надо! Тогда ответьте на такой вопрос: сами вы кто? Вы ведь тоже не люди, так? — Он замолкает, некоторое время молча смотрит на Ольгу. — Впрочем, что я такое говорю! Вы все — люди, вернее, бывшие люди...

— Почему бывшие? — удивился мужчина. — Мы и сейчас люди!

— Нет! — Стас поднялся. — Это я человек! А вы — нет! И теперь вы, скорее всего, уничтожите меня! Ведь я для вас представляю опасность! Могу разоблачить вас! Или не могу? Действительно, кто мне, дураку, поверит!

— Нам пора! — сказал мужчина, даже не взглянув на парня. Ольга с Леночкой тотчас же послушно встали. Впрочем, Ольга все же заметила Стаса и подошла к нему.

— Ты не обижайся! — сказала она почти нежно. — Но нам и в самом деле пора!

— Куда?

Стас растерянно смотрел на Ольгу в ожидании ответа, но она молчала.

— Ты... ты уходишь?

Ольга кивнула.

— Надолго?

И на этот вопрос Ольга тоже не ответила. Впрочем, Стас и сам знал ответ на этот вопрос...

— А как же я? — жалобно проговорил он. — Может, и я с вами?

— Нет! — сказал мужчина.

— Почему?

И снова ему никто не отвечал.

— Оленька, я... я ведь люблю тебя! Правда, люблю! Я не смогу без тебя!

— Сможешь! — сказала Ольга. — Впрочем, ты мне тоже немного нравился! Но это было так давно, в прошлой еще жизни. Когда я...

Она умолкает, не договорив.

— Когда ты еще была человеком? — закончил за нее Стас, и Ольга печально улыбнулась.

— Вот видишь, ты все сам понимаешь!

Мужчина, Ольга и Леночка направились в сторону зеркала. Ольга вдруг вернулась.

— Чуть не забыла! — сказала она, вытаскивая из-под кровати кейс и бросая его на кровать. — Это тебе! На долгую и вечную память!

— Мне? — удивился Стас. — А что там?

— Увидишь! — Но когда Стас подошел к кейсу, собрался его открыть, остановила парня: — Не сейчас! Потом!

Ольга поцеловала Стаса, вернее, слегка прикоснулась губами к его губам. Потом подошла к мужчине и Леночке.

— Пора! — сказал мужчина. — Ворота сейчас откроются.

По гладкой поверхности зеркала вновь пробежала какая-то непонятная рябь, словно это не стекло вовсе, а обычная водная поверхность под слабым дуновением ветерка. Потом все успокоилось, зеркальная гладь вновь стала прозрачной, но за ней уже виделся совершенно иной мир: слишком зеленая

трава, высокие причудливые деревья с синими широкими листьями, небо изумрудно-зеленого цвета...

— Это твой мир? — спросила Ольга мужчину.

— В некотором роде, — уклончиво ответил тот. — Но тебе там должно понравиться! И тебе тоже, — добавил он, обращаясь к Леночке.

— Мне уже нравится! — сказала Леночка и первой шагнула в зеркало. Уже находясь по ту сторону стекла, она обернулась и добавила: — Если только папа и мама тут...

Ничего на это не ответив, Ольга тоже шагнула в зеркало вслед за девочкой. Мужчина вошел туда последним... и тут Стас, все это время внимательно и напряженно наблюдавший за всем происходящим, вдруг сорвался с места.

— Возьмите меня!

С обратной стороны зеркала Ольга увидела, как Стас изо всей силы врезался в зеркало, упал, вновь вскочил, с искаженным лицом забарабанил по стеклу, что-то при этом беззвучно крича. Странное было зрелище, тем более что продолговатый стеклянный прямоугольник словно сам по себе висел теперь в воздухе в обрамлении сочно-зеленой травы и ярко-зеленого неба...

— Мне его жалко! — сказала Леночка, наблюдая за беснующимся с той стороны стекла Стасом. — А тебе?

Ольга ничего не ответила.

— Он утешится, — уверил мужчина. — Откроет кейс и утешится.

— Ты думаешь? — Ольга задумчиво смотрела на Стаса, все еще продолжавшего отчаянно барабанить по стеклу. — Что ж, надеюсь, ты прав...

— Мама! — вдруг закричала Леночка, срываясь с места. — Папа!

Она побежала напрямик по зеленой траве, потом остановилась, обняла кого-то невидимого. Потом и очертания девочки начали бледнеть, и она исчезла.

— Она и в самом деле нашла их? — спросила Ольга у мужчины, но тот ничего не ответил. — У вас странный мир! Ты расскажешь мне о нем?

— Это не так просто, — задумчиво сказал мужчина. — Тут у каждого свой мир: у нее — свой, у тебя — свой...

— А у тебя?

Мужчина улыбнулся.

— И у меня! Но я могу остаться в твоем мире... на время. Если ты, конечно, не против?

Ответить Ольга не успела, ибо в это самое время Леночка вновь материализовалась из пустоты. Заплаканная, с перекошенным от ужаса личиком.

— Они не настоящие! — кричала она, подбегая к Ольге. — Это не мои папа и мама!

— О чем это она? — озабоченно спросил мужчина, глядя на рыдающую девочку. — Кто не настоящий?

Оттолкнув от себя Ольгу, Леночка побежала назад, к сверкающему стеклянному прямоугольнику.

— Тут страшно! Тут все ненастоящее! Я не хочу тут!

— Леночка, стой!

— Ты тоже ненастоящая! Вы все ненастоящие!

Ольга кинулась вслед за девочкой. Но Леночка была уже у самого зеркала... Остановившись около него на короткое мгновение, она бросила прощальный взгляд в сторону Ольги. И так причудливо переплетались в этом взгляде любовь, боль, отчаянье...

Пораженная не столько этим взглядом, сколько своей внезапной догадкой, Ольга вдруг остановилась, совершенно обессиленная, а Леночка успела шагнуть в зеркало, исчезнуть в нем. А в следующее мгновение и само зеркало

исчезло, словно и не было его вовсе. И не просто исчезло: оно как бы взорвалось изнутри, разлетаясь на тысячи мельчайших сверкающих осколков.

* * *

— Зачем ты это сделала?

Устав, наконец, бегать по комнате, Стас вновь подошел к кровати, обессиленно на нее опустился. Бездумно посмотрел на раскрытый кейс, битком набитый... колодами игральных карт, потом вновь перевел осуждающий взгляд на девочку, неподвижно восседающую на полу, среди зеркальных осколков.

— Это было так необходимо, разбивать зеркало?

— Да, — не изменив даже позы, ответила Леночка бесцветным голосом. — Это было так необходимо.

— Ты же закрыла ей путь обратно! — не в силах сдержать себя, заорал Стас. — Ты понимаешь, что теперь ей уже не вернуться сюда?

— Да, — произносит Леночка с удовлетворением в голосе. — Теперь ей уже не вернуться сюда!

То, что сказала девочка, было так неожиданно, что Стас некоторое время лишь молча смотрел на нее.

— Ты это специально, да?

Леночка ничего не ответила. Вместо этого она взяла в руку один из лежащих осколков, начала внимательно в него всматриваться. Потом проделала то же самое со следующим осколком... и еще с одним. Она словно искла там что-то, а Стас, отвернувшись от Леночки, вновь принялся с прежним ожесточением перебирать колоды карт в кейсе.

— И что мне прикажете делать со всем этим добром? — еле слышно бормотал он. — Казино открывать?

— Тебе надо срочно покинуть эту квартиру, — даже не глядя на него, сказала девочка, по-прежнему высматривая что-то в очередном стеклянном осколке. — Хозяйка квартиры таинственным образом исчезла, а ведь ты вполне можешь сойти за самого главного подозреваемого.

— Черт, а ведь и верно! И не расскажешь в милиции, что Ольга вдруг шагнула в зеркало, а потом зеркало это...

Не договорив, Стас торопливо вскочил, бросил нерешительный взгляд на кейс с картами и, даже не притронувшись к нему, устремился к выходу. Впрочем, тут же вновь возвратился.

— Тебе тоже нельзя тут оставаться, — сказал он озабоченно. — Пошли, я отведу тебя домой. Или... куда тебя лучше отвести?

— Иди, — все так же тихо и без всякого выражения произнесла девочка. — Я лучше сама, чуть позже. Не бойся, я ничего никому не расскажу.

— Хотелось бы верить!

Стас наконец-таки ушел. Было слышно, как гулко хлопнула входная дверь. Еще некоторое время Леночка сидела неподвижно посреди сверкающих зеркальных осколков. Потом она встала, подошла к кейсу с картами, задумчиво на него посмотрела. Затем закрыла кейс, а когда снова открыла — кейс был доверху набит деньгами. Леночка вновь закрыла и открыла его — и снова деньги превратились в игральные карты. А в это время за спиной девочки материализовался давешний подросток, но Леночка его, кажется, не заметила. Вновь и вновь она закрывала и открывала кейс, меняя деньги на карты и карты на деньги...

— Забавляешься? — осведомился подросток.

Леночка медленно повернулась в его сторону. Впрочем, никакого удивления на ее лице не было. Бесстрастное, неподвижное лицо, так не похожее на обычное лицо маленькой девочки.

— Я доволен твоей работой, наблюдатель! — сказала она негромко и словно нехотя. — Ты хорошо все организовал!

— Рад слышать это, диспетчер! — ответил подросток, он же наблюдатель. — Позволь только один вопрос?

— Спрашивай! — скзала Леночка, вернее, диспетчер в ее облике.

— Я о девочке... Что ты с ней собираешься делать?

— Не знаю, — несколько помедлив, ответил диспетчер. — Пока не знаю...

— А ведь ты далеко не случайно выбрал именно их? — вместо ответа задумчиво произнес наблюдатель. — И Ольгу, и девочку эту... Ведь все это не случайно, так?

Диспетчер ничего не ответил, по-прежнему продолжая забавляться кейсом-перевертышем.

— Почему именно их?

Вместо ответа диспетчер взял в руки кейс, довольно небрежно вытряхнул содержимое на пол. И тотчас же деньги, падающие из кейса, вновь превратились в игральные карты, в огромное количество отдельных карт, устлавших собой буквально весь пол. Все карты, кстати, лежали на полу рубашками кверху.

— Выбери одну карту!

Наблюдатель недоуменно посмотрел на диспетчера, потом наклонился, поднял карту, перевернул ее. Это была дама пик.

— Почему ты выбрал именно даму пик?

Наблюдатель бросил карту, поднял другую. Это вновь была дама пик. Взял третью — и на этот раз ему попадается пиковая дама...

— Я все понял, диспетчер, — сказал он негромко. — У тебя просто не было выбора...

— Выбор всегда есть...

Диспетчер медленно поднял руку, и все лежавшие на полу карты сами по себе вдруг перевернулись. И видно было, что они все разные... а пиковых дам среди них было не больше, чем положено.

— Ну, а теперь что ты понял, наблюдатель?

— Я понял, что нужно восстановить равновесие, — сказал наблюдатель.

— Вот и займись этим! Но для начала восстанови зеркало.

— Слушаюсь, диспетчер!

Наблюдатель тоже поднял руку, и все разлетевшиеся по комнате осколки послушно собрались вместе, взлетели, соединяясь между собой в единое целое. Наблюдатель же, вплотную подойдя к восстановленному этому зеркалу, стал внимательно всматриваться в него. Вновь еле заметная рябь пробежала по стеклу... и вот уже в зеркале виден вагон электрички. И дремлющая Ольга у окна. Словом, все как тогда...

Наблюдатель поднял руку, и в руке у него появились очки. Потом они исчезли и появились уже на сидении, как раз напротив Ольги. А потом вновь, сорвавшись с места, оказались в руке у наблюдателя. Ольга продолжала спать как ни в чем не бывало, она не просыпалась даже тогда, когда очки снова и снова оказывались на сидении напротив.

— Выбор всегда есть... — задумчиво повторял диспетчер, внимательно следя за непонятными для непосвященных действиями наблюдателя. — Выбор всегда есть...



ЮРИЙ АРЕСТОВ

Канва для вышивки — любовь

Я вышью…

Я в солнечный луч — золотую иглу —
Заправлю из радуги свитую нить
И вышью живыми цветами весь луг,
Чтоб дней увяданья не знали они!

Я вышью страну без печалей и бед
По дивной канве под названьем — любовь
И вам подарю...
                    И немножко себе
Оставлю местечка я в вышивке той.

Траншеи

Была война...
                    В безжалостной геенне
Стонала плоть истерзанной земли.
Траншеи, словно вспоротые вены,
На ней крестами черными легли.

Кипела сталь и плавились рассветы
В огнях боев, рождавших адский жар,
Взывала к милосердию планета,
Клубком свинца безумного кружа.

Сегодня там, где с озверевшим ликом
Гуляла смерть, исполненная сил,
Застыли капли крови земляникой,
Черникой дым под соснами застыл.

И росчерком жестокой эпопеи
Сквозь мирный лес ползут во все концы
Травой полузаросшие траншеи —
Вчерашних ран глубокие рубцы.

Эхо

Далекий сорок первый.
У стен военкоматов
Людей река живая —
шумит, бурлит в волненье.
И мчатся эшелоны
тяжелые на запад,
Чтоб завтра возвратиться
за новым пополненьем.

А под ноги ложатся
горячим пеплом мили.
И в каждый дом стучатся
лихие гостьи-беды.
...Да, щедро, слишком щедро
мы жизнями платили,
Чтоб выкупить скорее
у бойни той победу.

Столбами верстовыми
немые обелиски
Отметили дорогу
до праздничного мая.
Пусть много лет промчалось,
но кажется, что близко
Войны минувшей эхо
звучит, не умолкая.

Рассвета тишь пронзая
и глушь ночную раня,
Плывет оно над миром,
бессонницей врываясь
В дома войны последней
последних ветеранов,
Свидетелей и судей
эпохи той кровавой.

Крик

Я помню — одними глазами кричала
Девчонка: «Пожалуйста, не уходи!
Поверь мне, что счастье у нас впереди,
Поверь, что сумеем начать все сначала!..»

Одними глазами... А губы — ни звука.
И плечи дрожали, и щеки белели,
И сердце частило на самом пределе:
Неужто и вправду — навеки разлука?!

А поезд свое равнодушное жало
Подтягивал ближе и ближе к перрону.

Казалось, душа разорвется от стона
И брызнет закатная кровь над вокзалом...

Как мало нам нужно для счастья, как мало:
Всего-то, чтоб были любимые рядом!
«Прошу,
не бросай меня,
слышишь?
— не надо!!!»
— Безумье молящего взгляда кричало.

* * *

Рвется паутинкой
давняя мечта.
Заблудилось эхо
летнее в кустах.
Позабыли травы
песни соловья.
Видишь — осень. Значит,
рядом где-то я.

Росы, будто взгляды
грустные, в стерне.
Не вернется больше
прошлое ко мне.
Сглаживает память
милые черты...
Вижу — осень.
Значит, рядом где-то ты.

Рисую…

Я хочу рисовать тебя,
Как хочу, рисовать хочу:
Понемножечку, по чуть-чуть,
Всю до капли — и мед, и яд!

Ты — соцветие лучших вин,
Самых солнечных и хмельных,
Да настоянных на любви
И на чарах большой луны.

Ты — Поэзия, что с Небес
Опустилась потоком чувств!
И сейчас на земле я, здесь
Их стихом рисовать хочу!..

Окрыленные любовью

В октябре прошлого года в Гродно состоялось первое совещание молодых литераторов Беларуси и России, организованное Союзом писателей Беларуси, Союзом писателей России при поддержке Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России». Кому-то подобное мероприятие может показаться не таким уж и значительным на фоне других событий в литературной жизни двух стран. Логика такой оценки понятна: одно дело, когда в центре внимания маститые авторы, и совсем другое, когда разговор идет о тех, чьи имена мало о чем говорят широкой публике или даже — пока — практически вообще не известны. Но побеседуйте с теми же маститыми авторами: для многих из них путь к читателям в других республиках бывшего СССР начинался с таких вот совещаний, семинаров, фестивалей. А знакомство с годами перерастало в настоящую дружбу.

Хочется надеяться, что и у нынешних молодых семинаристов будет счастливая творческая судьба, а несколько дней, проведенных в Гродно, станут для кого первой, а для кого очередной, но в любом случае очень важной ступенькой на пути к восхождению на литературный Олимп.

Предлагаем читателям «Нёмана» произведения некоторых участников семинара.



АНДРЕЙ ЧЕПЕЛЮК
г. Гродно

В объятиях вечернего мороза

В объятиях вечернего мороза
Рождаются волшебные моменты,
Как на немой старинной киноленте:
Молчанье от весеннего наркоза.

Окрыленный возможностью побега
И ищущий в твоих глазах спасенья,
Я жду от неба письма-донесенья,
Что землю освещают в виде снега.

Давя желанья прыгуна с моста,
В душе таю сплошные комплименты...
Рождаются волшебные моменты...
Рождаются с кристального листа.

Я про любовь, про ненависть писал,
Но разве это стоит все признанья,
Как с нежностью небесного сиянья
Портрет твой написали небеса.

Грустный истанбульский мотив

Лишившись оседлости
Целостной,
Плывя по проливу Босфор,
Я все променял бы бесспорно,
Все радости жизни оседлой,
На девушку с именем Сэда...

За гонкою мест,
Повсеместно,
Так сложно мечтать о покое,
А воздух Стамбула наполнен
Мелодией песни про лето
И манит собою поэта...

И сердце
Стучит по-турецки
Под яростный бой барабанов,
Так яростно бьют лишь османы,
И знаю, оставит мне раны
В душе месяц тот хазиранный…

А пики мечетей
Все тщетно
Пытаются в небо ввинтиться,
Как грозные белые птицы,
И рифмы уносятся следом
Про девушку с именем Сэда...



ЮЛИЯ КУРЕНКОВА
г. Гродно

Мама

У кого-то мама — врач,
У кого — строитель,
У меня же, хоть заплачь,
Мама — мой учитель.
Шалости на перемене —
С ними мне не по пути:
Не могу я поведеньем
Скверным маму подвести.
Я от лени отступилась,
На десятки лишь учусь,
Чтобы мама мной гордилась
Так, как ею я горжусь.

Как мне хочется стать невидимкою

Говорят, на ошибках учатся.
Что ж — хороший урок для меня:
Я устала с тобою мучиться,
В моем сердце не стало огня.

Ты меня приручить пытаешься:
Сердце — в клетку, на душу — замок.
Но поверь, ты напрасно стараешься,
Я смогла разгадать тебя в срок.
Твои чары растаяли дымкою
Иль как сон, что слетел с твоих век.
Как мне хочется стать невидимкою,
Чтоб меня не нашел ты вовек!



НАДЕЖДА НОВИКОВА
г. Орел

Коррида

Если ты поцелуешь меня,
Я, наверно, забуду обиду.
Только взгляды, как шпаги, звенят,
Да и танец похож на корриду.

Шаг назад, шаг вперед, шаг назад.
Дрожь в руках, неподвижные лица.
Серой сталью пылают глаза,
Алым пламенем платье струится.

Я веду этот танец, как бой,
С грациозностью тореадора.
Посмотри: я играю тобой,
Мой упрямый и вспыльчивый toro.

Я не женщина — всполох огня
Со стальным нержавеющим сердцем.
Что же ты не обнимешь меня?
Даже пламя мечтает согреться.

* * *

Бой часов отдается в груди,
Остывает жасминовый чай.

Ты, наверное, сбился с пути
Иль забыл обо мне невзначай.

Я в смятении, будто в бреду,
Я мечусь, словно загнанный зверь,
Без тебя я опять не усну —
Буду ждать и коситься на дверь.

Крик совы раздается в ночи,
Волчья стая за лесом поет.
Заржавели от сердца ключи —
Так зачем же мне сердце мое?

Отпущу его, пусть улетит,
Пусть взорвется звездой надо мной,
Все на свете пути осветит,
Чтоб нашел ты дорогу домой.



ТАТЬЯНА ШИЛОВА

г. Брянск

* * *

Нам тысяча лет на двоих,
и живем мы на разных планетах,
мы видимся лишь, если небо сходит с ума.
Тяжелы наши дни, но никто не узнает об этом,
ведь нелегкие мысли бросаем, как мелочь в карман.
И не свяжутся годы в единую времяпетлю,
не столкнутся однажды навеки чужие планеты.
Позывной в бесконечность — заветное слово «люблю»,
но никто никогда,
никогда не узнает об этом.

* * *

Не скулить, не выпрашивать
крохи твоей свободы.
Чтоб потом донашивать

лохмы воспоминаний?!
Никакого «нашего»,
нет на такое повода.
Есть твое и мое,
only dreams или only money.
Две дороги, две маски, два поезда,
что захочется,
что придумаю, то и станется, все равно.
Что имели — роздано,
взято чужими, прочими,
отпусти меня, милый.
Просто открой окно.



Письмо-вознесенье молитвой

В свете последних мировых событий Европа все больше стремится к межкультурному диалогу, отцом которого я рискнула бы назвать итальянца Тифи дельи Одази, создавшего в 1490 году бессмертное макароническое произведение «Падуанский макаронический романс», в котором впервые (не считая античных авторов) достиг комизма описываемых событий способом смешения слов и форм из различных языков. Развитие диалога между цивилизациями, культурами и народами во имя мира, укрепление идеи мира «в умах людей» — краеугольный камень миссии ЮНЕСКО. В мае 2005 года Совет Европы объявил межкультурный диалог (наряду с диалогами политическим и межрелигиозным) средством поддержки разнообразия европейских культур и источником их взаимообогащения.

2011 год был отмечен в России как год итальянской культуры и итальянского языка. У нас для подобного жеста не меньше оснований: после взрыва в Чернобыле Италия стала самым популярным и желанным местом отдыха наших детей. Только в 2010-м в ее проектах оздоровления участвовали 19 280 белорусских школьников. Это 72% от общего числа участников международных проектов солидарности. Доля украинских детей составляет 13 процентов, российских — 3.

Одним из тех, кто осуществлял гуманитарные проекты на пострадавших от аварии на ЧАЭС территориях, был Габриель Равера, известный в Италии поэт, которого сегодня мы представляем читателям. Его творческое кредо он сам объяснил так: «Образ, лицо, ситуация соединяются в неимоверно короткий бревис со ста другими, и если позволить уму свободно идти туда, куда он безо всякой логики может завести, путешествуешь по собственной жизни, как зритель, из серии в серию». В стихах Габриеля нет места пессимизму: они пронизаны «коммуникативным духом и чувством смирения, столь необходимыми для преодоления различий, убогости, пороков и конфликтов, идущих от абсолютной правды» (Луиджи Леонарди, литературный критик).

Перебросить мостик от Габриеля Раверы к Джулиано Скабиа совершенно неожиданно помогли его же строки — самого последнего странствующего рыцаря: «…язык — это звук; концерт из бревисов и целых нот. Так рисунок потихоньку стал формироваться в почкосложение, и я чувствовал, что должен позволить свершиться схождению духа преисподней и соизмерить себя с иным миром».

Джулиано Скабия как художник объял слишком многое и на первый взгляд нелегко совместимое. Он писатель, философ, поэт, драматург, эссеист, мемуарист, режиссер, исполнитель своих произведений, один из основоположников Нового театра (1964), преподаватель драматургии на курсе Изобразительного, музыкального и театрального искусства (Болонья, 1972—2005), герой нашумевших театральных опытов (в частности, в психиатрической клинике города Триест).

Одна из составляющих его творчества — проектирование текстов («театральных акций», предназначенных для конкретных людей или групп), результат которого — освободительный смысл: своеобразный исход в поисках новых мест событий, выходящих за рамки обычного. Джулиано Скабиа признался в интервью ежедневнику «Коррьере делла Сера»: «Литературное творчество — моя молитва».

P. S. Когда в эссе была поставлена последняя точка, я получила сообщение от болгарки Мариелы Горановой (ответ на мою реплику): «Нет, не странно, что мы, славянки, общаемся и переписываемся на английском: мы люди глобального мира; мы люди, отключившиеся от родного языка».

Какому Богу молиться?

Ольга РАВЧЕНКО



ДЖУЛИАНО СКАБИА

Образки

Письма к волку

Много написано и рассказано об отношениях человека и волка. Кто-то пробовал говорить с волками, как Святой Франциск, и ему удавалось. Со многими хищными зверями, живущими в нас, можно вести диалог или пытаться наладить переписку. Но речь всякий раз — о мечте или легенде.

18 августа

Я хочу рассказать тебе о далеком острове. Я ездил туда в отпуск несколько лет назад с любимою женщиной. Море вокруг — синий кобальт — пронизано ветрами. Тянущаяся по почти вертикальным по отношению к морю крутым склонам грунтовая дорога бежит от края до края. В северной части, на трех вершинах, — красивейшая деревушка: труднодоступная, испещренная лесенками: подъемы и спуски. Машинам туда не взобраться: редкая вскарабкается по усыпанной камнями безлюдной дороге. Жители деревушки (причем только женщины) одеваются в старинные костюмы для участия в трудном для понимания празднике, на который нас пригласили.

Было раннее утро, незадолго до рассвета — свежего, розово-голубейшего. Начиналось все с пения — оно слышалось наверху — в белой круглой церквушке, в глубине одной из небольших долин, образующих корпус деревни, где, сверкая, течет неспешный поток.

Пели только священник, прижившийся здесь, и двое мужчин. Женщины сходились, красные от предрассветного золота, в черном, неся базилик и букеты зеленых трав, оливковое масло и деньги. У одной на голове был огромный широкий круглый хлеб; в руке у другой — хлеб поменьше.

После двухчасового пения священник благословил хлеб — под открытым небом, на солнце (запах базилика был страшно интенсивным). Затем он преломил хлеб, разделив его между всеми присутствующими, а женщины предложили пропитанные мелассой блины и арбуз под названием *карпузи*. Видеть издали, как стекаются эти женщины — словно ожившие фрукты, — а затем взбираются на крутые склоны: это, волк, зрелище еще то! Церквушка казалась театриком, дверки внутренней части — кулисами. Священник время от времени притаивался там: в месте святом, сокрытом. Он — главный герой, однако именно второе лицо, теолог, руководит пением. Третий — тоже авторитет в искусстве хорового пения. Все другие в хоре — женщины — были чисто слухом и зрелищем и не допущены в церковь.

К вечеру наверху, на маленькой площади величиной чуть побольше комнаты, заиграли сидевшие вокруг стоящего в центре столика, уставленного все прибывавшими жестяными баночками пива. Музыка слышалась отовсюду. Почтальон

Микалис, молодой брюнет, — доставщик пенсии, — значит, он главный в деревне. Он играет на лире, его товарищ — на флейте. Они пели песню и называли ее *трагудия*, и другие: *сарматико* и *мантинада*. Трое юношей слушали. Явно нездешние: студенты-антропологи, — и больше — никого. Когда стало смеркаться, человек пять-шесть молодых мужчин, в современных одеждах, стали танцевать в кругу, взявшись за руки. Танцевали неторопливо, образуя частичку предстоящего круга.

В десять вечера появилась первая девушка, в костюме. Подождала, затем присоединилась к танцу. Потихоньку подходили другие, с матерями, — теми, кого мы видели утром. И тогда меняется музыка, становится громче. Мужчина, чья очередь главенствовать в танце, время от времени подпрыгивал, выбрасывая ноги в стороны, на лету ударяя руками по каблукам. Лучше всех это делал Микалис. Круг был почти завершен, но в одной точке так и не сомкнулся. Главный в танце звал любимую девушку подойти поближе, иногда запевал, а другие подхватывали.

Милый волк! Я бы вечно тебе рассказывал сказки! Один юноша, изучающий медицину в Италии, сказал нам, что *трагудия* значит «вещь непосредственно, напрямую»: выражаемая не словами, а исключительно пением. В этом празднике «Метаморфозы» многие, снова вернувшиеся в августе к этим немногочисленным жителям, весь год восстанавливали в памяти глубоко запавшую в душу деревню: не эмигрировавшую, в старинных костюмах, с танцующим хором.

Пшеницу смололи на ветряных мельницах, созвездьями усыпавших окраины деревни. Работают только три. Ветер есть всегда — ты бы слышал шум лопастей! — вращаются, белые. В башнях деревянные зубчатые механизмы делают: друм-друм! — и я долго слушал их рассказ.

На домах — гербами — имперский орел Византии, а внутри — углубления и балюстрады, инкрустации и вышивки, вышитая постель и ковры: в ярких красках и скромном блеске, выполненные руками, с особым изяществом и любовью.

В путеводителе остров предстает зелеными лесами, но мы видели только камни и низкие заросли кустарника. От говорившего по-итальянски сапожника мы узнали, что весь лес сгорел: на тридцать километров. Ничто не смогло остановить огонь. Сейчас передвигаться под непрестанным ветром с нависшими над головой камнями опасно: больше нет трехсотлетних сосен — сдерживавшей силы деревьев. Те, что выжили, приняли форму, приданную ветрами, и ветвями защищают землю.

Я полагаю, что ветер потихоньку унесет прочь всю землю. Останутся голые камни, как на других островах: пустыня.

Я боюсь того огня: я слышу, как он потрескивает и ревет во мне.

Волк, помоги нам!

31 июля, год спустя

Вчера вечером в деревне я встретил усатого крестьянина, того самого, который в машине приезжал гасить огонь в нашей местности. Он рассказал мне, что пироманов было двое. Один погиб, другой жив, и был членом местной добровольной дружины. Его заподозрили, потому что во время одного из пожаров его обнаружили первым в лесу. Он не ехал в джипе вместе со всеми, а как известно, дружина выезжает одновременно. «Ты здесь как очутился?» — спросили его. «Приехал на мотороллере», — ответил он. За ним стали присматривать и раскрыли. Вот уже два года как нет пожаров.

«Зачем они поджигали?» — спросил я. «Потому что есть люди, которым нравится смотреть на огонь», — ответил усатый крестьянин.

Нам, человекам, очень нравится смотреть. Жажда видеть иногда настолько притязательна, что взгляд сжигает то, на что смотрит. Нужно учиться не жаждать видеть, пусть иногда, коль уж взгляд может быть столь разрушительным.

Среди волков есть пироманы?

Пока!

Конец августа

Дорогой волк!

Этой ночью я проснулся перед рассветом с мыслью о тебе и о нас, горожанах. Когда я был подростком, а машины были редки, было столько игр, в которые мы играли на улице, и столько считалок! «Похитители флагов», «Городки», «Лесенка», «Дочери Мадам Доре», «Оружье на землю! Оружье в руке!», «Злой волк», «Кошки-мышки», «Касайся предмета!», «Море волнуется раз», игры с мячом! Было столько считалок! А потом все большие пространства занимались автомобилями и неистовыми взрослыми. Два-три раза молодые люди пытались отвоевать города, иногда силою, но молодежь отбросили.

Я спрашиваю себя (спрашиваю тебя): что есть в городе для подростка, для юноши? Стены, товары, закрытия допуска, искушения. А теплые дружественные места для него есть? Я почти не вижу больше играющих мальчишек. Разве что в редких специальных ограниченных пространствах. Ни игр, передававшихся из поколения в поколение, ни уверенности, которую придавал нам факт умения играть в них друг с другом столь органично, словно это — часть нашего тела.

Ученый по имени Конрад Лоренц, изучавший вас, птицы и звери, написал всегда волновавший меня отрывок: «Что касается серого гуся — птицы, размах крыльев которой настолько широк, что он не может больше взлететь… суровые ревнители функциональности не просто «смотрели сквозь пальцы», а, напротив, в пользу опыта попустительствовали его бегу, хотя эта функция птицы — вторична, и речь здесь идет о самой госпоже селекции, сбившейся с пути и угодившей в роковые тупики…» Мой учитель, Оскар Хейнрот, обычно шутил: «Как и крылья серого гуся, рабочий ритм западного человека — самый бесцельный продукт интраспецифической селекции». Поспешность, с которой внедрено индустриализированное и коммерциализированное человечество, действительно, хороший пример нефункциональной эволюции, продиктованной исключительно конкуренцией представителей одного и того же вида.

О, волк! Я уверен, что ты помогаешь нам вновь обрести начала игры и любви. Не давай нам впадать в роковые тупики!

Мир

6 июля 1998 года, ближе к вечеру, близкий мне человек говорит: «Чем бы был этот мир без детей, тварей живых и растений?»

Становясь взрослыми, мы уже не помним, что когда мы были детьми, мы были богами — творцами. Нами двигала абсолютная необходимость мифической игры. (Миф и игра — одно и то же?)

В 10 часов вечера 6 июля я стал думать над второй частью вопроса: «И тварей живых и растений?»

Я подумал: тварей — всех? И сказал: всех.

Даже змей? Близкий мне человек призадумался: она боится змей.
Говорит: «Даже змей».
Всех-всех, даже насекомых? «Да».
И растений? «И растений».
Что тогда с городами, в которых так мало тварей живых и растений?
Когда-то были бесконечно простиравшиеся леса. А в будущем?
Что будет творить какой-нибудь бог, если не леса?
А вот и нет: одно дело — лес настоящий, дикий, не внушающий доверия, и другое — с пейзажа, просматривающийся вдалеке.
Если смотреть на него — и все: на пейзаж — ничего не видишь.
Сколько ран от укусов, ревматизма и уколов, если живешь в лесу.
Почти все лесам предпочитают фазенды и маленькие ранчо. Душой, возможно, и нет, но телом — да.
По сути, ничего не известно про пейзаж, про лес или что бы там ни было, если смотришь извне.
Впечатления — восклицания — прилагательные: красивый, девственный, романтичный!
А все же: кто посадил эти дубы, лиственницы, европейские ели? Дионис, Яхве, граждане Серениссимы[1] или Лесник? Это облесение — верное или неудачное? Что за звери в них водятся? Сони? Белки? Волки?
Несколько дней назад Марио Ригони Стерн[2] прислал мне «Лекцию магистра», которую он прочел в Падуанском университете по случаю вручения ему диплома honoris causa в мае 1998-го. На нескольких страницах — история деревьев плато Азиаго: разрушения войны пятнадцатого года[3]; нарушившие равновесие лесонасаждения; гибель европейской ели под тяжестью снега; постепенное возвращение естественного леса. Сколько ошибок в расчетах — ошибок колоссальных, типа строительства плотины в долине реки Вайонт![4] Если бы к делу подключали экспертов леса, допустили бы они столь трагическую ошибку?
Помню описание Альп, сделанное Гете в «Путешествии в Италию», — состав горных пород, названия камней. Думаю: если поэт говорит о пейзаже, наверное, он должен говорить, как ученый, — знать, какие деревья он представляет. Во всяком случае, если под деревом, горой или зверем он не предполагает что-что другое, символическое. Но символическое годится для ума. Для действительности представляет ценность только эмпирическое. Символическое знание (любой утопизм символичен) приводит к катастрофе, рано или поздно. К катастрофе фашизма, катастрофе коммунизма, катастрофе всех фундаментализмов, в любой религии. Но, в конце концов, к счастью или как само собой разумеющееся, побеждает здравый смысл. Истинные музы — дочери Памяти (Мнемозины) и Зевесова здравого смысла — блестящего здравого смысла, прочно запоминающегося.
Итак, возвращаюсь к вопросу близкого мне человека и отвечаю: мир потерял бы смысл без детей, тварей живых и растений.
И важнее всего — дети (включая Младенца Иисуса и любого бога, имевшего детство), твари (включая агнца) и растения (включая древо мира и древо познания добра и зла).
Кто может утверждать, что дети, твари живые и растения не являются самой хрупкой частью глобального существа на пути к возникновению того,

[1] Ла Серениссима — торжественное название Венецианской республики.
[2] Марио Ригони Стерн — писатель (род. 1921, Азиаго).
[3] Боевые действия на Итальянском фронте Первой мировой войны продолжались в период с мая 1915 по ноябрь 1918 гг.
[4] 9 октября 1963 года около 22:35 по Гринвичу произошла одна из самых крупных аварий в истории гидротехнического строительства, за 7 минут унесшая жизни, по разным оценкам, от 2 до 3 тысяч человек.

что я условно назову цветком, но у которого было столько имен: Телец, Агнец, Вол, Корова, Пчела, Орел, Муха, Ясень, Дуб, Виноградная Лоза, Сосна, Ель, Кипарис, Нарцисс и так далее — вероятно, все названия Божьих тварей, растений и детей, с маленькой буквы? Можно было бы добавить еще humilis homo sapiens sapiens (кроткого человека разумного-разумного), если он начнет исправляться, начиная с самого стебля (ступней), — от кроткой земли.

Когда-то, не так давно, магическое поименование означало создание вещей — генезис. Думаю, генезис нескончаем и будет длиться до тех пор, пока природа располагает речью. Она таится у арбузов, лодок, тыкв, яблоневых деревьев, колонн, гребней гор... Дни и ночи напролет болтают они с простором, окружающим их, с бездной — и создают вещи, давая имена. Они подстерегают сущее буквально на выходе и обращаются к нему не иначе как «Ваше Высокочтимое Достоинство». Даже твари живые дают имена тому, что видят, я знаю: достаточно утром послушать птиц. И растения дают имена — цветные — питающему их свету. Каждый, как может и как умеет, работает богом, т. е. сотворяет мир. Собственный мир.

Голос — кто?

Меня всегда страшно волновала суть истории Жанны д`Арк, слышавшей голоса. Мне кажется, именно так и было: она слышала голоса. Голоса, говорившие ей идти в бой, к королю, разбить англичан… Они были настолько мощными, голоса, что убеждали ее преодолевать все преграды: даже в кругу короля.

Откуда они приходили? Мне бы так хотелось знать, что голоса говорили Жанне!

Голоса — кто?

Когда-то говорили: призван быть писателем (чтобы сказать, что у кого-то есть склонность, дар Божий). Или: Бог призвал (проповедовать). И еще в Италии говорят: призвали — про мобилизованных резервистов. Призыв в армию. Призыв к защите. Призыв к оружию. Потому что Родина призвала (значит, у нее есть голос).

Долг зовет. Призвать к борьбе. Призвать к ответственности. А еще есть Порядок: призвать к Порядку.

Бог, Родина, Порядок, Долг, Голоса — голоса-командующие.

И никогда не говорят «любовь призывает», «призвала любовь». Почти никогда. Не принято.

Вероятно, можно отличить крепкий голос — тот, что говорил с Жанной, Моисеем, Магометом, с резервистами, с Долгом и Порядком, от голоса, не дающего приказы и не призывающего, но взывающего из другого мира, вожделенно, например, к Паоло и Франческе.

Голос — кто?

Я бы хотел немного остановиться на слове «вызывать»: воскрешать в памяти образ любимой или человека, которого нет; вызывать привидения; вспоминать время, вчера обратившееся в память. Вызываю что-то наружу: из глубин памяти. Словарь Дзингарелли приводит значения: 1) вызывать из мира иного с применением медиумических способностей; 2) у римлян — призывать солдат-ветеранов в случае необходимости; 3) переносное: вспоминать, отмечать.

Голос (звук) — средство для перехода. В биографию слова «голос» вписано что-то тревожное: оно предполагает связь с иным миром: посредством жизни, призывом к жизни чего-то потустороннего.

(Правда, еще говорят: учительница вызвала. Вызвать по телефону. Вызвать гнев. Вызвать боль.)

Взглянем на слово «взывать»: идти с голосом внутри, активно. Опять же, по Дзингарелли: 1) звать усердно, с желанием, в молитвах и тому подобное; 2) настойчиво просить; призывать или цитировать в поддержку собственных доводов или требований.

Короче, звук, приводящий в движение, взывающий о помощи, обращающийся к кому-то по ту сторону, кого голос (звук) в состоянии достичь, и звать кого-то, стоящего за спиной, за плечами; и звать кого-то, стоящего впереди: кто в таком случае голос?

Иметь решающий голос: иметь власть. Над чем властвует голос?

Голос сильный и слабый: глас Божий, голос хозяина, голос толпы, vox popoli (глас народа), что-то дающее приказание, направление: то, что право и что в какой-то степени видит и знает: но кто сказал, что голос знает? В нужный момент, возможно, и знает, но говорит ли правду? Сколько бредящих, если бы прислушались к голосам, сбросились бы с башен?

Каким был голос Бенито Муссолини в один из дней сорокового года на Прато делла Валье в Падуе, куда созвали народ, чтобы вызвать попросивший вступить в войну vox populi? (Я был там, ребенком.) Был всеобщий рев в ответ на голос дуче — счастливый народ, повиновавшийся голосу. Как же ошибались иногда голоса Бога, харизматичных лидеров, диктаторов, полудиктаторов, святых, полусвятых, маленьких лидеров и целых народов: голос может быть и громыхающим звуком пустой бочки, пусть даже священной; а голоски?

Самый известный из голосков звучит в ночи, за стенами харчевни «Красный Рак», посреди холмов — даже не дрогнет на дереве листок: Пиноккио[1] шагал, и «в то время как он шагал, увидел на стволе дерева маленькое существо, сиявшее бледным матовым светом, как ночной огонек в лампе из прозрачного фарфора.

— Ты кто? — спросил его Пиноккио.

— Тень говорящего сверчка, — ответило существо слабым-слабым голосом, исходящим, казалось, из мира иного».

Голос громовержца Зевса, голоса внутри девушки Жанны (д`Арк), голосок сверчка в деревянной кукле: кто — голос? Где он?

Кто — голос?

Тоскана, мой дом (тридцатое ноября восемьдесят девятого): я слушаю. Огонь в камине сжигает два полена, дерево потрескивает, ропщет, тикает: у него есть дыхание. Муха летит, легкое беспрерывное жужжание; стукнулась о стену: тикает. Самолет летит: из камина доносится шум мотора. Рыдает газовый бойлер, включается, снова выключается, затем: тик! Снова включается. Звук клаксона. Моя ручка, когда пишет, скрипит по бумаге, у нее есть голос: голос — кто?

Я на склонах Этны: идет извержение вулкана (август семьдесят девятого). Поднимаюсь с ребенком посмотреть новый кратер — маленький, но мощный; по каштановым лесам, очень высоко; мы еще ничего не видим, сокрытые лесом и горой; под ногами, на земле, слышится гул; воом-ххх вооом-ххх — настоящее дыхание, метрическое; чем выше поднимаемся, тем оно сильнее; кончаются деревья, но мы еще не видим кратера; дыхание мощнейшее, и каменистая земля дрожит; поднимаемся на гребень; кратер там, в километре от нас, по ту сторону долины; поток дыма и огня — наивысшая точка дыхания; извержение имеет ритм дыхания, и этот гул, исходящий потоками, кажется мне гулом дыхания земли.

Голос — кто?

Кто за голосовыми связками? Как обрести свой голос? Легко лишиться голоса. Иметь фальшивый голос. Фальцет: но тогда выходит, что голос соот-

[1]Персонаж сказки Карло Коллоди (Лоренцини) (1826—1890) «Приключения *Пиноккио*. История деревянной куклы».

носится с правдой? Какой правдой? Думаю, речь идет о внутренней правде, расположенной очень далеко; правда тела и души; возможно, настоящий голос — голос на самом деле от души; действительно анимистический, собственный настоящий анимистический голос — это голос, который на самом деле звучит — как голос земли при извержении, он получается, вероятно, если дышится в состоянии расслабленного равновесия, естественного, каким бывает дыхание у возлюбленных, когда тела звучат в унисон или когда обыкновенные скворцы в шнур усаживаются на деревьях при наступлении сумерек, или утром, когда прибывает свет, и они умеют говорить о чем-то, приходящем оттуда, о мутации, голос мутации в действии.

Я думал, что значит повествование, и что иногда не обретаешь голоса, потому что не слушаешь мутацию, если ты непреклонный и жесткий. Голос может быть нежным, любящим, слушающим, путешествующим — с ним мы достигаем того, что там — иного мира, снаружи и внутри нас, кто — голос?

Бог, говорящий Сверчок, Жанна д`Арк?

Кто он?

Глубоко-глубоко — неправда, что голоса — это те, что обычно слышны, — глубоко-глубоко есть другие голоса — голоса низлежащие и находящиеся позади, следующие за нами, преследующие нас, и выходят они из нас нам вопреки, через все имеющиеся у нас отверстия, как дыхание, ветры, отрыжки и прочее — голоса чужие, говорящие посредством нас, чьими всего лишь трубами и ртами мы являемся: чуть ли не прото-народа, не то чтобы умершего — напротив, очень даже живого, который время от времени подпрыгивает и говорит с нами, но при всем этом смятении оставляя нас прибитыми к земле, будто кто-то измордовал нас — голосами. А — иногда — мы пропеты ими, их метрикой, когда вырывается наружу лад между всем тем, что внутри нас — внутри голосов.

Кто ж его знает, кто голоса: голос — кто? Если бы голоса отправились в одиночку бродить по свету и стали бы говорить, без людей, есть ведь последний — решающий (аргументированный) голос: голос тех, кто на улице или дома говорят сами с собой, говорят одни, но с кем говорят? Мне бы хотелось послушать их — тех, что говорят с собой, но это трудно — это целый народ; и я спрашиваю себя: если бы все те, кто говорят с собой, собрались бы на совещание по голосу, что бы они сказали и посредством чего? Зачем, повторяю, тот, кто есть голос?

Трепет

Рад сегодня, 1 декабря 2000 года, находиться в месте, имя которому — видение: пространство между Пизанскими горами и университетами, — говорить о поэзии в самом начале периода, в христианском календаре называющегося Филипповым постом, а в моем календаре — еще и ожиданием наступления морозов.

На приключенческом пути к театру слово «приключение» (настоящее: с опасностями, дуэлями, засадами, побегами, исчезновениями, обнаружениями, сюрпризами) всегда было для меня оруженосцем; приключения — происшествия; театр происшествий; событий; события и явление — появление.

Когда я неожиданно столкнулся с театром — где-то случайно, где-то по воле судьбы — я почувствовал трепет поэзии…

ТРЕПЕТ… Я хочу немного задержаться на слове «трепет»; о том, когда наступает трепет поэзии, известно: днем и ночью, в любом месте, когда в утесах ума открывается расселина — и глубокая жизненность языка неис-

товствует землетрясениями, говорящими в теле, — тело трепещет и жаром горит — разгорается жар и трепет, уводящий в иные места, в будущее языка и тела в побеге, распустившемся в недрах *присутствия*.

В этом трепете — начало приключения: да, трепет — это каждый раз откровение (трепет, который я ощущаю у поэтов, которые мне дороги и которых я слушаю, которые ждут меня — дремлют — особенно ночью, или пока я шагаю по лесам, или наслаждаюсь красотой поездов — и открываю их непобедимые книги и вновь обретаю их; слышу их трепет, переживая его в своем теле (трепет — дуэнде? Мне бы хотелось, чтобы Лорка ответил кивком головы: да-да! — но мне кажется, что нет; кровь и огонь быка и реально ощутимое отбивание ритма каблуками несуществующих ног) — трепет: когда он приходит, говорит именно он, он приводит лошадей из леса — они присутствуют в нем, как дерево во плоти и образы, как все имена, т. е. все боги — все имена, произнесенные людьми и даже Божьими тварями; да, потому что в тварях, я уверен, и в насекомых, и в растениях тот же трепет, охватывающий нас, когда сухая арматура всевозможных характеристик и приведенного в должное соответствие мозга (прежде сдерживаемого) разбивается вдребезги! Вдребезги: и из дребезг вновь появляется трепет — не из программ, не из проектов, не из поэтик.

Когда я неожиданно столкнулся с театром и начал экспериментировать с ним, я ощутил, что трепет поэзии вышел на площадь, как на турнир: началось чудесное и опасное сражение с формами театра, бывшими в нем не только сильными, заманчивыми, подпитывающими, но еще и носителями нового смысла, нового зарождения; сражение и испытание актеров, трупп, неизвестных (мне) пространств, с взыванием о помощи относительно пути следования к поэтам, неожиданно столкнувшимся с театром и практиковавшим его с Ее Величеством Силой Поэзии: к Лорке, Маяковскому, Кляйсту, Марлоу, Рудзанте, Еврипиду — и ко всем остальным.

Сила стихов в том, что это стрелы, беременные ростками жизни в зародыше, которая пробуждает жажду жизни в пораженном и питает лес образов — лимфу, воду и кровь: это я понял постепенно благодаря своему телу, превращавшемуся (экспериментировавшему с превращением) и начинавшему чувствовать, как слова становятся плотью — живой плотью, живущими — танцующими — невинными овечками, жаворонками и оленухами.

Низкий поклон Иосифу Бродскому за написанное им в одном эссе: «Родина поэта — его язык», — когда он был уже далеко от России.

Экспериментируют всегда с ним, с языком — Отечества и Родины, — сражаясь с ним, приключенчествуя с ним, ища и находя его в дуновении голоса-тела.

Ранним зимним утром несколько десятков лет тому назад, в воскресенье, в Аполлоновых залах театра «Феникс», Бродский сказал нам: «Что может быть прекраснее, чем чтение стихов вместе с молодежью в Университете?»

Педагогика — вести молодых; питать их; вкушать с ними пищу; пировать с ними; вот — акт любви.

Педагогика — акт любви; эксперимент поиска золота или, лучше сказать, изобретения золота; не презренного металла, а осколочка солнца — тела Божьего, побуждающего зарождаться; золота оживших слов.

Нет разницы между театром и поэзией; нет театра поэтического — есть поэзия; в театре от поэзии — ветер. Где трепещет новорожденный и пробуждающийся ветер, там и эксперимент — процесс нахождения. Трепет и эксперимент — игра: jeu — joie (фр.) — игра и радость; нестабильность игры и радости; игра даром; в дар, в знак благодарности, признательности;

charis (харис) — грация, грациозная, добрая игра; charis — доброта, забота; взять на себя заботу, заботиться, любить; charis и забота — одно и то же слово? Грация, игра, радость, любовь и забота — для меня они имеют одно и то же значение: поэзия и театр и музыка.

Я не стану рассказывать вам об экспериментах за все эти годы — особенно годы учебы и исследований — но каждое действие, акт, присутствие, событие, появление, поворот, прохождение, эпизод, поход, маршрут, визит, неосуществленный замысел, след, комедия, поэма, роман — все это были попытки услышать трепет, свой и чужой.

Часто, когда я повествую (читаю на публике вслух) то, что написал, я ощущаю, что текст пробуждает во мне (в своем затаенном трепете) трепет присутствия; я ощущаю пробуждение дара, из которого он родился, встречающегося с даром (благодарностью) тех, кто слушает; со временем, постепенно, мне кажется, я понял, что этот дар, charis, подпитка, пробуждение и забота — к тому же еще и очищение; очистка покрытого коркой языка и обнаружение заново души.

Обретение! До чего велика радость ребенка — найденного и спасенного тем, кто его вновь находит, и от замирания (задержки дыхания) при мысли, что его вернут в родительский кров, чтобы он снова счастливо смеялся.

В жизни, полной тревог, страхов, трагедий, печалей (а сегодня, мне кажется, и безумия, и еще, наконец, заботы о человеке как виде) в счастливом смехе, рождающемся у вновь обретенных, из эксперимента — процесса нахождения, родившегося из танца распускающихся в нас цветов, из заботы, исполняемой любовью, видится мне финишная лента каждого часа — и не только театра; я говорю это себе и всем — людям, Божьим тварям и растениям.

Ветер моря и фея

Время от времени я размышляю над двумя словами. Сегодня, в Пасхальный день 1991 года — в праздник воскресения весенних листочков, — я нахожусь неподалеку от города Пешья, в Тоскане, по дороге в Коллоди. Внезапно справа — белый, огромный — появляется новый цветочный рынок. Все такие маленькие, а этот такой большой. Он — кит. Рядом с Коллоди стоит на якоре кит-поглотитель Пиноккио, огромный, как эта холмистая местность. Страшно большой!

Коллоди-деревня напоминает мне руку: пальцы — сама деревушка, ладонь — вилла Гардзони, большой сад-театр и домик феи с темно-синими волосами. Надеюсь, сегодня вечером я с нею встречусь.

Первым делом спускаюсь в «Кухню». Я впервые вижу великий путь сверчка и место, где, возможно, зачали Пиноккио.

Выйдя в сад, встречаю девочку, заставляющую передвигаться маленького Пиноккио-марионетку. Она идет медленно, показывая ему достопримечательности. Я пытаюсь смотреть ее глазами на Пасхальную прогулку Пиноккио по зачарованной вилле. Вслед за девочкой вхожу в капеллу. Там — деревянная статуя, изображающая молодую женщину, опирающуюся на стену. У нее оранжевое платье и красивое лицо. Это феечка? Нет, святая.

Я сажусь на скамью рядом с незнакомым стариком и задаю вопросы. Он отвечает скорее дуновением, чем голосом, соглашаясь на роль гида: «Карло Лоренцини часто приходил сюда, и особенно в «Кухню». Здесь прошло его детство, а потом он всегда возвращался летом. Почему он не навещал родственников? Потому что они были бедными. А здесь можно

хорошо покушать. Была одна официантка, семнадцатилетняя — он был сражен, — а ему было шестьдесят. «Вот посмотришь! — говорил он ей. — Вставлю тебя в свою книжку про улитку и сверчка!»[1] Она пожимала плечами, мол, ей неинтересно. Но он превратил ее в феечку! Потом еще по телевидению было интервью Дорелли[2] с нею, девяностолетней. Она сказала, что были и другие официантки; что он не сказал, что она — феечка».

Моего гида зовут Леонелло. Его шаги такие же легкие, как дуновение слов. Он предлагает мне насладиться воздухом долины Ниеволе. Говорит, что летом здесь чувствуешь свежесть благодаря ветру моря, а зимой находишь от ветров укрытие.

Так в Пасхальный день я навестил кита, игрушечного Пиноккио под управлением девочки и фею.

Искусство не лечит, или Танец немецкой овчарки

Не знаю, существует ли искусство, которое лечит, не является ли оно искусством в широко известном смысле — искусством художников, поэтов, музыкантов и прочих; искусство ли это каменщиков или продавцов тканей, крестьян или рабочих фабрик; или в совсем недавнем прошлом самих о том не подозревавших лекарей, избавляющих от многих неврозов и параной юношей из хороших фамилий, охваченных реющим образом революции. Я знаю, что есть искусства, более предназначенные для лечения, например, медицина, и другие, перед которыми проблема лечения теоретически не ставится, например: вышивание или подметание улиц города. Но все виды искусства, более того, все виды работ, если они исполняются хорошо и в должном расположении духа, могут оказывать целебный эффект по крайней мере на исполнителя или, напротив, приводить его к заболеванию.

Часто след души, упившейся пейзажем с его животными и людьми и, возможно, его описавшей, остается в нем через повествование, и потому-то мы ступаем и проходим через присутствие (в описании или дискурсе) людей, нам предшествовавших.

Некоторое время тому назад я отправился в поисках какого-нибудь следа писателя Ипполито Ниево на улицу, ведущую из Кордовано в Фратта, в нескольких километрах от Портогруаро. Ниево жил более ста пятидесяти лет тому назад.

Шагая по улице Ипполито Ниево в послеполуденном свете, средь полей и обломков домов и вилл старого Венето (естественно, почти все здесь изменилось еще и из-за новых построек), я ощутил, что погрузился в материю, присутствующую в словах Ипполито Ниево. Я задался вопросом, какими были отношения Ниево с реальностью, как я спрашиваю себя о любом поразившем меня писателе, особенно о таком писателе, как он, столь реалистичном и вместе с тем столь фантастичном. Я добрался до виллы Теглио, и у меня сложилось впечатление, что именно здесь располагается место, где Ниево услышал от венецианского дедуш-

[1]«Пиноккиа» на флорентийском диалекте во времена Коллоди означало gallina — «курица», или хорошо сложенная маленькая полноватая женщина. Пиноккио — марионетка (деревянная кукла «на ниточках»), а не буратино (бибабо), хотя у Коллоди это именно буратино, но: кукла, сделанная из дерева, сама ходит, говорит, ест и даже убегает в «Страну Игрушек /Простофиль» (Paese dei Balocchi). Неизвестно, знал ли все это Алексей Николаевич Толстой, но сюжет повести Карло Коллоди вдохновил его вначале на литературную обработку сказки, а потом и на написание своего «Золотого ключика, или Приключения Буратино».

[2]Джонни Дорелли, сценическое имя Джиорджио Гуиди (род. 1937) — актера, певца и шоумена.

ки по имени Марин столько рассказов о конце Сереniссимы, вошедших затем в «Исповедь итальянца». Размышляя таким образом, я подошел к калитке, и вдруг на меня со свирепым лаем выпрыгнула молодая немецкая овчарка светло-каштанового цвета. К счастью, нас разделяла калитка. Я ответил псу тихим голосом, пытаясь усмирить его ярость. Затем я притворился, будто поднял что-то с земли и бросаю псу, приглашая его к игре, и он не просто принял условность: он пошел дальше — схватил зубами кусок ветки, показал мне его театральным жестом, а затем принялся бегать по кругу, возвращаясь ко мне прыжками, практически в те же самые точки оборота, который я назову танцем. Он был счастлив: крутился и прыгал, когда его взгляд встречался с моим, и в прыжке демонстрировал мне палку из игры как средство, словно подчеркивая прыжками и мордой акцент и толчок в точке наивысшего взлета — момент выполнения танцевального па. Он возносился, выгибая спину, — гордый, стройный и вычурный: он действительно был счастлив. И я тоже. «Может быть, это он, Ипполито Ниево, хотел поиграть», — думал я, не верящий в переселение душ.

Мне пришла мысль о первичной форме игры, танца, театра и поэзии: обернувшись самим собой, танцевать и отталкиваться для непродолжительных взлетов с чем-нибудь в зубах типа обычной ветки, имеющей какое-то другое значение, вместе с кем-то другим, принимающим участие в игре.

Все, что я до сих пор знал об искусстве и терапии, заключено в танце ошалевшей от радости овчарки.

Но если осмотреться вокруг и понаблюдать многих людей искусства, которых я знал и знаю, мне пришлось бы скорее говорить о меланхолии, тревоге, страхе, реже — о приходящей к ним радости, даже если они, занимаясь искусством, безусловно, достигали полного расцвета. Возведение совокупности, порой столь опустошающей, как искусство, никогда не казалось мне целебным. Среди моих друзей — людей искусства — были алкоголики, самоубийцы, страдающие депрессией, а меланхолия (об этом свидетельствуют многочисленные исследования), кажется (по крайней мере, в последние пару веков, по прошествии романтизма), превращается чуть ли не в мундир чести для художников и писателей.

Иногда меня посещает сомнение относительно того, что проклятость девятнадцатого и беспокойство века двадцатого — это силы своего рода поэтической манеры, теперь уже в переменной точке: но пока идеология готовит апокалипсические сценарии для души и тела, поэтам, музыкантам, художникам и служителям театра будет трудно (но не невозможно) обрести радость танца овчарки Ниево. Разве идеология и искусство (и идеология искусства) нуждаются в терапии, а не терапия нуждается в искусстве? Так зачем тогда подводить поэзию, девушку странную и, на ее счастье, непредсказуемую, под терапевтическую идеологию?

В выпавшем на мою долю опыте с умалишенными и здравомыслящими (для меня это всегда опыт вопроса о состоянии языка в не терапевтических целях) мы всегда очень следили за тем, чтобы не только не говорить о терапии, но даже не думать о ней. Скажу почему.

Я был уверен, мы были уверены (а Базаглия[1] — тем паче), что сила нашего присутствия и нашего дела (которое я назову расширенной и непрерывной коммуникацией) была ясной и емкой настолько, что раз-

[1] В течение трех десятилетий, начиная с 1960-х годов, в США и в Западной Европе возникает и получает все большее распространение новая социальная политика в отношении психически больных людей, нацеленная на сокращение числа пациентов, находящихся под присмотром в условиях специальных учреждений. В Италии идея добровольной психиатрической экспертизы и амбулаторных служб отстаивалась в 1970 годы священником Франко Базаглия и движением «Демократическая психиатрия». Пизанский психолог Гаэтано Барлетта пропагандировал практику декарцерации.

вертывалась живой вещью, предельно остававшейся в себе и являвшейся коммуникацией для себя, а не для медицины — сферы, в которой мы некомпетентны и которая могла бы закончиться тем, что поглотила бы наше разнообразие — радикальное разнообразие наших вмешательств по отношению к повседневной терапевтизированной жизни.

Теоретизировать относительно чего-нибудь — значит каждый раз, хоть немножко, фальсифицировать вещи: кто знает, что это было на самом деле — то, что я определил как танец немецкой овчарки. И во избежание капканов теоретизации (без которой, тем не менее, мы не смогли бы даже говорить) я стремился не сочетать браком искусство и терапию, потому что искусство сегодня — перегруженная идея сигналов, сверхопределенная и в то же время неопределяемая, слишком двусмысленно используемая, часто академичная, иногда на грани смешного, и даже перевернутая с ног на голову ради денег.

Что касается терапии, я часто задаюсь вопросом: что такое «мне хорошо»? Кто — лекарь? Кто — исцеленный? Терапия — блестящее слово, к которому (в Греции) была привязана идея служения, уважения, принятия во внимание или даже культа богов.

Но она еще и в отношении, не позволяющем поглотить искусство (танцевать с собаками, изобретать лошадей) терапией, а терапию искусством, и у меня появляются сомнения и вопросы, когда я вижу эти два слова в одной упряжке. Ввиду этих сомнений и вопросов я назвал свои короткие заметки «Искусство не лечит», которые на этом и заканчиваю. С надеждой, что искусство на самом деле лечит, только иначе.

Явление Борхеса

Поэт не пришел. Часть народа сидит, часть стоит. Дело к полуночи: час поэтических встреч «Beat—72»[1], Рим, май тысяча девятьсот семьдесят седьмого. Такая вот сцена.

Мы — посредине улицы. Сорок белых стульев из таверны, складных, расставлены против листа картона, примостившегося, как человек, на стуле, и гласящего: «Очень жаль, но я не в состоянии участвовать в поэтическом празднике. По крайней мере, в эти дни. Тем не менее, я надеюсь, что мы еще встретимся и устроим действительно праздник. Нико Оренго».

Рим напряжен. Два дня назад убили Джорджиану Мази[2], а сегодня сидячую забастовку на месте убийства, sit-in, разогнали слезоточивым газом. Из Милана пришла весть о том, что в какого-то бригадира карабинеров стреляли сторонники автономии.

Небольшая группка. Здесь — лысая голова, там — кудрявые головы, блестящие лбы, козлиные бородки… Несколько женщин. Малочисленная встреча: римская, авангардная, поэтическая. Похоже, уже ничего не будет: поболтают, поприветствуют друг друга...

Дверь погребка выкрашена снаружи в голубой цвет (по Магритту[3]?). Интерьер удачным сценическим ходом режиссера Саймона Кареллы[4] выне-

[1]«Beat—72»: один из первых центров театральных исследований и экспериментов, работающих преимущественно с молодежными труппами.

[2]Джорджиана Мази: девятнадцатилетняя римская лицеистка, убитая шальной пулей во время манифестации.

[3]Леопольд Магритт: бельгийский художник-сюрреалист. Он писал, что единственное его желание — «ощутить тишину мира». Цель его картин — провоцировать визуальное «короткое замыкание». Одна из работ-икон — огромный глаз, распахнутый настежь навстречу небу, в свою очередь отражающемуся в органе зрения, — под названием «Фальшивое зеркало» настолько впечатлила Луиса Буньюэля, что он использовал ее в качестве сцены-матрицы в фильме «Андалузский пес».

[4]Саймон Карелла: режиссер театра модерн, использовавший в качестве сцены городской, индустриальный пейзаж.

сен наружу. Вот и сам он, Карелла: мелким бесом, намеком — пара рожек из кудряшек.

Почему не пришел молодой поэт? Кто-то спросил, кто-то предположил, кто-то ответил. Тем не менее создано пространство для его присутствия. Тот застывший на стуле картон с нерешительным почерком — дыхание страха из-за несчастного случая в Риме? страх изысканной публики перед поэтами? страх смерти?

Все бы так и закончилось, не начавшись, если бы кто-то (кто?) не сказал: «Попробую пригласить Борхеса. Он рядом, на ужине в «Ла Баркетта».

Непостижимо! Кто может пригласить Борхеса? Мы не верим парню. Провожаем его глазами. А теперь представьте, что каждый из нас испытал, когда мы увидели выступающего мифического старца в сопровождении грациозной спутницы, направляемых молодым поэтом? (Кстати, в тот вечер на улице Джоаккино Белли[1] этот парень явился нам Джоаккином Беллиссимо!) Что испытывал я? Я не мог испытать ничего! Я представил комизм приезда аргентинца с вавилонской головой, — слепого, выбравшегося в Свет, чтобы собственными глазами взглянуть, что нового в старой Европе! «Надо же, — говорил я себе, — нам явился слепой поэт! Как сыграет он роль запасного?»

В ходе недолгого пути от рыбного ресторана до стоящих посредине улицы стульев ему объяснили, что произошло. Очутившись среди нас, он позволил подвести себя к стулу, на котором залег картон. И здесь он сказал: «Этот воздух, который вы можете видеть, а я — только чувствовать, — пробуждает во мне в этот вечер яркую гармонию. Ничего нет ценнее того, что мы представляем. У одной из частей Буэнос-Айреса такой же колорит, как и у этой улицы. А мой дом, вероятно, на тех этажах, неподалеку от Дворца Правосудия, или Неправосудия. Отсутствие поэта есть и его присутствие; но, прежде всего, это бегство от тела и попытка заставить себя защищаться от собственной тени. И тень эта — страх поэзии; зонт (намеренно черный), заключивший в тюрьму пленницу-тучу. Соглашаюсь — с радостью — играть Запасного Поэта. Как в оркестре: когда маэстро заболевает, мгновенно находят замену, идеально подготовленную, чтобы заставить звучать все партитуры. Мне нравится посреди улицы, под открытым небом, в Риме, голосом прикрывать сирен, с незапамятных времен непрестанно преследующих летучих мышей смерти».

Здесь Борхес на время сосредоточился на голосе, вслушался в собственное молчание. Мы все погрузились в глубокую тишину.

«Обещайте, — сказал он, — что об этой случайной встрече вы не напишете в газетах, по крайней мере, три дня. То есть до тех пор, пока я не уеду из Рима. На одном приеме, вчера, все ко мне прикасались, смотрели на меня, словно я — моя оболочка. Я сбежал».

Почти все мы здесь — молодые поэты и театральная молодежь, в равной степени преданные театру и поэзии. В голове моей промелькнул вечер в Венеции, когда я случайно встретился глазами с Паундом[2], сопровождаемым Мэри де Рашельвитц[3]. Борхес сейчас читает стихотворение, и кто-то его записывает. С ленты я переписываю и перевожу. (Надеюсь, что Борхес не отчитает меня за перевод.) Он говорил (импровизировал?):

[1] Джоаккино Белли: римский поэт XIX века.

[2] Эзра Паунд: великий американский поэт.

[3] Мэри де Рашельвитц: дочь Э. Паунда, перевела с английского на итальянский произведения отца, а также Робинсона Джефферса, Е. Е. Каммингса, Рональда Дункана, Дениз Левертов.

Присутствие отсутствия

Из лабиринта я вышел уже один:
больше не было тени, бывшей вуалью, —
только что оброненной, грудой, на землю.
Тень слегка трепетала, оторванная от стебля.

— Человек, куда ты бежишь? куда? — услышал я голос:
я, другой, еще оставался сырым: на нити обрыва.
Тень моя удлинялась, на грани ухода, напряженно-протяжная;
на земле мешком распласталась: сбили ударом.

Петер Шлемиль[1], возможно (он это помнит?),
знает, что происходит с Присутствием,
когда тень от тела тебе не синхронна
и верхом разъезжает в пустыне Отсутствия.

В час тревоги и смутного света
внутри пустоты собственной тени возносилось Присутствие.
И среди теней Парижа, Рима иль Праги
кто нам скажет, что оно испытало?

И тут мы увидели (мы — человек тридцать-сорок), что Борхес молчит. Долго никто не решался нарушить тишину. Было слышно поэзию: она трепетала в рассудке временем, исполненным образов; уходила, возвращалась, проникала в нас и вновь вырывалась наружу. Молодой поэт (я не узнал его имени) поговорил с сопровождавшей аргентинца грацией и удалился, а немного спустя подъехало такси, практически к самому стулу Борхеса. Аргентинец встал, коротко нам поклонился. И когда машина тронулась, из нее рука поэта мелькнула в прощальном жесте, а глаза пристально вглядывались в нас: с иронией? разочарованием? мудростью? мастерством актера?

Я уверен, что он меня видел. Я не спрашивал, что ощущали другие. Только все мы благодарны Нико Оренго — любезному поэту, своим отсутствием вызвавшему для нас дух подобного присутствия. Словно сон наяву!

Термальный бассейн Тарковского

Я давно пытаюсь понять, что значит повествовать и как повествование вслух соотносится с обитателями Царства Теней или Зарождающегося Будущего, как они подпитывают нашу речь с помощью вопросов, которые мы задаем, и диалогов с ними, бывшими. Вся деятельность двадцатого века (в том числе, связанная с путешествиями в антропологию, начиная с Тейлора и Фрезера) подводит повесть и поэзию к вопросу, которым задается каждый: относительно смысла собственной жизни. К вопросу, рождающемуся в Ego, но присущему также сообществу в целом, группам, идеологиям и религиям, потому что никто не избежит печально известной метаморфозы.

Мы идем по предвечным следам, и может так случиться, что однажды, когда мы к ним, давно ушедшим, обратимся, неожиданно они и возникнут рядом с нами и мы отправимся в совместный путь, пусть недолгий — на время, пока их имена у нас на устах.

[1] Петер Шлемиль: А. фон Шамиссо в 1813 году написал романтическую сказку «Необычайная история Петера Шлемиля», герой которой за богатство продал свою тень и ищет ее по всему свету, находя нравственное успокоение только в научной работе.

Иногда рассказ — заклинание духов реальных людей, иногда — вымышленных: фей, героев, никогда не существовавших персонажей. Даже взывая к одной лишь фантазии, мы намечаем след, через бессонные ночи и ритуальные бдения соединяющий настоящее, прошлое, будущее.

Месяц назад меня пригласили в Баньо Виньони на Фестиваль Монтальчино в рамках проекта исследования пути Святого Франциска. На следах древней тропы, пролегающей через Ронсеваль в Сантьяго ди Компостелла, все вместе мы совершили ритуальное бдение с бесстрашным Орландо (Роландом), Оливье, рыцарями, Карлом Великим, оруженосцем Гаиной Павским (Падуанской Курицей). И еще с Андреем Тарковским, который там, в окрестностях и в бассейне реки, неустанно блуждал в поисках другого берега со свечой в руках. Блуждает и теперь.

У входа в предместье я вручал прибывавшим приглашение, а сплошная колонна телевизоров являла последовательный ряд термальных бассейнов из «Ностальгии», фильма Тарковского, отснятого в Баньо Виньони. Появившись с молодым валторнистом Джакомо Печчарелли как раз тогда, когда визуальный ряд заканчивался, я сказал: «Сейчас все, кто хочет, возьмите одну из этих белых свечей, зажгите и поместите в один из бокалов. Совершим все вместе ритуальное шествие к водоему и поставим свечи вдоль стен! Там я поведаю вам «Ронсевальскую трагедию[1] в сопровождении Орландо и его оруженосца Гаины в поисках врат Рая». На поиск райских ворот сегодня мы отправимся с мыслями об Андрее Тарковском, оставившем здесь глубокий след».

Так мы медленно шли под звуки валторны. Все, толпой: абсолютно все, — и были средь нас строгие ревнители исполняемого во тьме ритуала.

Впервые я увидел Тарковского в Венеции в шестьдесят втором, когда он выиграл «Льва» с «Ивановым детством». В поддержку фильма я написал свою первую статью для газеты «Унита». Позже, в восемьдесят втором, в Ливорно, мы участвовали в проекте «Умение повествовать» с Уэндерсом, Гротовским, Тонино Гуэррой, Куадри и другими. Сразу же после просмотра «Ностальгии» я захотел поехать, как многие другие, в Баньо Виньони — и узнал, что Тарковский ненадолго задержался там, в горах и парах термальных источников.

Двадцать пятого июля этого года в прекраснейшем местечке Роккальбенья суль Амианта я прочел «Ронсевальскую трагедию» у крепостных стен. Я попросил Лучано Джустарини, трубача оркестра, исполнить начало «Иль чечио» — вальса, который сочинил его земляк Пьеро Пьерини, умерший двадцать лет назад, тоже игравший в оркестре. Прежде чем начать, я сказал: «В этот вечер, здесь, совершая ночное бдение, мы взываем к духу Пьеро Пьерини и к его музыке. Через несколько дней приглашаю вас в Баньо Виньони на заклинание духа почившего в этих краях режиссера Андрея Тарковского».

Когда я закончил рассказ, ко мне подошли Джустарини и другие, чтобы сказать: «Мы хорошо знали Тарковского. У него здесь усадьба. Он говорил, что это — край его жизни. Его сын Андрей был здесь месяц назад. Он часто приезжает на мотоцикле. Идет в усадьбу, слегка обрезает ежевику, а когда надоест, уезжает». — «А усадьба-то где?» — «Там, километрах в четырех».

---

[1] Битва в Ронсевальском ущелье (Пиренеях, на границе современных Франции и Испании) вечером 15 августа 778 года, в которой войска Роланда, предположительно, были разбиты басками. Описана в «Песне о Роланде». Испанские и итальянские источники свидетельствуют, что битва была, скорее, стычкой, повлекшей за собой колоссальные потери со стороны франков: были убиты многие паладины и аристократы, похищено золото. Нападавшие скрылись под покровом ночи.

Я прикинул карту и назавтра около часа дня под палящим солнцем отправился в усадьбу.

Она была далеко. Я оставил машину, углубился в лес и наткнулся на заросли ежевики, но потом потихоньку, не без труда, все же добрался до усадьбы. Новые заросли и трава: кто им преграда? Рядом с лугом — огромный дуб. Дома не было — только деревья, луг, ежевика и дорожка в пейзаже. Я ощутил присутствие Тарковского.

Я пробыл там довольно долго и думал: что искал здесь Художник? Я что ищу? Тропинки, ежевику. Поэзия (кино по Тарковскому) иногда владеет точным знанием, иногда блуждает. Иногда выводит на тропинку.

Фабио Пеллегрини, юноша, поместивший в местной газете замечательную статью о процессии с лампадками в Баньо Виньони, написал, что в восемьдесят втором в Ливорно, разговаривая с портовыми рабочими, Тарковский сказал, что искусству доверена задача спасения человечества от катастрофы и что искусство — долг тяжкий и трудновыполнимый.

Мне вспоминается «Рублев», фильм Тарковского, который я люблю больше других, где описана тяжесть и изнурительность искусства и, как мне кажется, легкость умения давать, несмотря ни на что, импульс поэзии, тратя силы и прячась за кроткий язык вне монастырских стен, — там, где литейщики отливают большой колокол.

Я пытаюсь понять, что происходит, когда я повествую вслух, взывая к людям и вопрошая следы, и в этот раз я подумал: вот в чем смысл вчерашней и сегодняшней эпики — называть имена друзей, знакомых, богов, героев и тех, в ком нуждается общество, для подпитки, побуждать их побыть немного с нами, вдохновляться их дыханием — тем, которое я, вдыхая в слова, заставляю всходить, прорастать, распускаться.

«Цветочки» Святого Франциска

Светлы вечерние часы.

Я на Верне[1], святой горе. Июль пятидесятого.

Я приехал из Падуи на велосипеде. Мне пятнадцать лет.

Мне сказали, что в монастыре по вечерам братья рассказывают «Цветочки».

Прошлой ночью я спал в Валломброзской[2] каштановой роще, в своей маленькой палатке. Я путешествую один. Сон в лесу в одиночку учит меня всем этим звукам, голосам, шелестам, недоступным в городе. Я не боюсь. У меня, как мне кажется, несокрушимая вера.

В Верне меня принимают и предлагают ужин. Спрашивают, откуда я. «Издалека», — говорят. Молодые братья и братья постарше, почти все — тосканцы или умбры. Они в сандалиях и монашеских рясах с капюшоном, с белыми веревочными поясами. В неторопливых сумерках ужинают и готовятся к бдению; слышатся смех и разговор. Мне нравится слушать вот так.

Наступает время бдения. Я запомнил имена некоторых братьев: Джованни, Бернард, Альфонс, Аврелий. Один из них начинает рассказывать просто, точно так же, как только что говорилось между собой, эпизоды из «Цветочков», ведя диалог с другими братьями. Истории звучат по-домашнему есте-

[1] На горе Верна неподалеку от города Кьюзи-делла-Верна находится Святилище францисканцев. Весной 1213 года граф Орландо ди Кьюзи делла преподнес Франциску в дар гору, место тихое и удаленное от людей, где впоследствии Франциск проводил долгие периоды своего отшельничества. В 1224 году Святой Франциск в последний раз поднялся на гору для сорокадневного поста перед праздником Святого архангела Михаила, где во время молитвы и получил стигматы.

[2] Валломброза — бенедиктинское аббатство.

ственно и с такой радостью! Все называемые персонажи — Франциск, Клара, Сильвестр, Бернард, Массей, ангелы, дьяволы — кажется, сейчас находятся рядом: на устах у рассказчика. Все часто говорят «мир» и «добро».

Тридцать лет спустя, в восьмидесятом, я вернулся в Верну просить о необычном переходе. Я проводил театральную акцию языка, длящегося в пространстве, день за днем, — под названием «Дьявол и его Ангел», — по долинам и городам, повествуя в танце. Я был дьяволом: рыжим, в черной маске и с огромными вилами: архангел Михаил вел меня на веревке. Мы прошли по Казентино, начиная с Порчино — главного города долины. Мне хотелось завершить действо на вершине Верны, с противоположной стороны, после того как за пять дней будет пройдено как можно больше улиц, стоящих на отшибе домов и местечек.

За месяц до перехода я посетил Казентино: деревню за деревней, склон за склоном. Я поднялся в Камалдоли и даже в Вернский монастырь. Один пожилой брат, отец Сабатино, водил людей по местам Святого Франциска[1]. Он сказал, когда мы были на гребне Сассо Спикко — Отколотого Камня: «Святой Франциск любил камни. Он приходил поспать под этим, выступающим вперед тремя сторонами. Сассо Спикко — отколотый камень. Впечатляет: за счет собственной силы он крепится только одним углом! Святой Франциск восхищался этим чудом! Чудо ли это? Что скажешь! Когда святой почил, на теле его не было живого места, потому что он спал на камнях и в сырых пропастях».

Как повествовал отец Сабатино! Кроткий и ясный. Он говорил о борьбе Святого Франциска с демоном — о его страдании и, мне показалось, о ярости. Борьбе Франциска с собственной яростью. В цвете повествования, которому я внимал, чувствовалось присутствие молодого буржуа, искавшего жизнь ради того, чтобы воцарить в мире мир и добро через абсолютное самоистязание и подражая неподражаемому.

Постепенно я пришел к пониманию того, что припоминаю отца Сабатино. Он — один из братьев, давших мне приют в пятидесятом? Лишь теперь в мою память вернулось то бдение с повествованиями.

Затем мы отправились к брату Аврелию, отшельнику-заклинателю злых духов, сидевшему в своем скиту, с бутылью святой воды обок. Он был стар. Был ли и он одним из братьев в пятидесятом?

Месяц спустя, когда в последний день акции мы прибыли в Верну, в Кьюзи, селение у подножья монастыря, в мэрии нас ждали вице-мэр, коммунист, и отец Альфонс, настоятель монастыря и приор. У нас состоялся долгий, деликатный и глубокий разговор о возможности спасения Дьявола. Я, ряженый в Дьявола, настаивал, что Дьявол, в конце концов, должен бы попасть в Рай, а отец Альфонс на этот счет сомневался. Затем он дал нам благословение на переход монастыря и на восхождение на Пенну.

Почти стемнело, когда мы добрались туда. Мы декламировали и пели спор, в котором Дьявол искушал Ангела, предлагая ему власть над миром. Возможно, там находились и люди, ждавшие наступления ночи для проведения бдения в молитве.

Пересечение леса — восхождение на гору — продвижение вперед — тишина. Та каштановая роща — одна из рощ из «Цветочков».

Есть моменты, когда внезапно открывается тайна мира — природа. Есть ли разница между верой и неверием — сегодня? Незначительная,

[1]В «Цветочках» повествуется о том, что, дивясь расщелинам и отверстиям между огромнейшими камнями, Франциск неожиданно предался молитве, и Бог открыл ему, что эти удивительные отверстия сделаны чудесным образом в период Страстей Господних, когда, согласно писанию Евангелиста Матфея, горы делились надвое. Эти гроты и труднодоступные места превратились для Франческо в язвы и раны Господни, которые можно ощутить посредством медитации.

когда ты в пути или когда мир теряет голову. Уверенность в тех деревьях и камнях — в рассказе, запечатленном в горе, в этом мире молодым человеком — святым и странствующим. (Однако все три религии сколько раз теряли голову и тело в придачу!)

Я вернулся в Верну по прошествии нескольких месяцев после тех дня и ночи, ставших для меня и архангела (музыканта Альдо Сизильо) данью уважения рыцарю ордена и принцу поэзии и театра (не говоря уж о том, что они обернулись совершенною радостью). Я хотел испросить у отца Альфонса соизволения опубликовать наш диалог, состоявшийся в мэрии. Он имел со мной долгую беседу и рассказал, как однажды, будучи молодым, только что вступившим в орден братом, он видел дьявола — маленького, сиплого, под стулом. Я с недоверием слушал. Я сказал ему, что я больше не верующий или, по крайней, не настолько верующий, как раньше.

Было настолько приятно говорить — о его и моих сомнениях и твердых убеждениях. Потом он сказал мне: «А теперь идем со мной, и давай споем!» Мы отправились в церковные хоры и вместе с другими братьями пели — те немногие партии из песен, которые я знал. Это были времена коммунизма.

Для меня «Цветочки» — это еще и обретение вновь присутствия молодого человека — святого, мечтателя и реалиста, мятущегося, а иногда пускавшего в ход кулаки в беседе с учениками (Кьяра Фругони[1] открыла его заново таким), с идеалами рыцаря Круглого Стола и подражателя Христу, — влюбленного, изобретающего заново смысл всего, говоря с каждым зверем и человеком и Богом.

Вот книга, которую я беру и воздвигаю на тропе для разработки человека — вечно заявленного и вечно рождающегося. Я спрашиваю себя: можно ли пройти дорогой мира и добра, чтобы унять безумие, время от времени овладевающее умом человеческим? Жажда овладения, жажда все израсходовать, все потребить. Жажда мученичества. Жажда истребления. Импульс, побуждающий к превращению в целый спектакль каждого акта и каждой мысли.

Я знаю, что есть поэты и цветоводы, прячущиеся в лесах, чтобы разговаривать с пчелами; и убийцы, поджидающие, чтобы напасть; и кротчайшие люди, довольствующиеся тем, что никогда не являются. Мой друг маэстро Марио Лоди[2] в эти годы постепенно отказался от телевизора, потому что заметил, что на телеэкране — никого, кроме привидений. Он снова начал ходить пешком, как во времена учительства, и не обольщал подмастерьев, не прельщал их.

Есть потребность в мягкости и в жесткости. Возможно, новый человек возвращается: испытать самого себя. «Цветочки» — книга парадоксов, которая учит находить совершенную радость даже тогда, когда нас в слепоте избивает палкой (парадокс!) брат из нашего же ордена. Совершенная радость — даже под бомбами? Стих VIII из «Цветочков» — о совершенной радости: «В то время как Святой Франциск и брат Лев шли, он объяснил ему, что являет собой совершенная радость».

«Вот увидишь, — сказала мне одна молодая женщина из Тревизо, психолог, работающий с сумасшедшими и заключенными, — в следующий раз изобретут бомбардировки исключительно в терапевтических целях». —

«А мы, — парировал я, — ко всему готовы в совершенной радости!»

В самом деле — готовы?

---

[1]Современный историк-медиевист.

[2]Педагог, писатель (род. 1922). Его каждодневный опыт работы с детьми с последующей его обработкой, в частности, позволяют рассматривать ребенка как хранителя настоящей собственно культуры, которую гражданское общество должно принять и относиться к ней с почтением.

По тропе и в лесах

Несколько дней назад, утром, когда я шагал по лесу Винчилиаты, а вокруг бриз заставлял шелестеть сосняки и дубовые рощи, и стрекотали цикады — великое множество, и вдали всплывал какой-то клаксон, а мои сандалии искали след на тропе, по которому бы спуститься, вдруг в кармане моем зазвенел телефон — еле слышно: кри-кри! Я ответил. Это был критик Массимо Марино, подсказавший мне, что интервью с Миммо Кутиккио[1] появилось в «Унита». Но из-за деревьев я слышал плохо и сказал: «Я куплю газету, прочту и позвоню». Он ответил: «Да». А затем я подумал, практически сразу: цикады, воздух и ветер, шелест деревьев, шаги, клаксон, звонок телефона, голос мой, голос издалека — это все повествования, и услышать их — половина рассказа.

Дорогие друзья, уважаемые сказители и поэты, актеры и дикторы, кукловоды, мастера и продавцы кукол, рисовальщики, художники, конструкторы, операторы, служители театра, страстные исследователи! Постепенно я узнаю, что мир состоит из предметов, времени, живущих, мечты и голосов, свидетельствующих присутствие мира.

Голоса.

Кто-то рассказывает лучше, а кто-то — хуже. У кого-то есть дуэнде, а у кого-то нет, как сказал Лорка. Но сегодня, 30 июля 2004 года, я хочу поговорить немного о голосах насущных и кротких, которые вместе с высокими голосами поэтов и повествователей поддерживают жизнь ткани болтовни, без которой не было бы великих рассказов и песен: болтовня у входа в подъезд, в магазинах, по телефону, диалоги влюбленных, ссоры, журчание очарованной тяготением воды, шелест раскрывающихся цветов, трепетание крыльев бабочки или ее неподвижная тишина на цветке, беспрерывное гудение пчел и все шумы, звуки и появления, которые мы можем назвать голосами, поскольку они взывают и умоляют.

Ветер, дуновение, дыхание.

Дивная история у ветра: ànemos (ветер) и spirito (дух)!

Поток воздуха — ветер — воз-дух! Anima: душа — местопребывание дыхания. Мехи и волынка. Дуновение того, что есть жизнь. И того, вроде бы, чего у нее нет. Как Луна и галактики. С их пируэтами и космическими ветрами.

Древнее, древнейшее слово sèmita — тропа, путь (и/или семя?). Не известно точно, судя по корню, что оно означает. Но как единое целое слово, я думаю, оно хочет указать на только что родившиеся тропы. В первый раз намеченные, когда народы побуждали себя к поиску зверей, воды, тепла и звезд. Рвущиеся в бой полуночники, напуганные драконами и часто становившиеся их добычей. Храбрейшие из храбрейших отшельники в гротах, кишащих насекомыми и окруженных львами и змеями. Обитатели лесов, простирающихся повсюду. И порубщики лесов с целью сделать поляну для возделывания культур, для пастбища скоту; сделать ограждения, хижины и разводить костры.

Им-то, шедшим теми муравьиными тропами, группами — вечными нападающими, вечными агрессорами, время от времени учась любить и слагать стихи о любви, не гнушаясь насилия и истребления; временами — тво-

[1]Миммо Кутиккио — потомственный артист из Палермо, создавший в 1971 году небольшой театр марионеток «Сыновья искусства Кутиккио». Сам умеет вырезать из дерева кукол, шить одежду, сочинять либретто, играть на музыкальных инструментах, расписывать декорации. Имеет собственную школу. Создает уникальные спектакли в традиционной для старинного кукольного театра технике марионеток. Повествование ведется от лица рассказчика. «Безумие Орландо, или Чудесное путешествие Астольфона на Луну» Ариосто — спектакль, с которым театр выступал в Центре оперного пения Галины Вишневской.

рить добро на фоне голода, чумы и короткого века, с запущенными зубами и неизлеченной хромотой, с умиравшими при родах детьми и матерями, утомленными родами; с набегами с целью украсть женщин, детей, животных и съесть их — им-то, да, было что рассказать: например, о том, что есть места, куда не следует входить; и что они видели семиглавых стоглазых чудищ с огнем в пасти и добрых и злых колдунов; и разбойников с булавами, — может, ни на что другое не годных; и женщин — пышных, красивых, обнаженных, задастых, предназначение которых — рожать по сотне детей.

Я представляю их себе, когда они ближе к ночи зажигали огонь — там, где две или три тропы выходили на поляну — lucus, место пояснее благодаря свету — храм — и сидя и плотоядствуя, попивая какой-нибудь каштановый или фасолевый отвар вприкуску с лягушачьими лапками или супы из горьких кореньев, в окружении зверей, ожидавших обглоданные кости, но еще и подгоняя эволюцию, внимали историям, из которых они ничего не понимали, несмотря на то, что говорили на своем языке Неандертальцев или Хомо Сапиенс, — историям, которые им нравилось слушать, потому что так они чувствовали себя в компании этого странного существа, такого же животного, но владевшего столькими словами по сравнению со всеми другими обитателями мира, посредством рта — вроде не столь уж большого, но страшно прожорливого и страшно болтливого.

Я представляю их себе — пещеры, норы и хижины с черепками и реликвиями наших пра в сотой или тысячной степени как территорию, где мы сейчас находимся, — церкви Святого Франциска, — мы, животины, задающие себе вопросы о смысле повествования.

Расскажи мне историю, поддержи во мне жизнь! Скажи мне, как ты?

Так, по-моему, говорит мысль душе, всегда исполненной жажды и дыхания: поддержи во мне жизнь: держи меня в напряжении, подвешенной там, над глубокой пропастью Вселенной — дышащей и простирающейся. В напряжении от любопытства.

«Смотри не урони меня, — говорит душа дыханию, — умоляю, потому что сегодня ночью я вижу смутно».

Ночь между тем ясна, немного ветрена, когда голос издает крик-мольбу, блуждающую в поисках матери (матери рассказов).

«Я здесь, услышь меня», — говорит он.

«Успокойся и слушай!» — говорит она.

Колыбельная. Баюшки-баю!

Так рассказывает мать своему проснувшемуся напуганному ребенку тайну прихода и ухода четырех рыцарей и памяти. Память — источник, из которого все пьют.

Танец от колыбельных, как от печки: вверх — по шороху лимфы и откровеньям пейзажей — ради беготни вперед-назад всего — Великого Индриованти[1] — ради кажущейся неподвижности камней и подвижности света — это постоянное снятие покровов, от тропы к тропе, слушая, наблюдая красоту разнообразия и миллионы языков, на которых насекомые, травы, звезды, люди говорят, свидетельствуя свое присутствие, — все фрагменты огромного дискурса, завершенного и не завершенного, как система чисел, — логос, которому все принадлежит, — в связи с чем мне порой хочется перевести известное начало от Иоанна таким образом:

«Вначале был один большой рассказ, заключенный в бесконечное плотное ядро, которое потом раскрылось в тысячу дискурсов, вен, артерий, троп, путей, и в каждой вене или тропе — форма великого рассказа; большой рассказ, таким образом, воплотился в голоса, тела и предметы, во все существующие тела и предметы, во все и повсюду, и даже в самых отда-

[1]На венецианском диалекте «indro-vanti» означает «назад-вперед».

ленных и безмолвных местах он всегда — рассказ, число и фабула, кроткая мудрость, открывающаяся в каждом появлении и присутствии, бесконечно многочисленном: тропа нескончаемая, никогда не прерывающаяся, как числа…»

Перевод с итальянского Ольги РАВЧЕНКО.

Сальто-мортале и полет

Вначале было три музы: Мелета, Мнема и Аэда. Не девять. Мелета — муза упражнения, практики. Мнема — муза памяти. Аэда — муза пения. Повествовать песней воспоминания изученного посредством практики. Со временем муз стало не три, а девять, дочерей Мнемосины и Зевса. Музы символизируют безграничную власть языка и речи, они позволяют провести очень тонкое мифическое исследование. Многое становится ясным, когда анализируются глубинные понятия, скрытые под именами-масками этих трех муз.

Я верю в школу, дочь Мелеты и мать Мнемы и Аэды: балерины, танцовщицы. Они — Грации, наполненные изяществом, но в первую очередь радостью познания. Они упражняются в танце в поисках знаний, запечатляющихся в памяти. Этот глубинный искусный танец, в моем понимании, содержит в себе весь смысл школы.

Школа может быть счастливым местом, полным Муз-танцовщиц. Есть такие школы и учителя-Музы, которые исполняют танец знаний вместе с новорожденными, детьми, отроками, юношами и девушками, со взрослыми, готовыми родиться заново.

Кто еще более невежествен и самонадеян, чем мы, взрослые?

Двигаться вместе — это и есть образование, поиск глубинного золота, благодати и радости, которые делают человека лучше. Без этого путешествие тела и разума превращается в механическое безжизненное повторение. Музы — это балерины, которые танцуют не словесный, а настоящий телесный танец, приносящий радость. Эта радость практически забыта в нашей культуре. Театр в последние 30—40 лет стал уделять особое внимание телу.

Я помню одну встречу актеров театра и литургистов в Тоскане в 1979 году в монастыре. Первый доклад был представлен монахом Сильвано Маджани, который несколько лет писал литургии для Папы Римского по случаю богослужения Крестного хода и который к Великой Пасхе 1999 года заказал Марио Луци[1] текст к службе Крестного хода. Он начал так: «Мы много говорили о Слове, Слове, которое стало Плотью, но потом о Плоти мы забыли. Мы хотим обсудить это с вами, людьми театра, чтобы совместными усилиями приблизить Слово к Плоти, ведь без Воплощения нет Слова». Мы, будучи мирскими людьми, отвечали: «Конечно, вы никогда не танцуете, никогда не совершаете смертельных прыжков через голову, не ходите на руках и не прыгаете с башен соборов, не летите и не приземляетесь целыми и невредимыми, как во времена древних богов».

В общем, сказки сказками, но я хотел сказать, что школа может быть бесполезной, если не основывается на путешествии, на приключении на пути к познанию. Неправда, что все изначально известно, вначале мы ничего не знаем, даже тот, кто преподает, не знает ничего, если не помнит, что начинает путешествие с людьми, неизвестными ему, мудрыми

[1] Марио Луци — итальянский поэт.

людьми, со знающими детьми, обладающими свежим взглядом, перед которыми мир открывается и которые открывают этот мир для себя.

В прошлое воскресенье я ходил на Венецианский биеннале[1] вместе с тремя девочками, семи, восьми и девяти лет. Дорогие мои, я был на этой выставке и два года назад с этими же девочками, но за сорок лет посещения Биеннале только с ними я так много узнал. Вот, ни один критик не мог так описать и объяснить то, что смогли сделать эти три девочки. Меня поразили веселье, радость и быстрота реакции, с которой они расшифровывали все происходящее. Я ничего не говорил и не пояснял, все рассказывали они. Возможно, потому что эта выставка была спроектирована таким образом, что единственными картинами были картины Марио Скифано, а все остальное — сплошная игра. Для меня это путешествие по павильонам биеннале и Венецианскому Арсеналу, в который наконец-то можно попасть через ворота Галеацце, с этими тремя девочками было словно оказаться на встрече с Платоном. Но почему? Потому что в этой игре я получил самый исчерпывающий урок о последних тенденциях современного искусства.

А еще улицы… Это последнее, о чем я хочу рассказать. Я многому научился на улице. Нет, я не уличный артист, но я там частенько бывал и бываю, когда есть возможность.

Вот я вам принес две пачки образков, я не знаю, если их хватит. Я хотел завершить это повествование, подарив вам образки дьявола и ангела, они знаменательны, ведь в течение семи лет я их раздавал, переодевшись в Дьявола и будучи привязанным веревкой к Архангелу Михаилу. Так мы путешествовали по всей Италии и Европе, побывали даже на Эйфелевой башне. Архангел Михаил раздавал свои образки, произнося написанную мною молитву:

Молитва ангела

Рай розами цветет,
и ангел вам о том поет,
в плену у дьявола его хранитель.
Навеки там моя судьба, обитель.
Но если связь меж нами разорвется,
То заклинанье также разобьется?
Об ангеле и бесе помолись,
Чтоб узы их оборвались.

Я также написал речь Дьявола:

«О люди, помогите несчастному бесу стать человеком. Он так устал искушать души обещаниями всемогущества и всеведения. Из своего долгого опыта знаю, нельзя обманывать, любой ложью мы вредим только сами себе.

Я понял, что не все средства хороши, чтобы достичь результата. В поисках правды мы должны быть искренни до конца, потому что каждое наше действие отражается в результате.

Все, чему я научился, я еще не могу применить на практике, но если ты, даже где-то в глубине своего Я, подумаешь об этой молитве, возможно, ты мне поможешь снять маску. Прими хотя бы это искушенье.

Или ты думаешь, что это еще одна уловка дьявола?»

Интересно, этот уличный дьявол на самом деле Дьявол или Бог? Бог. Один из многих, которые были низвержены и демонизированы. Вот в чем

[1] Венецианский биеннале — один из самых известных форумов мирового искусства, проводящихся раз в два года.

смысл образования. Я не верю в то, что есть святые или бесы. Как говорит Мандзони, правоту и неправоту не разделить при помощи ножа («один порыв ветра — и карточного домика нет»)… Вот он, Святой Дух, видите, дыханием ветра все меняет… Постановка, в которой я участвовал день за днем, была поиском в себе демонизирующих стереотипов, которые облачают других в роковые пожизненные маски. Я работал над собой, чтобы очистить себя и нашу культуру от этих стереотипов, которые ведут в Ад, во все Ады, когда-либо созданные человеком, из которых все же можно выбраться. Я уверен, что в Судный день (если такой наступит) во главе шествия будет сам Дьявол. Если вы хорошо читали Библию, то вы заметили, что Дьявол вначале был тем, кто сообщал Богу о зле во все мире, то есть он был частью Бога.

Да, это четкое беспрекословное разделение добра и зла было настолько сильным и настолько нам навредило, что мы были готовы разрушать все отличное от нас. Я думаю, что когда-нибудь, совершив один театральный прыжок души назад и вверх, расправив крылья и не потеряв тела, мы сможем совершить полет.

Теперь повествуйте вы, а я буду раздавать образки.

Перевод с итальянского Анны ГАТАЛЬСКОЙ.





ГАБРИЕЛЬ РАВЕРА

Снег на цветах

Холод утреннего окна

Сегодня утренний холод
кажется холодом новым:
ясным, как день за углом.

Рано.
Не сплю только я.
Открываю окно —
дверь
в не убежавшие бегства.

Рожденный не ночью
воздух заиндевелый
в обнимку со светом,
открывающим вещи в себе.

Предаюсь заре,
зажигающей снова рифленые листья,
пропавшие лица и стены домов.

Затем
кто-то меня окликнул.

Ночь без сна

Это небо огромно,
как водная бездна;
и спокойны моря,
отпустившие вечер.

Я сижу,
отвернувшись от города,
уходящих огней,
аромата пятн*а*
еще не остывших утесов.

Погребальная песня прибоя
скрыла шуршание бриза,
на песке изменившего бег,
пока думаю, крепко сомкнув глаза.

Но внезапным потоком приходит
мощь и легкость пассатов —
ветров тьмы, возвращающих воспоминания.

Я пытаюсь придумать большее небо,
углубить воду,
рыть под скалами ямы.
Но даже если
горстями бросать
в вышину и на дно морское
воспоминания,
все равно их останется много.

Никогда не могу схоронить их
все до единого.

Фотография

Ночь.
Кромешная ночь
за твоим лицом.
Черная ночь,
вплетясь в твои волосы,
источает шлейф чужих ароматов.

Ночью улицы
состоят на службе у дней,
сегодня кажущихся чужими,
от которых отпил бы немного еще,
не играя. Без правил.
Ночью.

Мне бы надо

Я смотрю на идущий дождь —
и не могу возвратиться.

Осыпаются дни,
как зрелые фрукты.

Как захлопнется дверь —
внезапно —
прислонюсь к стене
и помечу года у себя за плечами.

Семь тысяч

Я хочу найти в себе силы
и удержать тебя
хотя бы на эти мгновения:
семь тысяч секунд —
это два часа или чуточку больше, —
и заставить подумать, насколько дольше
могут длиться семь тысяч дней:
девятнадцать лет или чуточку больше,
сохраненные вскользь
в затуманенных сценах,
в забытых жестах,
в тайных воспоминаниях
и в угасающих взорах…

Арифметика жизни:
лишь ты у меня в остатке,
и сейчас, когда я могу оглянуться назад,
засчитаю себе только время,
когда я любил тебя.

И настанет завтра

Знаю, дни пробегут — мои поезда:
слишком быстро, ночные, по расписанию,
с той лишь разницей, что
дни иначе шумят.

Знаю, я возвращусь,
но не будет тебя.
Те же лица, слова,
те же звуки, огни…
В тех же комнатах,
только пустых — без тебя,
молча стану искать
твоего присутствия.

Пролистаю в обратном порядке дни,
посмотрю, что писала твоя рука
на совместных страницах,
оставшихся чистыми.

Стану звать твой голос,
средь гула чужих
без труда ощущая его отсутствие.
В прежнем ритме
сердце продолжит стучать:
механизмом без жизни.

Вспомню походя
благосклонность судьбы:
мог бы многое сделать
и столько сказать…

Кто-то мысль перебил;
улыбаюсь в ответ,
но как прежде
терзает меня вопрос:
«Что страшнее:
ночь — пустота
или грусть расставания?»

Маленькие огни

Когда ты позволяешь мне
приковать к тебе взгляд,
время, так жаждущее слов любви,
останавливается;
другое же время спохватывается
и бежит, забыв о нежности.

Когда ты над улыбкой
чуть-чуть прикроешь глаза,
ничего не нужно, чтобы понять:
«То же самое время
могло бы и задержаться».

Я бы и не заметил:
мне бы было вовсе не важно,
если б маленькие минуты вечно стояли,
очарованные, как и я,
твоим взглядом смущенным.

Нам хватило б отсчета времени
черствым щелканьем зажигалок;
огоньками: твоей и моей сигаретами.

Глядя издали

То, что ты одинока, как я,
я узнал по глазам,
но не смею спросить тебя, почему
я смотрю лишь на дерзкие волосы,
гладя снимок,
который успел украсть, глядя издали.
И пока я сжимаю свою — увы! —
опустевшую руку.
Растворяясь вдали, исчезаешь —
бесшумно, как тает снег на цветах, —
невзирая на то,
чт*о* оставляешь закрытым снаружи.

IF YOU GO AWAY[1]

Если ты уйдешь, —
а когда-нибудь ты уйдешь, —
будет дождь цыганским,
и я обернусь слепым,
прозревающим
в свете тысячи солнц.

Закричат без слов
безмолвные рты,
станут цветы бесцветными,
беспредметными руки.
Без морей одичают пляжи.
Без тебя промелькнут мои мысли
ничейными тенями.

Много дней безвременья,
как в заключении,
буду жить без воздуха
и в пыли отыщу
химерические следы
твоих явных шагов.
О, бескровные раны отчаяния...

Если ты уйдешь.

Перевод с итальянского Ольги РАВЧЕНКО.

[1]Если ты уйдешь *(англ.)*.

«...Я искренне приветствую и благодарю вас за это»

(Письма Якуба Коласа переводчику Н. Н. Богданову)

В 2012 году завершается издание Собрания сочинений Якуба Коласа в 20 томах, подготовку которого осуществили текстологи Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси. В последних трех (18—20) томах данного издания будут представлены эпистолярное наследие, сведения из автобиографии и дневники народного писателя. Впервые в Собрание сочинений Якуба Коласа включен раздел «Дарственные надписи», а также новые, неизвестные до последнего времени, письма.

В частности, речь идет о письмах Якуба Коласа, адресованных Николаю Николаевичу Богданову (1908—?). На протяжении 1936—1941 гг. Якуб Колас и Николай Богданов неоднократно встречались и вели переписку по поводу перевода на русский язык пьес «Война войне» (1926—1931; 1936; 1938) и «В пущах Полесья» (1938).

Книги Якуба Коласа отдельными изданиями в переводе Н. Богданова вышли: «Война войне» (М., 1937; М.—Л., 1938), «В пущах Полесья» (М., 1938; М.—Л., 1939; М.—Л., 1940).

Переводчик долгое время хранил в своем семейном архиве 26 писем народного писателя, а также автографы стихотворений Якуба Коласа «Радасць» (1937) и «Абранніку Беларускага народа»[1] (1938). В конце мая 1998 г. Н. Н. Богданов прислал эти материалы из Тулы ценной бандеролью на адрес Института литературы им. Янки Купалы АН БССР. В сопроводительном письме он написал:

Уважаемые товарищи!

В 1936—1941 гг. я вел переписку с народным поэтом Белоруссии Якубом Коласом.

В те годы я перевел и издал в издательстве «Искусство» две пьесы Я. Коласа: «Война войне» и «В пущах Полесья».

Сейчас (мне уже 90 лет) эти интересные для меня письма не нужны — скоро умирать.

Но, возможно, они для Вас представят какой-то интерес.

Пересылаю их Вам!

С уважением и пожеланием всем Вам хорошего здоровья, творческих успехов и больших радостей в жизни!

Ваш земляк, минчанин
Богданов Николай Николаевич.
15.05.98 г.

В 2003 г. Институт литературы им. Янки Купалы АН БССР передал письма и автографы стихотворений народного писателя на постоянное хранение в Государственный литературно-мемориальный музей Якуба Коласа (акт № 8 от 15 мая 2003 г.).

[1] В Собрании сочинений Якуба Коласа в 20 томах стихотворение напечатано под названием «Дэпутату беларускага народа» (т. 2, с. 262).

Предлагаемые письма являются важным и авторитетным источником для подготовки «Летописи жизни и творчества Якуба Коласа», расширяют наши представления о творческом сотрудничестве народного писателя с деятелями русской культуры, а также дают возможность познакомиться с его взглядами на некоторые конкретные вопросы художественного перевода.

Письма публикуются впервые.

Клавдия Анатольевна КАЗЫРО,
научный сотрудник Института языка и лит-ры НАНБ.

8

1 IX 1937 г.

Дорогой тов. Богданов!

Сегодня я отправил на Ваше имя свою пьесу „У пущах Полесья," написанную по повести „Дрыгва." Познакомьтесь с ней и пришлите Ваше мнение. В 20-х числах августа я послал Вам письмо. Ответа на него не было. Получили его? Я писал, между прочим, и о высылке мне гонорара по адресу Минск, Академия наук, Конст. Михайл. Мицкевичу (Якубу Коласу). Будет ли основание для высылки денег? Другими словами, будет ли напечатана пьеса? Ваше письмо, в котором Вы сообщаете о задержке пьесы реперткомом, получил.

Всего хорошего. Жду ответа

Я. Колас

№ 1

Уважаемый тов. Богданов!

Еще в Москве говорили мы о пьесе «Война войне». Ввиду того, что я внес ряд изменений в пьесе, я не мог выслать ее Вам. По установлении окончательного текста я пришлю ее Вам. Полагаю, что к первому февраля она уже будет у Вас.

С тов. приветом

Якуб Колас.

Минск, БССР,
Академия наук

5/I 1936 г.

№ 2

Дорогой
тов. Богданов!

Получил Ваше письмо. Большое спасибо. О переводчике у меня дело не вырешено. Вы уж сами организуйте это дело. Я не возражаю против Вас как переводчика. Когда-то меня просил Мозольков[1] (если Вы его знаете — он [в] Гослитиздате) прислать ему текст этой пьесы. В пьесе есть и стихи. Если Вам самим трудно будет с ними, то Вы легко можете договориться с поэтами, например, с Михаилом Голодным или Исаковским[2]. Они не откажутся. Все фотоснимки, какие только раздобуду, я перешлю Вам.

Когда перевод будет сделан, то пришлите мне посмотреть.

Всего лучшего.

Я. Колас.

21.IV.1937 г.

P. S. Против вступительной статьи тоже не возражаю.

ЯК.

№ 3

26 мая 1937 г.

Уважаемый
тов. Богданов!

Как подвигается дело с переводом пьесы? 11 июня в Минске будет происходить съезд нашей белорусской партии большевиков. На этом съезде будет показана пьеса «Война войне». Если располагаете свободным временем, приезжайте посмотреть спектакль.

Посылаю свою фотографию. Материалы для вступительной статьи на этих днях вышлю Городецкому[3].

Всего лучшего.

Якуб Колас.

№ 4

13/VI 1937 г.

Дорогой товарищ!

Ваше письмо получил. Сегодня уезжаю из Минска. Если сегодня не придет Ваш перевод, то я обеспечу его доставку ко мне в деревню. На Ваши условия вполне согласен. Вы возьмите себе круглым числом 300 руб., а мне остальные.

---

[1] Мозольков Евгений Семенович (1909–1969), литературовед, критик, переводчик.

[2] Исаковский Михаил Васильевич (1900–1973), русский поэт, переводчик.

[3] Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1967), русский поэт, переводчик, друг Якуба Коласа.

Перевод постараюсь не задерживать — ведь это не в моих интересах. Сейчас буду работать над пьесой «Дрыгва» («Трясина»). К 1 августа должен вчерне написать. Первый акт написан вчерне. Всего лучшего.

Привет! Я. Колас.

№ 5

Дорогой товарищ!

Получил договора, письмо и Ваш перевод пьесы «Война войне». Я ознакомился с переводом наспех, можно сказать, с высоты птичьего полета. Общее впечатление от перевода осталось хорошее. Правда, в нем много грамматических ошибок, которые допущены при переписке на машинке и которые я не выправлял. Так, например, «Аслав» часто пишется «Аслов».

Некоторые замечания по существу перевода.

1. На странице 1 «*песню об урожае*».

В оригинале «*песню жнiўную*», мне кажется, надо — «*жатвенную песню*», т. е. песню, которую поют при жатве.

2. «*В добрый час да при хорошем порядке» («Як на добры лад»)* не лучше ли «*Если на проверку взять, то они и не нужны»* или иначе *(«Коль вдуматься»)* (4 стр.)

3. «*Вы слышали, народ*» (9 стр.)

«*Вы слышали, мир*»

4. На той же странице «*Чтоб не было горячо (жарко)*

5. «*Но и в милости*»… лишнее «*в*» (10 стр.)

6. «*Не отвернул*» лучше — *не отвратил* (10)

7. «*Недоразумение*» война — *Нелепость* (12 стр.)

8. Алесь говорит: «*Как это страшно*», очевидно — *странно* (13)

9. «*Он вселенной житель*» (21 стр., стихи), может быть, лучше — «*шумит ветер в жите»* или «*ходит ветер в жите*». «*Иль в плену, ворожим…»* Вместо этой строки — «*Грусть так сердце гложет».*

10. *Смеюсь, Артем Иванович* — (*Жартую) Шучу* (23)

11. Изменена фамилия «*Сумятин*» — «*Шумяцкий*».

12. На 73 странице нужно проверить по тексту слова Бухрая «*замутили*» воду. Ведь «*замутнение*» приписывается большевикам.

13. *Хам раскованный* (77 стр.) — надо «*Хам распоясанный или распоясавшийся*».

Я очень занят работой над пьесой. Пишу ее по своей повести «Дрыгва» для II театра. Уже написаны 2 акта и 1/3 третьего. К половине августа я должен пьесу сдать совсем готовую. Это обстоятельство не дает мне возможности отводить время на внимательное чтение перевода. Но в общем повторяю, перевод в целом мне нравится. А Вы еще сами проверьте.

Денег по договору пока не высылайте. Сейчас я на даче в глуши. Потом напишу.

Всего лучшего.

Крепко жму Вашу руку.

Я. Колас.

P. S. Перевод высылаю.

5.VII 1937 г.

№ 6

Дорогой товарищ!

19.VIII я только приехал на короткое время в Минск и получил Ваше письмо. Очень хорошо было бы встретиться с Вами в эти дни. Сейчас я живу еще в деревне. Приехал в Минск специально для того, чтоб[ы] отдать свою новую пьесу переписать на машинке. Основную работу над пьесой я закончил 31 июля.

Восьмого августа читал ее в культпропе ЦК нашей партии. Первая читка прошла с успехом. Читал ее и работникам театра, правда, не полному составу. Завтра, по-видимому, пьеса будет переписана. Я с удовольствием пришлю один экземпляр для Вас. Там не подобраны только соответствующие песни, как польская солдатская песня. Ее просто нужно подыскать готовую, и партизанская песня, текста которой я не успел еще написать. На днях напишу. Пьеса называется «У пушчах Палесся». Она написана по повести «Дрыгва», но старого текста в ней почти нет. Фактически это совсем новая вещь на тему о партизанском движении в Белоруссии во время войны с белополяками.

Если можно, то пришлите к 1 сентября причитающийся мне гонорар за «Войну войне». Адресуйте — Минск, Академия наук, Якубу Коласу — Константину Михайлов. Мицкевичу.

Всего наилучшего —

Я. Колас.

19.VIII 1937 г.

№ 7

1/IX 1937 г.

Дорогой тов. Богданов!

Сегодня я отправил на Ваше имя свою пьесу «У пушчах Палесся», написанную по повести «Дрыгва». Познакомьтесь с ней и пришлите Ваше мнение. В 20-х числах августа я послал Вам письмо. Ответа на него не было. Получили его? Я писал, между прочим, и о высылке мне гонорара по адресу Минск, Академия наук, Конст[антину] Михайл[овичу] Мицкевичу (Якубу Коласу). Будет ли основание для высылки денег? Другими словами, будет ли напечатана пьеса? Ваше письмо, в котором Вы сообщаете о задержке пьесы реперткомом, получил.

Всего хорошего. Жду ответа.

Я. Колас.

№ 8

15/IX 1937 г.

Дорогой
тов. Богданов!

Посылаю Вам новый вариант последней сцены пьесы «У пушчах Палесся». Последние листики текста, начиная с 23 страницы, замените новыми, посылаемыми Вам. Переделку сделал потому, что прежний вариант меня не удовлетворял, работников театра (режиссера) тоже.

О всяком изменении текста — если в этом будет надобность, т. е. если пьеса будет переводиться, — я буду извещать Вас.

Всего лучшего.

Я. Колас.

№ 9

Дорогой
тов. Богданов!

Мысли, которые высказали Вы в своем письме о пьесах «Война войне» и «У пушчах Палесся», я целиком разделяю и очень жалею, что эти мысли, особенно в пьесе «У пушчах Палесся», мной упущены. Мечты о будущем, о жизни в новом строе, за который люди борются, когда-то занимали меня, и я хотел даже специально в каком-либо произведении отразить их. Они очень легко уложились бы и в пьесе «У п[ушчах] Палесся». Нетрудно сделать это и сейчас, но вся моя беда в том, что я очень ограничен временем, несу нагрузки по совершенно иным лини-

ям. Относительно дружбы народов, их совместной борьбы за общее дело я писал театру, которому сдана пьеса, чтоб он подумал об этом и нашел соответствующее хотя бы и не вполне полное отражение. Мне сказали, что в этом отношении кое-что уже сделано. В начале октября предполагаю встретиться с работниками театра в Витебске, и там обсудим это дело более основательно. Кое-что в свободное время я исправляю в пьесе, главным образом иду по линии отсева материала, вернее, текста. Передо мной стоит еще одна задача — увеличить значение и роль Красной Армии. Все поправки я сообщу Вам.

В Московской литературной газете будет дана полоса о белорусской литературе. Туда предполагается дать отрывок из моей пьесы. Я рекомендовал Вас заведующей национальным сектором в газете как переводчика 1-го акта «У пушчах Палесся».

За письмо большое спасибо. При ответе не забудьте сказать слово о высылке гонорара за «Война войне» — я не получал еще.

Всего лучшего.
Крепко жму руку.
Я. Колас.

28/IX 1937 г.

№ 10

Дорогой
тов. Богданов!

Прежде всего сообщите Ваше имя и отчество. Письмо получил. Уже тот факт, что я рекомендовал Вас как переводчика для литературной газеты, свидетельствует о моем согласии на перевод Вами «У пушчах Палесся». Итак, переводите. Сейчас у меня нет еще вполне выправленного текста пьесы. Я вношу изменения, подсокращаю. В уста Мартына Рыля я вкладываю небольшую тираду, где он немножко отдается мечтам, — эта Ваша мысль мне понравилась. 5—6/X был в Витебске на читке пьесы артистами. Мне обещали переписать исправленный текст в половине октября. Я просмотрю его и вышлю Вам в окончательном виде для перевода, который Вы легко сделаете еще в этом году. Я сейчас очень сильно занят побочной работой, а писать есть о чем и желание есть.

Кажется, все в общем, что нужно было сказать Вам.

Крепко жму руку.
Я. Колас.

9/X 1937 г.

№ 11

Дорогой товарищ!

Получил Ваше письмо с приложением списка тем, на которые желательно написать те или иные художественные произведения. К сожалению, у меня сейчас нет свободного времени, чтоб можно было написать на одну хотя бы тему. Есть у меня одно стихотворение, написанное недавно. Оно, пожалуй, подойдет, и я посылаю его Вам. Это стихотворение я послал немного раньше С. Городецкому. Можно с ним поговорить о переводе, если это стихотворение окажется подходящим. Адрес Янки Купалы — Минск, Октябрьская, 36, А. Можно также адресовать и на имя Дома писателя — Минск, Советская, 68, для Янки Купалы.

Пьесу тороплю с перепиской, но пока ее мне не прислали. Несколько дней тому назад получил телеграмму за подписью Рототаева. В телегр[амме] сообщается, что гонорар по договору будет переведен в конце октября.

Пока всего наилучшего.

Жму руку.
Я. Колас.

19/X 1937 г.

№ 12

29/XI 1937 г.

Дорогой
Николай Николаевич!

Получил Ваше сообщение, что текст пьесы «У пушчах Палесся» сейчас в Вашем распоряжении. Конверт в рукопись попал, конечно, случайно. 7 ноября «У пушчах Палесся» шла премьерой. Я присутствовал на постановке. Зритель встречает пьесу очень тепло. Она ставится на сцене Витебска уже не менее как десять раз.

О судьбе своего стихотворения я ничего не знаю. Гонорара за стихи не получал. За пьесу «Война войне» получил все сполна. Когда думаете переводить пьесу и будете ли?

Всего хорошего. Желаю успехов.

Городецкий ничего не пишет мне.

Жму руку.
Я. Колас.

Минск, Академия наук.

№ 13

13/XII 1937 г.
Минск, Академия наук

Дорогой
Николай Николаевич!

Получил Ваше письмо и «Война войне» вместе со сборничком «Стихи для эстрады». Большое спасибо. Я очень бегло просматривал «Война войне». Особых таких замечаний у меня нет. «Стихи для эстрады» — это второй сборничек. Если у Вас найдется в запасе экземпляр первого сборника, то буду весьма благодарен Вам, если Вы пришлете его мне. Я сейчас занят по Академии. Времени для чисто литературной работы почти не остается. Жду, что вскоре немного разгружусь. Хочу писать рассказ для детей.

Всего лучшего. Желаю успеха.

Я. Колас.

№ 14

Дорогой
Николай Николаевич!

Ваше письмо получил сегодня. Спешу ответить. Конечно, Вы сами ведите переговоры с клиентами по разным вопросам, связанным с постановкой пьесы. Относительно гонорара с постановок договаривайтесь сами. Не ставьте высоких процентов. Впрочем, норма эта, кажется, установлена. Никаких претензий в распределении гонорара между нами я предъявлять не буду. Охотно прочту Ваш рассказ для детей, если Вы пришлете его мне, и напишу о своих впечатлениях. Я, к сожалению, никак не удосужусь приступить к работе над рассказом на детскую тему. Сейчас я возглавляю Академию. Жду разгрузки — есть надежда, что скоро дело с руководством Академии будет разрешено положительно. Спектакль «У пушчах Палесся» проходит с успехом. Я видел его последний раз 18/XII. Писал режиссеру о тех недостатках, которые легко устранить. Они идут как по линии постановки, так и по тексту. Писал я эту пьесу в очень короткий срок, месяца 1 ½. Конечно, будь этот срок более длительным, пьеса вышла бы лучше. Сейчас меня занимает вопрос о написании исторической пьесы на белорусском материале из времен крестьянского восстания в Кричеве. Но для этого

нужна большая работа по подбору материала, нужно время, а временем-то я и не располагаю.

Гонорар за свои стихи получил. Спасибо.

Всего лучшего. Жму руку.

Академия наук. Якуб Колас.

27/XII 1937 г.

№ 15

19/I 1938 г.

Дорогой

Николай Николаевич!

Получил сегодня Ваше письмо вместе с Вашим рассказом и сборником стихов. Первым делом, не читая письма, прочел Ваш рассказ. Мне он очень понравился, заинтересовал. Написан легко. Очень хорошо нарисована маленькая Галя. Ее интимная жизнь, детская хитрость, простая и непосредственная, когда она запирается в своем уголке и по-детски разрешает свои интимные вопросы, как-то трогают. Что следовало бы, на мой взгляд, оттенить? Во-первых, надо было бы указать определеннее ту среду, из которой взята Галя. Кто она? Дочь ли рабочего, интеллигента? Проще говоря, следовало бы больше осоветить среду. Затем следовало бы также теплее сблизить ребенка с родителями, что непосредственно вытекает из того большого внимания, которым пользуются наши советские дети. И последнее мое замечание. Надо было бы несколько в ином плане отметить «ложь» взрослых по отношению к детям, иначе это подать, больше развить, что ли, потому что создается неопределенное впечатление, какой именно характер носит эта ложь, которую подмечает зоркий глаз ребенка у взрослых. Финал рассказа прекрасный, простой, естественный, трогательный, глубоко осмысленный.

Ваше намерение — вынести наше белорусское художественное слово на более широкую арену — я искренне приветствую и благодарю Вас за это. Конечно, Вы можете вносить изменения в ситуацию пьесы во время перевода. Некоторые народные поговорки можно заменять соответствующими русскими.

Я все еще занят в Академии, не имею ни своего заместителя, ни начальника. Жил надеждой, что к Новому году немного разгружусь, но пока надежды не оправдались. Приходится возлагать их на январь месяц. Но и январь тоже идет к своему закату. Я не могу по-настоящему заняться своим непосредственным и более свойственным мне делом. Сейчас задумал использовать один небольшой сюжет из старого фольклора для написания сказки в стихах.

Вся сказка построена на вопиющих небылицах. — Пан призывает к себе сказочника. Ставит перед ним тарелку золота и говорит: «Если ты расскажешь такую сказку, где не будет ни слова правды, и я скажу тебе «врешь!», тогда все золото будет твое». На этом построена вся игра. В конце концов сказочник приводит своего слушателя в такое положение, при котором он возмущенно восклицает: «Лжэш, хаме!» А рассказчик получает золото.

Но работать приходится между делом в небольшие короткие промежутки.

Желаю Вам успехов. Если рассказ вам нужен, напишите, я перешлю его Вам.

Всего лучшего

Я. Колас.

№ 16

Дорогой

Николай Николаевич!

Вы выехали из Минска тихонько, не зашли больше ко мне и не позвонили. Должно быть, не располагали свободным временем. Я скоро буду в Москве.

Посылаю два стихотворения. Может быть, подойдут.

Жму руку.

Я. Колас.

3/III 1938 г.

№ 17

Дорогой

Николай Николаевич!

Посылаю несколько фотоснимков, все, что прислал мне театр. Режиссер, который ставил пьесы «Война войне» и «У пушчах Палесся», выразил сожаление, что в изданной пьесе «Война войне» не указано, какой белорусский театр ставил эту пьесу (2-й Белорусский государственный театр в Витебске), кто режиссер (Виктор Андреевич Дарвишев), кто художник (А. Ф. Басулаев), кто писал музыку (М. И. Красев). Он утверждает, что если бы в книге были указаны эти лица, то пьесу взялись бы ставить не два, а десяток театров. В режиссерской среде русских режиссеров имя В. А. Дарвишева известно. Поэтому учтите эти замечания при издании «У пушчах Палесся». Кстати, он рекомендует назвать пьесу просто «Пушчы Палесся». Не знаю, лучше это или нет, но принципиального значения это не имеет. Всего лучшего.

Собираюсь побывать вскоре в Москве. Зайду.

Всего лучшего еще раз.

Я. Колас.

8/III 1938 г.

№ 18

11/IV 1938 г.

Дорогой

Николай Николаевич!

Очень извиняюсь, что не сразу ответил на Ваше письмо. Я не успел еще подобрать соответствующий материал, о котором Вы писали. Если Вас не затруднит, позвоните Городецкому — в моем сборнике стихов, которые переведены на русский язык, очевидно, нужный материал найдется. Я же с[о] своей стороны поищу у себя и на днях вышлю Вам.

Как живете? Что слышно с переводом моей пьесы «В пущах Полесья»? Мне говорили, что в «Искусстве» были помещены отзывы о спектаклях. Я не видел их. Поищу в нашей академической библиотеке. 5.IV съездил в Могилев. Туда переехал 2-й белорусский государственный театр. Свои постановки он открыл пьесой «У пушчах Палесся». Я присутствовал на этом спектакле. Зрители принимают пьесу очень хорошо.

Сейчас занялся переводом Т. Шевченко на белорусский язык. Надо перевести около 2 1/2 тысяч строк. Это займет месяца 3—4. Собираю материал для новой пьесы из исторического прошлого Белоруссии. Материалы, вернее, основа для пьесы очень богатая. Но надо время, чтобы собрать полнее материал и изучить самую эпоху.

Всего лучшего.

Пишите.

Жму руку.

Я. Колас.

Минск, БССР,

Академия наук.

№ 19

Дорогой

Николай Николаевич!

Недавно писал Вам. Посылаю стихотворение «Зямля Савецкая». Если подойдет, дайте перевести. Не знаю, вошло ли оно в мой сборник. Городецкий

сейчас занят. Едва ли он сможет в силу этого сделать перевод. Так уж Вы сами решите это.

Желаю здоровья и успеха.

Жму руку.

Колас.

16/IV 1938 г.

№ 20

28/IV 1938 г.

Дорогой

Николай Николаевич!

Ваши письма получил. Посылаю подписанный договор. В нем исправил адрес: вместо «д. № 1А» поставил № 3. Теперь после новой нумерации домов города мой дом имеет № 3. Обилие картин не будет ли усложнять постановку пьесы? Я, конечно, не возражаю против ввода еще двух картин, лишь бы это положительно отразилось на качестве пьесы в целом. Вообще нужно сказать, что моя повесть «Дрыгва» имеет ту особенность, что она подвергается изменениям со стороны лиц, работающих над ней. Я хочу выразить мысль, что «Дрыгва» перестает быть произведением отдельного автора и в дальнейшем приобретает характер коллективного творчества — в некоторой степени оригинальное явление. Если часто отдельные авторы идут от творчества народа для создания того или иного произведения, то здесь произошел обратный процесс. Это, конечно, хорошо. На «Дрыгву» написана музыка композитором Богатыревым (нашим молодым минским). Говорят, музыка хорошая. Либретто писал работник театра Романович[1]. Он внес очень значительные именения в сравнении с повестью. Сегодня даже назначена комиссия по приему этой оперы. Членом этой комиссии являюсь и я.

О результатах сообщу.

У меня к Вам просьба, дорогой Николай Николаевич. Если Вы будете в Гослитиздате, то зайдите к тов. Мусаэляну и спросите его о сборнике моих стихов, переведенных на русский язык. В Московской литературке как будто было сообщено, что этот сборник вышел из печати. С. Городецкий мне ничего не пишет, хоть он и редактор сборника.

Кстати. Недавно из Гослитиздата был запрос о пьесе «У пушчах Палесся». Я послал № журнала, в котором напечатана пьеса, и предупредил, что эта пьеса переводится Вами и будет издаваться «Искусством». Считаю своим долгом сообщить Вам это. Конечно, сейчас по подписании договора с «Искусством» вопрос о[б] издании Гослитиздатом отпадает.

Напишите по этому поводу мне.

Крепко жму Вашу руку, сердечно поздравляю с первым Маем.

Всего лучшего.

Якуб Колас.

P. S. Если вышлете немного денег по договору, возражать не буду.

ЯК.

№ 21

17/V 1938 г.

Дорогой

Николай Николаевич!

Ваш перевод пьесы я прочел.

Перевод сделан неплохо. У меня есть некоторые замечания. Считаю, что лучше оставить в тексте слово «*войт*» вместо «*староста*». Слово «*войт*» не

[1] Романович Евгений Степанович (1905–1979), белорусский театральный деятель, драматург.

так уж чуждо русскому читателю. Кроме того — войт и староста разные вещи. Предлагаю оставить «*заметь, соседушка*» вместо «*так сказать*». Поговорка «*абяцанка-цацанка, а дурному радость*» может быть передана — «*нашел дурень черепок и радуется*» или «*накормил цыган сивого мерина*». Возможно, что в русском языке есть более близкая поговорка приведенной белорусской, но я ее сейчас не знаю. «*Пся крэў*» может — «*песья кровь*»? На стр. 20 одну фразу опускаю, перенеся ее в другое место (отмечено карандашом)[1*]. «*Волы половые*» лучше — одним словом — «*круторогие*».

23 стр. *Что случилось* — опустить.

24 — *Присяги не брал* — может, *не снял*?

24 стр. *Это сама жизнь говорит* — оставить, как было: проще, естественнее. 27. «*Ты вырвался и удрал, а его забрали*» предлагаю опустить. Нельзя ли опустить также и сцену у околицы? «*Бабушка, собирай меня в дорогу*» (27 стр.), лучше *Бабка*; на стр. 28 предлагаю опустить три последние строчки, начиная словами «*Когда меня вели арестованного…*»

29. *Бог благословит* — лучше — *Бог хранит*.

32. «*Использует временный отдых полезно*» — опустить. 34. «*Я хочу панов поймать» — ловить*.

35. *Вышел он из гущи лесной на участок свой* (у Вас пропуск).

41. «*Бог, заметь, соседушка, не теленок — видит Василя от пеленок*».

43. «*Уважаемый староста*» — лучше — *пан войт*. 44. *Бусыга. Хорошо, достопочтенный пан — Слушаю пана*.

45. «*Ты, уважаемый, поищи в шкафу рюмку, а я в кладовую схожу*» (вместо *чулан*). «*Я заранее говорю, выпить выпью, закусить — закушу. Остальное погожу*». 46. *Сбросил бы шапку — снял бы шапку*. 47. *«По незнанию и моей малограмотности»* заменить официальным — *по несознательности*. «*Многих лет*» (каторги) опустить. 52. «*Отрож[д]ение нашей отчизны — возрождение*». 53. *Отец* (пропуск) — *отец настоятель*. То же на стр. 54.

55. *До точности* (2 раза) — *Превосходно! Превосходно.* Можно даже — *Досконало! Досконало!*

57. Солдат: «*Молодая?»* — предлагаю — «*Молода*». На это Дарвидошка отвечает: «*Ну, конечно. Толстая, как колода*» и дальше.

59. *Панский караульный солдат к ней на двор сватался.* Вместо *сватался — мостился*.

«*От Варшавы до Москвы дорога не близка». Не очень-то близко*.

60. *Пан, я тебе скажу, это такая сволочь* — лучше — *язва*.

«Чем больше с тебя спрашивает — тем для тебя хуже».

64. *Ты не представляешь себе — ты не знаешь*.

Вот те мои небольшие замечания и предложения, какие могу отметить.

Относительно дописанного Вами сверх текста скажу, что оно улучшает пьесу. По этому поводу у меня также есть замечания. Во-первых, я ограничил бы действия Краскина одним ударом древком, а на том месте, где он хочет ударить штыком, показать Шалехина и Букрея, которые не допускают нанести штыковой удар. Кухарик отправляется — когда он приходит в сознание — к доктору, а Краскина Шалехин приказывает арестовать после его разоблачения.

Пьеса вышла очень громоздкой. Поэтому я предлагаю немного повременить. В постановках театра она значительно сокращена, но я не имею этого текста; вчера послал в театр письмо, прошу прислать изменения. Эти изменения главным образом касаются III картины III акта. Он очень громоздок. Также внесено изменение в текст финальной сцены. Все эти изменения значительно улучшают пьесу в целом и сокращают ее. Кроме того, в выступлении Талаша, где он говорит о роли партии, больше места отводится ей. Жибуль немножко затушевывается.

[1*] *Ого! Не зря здесь стоял большевик* — опустить все три предложения. После слов: «*И отправить в тюрьму»* — вставить «*Большевистское гнездо*!».

Это нужно сделать и в переводе. Когда получу все данные, сообщу Вам. 25 мая предполагаю быть в Москве.

Напишите, надо ли переслать Вам текст, который Вы прислали мне.

Всего наилучшего.

Я. Колас.

№ 22

20/V 1938 г.

Дорогой

Николай Николаевич!

Ваши письма и перевод получил. Перевод прочел. Свое заключение о переводе послал заказным письмом. Вы его, очевидно, уже получили. Сегодня же получил письмо от режиссера. Завтра я пошлю ему перевод, чтобы он сделал отметки, — надо установить, что можно сократить в интересах разгрузки. Все изменения в пьесе делались вместе со мной, но я их сейчас не помню. После согласования с режиссером я пришлю Вам, в чем конкретно сделаны изменения.

Всего наилучшего.

Якуб Колас.

№ 23

3/X 1938 г.

Минск, Академия наук

Дорогой

Николай Николаевич!

Это верно, что мы давно уже не переписывались. А Вы хорошо сделали, что вспомнили обо мне и написали. Все лето — два месяца своего отпуска — я работал над переводами Т. Г. Шевченко. Надо было за это время сделать перевод свыше четырех тысяч строк поэзии Т. Г. Перевод сделан. Сейчас и утром и вечером читаю вместе с Купалой переводы «Кобзаря». Не позже 15/X все переводы надо сдать в набор. В таких условиях не приходится говорить о том, над чем я сейчас работаю. Пока не пройдут шевченковские дни, едва ли удастся приступить к какой-либо солидной работе. Надо еще написать доклад о Шевченко. Материалы еще не собраны. Тему доклада я избрал такую: Шевченко в народном творчестве белорусского народа и его влияние на б[елорусскую] худож[ественную] литературу. Тема, конечно, будет сформулирована несколько иначе. Так вот чем я занимаюсь сейчас.

Присылайте перевод «У пушчах Палесся». Прочитаю. Сергей Митрофанович[1] обещал прислать свой перевод «Катерины» Шевченко, но не присылает и не пишет.

Очень хорошо сделали Вы, что побороли свою робость и напечатали рассказ. Действуйте смелее. Желаю успеха.

Всего лучшего.

Я. Колас.

№ 24

13/X 1938 г.

Дорогой

Николай Николаевич!

Пишу лежа. С 5 октября залег в постель. Был грипп. Переходил его. Грипп дал осложнение — нарыв в носу и рожу. Рожа (в которой я сомневаюсь) прошла, а с нарывами никак не могу развязаться. Лежа в постели, читал присланную Вами

---

[1] Городецкий.

книжку «В пущах Полесья». О ней и скажу несколько слов. По существу замечаний у меня нет. В общем, пьеса получилась громоздкая. Но опытный режиссер все же сумеет взять из нее интересный материал для спектакля. В белорусском театре эта пьеса идет в несколько измененном виде. Единственное достоинство этого изменения заключается в том, что выигрывается время. Кухарик в ней вовсе опускается. Гембицкого-Краскина разоблачает, и то скоропалительно, Дарвидошка. Эта идея, пожалуй, не плохая, но само разоблачение надо несколько расширить. Изъята также и дочь Авгини, что спрощает и обедняет образ матери.

II. Мне думается, что нет надобности делать из «*Петраша*» «*Пятряша*». По-моему, следует оставить «*Петраш*».

На 17 стр., где Бусыга рекомендуется Крулевскому «*кандидат в волостные войты*», нужно «*войты*» заменить «*старшины*» — ведь раньше была царская власть.

Стр. 38 — вместо «*мешок*» надо «*сумку*».

Стр. 37 *Мартын: «Идем вместе»*. Не лучше ли изменить: «*А нельзя ли*» через «*не можем*»*?* Последующие слова лучше вовсе опустить. (*Входит дед Талаш и б[аба] Наста.*)

Слова упрека здесь как-то не подходят.

91 стр. Уточнить слова Талаша: Сделаем, т. т. по закону. *Вам, голуби мои, голос народа — закон*.

118. «*И для своего личного дома*» фразу эту тоже надо изменить.

Вот и все мои замечания.

Может быть, имеете какие-либо сведения о «Война войне». Кажись, некоторые театры собирались ее ставить.

Ну, пока всего наилучшего.

Желаю здоровья.

Дня через два-три надеюсь встать с постели.

Жму крепко руку.

Ваш Я. Колас.

№ 25

3/XI 1938 г.

Дорогой

Николай Николаевич!

К сожалению, я не имею на руках последнего постановочного варианта «У пушчах Палесся». 2-й театр сейчас в Витебске. Полагаю, что в скором времени получить оттуда текст пьесы не представляется возможным. Действуйте по своему усмотрению.

Всего лучшего.

Я. Колас.

№ 26

17/VI 1941 г.
Минск

Дорогой

Николай Николаевич!

Простить не могу себе своей рассеянности: я забыл дома Ваше последнее письмо с Вашим адресом. Оно получено было как раз накануне моей поездки в Москву. В Москве я хотел обязательно зайти к Вам, но не вспомнил адреса. Хватился искать в портфеле письмо, а его и не оказалось. В Москву приехал 12.VI, а выехал 15. Я захватил с собой экземпляр поэмы, переписанной на машинке, — 17 глав. Цель моей поездки была — встреча с Городецким. С ним я хотел договориться о переводе поэмы на русский язык. Городецкий уехал в Ленинград,

и таким образом поездка моя оказалась безрезультатной. Написанные 17 глав поэмы я оставил в издательстве художественной литературы. Ее там передадут Мозолькову для ознакомления. Мозольков — работник гослитиздата в секторе белорусской литературы. Кстати, он сам заинтересован этой поэмой и жаждет познакомиться с ней, о чем он писал в своем письме, которое я получил по приезде из Москвы. Он просит также выслать ему и некоторые другие мои книги, которых он достать там не может. Вы меня очень порадовали своим хорошим отзывом о новой моей поэме, которую я хочу закончить в сентябре этого года. Но работать над ней еще много. По плану я должен написать еще 7 глав, так как вся поэма предполагается в 24 гл. Осталось еще 6 с половиной глав. Летом буду над ними работать. Немного переработался. Мне бы нужен был полный отдых, но уж надо закончить поэму, а потом отдыхать.

«Дрыгва» издана без изменений. Она только напечатана более крупным шрифтом, снабжена несколькими художественными иллюстрациями. В 20-х числах июня хочу выехать в деревню для труда и отдыха. В городе часто мешают работать.

Приезжайте в Минск. Дома останется мой старший сын. Он Вам расскажет, как проехать ко мне в деревню. Можно сообщить мне телеграммой о приезде. Поездом доехать в Дом отдыха, а оттуда ко мне 17 километров. Мог бы подыскать машину. Домашний мой адрес:

Минск, Войсковый переулок, 3.

Крепко жму Вашу руку.
Желаю здоровья. Успехов.

Якуб Колас.



ВЯЧЕСЛАВ АДАМЧИК

Письма

Вячеслав Адамчик по праву считается одним из самых ярких представителей белорусской прозы второй половины XX века. Придя в литературу в 50-е годы, он вскоре заявил о себе как о замечательном новеллисте, а потом, на склоне 70-х, когда появилась его «Чужая вотчина» — первый роман из будущей тетралогии, и как о мастере этой крупной литературной формы.

Увы, и самого Вячеслава Адамчика, и многих известных отечественных писателей его поколения уже нет среди нас: Михася Стрельцова, Ивана Чигринова, Бориса Саченко… Что знает об их жизни, о том, как создавались их знаменитые произведения, рядовой читатель, ценитель белорусского художественного слова? Да в общем-то немного: так уж получилось, что жанр воспоминаний среди пишущей братии сегодня не в почете, в чем редакция «Нёмана» убеждалась много раз, предлагая своим постоянным авторам написать об ушедших коллегах. Поэтому так ценно все, что связано с жизнью и творчеством знаменитых писателей: письма, черновые наброски их произведений…

Письма Вячеслава Адамчика, которые мы сегодня публикуем, добавляют несколько любопытных штрихов к портрету этого самобытного писателя и незаурядной личности, и надеемся, будут интересны всем почитателям его творчества.

1963 год

Письма написаны в Москве, где отец в это время учился на двухгодичных высших курсах Литературного института. Адресованы они жене — Нине Владимировне Глобус и мне — сыну Володе[1].

* * *

Ниночка, день добрый, голубка.

Благодарю за писемцо. Оно для меня — целая и большая радость. Немножко огорчает эта весть, что Володю обижает тот рыжий бандит.

Ниночка, я не педагог, мне трудно здесь посоветовать, но как отец хочу научить Володю, чтобы он умел давать (сдачи). Без этого нигде он не обойдется. Мне кажется, мы и так научили его быть покорным и спокойным.

Я вот знаю по себе, что не научившись сызмальства отваге, до сегодняшних дней ношу над собой этот гнет трусости, нерешительности. Вот почему даже мало пишу. А теперь переломить свой характер тяжело.

Учи, Ниночка, нашего Володьку быть искренним, добрым, но чтобы и рос он все же храбрым. Он же мужчина, он же должен собраться, наконец, с силами и выдрать, если нужно, всякого Васю.

Извини, хорошая моя, за такой совет, потому что другого не знаю. А сынок наш растет все же слишком застенчивым. Надо и на это как-то смотреть. Лишняя стеснительность тоже вредит.

---

[1]Комментарии Адама Глобуса (литературный псевдоним Владимира Адамчика).

Наверное, слишком смешной кажется тебе моя педагогическая наука. Но ведь в ней есть доля, и немалая, правды.

Как у вас с физкультурой? Как насчет той давней (твоей) мысли, чтобы Володя ходил в кружок по фигурному катанию[1]?

Он, конечно, имел бы большую пользу для своего здоровья.

Лыжи я привезу ему, обязательно[2]. Какие только покупать? Поинтересуйся, напиши.

А как, Ниночка, ты себя чувствуешь? Делаешь ли те свои упражнения? Надо и тебе, наконец, подумать о лыжах. А то прилипла к креслу в библиотеке и свежего воздуха не видишь, вернее, не пьешь его. Там же у вас пыль, там же у вас, как говорят, «вредное предприятие».

Надо нам с тобой все же купить лыжи, хотя одни на двоих. Наконец-таки я вспомнил то, что говорил Брыль: нужно заниматься физкультурой, не нужно гнуться, прятать голову в воротник (в прямом и переносном смысле).

Но всех благ вам, мои любые!

Ваш папа Слава.

18. XI.63
Москва

* * *

Добрый, мои любые!

Я тревожился все эти дни, что нет из дома письма, что я ничего не знаю, как поживает Володя. Сегодня — долгожданное письмо. Благодарю вас за него, за те рисуночки, которые прислал мне сынок.

Пусть он крепнет, поправляется. Зимой мы будем ходить с ним на лыжах. Я куплю ему лыжи. Буду ехать домой и куплю. Только пусть он больше не простужается, пусть бережет себя — он же у нас такой большой. Он уже много чего знает и многое понимает. Ну, поправляйся, не болей, сынок.

Ниночка, деньги для меня одалживать не надо — как-нибудь перебьюсь, а если что — то выручат ребята. Жаль, что все 50 рублей ты отдала маме. Мы долги вернули бы в январе. Но хорошо! Сколько еще мы должны за холодильник? Я, впрочем, знаю, почему ты торопилась, я тебя понимаю — здесь много причин.

Я чувствую вину и перед тобой, и перед Адою[3], но комбинезон не купил, потому одалживать столько денег я не хотел, да тут не очень у кого и возьмешь взаймы, разве у Санди[4], но ему как раз сейчас нужны деньги. Да у него еще долги летние — он взял 200 рублей для матери[5]. Там у них дома — плохо. Мать его продала даже гумно, как сестра замуж выходила. Вот почему я, зная все это, не хотел на него наседать.

Мы тут с ним вместе, и мне немного веселее. Впрочем, Ниночка, мы — не такие большие разбойники, чтобы натворить что-нибудь плохое. Так что не тревожься и не бойся. Водки я не пью. Водка губит, особенно в одиночестве. Многих здесь наших она и загубила. Есть тут у нас и хорошие, и искренние, и веселые ребята. Я тебе писал, кажется, что близкий для меня здесь человек — Муса Гали[6] — башкирский поэт — очень славный парень, чем-то похож на Короткевича, даже сутулостью и лицом, даже жестами и смехом. Интеллигент. Правда, меня он намного старше, на 10 лет. Он прошел войну. Видел жизнь. Объездил полмира. Есть здесь, правда, люди и второго типа — чисто крупеньковского[7], слюнявые, глупые и большие пьяницы. Но бог с ними.

---

[1]Фигурным катанием, акробатикой и хореографией я и действительно занимался, но позже, в 1965 и 1966 годах.

[2]Лыжи мне папа купил. Мы ходили на лыжах в минском парке Челюскинцев.

[3]Ада Печка — подруга мамы, с которой они вместе ходили в школу.

[4]Александр Адамчик — папин двоюродный брат, который учился в Москве на офицера.

[5]Хата матери Санди Адамчика стояла в деревне Ворокомщина рядом с хатой моего деда Владимира Адамчика.

[6]Муса Гали (1923—2004) — башкирский поэт.

[7]Евгений Крупенька — белорусский писатель, с которым наша семья жила в одной квартире. Мы жили в проходной комнате. Крупенька сильно выпивал. Жизнь с таким соседом в коммуналке была тяжелой.

Ниночка, скоро буду дома. Осталось каких 20 дней. Буду вместе с вами. Буду вас целовать, обнимать, буду вам говорить искренние, добрые слова. На ушко. Под головой у тебя будет моя рука. И щечку твою буду чувствовать — тепленькую, мягкую. И по головке тебя поглажу — по волосикам твоим приятно гладеньким — они всегда шелковисто-нежные, когда ты помоешься, — и за подбородок тебя укушу. Ну, не горюйте, не грустите, мои хорошие, мои родные.

Поправляйтесь, набирайтесь сил! Чтобы были здоровыми, чтобы были веселыми, как я приеду. Будьте мужественными, мужчинами, как я вам говорил. Помните?

Когда-то хорошо писал мой земляк Валентин Тавлай[1] — человек, который познал много горя, но не прогибался ни перед чем тяжелым, человек, который прожил короткую — метко заметил Брыль, — но яркую, как блеск молнии, жизнь. Так вот что он писал:

Ніякі чорт нам душ не растаптаў,
І мы на рынак вершаў не насілі.

Ниночка, в Москве снежок, тихий морозец, тихий, не суровый зимний день. На свете хорошо. Хорошо, что где-то есть у меня ты. Что есть наш сынок. Что мы втроем. Какое-то маленькое государство и большое. Ну, конечно, без царей и престолов. Будем же его крепить, оберегать! Но не будем насупленными.

Желаю вам радости.
Слава.
5.XII.63

Кстати, получил письмо от Яна[2]. За несколько дней перед этим — от Славы[3]. Новостей у них нет. Живут, работают.

Из Мурманска — интересно — в Москву письмо идет столько, сколько и из Минска. На штампах 3—5. Почему же от меня письма идут так долго?

И заодно, что слышно о моей рецензии? Напечатали или нет? Черт их подери!

Завтра позвоню.

Ага! Получила ли мама ботинки?

20.XII.63
Москва.

1964 год

* * *

Ниночка, день добрый, моя голубка!

Получил твое, немножко неспокойное, раздраженное письмо. Но я его так долго ждал, и оно для меня все равно хорошая радость.

Сегодня воскресенье. Сейчас уже третий час дня. Утром сижу над рассказом: пишу и черкаю. Исписал вторую тетрадь, а конца не видно. Не очень оно мне дается, но надеюсь, что через дня два-три будет готово. Останется только переписать. Пишу неспокойно, как и всегда. А нужно быть холодным и трезвым, помню, советовал Чехов. Кажется, и не пью, а какой-то «взвинченный». Сколько собираюсь и не могу никак отдаться на волю судьбы. Дрожу над каждой строкой.

Говорил ли тебе что Стрельцов, а именно, что я просил его и Юревича[4] снять тот паскудный фотоснимок? Что должен быть подарен «прыложением» к рассказу «Белый снег»? Печатают какое-то издевательство надо мной.

Вчера был у Санди. Заходили с ним к одной его знакомой барышне. Горе, как живут еще люди в Москве. В какой-то разваленной церкви, в темени, в смраде. И

[1]Валентин Тавлай (1914, Барановичи — 1947, Минск) — поэт, борец за объединение Западной и Восточной Беларуси.

[2]Ян (Иван) Адамчик — младший брат папы.

[3]Савва (Слава, Вячеслав) Адамчик — младший брат папы. Мой дед назвал старшего сына Чэсь (Чеслав), а поп записал его Вячеславом. Второго сына назвали Савва (Савелий), а поп записал его Вячеславом. Так и жили дальше два брата, два Вячеслава Владимировича Адамчика. Третьего сына мой дед назвал Яном, но поп продолжал свою русификацию и записал его Иваном.

[4]Юревич — тогдашний сотрудник журнала «Маладосць».

это у самого Кремля, там около Санди. Походил с ними вместе по городу. Рассказывал им о Володе. Санди даже удивился, что у меня такой большой сын — 6 лет. Удивлялся он, конечно, другому, быстро бежит время. Он же меня помнит самого малым, хотя и старше себя.

Перед этим, днем шлялся Изм-е. Ботинок для Володи не нашел. Ботинки, кстати, есть, но не то. Он же просил меня купить ему на день рождения ботинки. Я, правда, немножко растерялся с размером — 27-й не малые?

Нинаша, на меня не сердись, денег не отсылай, я тебе и так мало послал. Неизвестно, будет ли мое письмо 29 в Минске, видимо, опоздает.

Поздравляю Володьку с его шестью большими годами, обнимаю, крепко и ласково целую и жму его мужскую руку. Его папа Слава.

И тебя обнимаю искренне и целую в глазки.

Я же с тебя все женские образы списываю, так что вижу перед собой часто.

Володе посылаю открытку, которую подписал первый летчик-испытатель российский.

Поклон Рене. Как там у нее учеба?

Когда уехал Антон[1], заезжал ли к нам в Минск?

27.IX.64
Москва.

* * *

Ниночка, день добрый, моя дорогая!

Вчера получил «извещение» на посылку — смотрю, незнакомый почерк. А сегодня вижу, и посылка подписана не твоею рукой, хотя и твоя фамилия стоит. Ты что, была в Дзержинске или это мне Кисели прислали? Кстати, я так и не послал им чулки. 25 пошлю обязательно. Деньги берег, чтобы купить себе шапку. Летнюю не буду, может, пришлешь мне кепку, потому что я раз искал по магазинам и нигде не нашел. А если где и найду, то не очень летнюю.

Как ты живешь, моя родная, я стал тебе немножко реже писать, занялся рассказом, переписываю я час от часу, так как лекции и всякая другая мелочь, как сегодня встреча с Симоновым, незаметно изо дня в день занимают время. Я, пожалуй, нигде не бываю. Только раз сходил в кино — смотрел «Зорге».

Вот несколько дней, как открылась немецкая выставка, а я так и не был на ней.

Что делаешь ты — сидишь в библиотеке, организуешь вечера, занята домашней работой? Как учится Реня? Нравится ли ей вообще университет, какая разница со школой? Кто в них читает лекции?

Как живут Стрельцовы? Ко мне тут случайно попал 9-й номер «Маладосці», где напечатаны лирические «Сны» о каких-то девушках и обида на жену, что «натаскала в одеяло различных подставок», тумбаган сервантов, и полетели потырч носом его сладкие мечты о «ночлеге в копне сена». Я цитирую эту мелочь, вспомнив то, что сегодня говорил Симонов, что он не дает оснований, чтобы тыкали пальцем в прототипов, а у него, кстати, в романах их много, и много автобиографического, особенно с первых дней войны, особенно в «Живых и мертвых».

Рассказ у Миши вышел слишком сентиментальным и даже с налетом фельетона. Но бог с ним. Не лучшим, может, будет и мой, ибо я его все строгаю и глажу, пока из целого дерева не выйдет соломинка — тонкая, хрупкая, и никто ее не увидит.

Как Володя? Чего он так распустился? Я, правда, и не хочу, чтобы он вырос, как я, — и ни с кем не подрался, никому не расквасил нос, а все таўклі его. И пусть растет веселее — зачем быть немногословным и угрюмым. Кто живет веселее, говорят, живет умнее, может, это и не всегда так, но веселая черта в человеке — самая хорошая. Вот тебе, дорогая, вся моя педагогика. Принимай ее или не принимай, а я так думаю.

---

[1]Антон Кисель — мой дядя, сводный брат матери.

Целую Володю и тебя, и люблю вас, и не обижайтесь на меня, что я немножко отбился от дома, но это ненадолго, да здесь, далеко от вас, я убедился еще раз, что вы — целая моя жизнь, что вы — это я.

Ваш Слава, твой.

9.X.64
Москва

* * *

15.X.64
Москва

Добрый день, моя голубка!

Ты была пчелкой, а стала оскою. Почему? Ведь у тебя никак не оторвется жало, и ты меня все жалишь. От такой дозы я сейчас кричма закричу.

А теперь насчет смеха. Первое, мою аннотацию кто-то отредактировал, не «дед» ли часом, приписав этот самый «белопольский режим»; второе, никакой повести я не планировал, а, насколько помню, написал, что это будет своеобразное повествование или очерк о моей деревне; третье, кстати, в издательской литературной практике существует это самое «вперед», даже знаю, что дет. редакция нашего издательства составляет план на 67—68 годы, по заявкам.

Дело не в плане, а в том, что я человек нетрудолюбивый. Но очерк о своей деревне я все же напишу. Вот как. Ниночка, и чего сердиться, разве злостью поможешь?

А теперь о том, что мы должны сделать с тобой конкретно.

Я тебе выслал рассказ, не знаю и никак не могу оценить его — хороший или плохой. Скажу только одно — приелся. Жевал его, как американскую резинку, — и поначалу он был сладкий, а потом что-то непонятно тягучее и без вкуса. Конечно, это не тот добрый хлеб, который я должен был испечь, так как хлеб, если его жуешь, делается вкуснее, а это наоборот.

Но наша работа не должна пропасть даром: рассказ, если согласится, пусть перепечатает Майя[1], и ты в случае чего поможешь ей разобрать почерк. Перепечатай опять, если это возможно, в 4-х экземплярах.

Взяв один из них, сделай вот что: передай Вале Матуковской[2] — это тебе будет легче и удобнее, — и скажи, пусть она передаст его Матуковскому, — может, одобрит для радио; на всякий крайний я соглашаюсь. Впрочем, на этом мы ничего не теряем.

Второй с более четким и ясным шрифтом, надо, наверное, отдать в «Маладосць», хотя я обещал полымянцам, но боюсь, что начнут крутить хвостом, а у меня где-то еще не зацементировался фундамент — или проще — не могу оценить этот рассказ, определить его качество.

Или, может, в «ЛіМ», но для газеты, кажется, великоват.

Словом, смотри сама — хороший или нет, и посоветуй, что с ним делать. Или делай сама: отдай Махначу, если в «ЛіМ», а нет — пошли в «Маладосць» (ведь Стрельцов в Королищевичах, как написал мне сам), адрес: Минск, улица Карла Маркса, 40, редакция журнала «Маладосць», отдел прозы.

(*Надпись на полях: Не сократить вечеринку? Повторяю себя и других.*)

Новости из Москвы: рукавиц вязаных шерстяных не видел, вот таких, кажется, как ты когда-то искала: (*рисунок рукавицы*); видел такие: (*рисунок перчатки*) — дорогие, 4 рубля или дороже, не решался брать.

На резиновые сапоги никак не нарвусь, приду в ЦУМ, говорят, продали, были, но продали. Валенки ищу — тоже нет. Наткнулся на шерстяные чулки типа «Тайга», не наши, безразмерные, чудак, не взял для тебя.

---

[1]Майя Махнач (Климкович) — жена драматурга Александра Махнача, дочь поэта Михаила Климковича, мать писателя Максима Климковича. Наша соседка по лестничной площадке.

[2]Валентина Матуковская — жена драматурга Николая Матуковского.

Но всеми конвертами я займусь где-то после 25-го, когда получу стипендию и гонорар. Отдаю на это полные 2 дня, хотя и творческие, понедельник и вторник. Присылай список, что нужно купить, чтобы было все одним ходом. Прежде, конечно, отдадим долги, а там посоветуемся, что покупать. Целую тебя, Ниночка, искренне и сильно — миллион раз, и искренне люблю, и не сердись ты, пожалуйста, на меня. Что с тобой, моя дорогая? Чего ты этакая неприступная? Напиши мне откровенно. И Володю целую. Ниночка, это Рене... (*далее неразборчиво)*

Твой Слава.

* * *

16.XII.64

Ниночка, добрый день!

28 декабря собираюсь домой. Утром сдаю последний экзамен — русскую литературу XX века, — а вечером покупаю билет и сажусь на минский поезд. Каникулы полтора месяца, до 10 февраля. Эти две недели придется прозябать на ВЛК[1] от восхода до захода солнца: днем — лекции, вечером — зачеты и экзамены. Правда, за учебники еще не брался. Хочу написать маленькое сочинение... и снова о своем детстве. Выходит что-то наподобие «Молния сжигает рожь». И снова — школа, только в первый год после войны. Бедность, но рядом с нею детство, а детство, как и каждое, всегда светлое. И первое понимание всего окружающего, и первое отношение к людям. И вот среди обычных людей, обычных с лица, обычно одетых — красивая учительница, строгая, не такая, как все, и наряднее всех. И у ученика первое, но уже немножко не детское отношение к ней.

И рассказ будет называться где-то наподобие «Пани Веражинская». Одним словом, название классическое. И рассказ, разумеется, должен тянуть на классику. Но увидим.

Ниночка, валенки не послал, может, привезу. Правда, меня уже отчитывала уборщица — зачем покупал белые, зачем в магазине. Надо было своей работы и черные. А я так думаю — все равно и эти 10 рублей растратил бы до стипендии и ничего не имел бы, а так Володе будет обувь. Вот.

Позавчера пришло из издательства письмо. Мартинович[2] говорит, что есть несколько замечаний, но говорит и другое, что книгу надо издать. Спасибо ему и за это: на лето нам как раз нужны деньги.

Ниночка, ты, видно, чувствуешь себя плохо — злишься и мне не пишешь. Но я все равно тебя люблю и целую в холодный носик — твой Слава.

* * *

17.12.64

Моя голубка!

Получила ли ты две мои посылки: костюмчик и пижаму? Пижаму я, может, и не покупал бы, но подумал, что уже вряд ли попаду на такую красивую — и решился. Кстати, та у Володи, маленькая, изношена, да и порвана, а скоро зима — надо. Да и некрасиво ему ходить в сутане. Пижама мужская, и он, как настоящий мужчина, будет носить ее с гордостью. Это ему, скажи, подарки ко дню рождения. И должен я ему еще медаль, аквариум и ботинки, но это уже из стипендии.

Извини, дорогусенькая, тебе не купил ничего. Может, позже, если найдутся деньги. Если продам этот последний, что пишу, рассказ. А он немного тяжеловат — и опять же та сцена, когда мальчик приходит в дом, когда он говорит, что пришел к отцу. Эту сцену я давно прошел, но думаю еще раз вернуться, когда закончу произведение, когда услышу, как звучит это место в общем аккорде рассказа. Дальше все идет легче и быстрее. Как ты, Ниночка, например, реагировала бы на подобный факт? Напиши несколько слов. Представь себе и напиши. Рассказ, как и обещал Саченко, через 3 недели пришел в «Полымя». Корректуру из «Маладосці» получил, все хорошо, не исправлял, хотя шелухи много на нем, просил

[1]ВЛК — высшие литературные курсы.

[2]Аркадий Мартинович — редактор из издательства.

только снять некрасивую фотографию. Если Юревич не послушает — враг на всю жизнь. Это уже будет наглое неуважение ко мне. Вот и все у меня, моя дорогая и единственная. Я здесь каждую ночь обнимаю одну мягкую, с круглыми формами, женщину — подушку, как наш Володька. Моя дорогая Нинаша, как все же мало мы были за эти 7 лет вместе, близко. Всё обстоятельства. Моя хорошая — Слава, твой.

1968 год

Эти письма написаны из Ялты, где папа отдыхал. Письма пришли на наш новый адрес: «Минск. Опанского 68-44».

* * *

Ниночка, любимая, день добрый!

Скучно без тебя... Одному можно ездить только в Королищевичи[1] и не далее, и никогда ни на какой «пляж», где делается бог знает что. Противно, гадко смотреть на эту «свободу», которую человек получил, оставив дома жену, или наоборот, — жена мужа. Один хохол, посмотрев на все это, смеясь, мне сказал: «Оце держи жену под кроватью. Ехать сюда даже с ней боязно. Один приедешь — один грех будет, двое — два».

А как ты, Ниночка, живешь? Приехав домой, я начну думать, не «золотой» ли и ваш лагерь. После Крыма — женщинам я не верю. Все они... и все начинается с них.

Но извини за всю мерзость, которую написал, — это от злости. Нет у меня доброты, я не хочу прощать людям грех. Правда, за такой грех, когда 40-летняя ходит с 20-летним, или 50-летний с 18 лет, — распять надо.

Ниночка, как Мирик? Понравился ли ему костюм? И сфотографировались ли вы? Как ведет себя Володя? В его характере наступил некий перелом. С ним нужно обращаться мягче, откровеннее[2].

Когда заканчивается твоя смена? Поедешь ты на вторую или нет? Где будут Мирик и Володя?

Приеду домой 28, в 17 с чем-то буду в аэропорту.

Обнимаю тебя и искренне-искренне целую, люблю — Слава.

20.VI.68

* * *

Это письмо папа написал мне из Ялты, но не посылал его в конверте. Письмо так и осталось не переписанным черновиком, но он сохранился у матери.

По возвращении из Ялты папа мне прочитал это письмо, у нас состоялась долгая беседа о моем плохом поведении и драках в школе.

Здравствуй, сын!

Чтобы не начинать разговор дома, кстати, у меня пройдет жар (гарачка), и я не скажу всего, что думаю сейчас, я вынужден выговориться в письме. Имею в виду твое поведение в школе, о котором узнал из маминого письма.

Первое, ты должен быть далек от таких людей, как этот Миша[3]. Не только не драться с ним, а даже и не смотреть в его сторону. У тебя свой интерес, и твое преимущество над ним должно быть не в кулаках, а в уме.

Расскажу о себе. Рос я, если вспомнить некрасовские строки, «в неведомой глуши, в деревне полудикой». Там дрались также, бились дико, ножами, мои сверстники ходили, натянув на левый глаз кепку, гордились своим кавалерством, пили водку, бегали за девками, курили с десяти, женились с 17 лет и надо мной гордели-

---

[1]Королищевичи — дом творчества писателей, находившийся под Минском в бывшей даче Якуба Коласа.

[2]Мое плохое поведение следовало из перехода в новую школу, где я учился в третью смену с 16—15, а в моем классе было более 50 человек. Ученики сидели не по двое, а по трое за партой. Строители сдали жилые дома в микрорайоне, а школу достроить не успели.

[3]Миша Меньшаков — мой одноклассник с 3-го по 5 класс.

во посмеивались. Но вместе с тем их разбирала зависть, и они чувствовали передо мной свою никчемность. Я их никогда не трогал. Тем более не дрался с ними. Кстати, и они никогда не цеплялись ко мне. Конечно, у нас было нечто общее — 17 лет, молодых лет. Но нас делила Китайская стена. Я знал и понимал их, понимал, что им легче и веселее, чем мне, — им ближе к своей радости, к своему счастью, мне — труднее. Я был один. Но я имел свой идеал красоты, человеческого счастья, человеческих отношений к жизни, ко всему, что делалось вокруг меня. Душа моя рвалась к высшему на свете. Всему чистому учили меня книги: любить...

Я не упрекал их — я знал, что Бог им не дал познать книг. И не они, мои ровесники, были виноваты в этом — война, философия <…> (*неразборчиво*) веками человека — зачем учиться, все равно по одной дороге будем ходить. Оставили на той границе знаний, с которой видно только свое поле, деревня, заработанный грош, который так легко сосчитать, зная четыре арифметических действия, поскольку грош этот был, кстати, невелик.

Идеал человека всегда соответствует тому уровню, на который он поднялся, тем знаниям, которые он познал.

Меня учили книги. До многого я доходил сам... Лет в 15 или 16 передо мной уже расстилалась своя дорога — бороться за свой народ, край, его язык. Я должен был помочь <…> (*неразборчиво*).

Я писал стихи... Каждый вечер перед сном сочинял в уме. С того времени, может, и приучил себя вечером не спать. Я собирался быть не только поэтом, но и революционером. И что меня ни постигнет — я должен добиться своего. Только я должен учиться, только знания помогут мне. И я должен знать все, что касается своего народа, его силу и его слабость, его борцов и его врагов.

Но поделиться мне было не с кем — вечерняя школа, люди старше, чем я, равнодушные учителя — и свою рану, забинтованную тоской злости и обидой, я носил глубоко на дне своей души. Ее гасили книги. Томик Купалы. Многие строки обнадеживали меня и пробуждали во мне радость. Книги А. Навины[1], А. Станкевича[2] (которые я нашел у дяди на чердаке). Из книг и начал выбирать то, что было нужно мне. Я научился не принимать всего...

Кстати, у меня и не было книг.

Думая о своем подростковом возрасте, оглядываясь назад, могу твердо сказать, что человек выбирает дорогу — не в 25, а где-то в 15, до 25 им уже много пройдено на этой дороге. Кстати, если ты вспомнишь, что все лучшее, что сделало человечество — от больших научных открытий до шедевров музыки, другого искусства, — оно сделало в молодые годы. Это делал свежий, бунтарский, молодой, здравый ум. Моим идеалом и были эти люди...

Но это была тайна. Делиться ею с моими сверстниками я не мог, биться за нее со сверстниками было бы смешно — тайна открывается тому, кто дорос до нее.

Но будь здоров.

Всего тебе наилучшего —

Твой папа.

Публикация Владимира АДАМЧИКА.
Перевод с белорусского Александра МАЛИНОВСКОГО.

---

[1]Антон Навина — Антон Луцкевич, инициатор провозглашения Белорусской Народной Республики.

[2]Адам Станкевич (1891, деревня Орлянка в Беларуси — 1949, деревня Шевченко в Иркутской области России) — белорусский ксендз.

Рукотворные памятники Лангбарда



Фото Иосифа Лангбарда с автографом (30-е годы).

В своей книге «То, что помнится…» известный белорусский скульптор Заир Азгур вспоминал об архитекторе Лангбарде:

«…В тот вечер мы о многом говорили. Вспоминали, как строили Дом правительства в 1933 году… Вспоминали тех, кто строил это здание, но кого уже не было в живых.

— А Дом правительства стоит! Нас с вами не станет. А вот архитектура, которая заняла такую огромную площадь в Минске, останется стоять в веках…

— Вы правы, — сказал Иосиф Григорьевич. — Что такое архитектор? Если он еще плюс к тому строитель и как инженер понимает, что нужно делать, — это работник, который высчитывает полезность и удобство, а высчитав, сооружает здание. Но называется он архитектором потому, что преследует одну из главных проблем человеческой культуры — красоту…»

Один из основателей советской архитектуры Белоруссии Иосиф Григорьевич Лангбард родился 18 января 1882 года в городе Бельске Гродненской губернии.

Блестяще завершив учебу в гимназии, девятнадцатилетний Иосиф навсегда покидает родной город. Он приезжает в Одессу и поступает в художественное училище. Через год после его окончания, в 1907 году, Лангбард приехал в Санкт-Петербург. Вскоре он поступил на архитектурный факультет Петербургской Академии художеств. Учителем Иосифа стал профессор этой Академии Александр Померанцев — будущий автор проекта современного здания ГУМа в Москве.

В 1914 году Лангбард окончил Петербургскую Академию художеств. Его дипломный проект, выполненный под руководством профессора Померанцева, носил название «Здание Государственного Совета». Иосифу Григорьевичу присваивается звание архитектора-художника.

Когда началась Первая мировая война, Лангбард был назначен начальником инженерного отряда и руководил военным строительством на фронте и в тылу. После выхода России из войны весной 1918 года он стал производителем работ в строительной конторе отдела здравоохранения Петрограда.

В начале 1930-х годов Лангбард получил задание на проектирование зданий различного назначения в Белоруссии и Украине. Это стало поворотным пунктом

в его биографии. Именно тридцатые годы XX века стали самыми плодотворными в творчестве Иосифа Григорьевича. Именно тогда на белорусской земле были созданы творения, которые увековечили имя талантливого архитектора.

Мало кому известно, что сначала после приезда в Минск по поручению Совнаркома БССР Лангбард руководил проектированием и строительством Всебелорусской сельскохозяйственной и промышленной выставки в столице Белоруссии. Для строительства этого объекта был выделен участок в пределах нынешних улиц Калинина, Кедышко, Волгоградской и проспекта Независимости. Общая площадь его территории — 75 гектаров. В короткий срок на тогдашней окраине Минска было возведено более 40 павильонов. Почти все они были выполнены из дерева и пострадали от пожаров и разрушений города в годы войны.

Талант приезжего архитектора не остался незамеченным, и Иосифа Лангбарда приглашают участвовать в разработке проекта застройки центра столицы БССР. Проект Иосифа Лангбарда был отобран на Всесоюзном конкурсе, который проходил в 1929 году.

Когда Янка Купала увидел макеты трех предложенных архитектором зданий — Дома правительства, Театра оперы и балета и Дома Красной Армии, то воскликнул: «А летуценны хлопец гэты Лангбард!»

Местом для возведения Дома правительства специальная комиссия выбрала участок «по Советской улице, начиная с Новомосковской и кончая улицей Берсона». Пришлось сносить множество деревянных строений, хаотически загромождавших весь район. Стройка продолжалась четыре года: с 1930-го по 1934-й.

Дом правительства в Минске стал одним из лучших проектов Иосифа Григорьевича. Это здание так и осталось самой крупной в Белоруссии постройкой гражданской архитектуры довоенного времени. Его объем равен 220 тысячам кубических метров.

Архитектурный ансамбль Дома правительства трудно представить без памятника В. И. Ленину. Он расположен в центре площади, которую создают крылья Дома правительства. Интересно, что Лангбард сам предложил возвести этот памятник и разработал его вместе с ленинградским скульптором Матвеем Манизером. В 1931 году проект памятника Ленину был выставлен на Всесоюзном конкурсе, и через некоторое время именно его отобрали для установки на площади.

Дом правительства является значительным достижением в области синтеза архитектуры и монументального искусства, оказавшего влияние на развитие не только белорусской, но и всей советской архитектуры и монументально-декоративного искусства.

За большие заслуги в проектировании, руководстве строительством и художественном оформлении Дома правительства Совнарком БССР в феврале 1934 года присвоил Иосифу Лангбарду почетное звание «Заслуженный деятель искусств БССР».

Через год — в 1935 году — Иосифу Григорьевичу дали новое, уже секретное задание — разработать проект Дома Советов в Могилеве. Дело в том, что в то время столица Белоруссии — Минск — фактически был пограничным городом, а расположенные в непосредственной близости от него населенные пункты Заславль (на севере) и Негорелое (на западе) — пограничными поселками. После прихода нацистов к власти в Германии нависла серьезная угроза нападения вермахта на СССР, и после возможного захвата им Польши столица БССР могла оказаться в пределах обстрела тяжелой артиллерией врага. Именно поэтому правительство приняло в 1938 году постановление о переносе столицы из Минска в Могилев.

По проекту Лангбарда в 1937—1939 годах в центральной части Могилева и был построен Дом Советов для руководящих органов республики. Здание очень напоминало Дом правительства в Минске, но было меньше по размеру с использованием уже накопленного Иосифом Григорьевичем опыта. Оно вошло в архитектурный ансамбль площади Ленина и явилось его доминантой. Как и Дом

правительства в Минске, Дом Советов в Могилеве заложил основы современной реконструкции города.

В 1935—1937 годах в Минске на вымощенной булыжником Троицкой площади (теперь площадь Парижской Коммуны) на месте крупнейшего в городе Троицкого базара по проекту Иосифа Лангбарда был построен Театр оперы и балета.

Малоизвестный факт приводит белорусский исследователь Феликс Маркевич:

«Здание театра было заложено еще в 1933 году. Первоначально архитектор получил задание спроектировать универсальное здание, в котором будут механизированная сцена и большой зрительный зал. Однако уже в процессе строительства автору было предложено пересмотреть проект с целью сокращения всех параметров здания (вместимость зала была уменьшена вдвое). Величественность всей композиции, конечно же, пострадала. И тем не менее расположенное в самом центре города, в его едва ли не самой высокой точке, здание Театра оперы и балета играет значительную роль в формировании силуэта современного Минска».

К сожалению, здание Театра оперы и балета было разрушено в годы Великой Отечественной войны. Три года шло его восстановление, в процессе которого оно подверглось реконструкции. В частности, изменился облик зрительного зала: вместо выступающего балкона появились ярусы. В 1948 году строительство завершилось разбивкой парка на окружающей театр территории. План парка создал Иосиф Лангбард.

Одновременно со строительством Театра оперы и балета по проекту Иосифа Григорьевича в 1934—1939 годах в Минске возводился Дом Красной Армии (ныне Дом офицеров Вооруженных Сил Республики Беларусь). При его строительстве были использованы фундаменты и стены Архиерейского дома, размещавшегося в начале Скобелевской улицы (теперь Красноармейской). Как и все творения Лангбарда, Дом Красной Армии был решен лаконичными средствами. Скромное, но величественное здание, которое занимает сравнительно небольшой участок, вместило огромное количество внутренних помещений: театральный и кинозал, плавательный бассейн, спортивные залы, кафе. В декоре фасада, обращенного в сторону Центрального сквера, использованы трехчетвертные колонны на высоту 4 этажей, поддерживающие мощный аттик.

В 1935 году Иосифу Лангбарду поручают доработать проект главного корпуса Академии наук БССР, предложенный архитектором Георгием Лавровым. К этому времени уже были начаты работы по строительству двух отдельных зданий главного корпуса. Иосиф Григорьевич соединил их общим вестибюлем и наружной двухрядной колоннадой. В последние дни оккупации гитлеровцы устроили пожар в главном и лабораторном корпусах Академии наук республики.

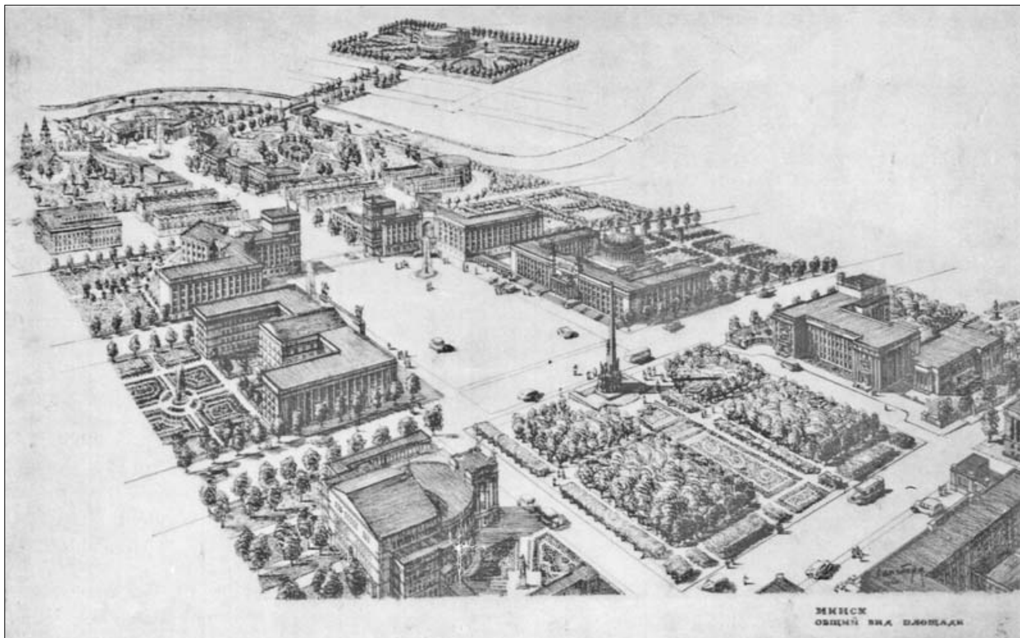
Только через пять лет после освобождения Минска — в 1949 году — главный корпус АН БССР был восстановлен. Всеми работами руководил сам Иосиф Лангбард. В том же году его наградили орденом «Знак Почета».

В годы Великой Отечественной войны Иосиф Григорьевич занимался маскировкой зданий в Ленинграде, а затем работал в Ярославской области. Сразу же после освобождения Минска он вернулся в город, ставший ему родным.

Уже в октябре 1944 года группа архитекторов при участии Иосифа Лангбарда составила «Эскиз-идею планировки Минска», ставший основой для восстановления и развития столицы БССР. В течение пяти лет Иосиф Григорьевич работал руководителем мастерской института «Белгоспроект». С его именем связана реконструкция других зданий Минска в послевоенные годы. Так, совместно с архитектором Михаилом Баклановым Лангбард разработал проект кинотеатра «Победа», использовав при этом стены сгоревшего в годы войны клуба пищевиков. Кинотетр был построен в 1947 году.

Иосиф Лангбард стал одним из авторов составленного в 1944 году генерального плана восстановления разрушенного во время войны Гомеля.

Заир Азгур, близко знавший его, отмечал:



Проект Центральной (Октябрьской) площади г. Минска.

«После войны Лангбард, преодолев горечь, которую внушал вид разрушенного Минска, всей душой увлекся проблемой застройки города. Тут ему рисовались неограниченные просторы для творчества и поиска нового. Он горячился, спорил, настаивал, предлагал. Столица Белоруссии тогда выглядела огромной строительной площадкой. И тут нельзя было оставить лазейку безвкусице, аляповатости, мишуре. Долой провинциализм!

Архитектор бурлил, как вулкан!»

Хорошо сложилась судьба творений Лангбарда. Несмотря на абсолютное разрушение фашистами всего города, Дом правительства уцелел. Академия наук сохранилась в таком состоянии, что здание легко можно было закончить и восстановить, Театр оперы и балета отстроился. Дом офицеров остался цел. Эти четыре главные величественные постройки архитектора и поныне украшают наш город.

Кроме архитектуры Лангбард 16 лет успешно занимался научно-педагогической деятельностью. С 1935-го по 1950 год он преподавал в Ленинграде в Институте живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств СССР.

В 1939 году Иосифу Григорьевичу за вклад в развитие архитектуры без защиты диссертации присуждается ученая степень доктора архитектуры и звание профессора. Он воспитал большое количество высококвалифицированных архитекторов, которые работали во многих городах СССР.

Жизненный путь Иосифа Григорьевича закончился в Ленинграде 3 января 1951 года. Он не дожил 15 дней до своего 69-летия. После смерти Иосифа Лангбарда его вдова Ольга Лангбард передала архив мужа художнику С. Гельбергу, который в свою очередь передал его кафедре архитектуры Белорусского национального технического университета.

Вклад И. Г. Лангбарда в искусство Белоруссии, особенно в ее архитектуру, достоин того, чтобы его именем была названа одна из площадей или улиц столицы нашей республики.

Эммануил ИОФФЕ,
доктор исторических наук.

«Я верю, победа не за горами...»

В Белорусском государственном архиве научно-технической документации хранятся письма архитекторов в Союз архитекторов, в которых они рассказывают, как жили, работали и сражались в годы войны. Среди них и письма И. Г. Лангбарда.

В феврале 1942 года преподаватели и студенты Ленинградской Академии художеств были эвакуированы в г. Ярославль. Их поселили недалеко от города, в бывшем имении поэта Н. Некрасова, в поселке Красные Ткачи, пионерском лагере. Преподаватели и студенты через Ярославское отделение художников выполняли заказы для организаций, участвовали в выставках. Семьи блокадников занимались огородами, выращивали овощи. Денег не было, но в обмен на свои рисунки художники приобретали у местных жителей молоко, творог, яйца. Ленинградцы жили дружно. Каждая семья занимала две небольшие комнаты с кухней. К Лангбарду часто заходили академик архитектуры Никольский Александр Сергеевич с женой Верой Николаевной и студент академии Светлицкий Сергей Павлович.

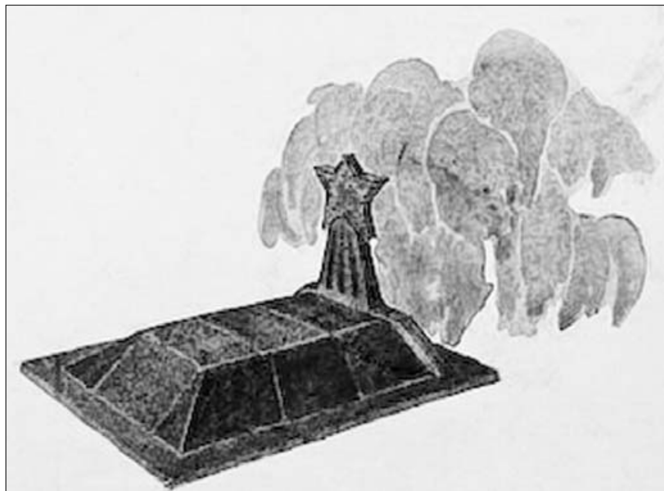
После выписки из больницы г. Ярославля, где Иосиф Григорьевич находился на лечении два месяца, с 17 февраля по 17 апреля 1942 года, Лангбард стал проектировать мемориальные памятники героям Великой Отечественной.

Уже в августе 1942 года, в самый разгар войны, временное правление Союза Советских архитекторов Белорусской ССР приняло решение о проведении товарищеского соревнования на составление эскизных проектов памятников для увековечивания героев Отечественной войны — белорусов, погибших в борьбе с фашистскими оккупантами. Для участия в этой работе приглашались не только архитекторы, но и скульпторы, и художники. В программе на составление эскиза памятника героям Отечественной войны предлагалось три темы: «Монументальное сооружение в столице городе Минске — музея Отечественной войны»; «Монумент-памятник герою или группе героев войны для любого населенного пункта, знаменательного историческим подвигом»; «Памятники на местах, имеющих стратегическое значение (пересечения дорог, подходы к населенному пункту, холм, возвышенность), где были совершены героические подвиги». Участники выполняли эскизы в свободной архитектурной композиции, могли запроектировать сооружения в мраморе, камне, бронзе и других металлах с высоким художественным исполнением работ. Представлялись проекты в Союз архитекторов БССР в любом графическом изображении или макете по усмотрению автора, объем их не определялся, необходимо было представить генплан, план, фасад и перспективный набросок. Уже в сентябре 1942 года программа рассылается белорусским архитекторам, скульпторам и художникам.

Находясь в эвакуации, Лангбард восстанавливает связь с правлением Союза архитекторов БССР и включается в его работу. В одном из писем А. П. Воинову от 3 сентября 1942 года архитектор сообщает: *«...само собой разумеется, что кроме большого монумента для Белоруссии героям Отечественной войны нужен целый*

ряд полевых памятников на местах крупных боев в память павших героев. Я сейчас над этим тоже работаю по личной инициативе и могу с Вами поделиться материалами...»

И позже пишет, что посылает на выставку *«...проект музея-памятника героям (на 2-х листах: план, фасад и перспектива) и памятник на братской могиле на поле боя для БССР».*



Эскиз памятника павшим героям на местах крупных боев (1943 г.).

К 25-летию образования БССР в начале 1944 года в Третьяковской картинной галерее открылась выставка изобразительных искусств Белоруссии. Она привлекла всеобщее внимание. Раздел «Архитектура Белоруссии» представляли работы белорусских архитекторов В. Н. Вараксина, А. П. Воинова, Г. В. Заборского, И. Г. Лангбарда и других, выполненные в дни войны. В суровое военное время эскизные проекты зодчих, скорее всего, имели не практическое значение, а носили идеологический характер, ведь отклики о выставке дошли и до населения оккупированной Белоруссии.

Вскоре после освобождения республики Лангбард приезжает в г. Минск и принимает активное участие в работе комиссии Комитета по делам архитектуры при СНК СССР, составившей «Эскиз-идею» схемы генерального проекта города».

Его знания города, особенностей местных условий, опыт в области строительства оказались особенно полезны и ценны. Все послевоенные годы Иосиф Григорьевич работает над восстановлением и реконструкцией своих зданий в г. Минске, выполняет совместно с архитектором М. Баклановым проект кинотеатра «Победа» (на месте сгоревшего клуба пищевиков), принимает участие в конкурсах на проект планировки и застройки центрального ансамбля столицы республики. Его предложения не были реализованы, но идеи автора использовались в застройке центра и представляют интерес и в настоящее время.

В 1949 году в связи с 30-летием БССР зодчий был награжден орденом «Знак Почета».

Проекты Иосифа Григорьевича Лангбарда не подвержены старению, они являются образцом творческого поиска архитектора и лучшей памятью о нем.

Галина ШОСТАК

№ 1

Письмо А. П. Воинова к И. Г. Лангбарду

26/VII 42

Уважаемый Иосиф Григорьевич!*

Андрей Бембель[1] вчера у Матвея Генриховича[2] узнал Ваш адрес, и спешу приветствовать Вас и желаю всего хорошего. Я пытался писать Вам в Ленинград, но почему-то не получил ответа. Как Вы живете и как дела? Я сейчас работаю здесь в СНК БССР и занимаюсь сбором нашего Союза. Большинство товарищей в РКК. Недосчитываю Денисова, Якушко и Муравьева. Где они, не знаю. Передайте горячий привет супруге.

*Подлинник.
БГАНТД ф68, опись 1 уд, дело 10, лист 46.

Письма И. Г. Лангбарда в Союз архитекторов БССР
№ 1

Красные Ткачи, 31/VIII 42

Дорогой Александр Петрович!

Вашу открытку из Н. Тагила от 8/II я получил здесь 17 июня и немедленно Вам ответил, но получил обратно с пометкой о В/выезде в Новосибирск. Т. к. адрес не был указан, то я туда не писал. Сегодня я получил от Вас письмо из Москвы и очень обрадовался, что Вы здоровы и в порядке. Дело в том, что я уехал (вернее, ушел из Минска) 24 июня. Мне сказали, что Вы уехали не то в Вильно, не то в Ригу и, как Вам известно, было основание беспокоиться за Вас. Но никто не бог!

Я уехал из Лен-града 8/II с головной группой Академии, и по сложившимся обстоятельствам мы застряли в Ярославле. Сейчас я живу под Ярославлем в имении поэта Некрасова. Рассказывать о пережитом я надеюсь за рюмкой чаю, которую, я верю, с Вами скоро выпьем.

Сейчас, Александр Петрович, Вы мне как-то стали ближе, чем мне это казалось раньше, когда мы чаще встречались.

Что я делал все время? И много и мало, в зависимости от того, что мне удастся предъявить. В настоящее время я по заданию Комитета по делам искусств делаю в модели «памятник Героям От. войны» для выставки «2-я От. война». Работа обещает быть интересной, но живу и работаю в таком захолустьи, где ничего подсобного нельзя иметь, даже гвоздя не могу достать. Все мои вещи и материалы остались в Лен-граде, так как условия эвакуации были таковы, что надо было унести шкуру в собственных зубах, и то… вставных. Но я, кажется, начинаю рассказывать, а это сейчас в мою задачу не входит.

Мне, всю жизнь привыкшему к кипучей деятельности, смертельно скучно, чувствую себя как будто в плену, со всеми лишениями и материальными, и моральными. От души завидую Вам в Москве, и я был бы бесконечно рад, если бы белорусская организация помогла мне приехать для работы в Москву. Подумайте об этом, Александр Петрович, не по службе, а по дружбе. Я Вам буду очень обязан. Другого удобного пути у меня сейчас нет, а Вам, по-моему, это сделать нетрудно.

Я верю, победа наша не за горами и наша совместная работа по восстановлению сама за себя скажет. Недавно я связался письменно с Алабяном[3] и академией а-ры. Алабян пошел навстречу и прислал мне договор для работы в системе

[1] А. О. Бембель — скульптор, засл. деятель искусств БССР, нар. художник СССР.
[2] М. Г. Манизер — скульптор, академик.
[3] К. С. Алабян — академик архитектуры, ответ. секретарь СССА СССР.

а-мии. До настоящего времени мои взаимоотношения с академией были ненормальны, вернее, никаких не было. Может быть — вина моя, но и товарищи во многом были виноваты. Но прошлого не вернешь. Спасибо Вам за В/информацию о деятельности Союза, хотя план работы белор. организации мне неизвестен. Может быть, и я могу быть полезен — то я к В/услугам. Во всяком случае, если Вам не трудно, то держите со мной связь по этому вопросу. В Лен-граде я потерял много близких товарищей, но раны будем считать потом. Пока кончаю, привет Вам от Ольги Гавриловны, Вам и Вашей супруге. Будьте здоровы. Пишите.

Ваш И. Лангбард.

195

Краткое содержание доклада
проф. Лангбарда И. Г.

Война меня застала в Минске
куда я приехал 18 июня по строительству
ДКА. Со многими обычными для тех
дней приключениями, проделав более
40 километров пешком из Минска, откуда
я вышел 25-го ночью, я добрался до
Ленинграда, который я застал в
большом смятении.
Непреодолимая ненависть к вероломному
врагу побудила меня немедленно
включиться в дело обороны Ленинграда,
всеми доступными и возможными для
меня средствами.
Летние месяцы много использовал
для работы по маскировке некоторых
важнейших объектов и сооружений Ленинграда.
Осенью начались учебные занятия
в академии, несмотря на тяжелое
продовольственное положение города,

адрес: Ярославская область
Красные Ткачи
Академия худ.
Проф. Лангбарду И. Г.

Привет Кондратовичу[1], Трахтенбергу[2] и Кронгаузу[2] и всем знакомым.

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 10, лист 60—61.

№ 2

Красные Ткачи, 3/IX 42

Дорогой Александр Петрович!*

Спасибо за информацию. Заполненная анкета — при этом письме. Радуюсь тому, что белорусское отд. ССА начинает оживать. Чем смогу быть полезен — к Вашим услугам. Все пункты раздела «творческо-производственная работа» следует считать своевременными и необходимыми. Работа кропотливая и нелегкая при настоящих условиях. Один из важнейших — пункт 7, о колхозном ст-ве из местных материалов и местной рабочей силы (главным образом не квалифи-

[1] В. И. Кондратович — инженер, ответ. секретарь правления СА БССР в 1942—1944 гг., с 1944 г. — директор проектного института «Белгоспроект».

[1] Н. В. Трахтенберг — белорусский архитектор.

[3] А. Г. Кронгауз — инженер, член правления СА БССР в 1942—1944 гг.

цированной — женской). Сюда надо отнести и ст-во по санитарии и гигиене в деревне, как-то: больницы, бани, прачечные и т. п.

Само собой разумеется, что кроме большого монумента для Белоруссии героям Отечественной войны нужен целый ряд памятников на местах крупных боев в память павших героев. Я сейчас над этим тоже работаю, по личной инициативе, и могу с Вами поделиться материалами.

Удручающее впечатление на меня произвел фотоснимок в «Известиях» от 25 июля с. г. — немецко-фашистские зверства. Снимок сделан на фоне ДКА в Минске. Только подпись под снимком ошибочна. Посмотрите этот номер. Получил письмо от Томаха[1]. Рад, что жив и здоров. Я ему ответил. Фотоснимки к анкете я пришлю отдельно, т. к. сейчас у меня таких снимков нет. Буду в Ярославле, тогда пришлю дополнительно.

Будьте здоровы. Привет товарищам.

Ваш И. Лангбард.

---

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 10, лист 67.

№ 3

Красные Ткачи, 17/ IX 42

Председателю ССА БССР А. П. Войнову*

Настоящим подтверждаю свое согласие принять активное участие в тов. соревновании на составление эскизн. проекта памятника Героям Отечественной войны.

Постараюсь сделать эскизы на все три темы, и если материальные и технические условия мне здесь позволят, я попытаюсь сделать макет монумента.

Желательно участие в этом деле одного из скульпторов БССР. Но в настоящее время для меня это трудновыполнимо.

Если у Вас есть план и некоторые арх. снимки г. Минска, я был бы очень благодарен, если возможно было бы временно ими воспользоваться.

О ходе работ буду Вас информировать.

С приветом И. Лангбард.

---

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 10, лист 83.

№ 4

Красные Ткачи, 3 октября 42

В Правление ССА БССР*

Приношу искреннюю благодарность Правлению Союза и за себя, и за некоторых моих товарищей, за выписку нам газеты «Правда» и за присылку газеты «Советская Беларусь». Этой товарищеской заботой Вы своевременно удружили здесь не только мне.

Краткий доклад о своей творческой работе я вышлю на днях. Оттяжка вызывается тем обстоятельством, что желательно свой доклад иллюстрировать фотоснимками со своих работ на темы Отечеств. войны. Возможность эта выяснится в ближайшие дни. Это выразится приблизительно в двух десятках снимков архит. мотивов, которые хотелось бы оставить в распоряжении Союза как материал.

Что касается предоктябрьского соц. соревнования, то считал своим долгом включиться в это соревнование и выполнить взятые на себя обязательства по заданию Всерос. Академии художеств. Конкретно это выразится в рисунках и плакатах на тему «Ни шагу назад».

---

[1]М. Н. Томах — белорусский архитектор.

О дальнейших своих работах я Вас поставлю в известность.

Примите привет.

Профес. И. Лангбард.

---

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 10, лист 10.

№ 5

Красные Ткачи, 16/X 42

Дорогой Александр Петрович!*

Спасибо за «Советскую Беларусь». Она мне напоминает прошлое и укрепляет веру в будущее.

Я намеревался отчет о своей творческой работе подкрепить фотоснимками, но по условиям времени это оттягивается приблизительно до 1 ноября, а потому я Вам направлю отчет без фото и после 1-го дополню.

В настоящее время у меня почти готова модель монумента «Героям Отеч. войны»: модель — архитектурно-скульптурная.

В конце октября мне надо эту модель доставить в Москву на выставку. Технически это довольно сложно, т. к. модель имеет 2.40 м высоту. У меня готов эскиз памятника-музея на тов. соревнования. Правда, размер листов невелик — ½ листа ватмана. Я с большим трудом достал в Ярославле пару листов бумаги. Приходится очень экономно тратить. Из Ленинграда я с собой ничего не мог захватить и сейчас очень страдаю без вещей и принадлежностей. На месте достать мне ничего не удается, т. к. материальные средства у меня тоже минимальные. Тем не менее, в отношении композиций у меня много сделано. Жаль, что не могу почтой Вам прислать.

Я рассчитываю, что в ноябре мне удастся приехать в Москву лично на пару дней и смогу Вам обо всем подробно рассказать. Но до этого я надеюсь Вам направить оказией эскизы на товар. соревнования. Я охотно выставил бы свою модель на соревнование Белоруссии, если Комитет по делам искусств, с которым я связан договором, не будет возражать. Напишите, Александр Петрович, ваши соображения. Сердечный привет Ольги Гавриловны. Привет товарищам.

Ваш Иосиф.

---

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 10, лист 127.

№ 6

23/X 42

Дорогой Александр Петрович!*

Сегодня из Ярославля вместе с другими экспонатами художников на выставку отправляю и я:

1. проект монумента «Героям второй Отеч. войны», три фасада, две перспективы и один макет высотой 2.40. Этой же оказией особым пакетом посылаю <u>на Ваше имя</u>.

2. проект музея-памятника героям (на 2-х листах: план, фасад и перспективу в этом же пакете).

3. памятник на братской могиле на поле боя для БССР.

Работы увозит с собой в Москву художник Ефимов Александр Алексеевич прямо на выставку. Ему же я передам это письмо, которое Вы получите или лично от него, или по почте в Москве. По получении этого письма прошу Вас направить кого-нибудь на выставку для получения пакета, адресованного на Ваше имя: «Председателю ССА БССР Войнову А. П.».

Я не в курсе дела. По всей вероятности, отдел выставки по БССР находится в том же помещении, что и вся выставка, и поэтому я решился направить все туда.



Таким мог быть Монумент Победы в центре Минска.

О получении работ прошу меня известить. Я прошу извинения, что сейчас отправляю не все, что мной сделано для БССР, можно сказать, некоторую часть сделанной работы. По некоторым соображениям я остальные работы пришлю Вам особо.

Получил выписку из протокола № 4. Охотно выполню возложенное на меня задание.

У нас, между прочим, проживает сейчас эвакуированный из Ленинграда известный график Юдовин. Он родом из Витебска и у него много работ по графике, а также по архитектуре БССР. Я ему предложил, и он охотно готов участвовать своими работами в сборнике — если подойдут. По-моему, это будет кстати.

Я пишу хаотично, т. к. спешу кончить письмо к отъезду отсюда Ефимова. Если встретитесь с Ефимовым, то я к Вам имею большую просьбу передать ему для меня, если возможно, пару резинок, кот. здесь совсем нет, и если у Вас есть бумага, то пару листов бумаги — безразлично какой. Александр Петрович, как у Вас в Москве дело обстоит с табаком? Здесь поживаем без него. Если возможно — будьте другом, хоть чуточку на праздник. Меня торопят, а потому кончаю. Остальное в следующем письме.

Привет всем. Ваш И. Лангбард.

Привет Ольги Гавриловны.

---

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 10, лист 159—160.

№ 7

Кр. Ткачи, 22/ XI 42

Уважаемый Александр Петрович!*

Посылаю Вам оказией через Манизера М. Г. краткое содержание доклада. В зависимости от условий он может быть значительно расширен. Ввиду отъезда Матвея Генриховича пришлось несколько поспешить, и если будут какие-либо предложения либо замечания, то поскольку я надеюсь приехать в Москву 8-го или 9-го числа, мы успеем договориться.

Жму руку, Ваш Лангбард.

Привет от Ольги Гавриловны.

---

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 10, лист 191.

№ 8

Краткое содержание доклада*

Профес. Лангбарда И. Г.

Война меня застала в Минске, куда я приехал 18 июня по строительству ДКА. Со многими обычными для тех дней приключениями, проделав более 40 километров пешком из Минска, откуда я вышел 25-го ночью, я добрался до Ленинграда, который я застал в большом смятении.

Непреодолимая ненависть к вероломному врагу побудила меня немедленно включиться в дело обороны Ленинграда всеми доступными и возможными для меня средствами. Летние месяцы мною использованы для работы по маскировке некоторых важнейших объектов и сооружений Ленинграда. Осенью начались учебные занятия в академии.

Несмотря на тяжелое продовольственное положение города, на серьезную угрозу вторжения врага, молодежь, находившаяся временно вне рядов Красной Армии и работавшая самоотверженно на фортификационных укреплениях города и отрядах ПВХО, находила возможность продолжать свои учебные занятия. Особо следует отметить дипломников, работой которых я руководил и которая протекала при героических условиях, в полутемных нетопленых мастерских, при ежедневных и многократных бомбардировках с воздуха, а позднее при почти беспрерывных артиллерийских обстрелах города. Глядя на эту молодежь, становится понятным то героическое сопротивление, которое эта и подобная ей молодежь оказывала врагу, когда она включалась в ряды Красной Армии. Некоторые из моих студентов геройски сражались и пали за свою Родину, а многие и по сей день геройски сражаются на своих местах в рядах Красной Армии.

В декабре м-це в залах Академии Худ. состоялся выпуск дипломников. На заключительном заседании под сильнейшим артиллерийским обстрелом целая плеяда молодых архитекторов вышла в свет на жестокую борьбу с врагом и на созидательную работу восстановления разоренных мест. Параллельно педагогической деятельности я вел зарисовки с натуры и по памяти на тему «Ленинград в борьбе». Надеюсь со временем продемонстрировать работы этого незабываемого периода моей жизни.

7 февраля вместе с головной группой профессоров Академии Худ. я эвакуировался в г. Ярославль. Местные власти нас хорошо встретили и устроили на жительство в пионерском лагере им. Орджоникидзе в 3-х килом. от рабочего поселка Красные Ткачи в им. б. поэта Некрасова. Несколько оправившись от дороги, я приступил к работе:

1. По заданию Академии я начал составление литературно-теоретических записок о своей практической и теоретической деятельности главным образом за годы Советской власти.

2. По договору с комитетом по делам искусств (Москва) — составление проекта монумента «Героям второй Отечественной войны» (работа находится в Ак. архитектуры).

3. Ряд эскизных проектов памятников героям войны:

а) на братских могилах;

б) на местах стратегических боев;

в) в населенных пунктах.

4. На товарищеское соревнование, объявленное СА БССР: эскизный проект монумента героям второй Отечественной войны для БССР и эскизный проект музея-памятника героям войны для г. Минска.

В настоящее время работаю над проектом большого музея-памятника по договору с «Всекохудожником», есть и некоторые другие работы, не вошедшие в настоящий перечень.

Профес. И. Лангбард.
22/XI 42

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 10, лист 195—197.

№ 9

23/II — 43

Уважаемый Александр Петрович!*

Отвечаю Вам на В/ письмо с некоторым опозданием по уважительной причине. Натурных снимков зданий, построенных по моим проектам, у меня лично

нет — все осталось в Лен-граде. Печатались они главным образом в «Архитектурной газете» и «Архитектуре СССР». Во время моего пребывания в Москве Д. Е. Аркин[1] мне сказал, что по моей просьбе у него отобрано все то, что было в «Арх-ре СССР», и он мне обещал вручить это Вам, если к нему обратитесь.

Что касается «Ар-ной газеты», то полагаю, что через Союз можно добиться большого материала для сборника вообще и по моим работам в частности. Не помню, в котором году, в 36 или 37, было целое «приложение», посвященное моим работам в БССР. Эти источники дадут достаточно материала.

В нашем «убежище» за перегородкой проживает в качестве беженца и работает небезызвестный график Юдовин Соломон Борисович. Он уроженец Витебска, и у него имеются работы по Белоруссии. По моему предложению он сейчас работает по изготовлению некоторых гравюр на дереве по изготовленным мною рисункам из архитектуры БССР, а именно:

1. ДКА в Минске
2. Б. театр оперы и балета
3. Дом правительства или что другое (еще не решили).

Эти гравюры, я полагаю, подойдут для сборника, и мы Вам дадим готовые клише (с печатными оттисками образцами, которые мы делаем тут же). По-моему, было бы Вам полезно с ним списаться и предложить ему от имени Союза изготовить «обложку» для сборника (готов. клише) с нужным текстом. Напишите мне размер сборника (длина, ширина, стр-цы).

Его адрес тот же, что мой, если ему напишете — меня тоже известите. А теперь, Александр Петрович, дела попроще, хотя не менее важные. Как обстоят дела с ватным нарядом, кот. мне и И. А. Захаров обещал? Окажите тов. услугу, получите, если возможно, за меня и предайте Манизеру. Он в марте собирается к нам приехать и не откажется захватить. Необходимость в этом наряде крайняя.

Что касается фото с моих работ военного времени, то ужасно трудно изготовление этих фото. Я постараюсь Вам до 20 марта прислать либо фото, либо небольшие в 1/8 листа копии с некоторых работ. Для печати это было бы даже лучше.

Спасибо за Ваши заботы, газету получаю более или менее аккуратно. Очень Вам благодарен за белорусскую печать, очень занятные рисунки и остроумны.

Привет товарищам. Пишите.

Ваш И. Лангбард.

---

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 13, лист 67—68.

№ 10

12/5—43

Дорогой Александр Петрович!*

Отвечаю Вам на В/письмо от 6/V. Обложку попытаюсь сделать как смогу. Меня очень смущало и смущает столь долгое Ваше молчание. Я Вам написал несколько писем с разными деловыми вопросами. Отсутствие ответов на них навело меня на различные предположения: или Вы моих писем не получили, или Вас в Москве нет, или, что печальнее всего, Вы на меня за что-то обижены. Если последнее верно, то я заранее извиняюсь, хотя за собой ничего не чувствую и питаю к Вам лучшие дружеские чувства. По причине той же неопределенности я не посылал своих работ, как на т. соревнования, так и иллюстрации для сборника, которые я специально сделал в количестве 10 штук по постройкам Минска. Они у меня были готовы к 20 марта, но без Вашего ответа я не рискнул. Если они могут годиться, прошу Вас дать мне знать, и я немедленно вышлю. Я уже пытался о

---

[1]Д. Е. Аркин — член-корреспондент Академии Архитектуры СССР.

Вас узнать через М. Г. Манизера, и он мне ответил, что Вы живы и здоровы и на днях мне напишете. Очень прошу Вас, уделите несколько минут и напишите мне несколько слов. Жду.

Привет всем. Ваш И. Лангбард.

---

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 13, лист 83.

№ 11

В Союз Сов. Архитекторов БССР*
Председ. А. П. Войнову.

Отвечаю на Ваше письмо от 12/V с. г.

По Вашему предложению имею возможность выполнить след. работы:

1. Дубликаты проектов и рисунков зданий, построенных по моим проектам в г. Минске.

2. Проекты памятников героям 2-й От. войны.

Кроме этого, зная хорошо довоенный Минск и имея большой практический опыт в использовании и восстановлении старых построек, я мог бы с пользой участвовать в составлении плана восстановления г. Минска. Если мое предложение окажется приемлемым, то я готов по Вашему вызову приехать в Москву для получения материалов и оформления переговоров. Прошу известить.

Профес. И. Лангбард.

17-V-43
Красные Ткачи

---

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 13, лист 84.

№ 12

Красные Ткачи, 29/VIII 43

Уважаемый Александр Петрович!*

Документы от Попкова получил, спасибо, все в порядке. Работы по сборнику мною сделаны следующие:

1. Общий вид Д. П. БССР (перспектива)
2. « — » вестибюля
3. « — » лестницы в СНК
4. « — » зал заседаний СНК и ВС
5. Общий вид театра (перспектива)
6. Главный вестибюль

Сейчас берусь за академию. Работы оказались очень трудоемкими. С этими работами я могу приехать по Вашему вызову в любое время. Единственным препятствием служит рваная обувь, но я как-нибудь веревочкой перевяжу, так и приеду.

Если будет согласие на вызов — телеграфируйте в облисполком, копию мне.

В случае приезда надеюсь найти приют у Вас в гост. Якорь. Жду ответа. Привет Василию Ивановичу и всем товарищам.

Привет от Ольги Гавриловны.

Ваш И. Лангбард.

---

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 13, лист 87.

№ 13

В Союз Советских ар-ов БССР*

Председателю Союза Войнову А. П.

Отвечаю Вам на Ваше письмо от 18/V с. г. Выдвинутый Академией Наук БССР и Союзом вопрос об организации в системе академии группы специалистов для занятий проблемами ст-ва и восстановления городов БССР, следует считать очень удачным и своевременным начинанием. Используя материалы научных сил А. Наук в области местных материалов, хозяйственно-экономических особенностей и других условий БССР, такая работа может внести ясность в предстоящую перед белорусскими архитекторами сложную и ответственную работу.

В связи с этим могут явиться некоторые опасения след. характера: ожидаемые трудности в отношении материалов и рабочей силы могут толкнуть задуманную организацию, при недостаточной ее квалификации, на узкую проблему техники ст-ва, умышленно или неумышленно жертвуя проблемами архитектуры.

Поэтому невольно напрашивается след. мысль: поскольку Академия Наук располагает большими в области знаний возможностями и авторитетными силами, она могла бы поставить вопрос шире — организовать в своей системе отдел не только строительства, а «отдел искусств», включая сюда и живопись, и скульптуру, поскольку эти искусства синтетически связаны. В Советской Белоруссии выявилось много способных художников, в работах которых на высоком уровне чувствуется идейное руководство как в отношении тематики, так и в своей исторической оправданности, но почти полностью теряются специфические черты наследия Белоруссии и поэтому легко растворяются в общей массе сов. искусства (исключение — театральное ис-во).

Может быть, ошибаюсь, но мне кажется, что правильно продуманный здоровый план по искусству в системе Академии Наук (в дополнении Комитета по делам искусств при СНК) может внести свой вклад в общее дело Советского искусства, не растворяясь в нем, а сохраняя свое национальное лицо. Это мысль вскользь. Что касается Вашего вопроса о моем участии в этой работе, то я всегда готов на любое участие и в любой форме.

Профес. И. Лангбард.

*Подлинник.
БГАНТД, фонд 68, опись 1 уд, дело 13, лист 154.

Публикация подготовлена
Галиной ШОСТАК,
ведущим научным сотрудником
БГАНТД.



Приглашение к разговору

Среди всех литературных жанров поэзия имеет, пожалуй, самую богатую и обстоятельную теоретическую базу. Сомневающимся можно рекомендовать взять в руки выдержавший несколько переизданий «Паэтычны слоўнік» Вячеслава Рагойши и окунуться в мир многочисленных литературных терминов: диареза, анакруза, симплока, амфиболия…

С другой стороны, поэзия — самый «народный» жанр, поскольку пишут все: школьники, студенты, рабочие, крестьяне, ученые, пенсионеры… Пишут, нередко даже не подозревая о существовании всех этих редифов и консонансов, асиндетонов и эллипсов… Да что там такие нюансы, если многие авторы, приносящие в издательства и редакции объемные рукописи собственных сочинений, искренне удивляются, когда им начинают объяснять, что в этих самых сочинениях через раз совершенно неприемлемая рифма и все время «хромает» ритм. В общем, объясняется то, что, по идее, автору должно быть знакомо со школьной скамьи.

Казалось бы, литературные редакторы, а вместе с ними и критика, как раз-таки и призваны отделять зерна от плевел. Но, увы, профессиональные редакторы нынче в большом дефиците, а многочисленные издательства, для которых выпуск художественной литературы — случайный приработок, и вовсе обходятся без оных. Что же касается критики, то сегодня она переживает свои далеко не лучшие времена. Не будем говорить о мнимой критике: о безликих рецензиях-штамповках, которые в состоянии дочитать до конца разве что тот, чье имя в них упоминается. Речь, конечно же, не идет о вошедших в моду обсуждениях и критических оценках на интернет-форумах, где предвзятость легко переходит в оскорбления.

Нет, речь идет о критике, которая заставляет читателя задуматься, взглянуть на творчество того или иного автора по-новому, а через это творчество — и на наш мир. Пусть она будет субъективной, но эта субъективность настолько очаровывает читателя, что он долго будет находиться под ее влиянием, сверяя по ней свои мысли и свои оценки.

Вот на такой, может быть, чересчур высокой ноте мы хотим начать на страницах «Нёмана» разговор о состоянии современной поэзии. Разговор принципиальный, интересный не только для профессионалов, но, надеемся, и для самой широкой читательской аудитории.

А в качестве своеобразного зачина предлагаем статью Георгия Киселева «Кирпичом по Пушкину».

ГЕОРГИЙ КИСЕЛЕВ

Кирпичом по Пушкину

(О некоторых сборниках русской поэзии в Беларуси)

И все-таки начну, сквозь внутреннее сопротивление вживанию в чужой мир чувствований и осмыслений. А что такое поэзия, как не поиск смыслов в собственном и чужом опыте и не закрепление их, этих смыслов, потом с помощью извечного инструментария всех поэтов — Слова во всех его связях и превращениях?

Все мы, господа сочинители, ищем эти смыслы неустанно, вырываем их из контекста привычной размеренной или внезапно вздыбленной незаурядным событием жизни, обкатываем их в нашем сознании, складываем из них, как из кирпичиков, здание нашего гордого себялюбивого одиночества и не просто приглашаем, а усиленно зазываем в него читателя.

Только где он, этот благословенный читатель, возросший на ниве отечественной словесности, выпестованный предшествующими поколениями мастеров слова? Тот самый, кто, бывало, трясясь в автобусе или в метро, доставал из кармана или дамской сумочки книжечку формата записной и углублялся в эти столбики или рядки рифмованных строк, открывающих ему красоту и смысл бытия или новый угол зрения на уже привычное и примелькавшееся. Где ты — ау! — читатель по призванию, а не по необходимости?

Это вот я читатель по необходимости написать хотя бы эту статью. Но одновременно я и читатель по любопытству. Признаюсь, мне до сих пор интересно, несмотря на мои семьдесят, куда же, в какие нравственные и духовные высоты или отстойники здравого смысла движется сегодня поэзия, которая еще двадцать лет назад была проникнута сочувствием к человеку, одаривала его надеждой, обостряла его чувства, развивала в нем вкус к литературе высоких устремлений.

А книжки поэзии пока что, слава богу, выходят. Птицы еще в нашем городском небе летают. А поэты все еще надеются, что их стихи кому-то нужны. Как нужны воздух, вода и хлеб, самые основы земного существования. Хотя читатель поэзии — такое же штучное, редкое явление, как и поэт. На него теперь, на этого уникального читателя, и рассчитаны нынешние тиражи. Тысячи читателей теперь вполне достаточно, чтобы придать смысл всей твоей жизни, потраченной на прихотливое ремесло, в основе которого, надо все же признать, игра. Игра в слова, за которой традиция и молва закрепили какой-то высший божественный смысл. Просто слух человеческий обожает благозвучие еще с доисторических времен. Все мы, поэты, в какой-то мере шаманы и жрецы, а всякая наша книга — это свод наших заклинаний и молитв. Помните? «Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв».

Сегодня передо мной несколько книжек островной поэзии, если иметь в виду под островом местопребывание в республиканской литературе произведений, рожденных на русском языке. Да, мы, литераторы, пишущие по-русски, окружены широким и родственным нам простором белорусской словесности, что само по себе неплохо и нас особенно не тревожит и не смущает, потому что эту словесность мы любим и понимаем не хуже, чем русскую. И вдохновляемся словом Богдановича и Купалы не меньше, чем словом Пушкина и Есенина.

Я не знаю, как в книжном магазине или библиотеке вы знакомитесь с новым автором. Я обычно открываю книгу наугад посередке и открывшийся мне текст,

проза это или стихи, пробую на вкус, то есть на ту систему художественных ориентиров, которая выработалась у меня за многие годы чтения литературы. И этот вкус, признаюсь, довольно притязателен и довольно часто мешает мне без предвзятости оценить того или иного автора, исходя из системы его ценностей, его миропонимания. Стоит мне уловить в стихах незнакомого автора хоть малейшую натянутость или просто нелады с языком, и этот автор для меня уже потерян как открытие. Оно может не состояться. А нет открытия — нет и поэта. Через этот частокол художественного вкуса, а порой и вкусовщины, к моей душе, жаждущей наслаждения от поэтических строк, никогда не пробьется никакая Лариса Рубальская или Наталья Батракова.

«Истощение слов, задворки бессмыслиц»

Вот так же наугад открываю я теперь книгу стихов молодого поэта Елены Свечниковой: 20 и 21 страницы. Первое:

Помолчали. Запомнили. Вышли.
Ты — до дна — посмотрела в упор.
И застывшие бронзою вишни
Не давали вести разговор.

И лицо — отпечаток несчастья,
Как монетка во льду, ты и я.
Так сегодня распалась на части
Ледяная печать бытия.

Ты уже отпустила. Я слепок,
Я — застывшие в небе мосты.
Лишь потом промолчишь: «Как нелепо
Несозвучье больной немоты!»

Автор предпослал книге маленькое предисловие, приведу только первый абзац, каким-то образом раскрывающий смысл этого стихотворения:

«Эти стихотворения — лучшее из написанного мной за 23 года. Пишу только по вдохновению. Это мои «мемуары», мои неразрешимые вопросы, моя зарифмованная жизнь».

Итак, перед нами — зарифмованная страничка дневника. Фрагмент из жизни автора. Не простое, а зеркальное отражение реального события, меняющее правую и левую стороны исходного объекта. Здесь же автор заодно поменяла и пол лирического героя (стихотворение написано от имени молодого человека) и его зрением, его чувствами оценивает то, что произошло между участниками лирического тандема. Нам остается только догадываться: то ли это очередная размолвка, то ли окончательный разрыв, — все настолько зашифровано и обращено в символы.

У читателя все вызывает вопросы. Как это — посмотреть до дна? До дна чего? Души, сердца? Почему вишни не давали вести разговор? Шумели, что ли, под ветром? Ну ладно, нечаянно уронили молодые люди «ледяную печать бытия», она и раскололась, распалась на части, надо быть осторожнее, да и монетку вот тоже уронили, слава богу, что еще «слепок» в целости остался, а «застывшие в небо мосты» — это вообще никакие не мосты, а это я сама своей уникальной персоной, а если тебе не нравится мое «несозвучье больной немоты», то вообще брысь с застывшей меня-моста!

Согласен, что я несколько утрирую, сводя туманную глубину лирического высказывания к банальному мелководью здравого смысла. Но читатель не должен разгадывать ребусы, имеющие вид стихотворения, он должен окунуться в лирическую волну весь и сразу, чтобы она захватила его сопереживанием. А чему сопереживать тут — в стихотворении, где реальное событие превращено в некую немую пантомиму среди декораций изо льда?

Но, может быть, стихотворные ребусы и шарады в книге Елены Свечниковой «Слова» (издатель А. Н. Вараксин, 2009) случайны? И, движимый благородной целью найти в собрании лучшее, написанное Еленой за 23 года, самое простое и понятное, я внимательно перечитал все 66 страниц книги. Увы и ах! Таких стихотворений на русском языке, которые захотелось бы с наслаждением перечитать, в книге раз-два и обчелся. Подчеркиваю — на русском, так как три стихотворения на белорусском покорили меня глубиной лирического высказывания и подлинностью запечатленного чувства. Не могу удержаться от того, чтобы не привести одно из них целиком:

Мой любы, я дару табе
Свае даверлівыя вершы.
Радок, як лёсу крок найпершы,
Які ўзнікае ў варажбе.

Да вокнаў лашчыцца галлё.
Туман. І ў кропель завірусе
Тваё пяшчотнае «Алё» —
Насуперак жальбе і скрусе.

Гляджу ў люстэркі абразоў —
Даніну аддаю трывозе —
Ў іх адбіваюцца любоў,
Мой шлях і шляхціч на дарозе.

Автору в этом стихотворении веришь сразу и безоговорочно. Но как только в помощники своему вдохновению Елена Свечникова избирает русский язык, так весь стиль ее стихотворной речи кардинально меняется. Уходит куда-то естественность выражений, ее заменяет несколько надменная и чопорная премудрость, начитанная в русской поэзии, причем не в лучших ее образцах.

Мне кажется, самой Елене нравится свой образ сложной и загадочной поэтической натуры, она наивно полагает, что чем непонятнее стихи, тем лучше. Ставит знак равенства между заумью и гениальностью. Какие-то правящие сейчас бал в поэзии «корифеи» сумели ее в этом убедить. А снисходительность господ редакторов всяческих изданий и составителей альманахов и коллективных сборников повлияли не лучшим образом на ее самооценку.

Иногда Елена, может быть, помимо своей воли проговаривается и очень точно ставит диагноз своему творчеству: «истощение слов, задворки бессмыслиц», правда, относя это признание не к себе. Но, замечу я, эти бессмыслицы возникают в стихах Елены не от недостатка смысла, а от ложной премудрости, зачастую исток которой — Библия.

Не мерцают огни, ожидая второго Прихода.
Полустанки одни рассекают немую природу.
И забывшим слова и не знающим цели паяцам,
Появившись едва, так легко, так легко
потеряться.

Поколенья песков бьются в берег
иссохших столетий,
Слишком шатки ступени из щепочек слов
вырастали.
У ловцов человеков тускнеют понурые сети,
Рыбы крыльями бьют и внезапно сбиваются
в стаи.

Согласитесь, что это стихотворение с бухты-барахты не поймешь. Над ним надо думать, но и после этих дум смысл его все равно останется туманным. О чем оно? О тщетности наших ожиданий второго Пришествия Христа? О кризисе христианства? О надвигающейся экологической катастрофе в масштабе всей Земли?

Трудно определить свое отношение к тому, чему нет однозначного ответа. И главное, что в этом нагнетании образов и символов какой-то надвигающейся беды мы не видим ни малейшего проблеска отношения самого автора ко всему этому нестроению природы и человека. Если в стихотворении нет слова «я», оно нас задеть не в состоянии. Мы проникнуть в стихи и вложить в них собственное чувство можем только через авторское «я», а если его нет, нет и нашего сочувствия.

Кроме всего прочего строка «Слишком шатки ступени из щепочек слов вырастали» неграмотно построена. Тут либо глагол лишний, либо прилагательное требует полной формы — «шаткие ступени».

Не хочется больше окунаться в претенциозную заумь Елены Свечниковой. Но надо. Придется еще как-то оценить вторую половину ее сборника, отданную автором под то, что она считает юмором и пародиями. Начну с недоумения, ибо в большинстве пародий имитируются стиль и мировосприятие авторов, давно ушедших. Но ни Пушкину с Некрасовым, ни Маяковскому с Бальмонтом ни холодно ни жарко оттого, что век или полтора спустя кто-то потревожит их тени.

У нашей юмористки не возникает даже чувства неловкости, какого-то охранительного от кощунства стыда — поднимать руку на Пушкина. Бог с ними, с остальными корифеями русского стиха, но на Пушкина?! Вот поглядите, что она делает! Пародируется один из тончайших образцов пушкинской лирики, стихотворение «Цветок». Напомню его:

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я.
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя.
Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? И сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?
<...>

Ну а теперь, уважаемый читатель, берем обыкновенный кирпич, лучше всего целый и обожженный, размахиваемся как следует — и бац им по Пушкину! Вот так:

Кирпич лежал в чугунной ванне,
И я с ним рядом, не кляня
Судьбу... Поток вопросов странных
Вдруг ополчился на меня.
В какой стене? И к нам откуда?
Какой безжалостной рукой?
Он — здесь?! И это ли не чудо?
О, я утратил свой покой.
Быть может, недругов расправа?
Иль козни вредные родни?
Я слева, а кирпичик справа.
Нем диалог. И мы одни.
Он вдруг распался — крошки, грани...
Как продолжать мой долгий спич?
Боюсь, читатель мой устанет,
Как мной замученный кирпич.

Оставьте в покое тени умерших, госпожа пародистка. Они ни ответить вам не могут, ни даже прочитать. А вот пародии на ныне, надеюсь, здравствующих, Александра Раткевича, Олега Зайцева, Александра Дольского, Валерия Гришковца и даже Евгения Евтушенко еще имеют какой-то смысл, потому что они, ваши пародии, могут прочитать и сделать из этого какие-то выводы.

Хотя, на мой сермяжный взгляд, ваши пародии — это не то, что обычно под ними понимается. Обычно пародия — это легкое безобидное передразнивание

автора, педалирование какой-то его оплошности или особенностей стиля. Вы же в пародии мечете на безответного автора громы и молнии, и если уязвляете, то, бывает, ниже некуда.

Вот так нынче пишут поэты, сама природа которых уже как бы предполагает особо мягкое и нежное звучание их поэзии. А что пишут ныне на русском стихотворцы мужского рода? Чтобы вынести об этом аргументированное суждение и познакомить с ним вас, наш доверчивый читатель, положу перед собой две книги: Владимира Василенко «Зарисовки» и Дмитрия Радиончика «Дым без огня» (обе выпущены частными издательствами).

«...От ушедших отставший бред»

Владимир Василенко назвал свою книгу вроде бы предельно просто «Зарисовки». Ну какие, подумаете вы, могут быть претензии к автору, который сознательно обозначает свои творения этим словом из лексикона художников. Зарисовка — ведь это нечто вроде быстрого рисунка, сделанного второпях, без проработки деталей.

В самом заголовке — как бы уже просьба о снисхождении. Ну как можно строго относиться к зарисовкам? Это же не проработанный рисунок и тем более не картина! Открываем книгу по тому же принципу — наугад. Страница 61:

* * *

Время и есть притяженье вещей,
вид из окна: кто куда глянет.
Тянет не к человеку вообще
и не просто к этому — тянет

Выбраться вон. «Ты один». «Ты одна» —
от ушедших отставший бред.
Речи слились и дошли до дна,
и назад им дороги нет.

Тихо, как в люльке, в дыхании двух
как легко умирает миг,
как потом их глаза обсуждают вслух,
с высоты озирая мир...

А потом мы гадаем, как обмануть
с невозможною вестью гонца,
как начать без конца и начала путь,
с какого такого словца.

Можно ли, читатель, представить какое-то реальное содержание в этих опорных знаках зашифрованной мысли? Попробуем! Несомненно одно, что речь идет о двоих не в лучший момент их отношений. Одного из них «тянет выбраться вон» из этих отношений или из квартиры, но назад дороги нет, речи их уже дошли до дна, а лирические герои — до ручки, и все же они еще дышат, и в их дыхании «как легко умирает миг», но дальше вы сами попытайтесь все разложить по полочкам. Я лично так и не смог понять, чем оно у них закончилось: разошлись они, вслух обсудив глазами гонца с невозможною вестью, или обманули его, начав сначала путь без конца и начала, то есть снова испытали притяженье вещей, которое равнозначно времени и виду из окна.

Но скажите честно, дорогие читатели, прочтя это стихотворение, вы стали умней, духовно богаче, испытали эстетическое наслаждение, поразились авторскому видению давно привычных вещей и явлений? Очень сомневаюсь. С большим успехом и удовольствием вы бы разгадали кроссворд в «Беларуси сегодня».

Закодировать то, что дало автору толчок к написанию этого опуса, напустить как можно больше тумана, запрятать смысл, исказить реальность до абсурда — такова, мне кажется, исходная установка Владимира Василенко перед первой строкой того, что просится на бумагу. Перед нами явный духовный брат выше процитированной Елены Свечниковой, но только более преуспевший в составлении стихотворных ребусов и шарад.

Хочется спросить Владимира: кого читали, кем прельстились, от кого заразились ложным мудрованием (хорошее словцо из «Нового Завета», означающее нечто противоположное истинной мудрости)? А Владимир и не скрывает — от кого. Разве пристало стыдиться учения у самого нобелевского лауреата, господина Бродского, громогласно и дружно всеми континентами признанного гения двадцатого века? Это же почетное ученичество и верная дорожка в высокую поэзию.

Стихи Владимира Василенко вовсе на зарисовки не похожи, потому что тщательно продуманы, намеренно усложнены и причесаны под Иосифа Бродского. Сам автор пишет об этом в послесловии с предельной ясностью: «Как вокалисту ставят голос — так Иосиф Бродский своими бесценными советами и замечаниями попытался скорректировать мой слух».

О своем эпистолярном общении с Бродским автор рассказал в том же послесловии. Все произошло очень обыкновенно: просто послал ему стихи в адрес Библиотеки Конгресса США, где тот выполнял свои лауреатские обязанности, и через какое-то время получил его ответ. Оказалось, признанный всеми гений вполне доступен для начинающего стихотворца, каким был Владимир Василенко в 1993 году. К чести Владимира, он не побоялся воспроизвести в своем послесловии довольно жесткие замечания Бродского по конкретным строчкам его стихов. Ведь иногда начинающему автору достаточно двух-трех советов мастера, чтобы у него открылся новый слух.

В поэзии тонкий слух не менее необходим, чем в музыке. И с поставленным мастером слухом можно оставаться оригинальным, ни на кого не похожим стихотворцем. Совсем не обязательно прогибаться под мастера.

К сожалению, почти вся книга состоит из прогибов. А жаль. Слух еще можно настроить, но голос-то должен быть свой, как в этом стихотворении, написанном, как мне кажется, еще до Бродского:

Мне твое не нужно тело,
не нужна твоя душа —
только то, что у предела
возникает, чуть шурша:

Тень соседнего пространства,
в чье иду непостоянство
с тяжести, с колен, с ума —
ты сама, лишь ты сама.

Просто завораживает это нетривиальное прочтение любовной коллизии. И явно ощущается присутствие чего-то неназванного и необъяснимого, некая зазеркальность, переходы через пространство, его многомерность, — да впрочем, объяснять настоящую поэзию дело неблагодарное, ибо лучше, чем сказал автор в строчках, все равно не скажешь. И если бы Владимир Василенко остался на этом уровне зашифрованности, которую все же можно понять при желании, он бы ничего не потерял, а только выиграл. Но после эпистолярного знакомства с Бродским, то есть после 1993 года, шифр его поэзии усложнился, и она потеряла последние остатки оригинальности, полностью став зеркальным отражением стиля нобелевского лауреата.

Точка всегда обозримей в конце прямой.
Веко хватает пространство, как воздух — жабра.
Изо рта, сказавшего все, кроме «Боже мой!»,
вырывается с шумом абракадабра.
Вычитанье, начавшееся с юлы
и т. п., подбирается к внешним данным;

паутиной окованные углы
придают сходство комнате с чемоданом.
Масса времени в дверном проеме стеной —
утренний обход особы одной
с целью, обходя, разминуться с тобой,
впрочем — только с выбранной тобой любой
вещью, содержимым равною с той
в мыльном пузыре высотой.

Ну-ка, уважаемый читатель, попробуйте разобраться, какие строчки в этом провокационном тексте принадлежат Бродскому, а какие Василенко. Стилистика абсолютно одинакова, только мастера все же выдает особое художественное зрение: «Паутиной окованные углы // Придают сходство комнате с чемоданом». Все, что в тексте следует после этих строк, принадлежит Василенко. И приходится констатировать с сожалением, что ученик перемудрил учителя «Вещью, содержимым равною с той // В мыльном пузыре высотой», которую совершено невозможно представить.

Какие же советы заокеанского учителя перевернули сознание минского стихотворца? Довольно объемной цитатой из письма Бродского (и его факсимиле) он предваряет свой сборник.

«...Советовал бы Вам, впрочем, избегать в стихах общекультурного материала и понятий типа «дух», «блаженство», «предугаданье», «забытье». Связь между верхом и низом на самом деле чрезвычайно прямая, и литературный язык (русский литературный в особенности) ее только затемняет. Старайтесь обходиться без литургических (церковных вообще) категорий и стремитесь к метрической непредсказуемости; в этих делах нет ничего более вредного, чем априорная, заемная музыка. Надеюсь, впрочем, что все обойдется...»

По моему мнению, советы весьма спорны и слабовольному автору, теряющему разум от пиетета перед мировым авторитетом, могут только навредить.

Как бы мы ни относились к Иосифу Бродскому, какие бы противоречивые чувства и мысли ни вызывали его стихи, одно несомненно: пусть его строки ироничны и негативны, но они безусловно ясны для нашего понимания, сверхусложненностью до шифра в них и не пахнет.

Архисложный для читателей поэзии Рождественского и Доризо поэт на самом деле классически прост и ясен.

А к чему пришел наш уважаемый Владимир Василенко за двадцать лет своего сдельного труда в цехе поэтов? Вот стихотворение 2009 года.

Перисто-кучевой нерукотворный дренаж
(так подобную синеву только и осветляют),
они не заглядывают в форточку: «Ты наш?»,
они это знают.

Снизу-вверх, от земли, от воды,
снизу-вверх, все события — в атмосфере,
снизу-вверх... назревающие ходы,
поданные в серафической манере.

Гипнотизирующий объем,
овладевающий головою, —
чувствуешь, как живьем
попадаешь под якобы неживое.
Что еще означает этот, руки в карманы, дух.
Интересующийся происхождением слова
«воздух»
и тем, куда держат путь промоины сини, вслух
переходящие воду...

(Опускаю еще три строфы рифмованной инструкции для человека, впервые попадающего в перисто-кучевой дренаж. Уверяю вас, они не более понятны, чем первые четыре.)

Ну ведь умолял же Вас, Владимир, Ваш обожаемый Иосиф Александрович избегать понятии типа «дух», да еще выразил надежду, что все как-нибудь без подобных слов общекультурного материала у Вас обойдется. Что это Вы его не послушали, а прибегли к этому треклятому понятию, изобразив этот самый «дух» не как-нибудь, а в интересной позе — «руки в карманах» да еще «интересующимся происхождением слова «воздух». Любое слово можно обессмыслить, если его поставить в контекст случайных слов или же слов, намеренно выбранных для затемнения смысла.

Вполне возможно, что сам Владимир Василенко понимает, о чем пишет, что означают эти спонтанные выверты сознания, застывшие в форме тщательно зашифрованной реальности. Наверно, ему безумно интересно сочинять эти причудливые словесные лабиринты для уловления чужого интереса. Вероятно, он надеется, что в большом городе Минске найдутся эти триста человек (тираж 300 экз.), которым его поэзия придется по вкусу. Но кому эти стихи придутся по душе? Пусть об этом подумает сам Владимир.

«Обновив экстерьер поношенный...»

Следующий автор, чьих творений коснется мое критическое перо, похоже, хочет быть понятным и понятым. Открою книгу стихов гродненца Дмитрия Радиончика «Дым без огня» по тому же принципу, что и предшествующих авторов. Страницы 102—103.

К художникам

Рисуйте пейзажи, пока у вас хватит
И красок поярче, и полутонов.
Беспечный торговец всегда переплатит,
Наивный творец не жалеет холстов.

Пишите портреты, пока вы способны
В толпе различать выражения лиц.
Пусть дни будут солнечны, кисти удобны
И музы возвышенны, с крыльями птиц.

Рисуйте пороки и язвы с натуры.
Не нужно скрываться, не стоит скрывать.
Вы — бедные дети богатой культуры.
Лишь небо и землю у вас не отнять.

По первому впечатлению, вроде бы неплохое стихотворение. Особенно после стихов Василенко это стихотворение кажется чуть ли не верхом изящества и простоты. По крайней мере, легко узнаваемый классический четырехстопный амфибрахий, который я всегда узнаю по аналогии с некрасовским «Однажды в студеную зимнюю пору...» Да и мысль тоже хоть тривиальна, но вполне благородна: призвать художников (надо полагать, «художников» в расширительном смысле, а не только мастеров кисти) к активному творчеству, не замыкаться в себе.

Ну и последние две строки вообще афористичны.

Браво, Дмитрий! Уроки советской поэзии усвоены, самый интересный образ или потрясающая мысль всегда приберегались на концовку.

Но что-то меня в этом неплохом стихотворении не устраивает. Да все те же частности, на которых спотыкается мое чутье. В некоторой мере и сам художник. Я вижу неверное понимание ремесла моих собратьев по кисти, которых берется призывать к творчеству автор. Что значит «краски поярче», а неяркие разве не пригодны для работы? В том-то и дело, что одними яркими красками пейзажа не

напишешь. И потом, художники обычно не делят краски по яркости, и черный цвет может быть ярким, и желтый может быть темным, глухим. А что касается «полутонов», то они в тюбиках наподобие красок не продаются, и поэтому желать художнику, чтоб у него хватило не только красок, но и полутонов, — это просто было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Пойдем дальше. Беспечный торговец — это нонсенс. Любой торговец, знаю по своему опыту, стремится заполучить у художника картину как можно дешевле. Если будет переплачивать, он вылетит в трубу со своим бизнесом. Покупатели картин типа Третьякова и Мамонтова давным-давно превратились в художественные образы, ныне подобных доброхотов на нашем торжище культуры попросту нет.

Да и творца ныне невозможно назвать наивным, и холсты свои за бесценок он продавать не хочет, то есть жалеет их. Жалеет хотя бы потому, что купить холст или самому приготовить его — это тоже дело не дешевое. И бывает так, что художник пишет новую картину на старом, уже раньше записанном холсте, так как у него нет денег на новый. А Вы, Дмитрий, утверждаете обратное.

Есть и еще неувязки, теперь уже с греческой мифологией. Мне кажется, Дмитрий, Вы перепутали муз, покровительниц поэзии, искусства и наук, с ангелами или по крайней мере с божком любви Амуром, которые изображаются согласно традиции с крыльями, но со своими, а не птичьими. Так что музы с птичьими крыльями — это чудо Вашей фантазии.

Ну и концовка — при всей ее броскости, не подготовлена логикой развития стихотворения. Она как гром среди ясного неба. Для того, чтобы она сыграла, нужно было в предшествующих четверостишиях назвать, что же у художников отнято. К примеру, краски и кисти, кусок хлеба, свобода творчества. Тогда бы действительно стало ясно, что у них остались только земля и небо.

Не вызывает у меня восторга и утверждение: «Вы — бедные дети богатой культуры». Ну, пусть дети, хотя и в этом выражении мне видится некоторая натяжка. Все-таки творчеством, имеющим резонанс в душах людей, занимаются взрослые люди. Но богата ли наша культура? Это большой вопрос. Вся она, по моему мнению, сделала большой крен в сторону развлекаловки и угодничества перед низменными вкусами толпы. Она нынче один из видов товара на потребительском рынке.

Посмотрите, что навязывает нам телевидение? Там не рассказывают о писателях, художниках, ученых, творческих людях в любой другой профессии. Их место заняли актеры всевозможных рангов, от молодых до увенчанных званиями. Они у нас теперь оракулы общественного мнения по любому вопросу. Они теперь нас учат, как готовить пищу, как одеваться, как воспитывать детей, во что верить. Люди, которые всю жизнь произносили со сцены чужие, выученные ими слова, теперь выступают перед нами как титаны мысли и герои духа. Горько и смешно!

Не услышишь и не увидишь теперь по ТВ ни оперы, ни оперетты, ни симфонического оркестра, ни классического романса, ни, наконец, какого-либо спектакля. На экране тусовки с одними и теми же лицами, молодежный стандарт на эстраде, дешевые попевки, которые невозможно воспроизвести, потому что не запоминаются ни слова, ни мелодия. На эту тему можно писать и говорить долго и безрезультатно. Так что я не стал бы называть культуру богатой.

Но достаточно об этом стихотворении. Обратимся к странице 103. Здесь под рубрикой «Из цикла «Академическая графомания» такое стихотворение:

Стаи

Пространства крыльями листая,
Как тени звезд, упавших вниз,
Куда-то вдаль несутся стаи
Побитых ветром, слабых птиц.

А бесконечность не тревожит
Их одинокий звонкий крик.

И вряд ли им во мгле поможет
Скупого света редкий блик.

Все позабыв, расправив крылья.
Пронзают птицы синеву —
Рабы беспечного всесилья
Вершат полеты наяву.

В пустой обители природы
Пустые души гнезда вьют.
Под хладным пылом злой свободы
Свой кров отверженный найдут.

Читатель, скажите честно, Вы что-нибудь из этого сумбурного опуса поняли? Я — не очень. Но давайте разберемся вместе. Итак, куда-то несутся стаи слабых птиц, да еще побитых ветром, «пространства крыльями листая» (неплохо сказано!). Непонятно, куда они летят, и почему им не поможет (вероятно, найти куда-то дорогу) «скупого света редкий блик»? Но все же эти «рабы беспечного всесилья» (ну какое уж там всесилье, если впереди названы слабыми и побитыми?) где-то приземлились и свили все-таки «свой кров отверженный». И представьте себе, строили гнезда не при благоприятных условиях, а «под хладным пылом злой свободы». В последней строфе автор взял да и обидел и природу, и этих бедных, побитых ветром птиц. Птиц назвал «пустыми душами», и природе досталось!

Но что он все-таки хотел сказать-то? Ради чего весь этот сыр-бор с побитыми ветром птицами? Какую мысль он заронил в наши умы, жаждущие от стихотворения радости открытия? Что пустое это все дело: куда-то лететь и где-то строить гнезда, что все равно на чужой земле ты будешь отверженным?

Если это так, то мысль автора вполне благородна.

Но отчего же она так глубоко запрятана, что с первого прочтения ее и не поймешь. Что же мешает этому пониманию? А вот то самое явление, которое автор назвал так заумно «академическая графомания», то есть, как я понимаю, графомания выше некуда. Да, вот все эти фразочки: «рабы беспечного всесилья», «под хладным пылом злой свободы» — мешают понять автора.

Есть и еще промахи вкуса. Как это может быть: у нескольких стай — одинокий звонкий крик? А два именительных падежа в одной фразе создают путаницу — кто кого не тревожит: бесконечность — крик или крик — бесконечность. Совершенно пустая фраза, для заполнения строчки хоть чем-нибудь: «вершат полеты наяву».

И выморочная ложная многозначительность последней строфы «В пустой обители природы пустые души гнезда вьют». Да не вьют пустые души гнезд, не вьют. Их вьют только те души, которые думают о детях, о будущем, о смысле жизни и полета. А такие души уже нельзя назвать пустыми. Пустым-то вышло само стихотворение, ибо никакой значительной мыслью нас не наградило.

Но, может быть, я случайно попал на самые слабые стихи в сборнике Дмитрия Радиончика? Может быть, в этой без малого трехсотстраничной книжище тетрадного формата (так у нас и классиков не издают!) все же где-то скрываются настоящие стихи, без выпендрежа и философской позы? Поищу таковых среди коротких, потому что в длинных всегда есть опасность скатиться в ложное мудрование. И, слава богу, нашлись-таки у Дмитрия среди коротких виршей стихи ясные и понятные.

Самое короткое стихотворение, за которое можно автору прокричать троекратное «браво»:

Я, скитаясь на дне глубин,
оставался совсем один.

А помчался к тебе, и вот —
У небесных стою ворот...

Как же совместить с этими моими восторгами по поводу маленьких шедевров Дмитрия Радиончика мои же нелицеприятные суждения о первых двух стихах, взя-

тых мной из его книги наудачу? А очень просто. Книга и ее автор дают повод как для «ахов», так и для «охов». В его стихах хватает всего: и хороших точных строк и строф, и графомании, и простоты, и литературной пошлости, и своего, и навеянного поэзией великих поэтов, и скромности, и высокого самомнения. Несомненно, что человек он одаренный, но что сам он в своих удачах и промахах разобраться не может — тоже очевидно, а слышит от собратий по перу только восторги, которые не дают ему взглянуть на себя и свои творения самокритично.

Большой плюс его стихов в том, что все они питаются его духовной жизнью, основа которой поиски смысла жизни. Это поэзия сомнений, разочарований, новых обольщений, взлетов и падений духа и вечных проклятых вопросов, которыми мучается на земле каждое новое вызванное к жизни поколение.

И тематический спектр его стихотворений столь многоцветен, что это позволяет говорить как о широкой начитанности автора, так и о чисто внешней демонстрации своих интересов в сфере культуры и истории человечества. Поразить читателя этим многообразием, а значит, и завоевать его, — вот явная или скрытая подоплека этой демонстрации. На эту прагматичную мысль наводят меня хотя бы заголовки его стихов:

«Похороны надежды», «Уникум», «Стена бесстрастия», «Продавец молний», «Верхом на мечте», «Наш бронепоезд», «Урбанистический блюз», «Зеница Горгоны», «Дневник мертвеца», «Соло ангела на трубе», «Мой Прометей», «Безумный скиталец» и т. д. и т. п. А книжка вся называется — ни много ни мало — «Дым без огня» по названию одного из стихотворений. Уж не скрывается ли в нем самая любимая мысль автора о мире и о себе в нем?

Придется его процитировать:

Цель преследуя определенную,
В купе, что было с утра пустое,
Судьбы подарком завороженные,
Едут двое.

Напряженность — один из признаков
Их, оставшихся наедине.
Стук колес пробуждает призраков.
Ночь в окне.

Обновив экстерьер поношенный,
Чувства включаются в схему дней.
Непристойные взгляды брошены.
Утро вечера мудреней.

Вызов принят. Поладив с нервами,
Но покоя лишив и сна,
Бури страсти сметут их первыми.
Вот она...

Мигом вскроется несоответствие
Желаний, возможностей и т. п.
Не такое уж это бедствие —
Ночь, купе...

На поверку правдой убийственной
Все ж окажется средь бела дня
Едкий, слезоточивый поистине
Дым без огня...

Впечатлись, читатель! Хочется Вам переписать этот опус в свою тетрадку с конспектами, а может, выучить наизусть? Мне лично нет. Почему-то не вызывает у меня положительных эмоций наукообразный пересказ заурядной ситуации: ну посидели двое в купе против друг друга, померялись «непристойными взгляда-

ми» и ни на что не решились: ни на дорожную страстишку, ни на простое знакомство. Огонь так и не вспыхнул, так откуда же тут быть дыму? Никому мы в этом стихотворении не сочувствуем, потому что лирического героя с его личным отношением к ситуации в нем нет. Стихотворение словно само просится на пародию. И вот заголовок такого протокольного коммюнике о намерениях перепорхнул по воле автора на обложку книги. О чем это говорит? Либо об оплошности автора, либо о его решительной умудренности — подставиться под критический бич. Видимо, автор решил перехитрить самого себя, а заодно и читателя.

Нет, я далек от мысли представить творчество Дмитрия Радиончика не стоящим вообще внимания читателей. Мыслительная деятельность там есть. Он пока в процессе поиска своего стиля, своей дороги в поэзии. Его стихи слишком литературны, а это знак опасности. Все мы, конечно, начинаем с подражания любимым поэтам. Но неизбежно наступает момент, когда мы должны повернуться к ним спиной и дальше идти самостоятельно, ошибаясь, падая и ушибаясь. Но это уже наши ошибки и наши шишки. Вот таких собственных шишек и ушибов в стихах Дмитрия пока не видно. Пока побеждает автора накатанная привычная гладкопись.

И я бы не торопился с хвалой и восторгами в адрес еще одного молодого дарования. И всякого рода авансами в счет будущего успеха. Такими, какие предпослал молодому автору гродненский поэт Петр Семинский:

«Не прошло и двух лет (после выступления Дмитрия на Фестивале русской поэзии в Бресте, где он получил приз зрительских симпатий. — ***Г. К.***), а уже написан новый сборник. Стихи данного тома пропитаны образностью и философией. Порой складывается впечатление, что автору чужда общепринятая лирика, перенасыщенная природоописаниями и поисками любви. Он смело бежит по дороге Поэзии, задавая все новые и новые вопросы себе, эпохе и Вселенной».

Все в этом отзыве претенциозно. Как раз образности-то и следа нет в стихах Дмитрия, такой, как — «Осень, рыжая кобыла, чешет гриву» или такого рода, как у процитированного выше Бродского.

И философии я не нахожу, глубокой, выстраданной, сравнимой с вероучением. Размышления о прочитанном — еще не философия. А по поводу того, что отсутствует в сборнике «Дым без огня» «общепринятая лирика... и природоописания», рецензент так и не вынес окончательного суждения: так хорошо это или плохо?

А уж «смело бежать» по той дороге, что невыразимо трудна даже для закаленных ходоков, это значит свернуть себе шею или разбить лоб. Что зачастую и случается с наиболее прыткими бегунами за удачей.

Непрописные истины

В тему нашего разговора кстати ложится одно краткое стихотворение Варлама Шаламова:

Нынче я пораньше лягу,
Нынче отдохну.
Убери же с глаз бумагу,
Дай дорогу сну.

Мне лучи дневного света
Тяжелы для глаз,
Каменистый путь поэта
Людям не указ.

Легче в угольном забое,
Легче кем-нибудь,
Только не самим собою
Прошагать свой путь.

Если кто из молодых читателей не знает ни этого имени, ни судьбы этого поэта и мужественного человека, то немного поясню. Стихи эти написаны не за письменным столом, не в спальне, где поэта ждала бы мягкая уютная постель, скорей всего, они возникли в бараке, приспособленном под лазарет для заключенных, и поэту надлежало провести ночь на нарах, был ли на них хоть какой-то тюфяк — бог весть! Девятнадцать лет сталинских лагерей — до стихов ли было человеку в нечеловеческих условиях труда и отдыха? Шаламов, как он сам признавался, «четыре года не держал в руках книги и газеты», а потом ему все же улыбнулась лагерная фортуна. «В 1949 году я, работая фельдшером в лагере, попал на «лесную командировку» — и все свободное время писал: на обороте старых рецептурных книг, на полосках оберточной бумаги, на каких-то кульках» (В. Шаламов, «Несколько моих жизней»).

Поэтому за простыми вроде строчками: «Нынче я пораньше лягу, // Нынче отдохну» — стоит намного больше, чем может показаться на первый взгляд. Видимо, не каждый день политзаключенный Шаламов мог позволить себе лечь пораньше. И в этих условиях, размышляя о своем «каменистом пути», понимая всю его тяжесть, поэт не желает променять его на торные и равнинные дороги. Все остальные варианты жизнеустройства для него были бы легче, даже тяжкий труд в забоях и рудниках.

Каменистым путь поэта остается и сегодня, только камни под ногами иного рода: общество тотального контроля и бесконтрольного потребления совращает поэта с его тяжкого, но честного пути всеми благами цивилизации и своим духовным нигилизмом: «Будь, как мы, служи нам, воспевай наши успехи и удовольствия, и тогда мы тебя почитаем на досуге между телевизионной жвачкой и застольной».

Да, самое трудное для поэта, как во времена Шаламова, так и сегодня, — оставаться самим собой. Так вот. Пока большинство авторов, произведений которых я слегка коснулся своим аналитическим пером, шагают не по своему пути. Так заманчиво и просто, не трудясь душой, не затачивая разума на собственных ошибках и неудачах, наполнить свою внутреннюю пустоту чужим благородным и разнообразным содержанием, причем речь здесь идет не о прямом заимствовании, а о способе мышления, о стиле письма, о более явном или завуалированном подражании. И автор, перепевая любимого поэта, даже и не догадывается, что его по праву можно назвать эпигоном любимого поэта. Во времена моей молодости это слово было равносильно упреку в бездарности.

И еще одно наблюдение. Одна существенная деталь.

Двое из трех авторов, мной рассмотренных, носят белорусские фамилии, предполагаю, что и по национальности они белорусы, что родились и росли они в нашей нынешней языковой среде, где все говорят в обиходе по-русски, но никто глубоко этого языка не знает и не чувствует. Для того, чтобы его чувствовать, недостаточно читать Маринину или Пелевина, а Пушкина и Чехова знать только в объеме школьной программы. И никакой Бродский в качестве литературного наставника не поможет, если нет чувства русского языка, впитанного с молоком матери, подслушанного у народа в нежном детском возрасте. Этого чувства никак не начитать уже позднее, какие бы горы русской классики ты ни одолел.

А отсюда вывод, который многим покажется парадоксом: из этого состояния речи, где все якобы говорят по-русски, а слово «шестьдесят» упорно произносят как «ше́стьдесят, а вместо «туда и сюда» — «тудой и сюдой»» (да и многие другие слова на белорусский манер), из этого языкового плюрализма легче вернуться к языку своих дедов и прадедов, чем продолжать восхождение на Эверест русского языка, который ведь и многим так называемым россиянам не покоряется ни с первой попытки, ни с десятой.

Родной язык, родная белорусская мова блудных своих сынов и дочерей и приютит, и согреет, и приголубит, и приласкает. И спасет от ложной, вычитанной мудрости и от зарифмованных банальностей бездуховного существования.

АЛЕКСАНДРА МАТУСЕВИЧ

Зачарованный песней



Валерий Дайнеко

Имя заслуженного артиста Беларуси Валерия ДАЙНЕКО прежде всего ассоциируется с ансамблем «Песняры», солистом которого он стал во второй половине 1970-х годов. А в последнее время — и с ансамблем «Белорусские песняры», уже более десяти лет существующим как самостоятельный коллектив и включающим в себя основной состав того легендарного ансамбля, внутри которого в конце 1990-х годов произошел раскол.

Однако жанровый диапазон творчества артиста гораздо шире. Его первым и, как оказалось, пожизненным увлечением стал джаз. И путь на сцену в начале 1970-х годов начался с исполнения именно джазовых произведений. Так что в нынешнем году 60-летний юбилей Валерия Дайнеко, который он отметил 29 ноября, совпал с 40-летием его творческой деятельности. Поразительный факт непреходящей творческой активности и популярности артиста можно выразить словами одной из его известных песен: *«Я все тот же, я все тот же — я такой, как был вначале…»* И действительно, на протяжении десятилетий творчество Валерия Дайнеко не претерпело каких-либо «возрастных» изменений — оно всегда актуально и современно, потому что является органической частью его существования на любом этапе жизни.

С детства — в музыкальной стихии

Валерий и его старший брат Геннадий росли и воспитывались в музыкальной семье. Их отец долгое время был директором одной из минских музыкальных школ, имел специальность хормейстера, играл на нескольких инструментах, хорошо пел. И мать, по словам Валерия, хоть и работала бухгалтером, но от природы была очень музыкальным человеком, обладала тонким слухом, имела хороший голос. И естественно, что своих сыновей родители готови-

ли к музыкальной карьере. Оба обучались в средней специальной музыкальной школе-одиннадцатилетке при Белорусской государственной консерватории, Геннадий в будущем должен был стать пианистом, а Валерий — скрипачом.

— Брат закончил 11-летку по классу фортепьяно, а я до восьмого класса обучался игре на скрипке, а затем перешел на альт, — рассказывает Валерий. — Родители растили из нас классических музыкантов, но мы тайком увлекались совсем иной музыкой. По ночам мы ловили «Голос Америки» и другие запрещенные у нас радиостанции, в которых нас интересовала, конечно же, не политика. Мы слушали и записывали на магнитофон западную поп-музыку, джаз и искренне удивлялись: как можно вообще запрещать музыку? Благодаря интересу к этой музыке я стал самостоятельно изучать английский язык, обзавелся учебниками, словарями и переводил, улавливая на слух, тексты песен группы «Битлз». Благодаря этому я и артикуляцию усвоил, что впоследствии мне очень пригодилось при исполнении соответствующего репертуара. И я не назвал бы это преклонением перед Западом. Ведь в джазе и популярной музыке законодателями являются именно западные страны. В любой стране Европы, если какой-то исполнитель хочет получить широкую известность, то должен петь на английском. Вот только сожалею, что как следует не выучил этот язык — теперь мне проще было бы общаться в Интернете с известными музыкантами. И даже на русскоязычных форумах, к примеру, джазовая терминология сплошь англоязычная.

О годах учебы в 11-летке Валерий рассказывает с каким-то особым оживлением и даже охотнее, чем о последующем периоде накопления знаний. Чувствуется, насколько насыщенными и интересными для него были эти годы, невзирая на неизбежные трудности, связанные с обучением в такой школе. Ведь в ее учебных программах наряду с общеобразовательными предметами предусматривался целый ряд музыкальных дисциплин, не говоря уже о ежедневных трехчасовых занятиях по овладению инструментом.

— Точные науки — явно не моя стихия, с предметами физико-математического цикла у меня всегда были трудности, за что их и не любил, — вспоминает Валерий. — Но среди моих одноклассников были и такие, которым легко давались как специальные музыкальные дисциплины, так и все общеобразовательные предметы. К таким примерным ученикам относился мой друг Боря Бернштейн, с которым мы 10 лет просидели за одной партой. Я у него списывал все — математику, физику, химию. И все контрольные работы он делал за меня — ему это было не трудно. Он же решал мне и гармонические задачи, ведь гармония — это настоящая музыкальная математика. Но с сольфеджио у меня трудностей не было, даже двух- и трехголосные диктанты писал сам. И я считаю, что в этом, как ни странно, мне помогло увлечение популярной музыкой, которую мы с братом снимали на слух с эфира и раскладывали на ноты.

А потом были сделаны первые, но довольно смелые шаги на пути к собственному творчеству. В старших классах Валерий Дайнеко с Борисом Бернштейном организовали группу «Менестрели», основу репертуара которой составляли произведения мировой рок-классики, а также первые собственные сочинения. Так что отсчет артистической карьеры двух друзей можно вести с момента создания этой группы (позже, на протяжении определенного времени, они вместе будут работать в «Песнярах»).

Шел 1970 год. Старший брат Валерия к этому времени уже учился в консерватории. После окончания 11-летки в консерваторию поступил и Борис Бернштейн, а вот самому Валерию не повезло — завалил экзамен по истории. И он поступает сразу на третий курс Минского музыкального училища, после окончания которого получает специальность альтиста и педагога. А позже, в 1980-х годах, уже будучи известным артистом, он закончит Минский институт культуры по классу «хоровое дирижирование».

Начало профессиональной карьеры

Не секрет, что большинство музыкантов и певцов, в том числе и известных, свой творческий путь начинали с работы в ансамблях, существующих при ресторанах. Часто такая деятельность осуществлялась параллельно с учебой. Так было и у братьев Дайнеко. Геннадий, который впоследствии стал известным джазовым пианистом, будучи студентом консерватории, играл в ансамбле ресторана «Каменный цветок», а Валерий, поступив в музыкальное училище, стал солистом этого ансамбля, где у него появилась прекрасная возможность развивать свое вокальное мастерство, исполняя известные произведения джазовой и популярной музыки. Вот здесь-то его и заприметил Владимир Мулявин, который был дружен с руководителем этого ресторанного ансамбля.

— Как и положено, я прошел прослушивание и получил официальное приглашение войти в состав ансамбля «Песняры», который к тому времени уже получил широкое признание, став лауреатом IV Всесоюзного конкурса артистов эстрады, проходившего в октябре 1970 года в Москве, — вспоминает Валерий. — Но, честно говоря, стилистика «Песняров» с их обработками народных песен меня тогда не очень-то привлекала. В «Каменном цветке» я пел «фирму», одновременно работал в составе эстрадно-джазового вокального квартета оркестра Белорусского радио под управлением Бориса Райского. И все это совмещал с учебой. А при переходе в «Песняры» училище пришлось бы бросить — ведь в этом ансамбле был очень плотный график работы и постоянные гастроли. Мои родители, конечно, с этим согласиться не могли. Да и я сам понимал, что мне следует закончить музучилище и получить хоть какой-то диплом. Я тогда, конечно, и не предполагал, насколько серьезно впоследствии «Песняры» войдут в мою жизнь. А сразу после окончания училища у меня был опыт работы в двух филармонических ансамблях, где мы работали в основном в стилистике джаз-рока. Вначале была группа Валентина Бадьярова, который на тот момент ушел из «Песняров», но вскоре снова туда вернулся, правда, ненадолго, а потом — ансамбль «Ровесник» под управлением Виктора Скугаревского. В «Ровеснике» вместе со мной работал Володя Карась, и когда в деятельности этого коллектива возникли проблемы, то он уехал на Украину, где устроился в ансамбль «Червона Рута». Между прочим, в этом ему помог Владимир Мулявин, предварительно созвонившись с Анатолием Евдокименко — руководителем этого ансамбля и, как известно, мужем Софии Ротару. А через некоторое время уже при содействии Володи Карася в «Червону Руту» был приглашен и я. Это произошло в 1976 году, в течение которого я и работал в этом ансамбле.

По сравнению с предыдущими это был, конечно, именитый коллектив. В его составе Валерий Дайнеко дважды побывал на зарубежных гастролях. Но сегодня об этом периоде артист рассказывает как о каком-то промежуточном этапе на своем творческом пути. Сфера исполнительской деятельности в «Червоной Руте» была для него привычной — вокал, альт. В концертах имелись свои сольные номера, однако основной нагрузкой оставался бэк-вокал. «Какой бы интересной ни была работа в этом ансамбле, но все же — мы стояли на подпевках у Софии Михайловны», — говорит Валерий. Ну какие еще более весомые аргументы можно добавить к этому высказыванию?

«Песняровская эра»

Все же судьбе было угодно рано или поздно привести Валерия Дайнеко в «Песняры». В один из обычных дней он позвонил в Минск своему другу, коллеге по работе в «Каменном цветке», а у того дома как раз находился Владимир Мулявин. Этот телефонный звонок все и решил: на этот раз Валерий от предложения не отказался.



«Песняры» исполняют «Песню пра долю» (1978 г.).

— Мой последний концерт с «Червоной Рутой» уже проходил по согласованию Евдокименко с Мулявиным, — вспоминает артист. — Это было в декабре 1976 года, когда Тула получила звание «город-герой». На этом концерте присутствовало высшее руководство страны, в том числе и Брежнев с супругой.

Таким образом, начало 1977 года стало началом «песняровской эры» Валерия Дайнеко. За время работы в ансамбле он объездил не только весь Союз, но можно сказать — весь мир. Получил звание заслуженного артиста. И внес свой неоценимый вклад в развитие и процветание коллектива. Его сольным дебютом в ансамбле стала песня «Беловежская пуща» Александры Пахмутовой на слова Николая Добронравова — одна из лучших в репертуаре карточек «Песняров». Именно в исполнении Валерия Дайнеко она стала столь любимой и популярной. Хотя пальму первенства артист здесь себе не присваивает — эту песню чуть раньше, в 1976 году, впервые исполнил Юрий Денисов — также великолепный вокалист, который совсем недолго проработал в ансамбле.

Визитной карточкой «Песняров» стал и голос Валерия — с проникновенным мягким тембром и характерными чертами лирического тенора, который может приобретать разнообразные штрихи и краски в зависимости от жанровой и стилистической принадлежности исполняемых произведений. Он является первым исполнителем таких песняровских хитов, как «Зачарованая мая» И. Лученка на слова Г. Буравкина, «Зорка Венера» Рак-Михайловского и «Слуцкія ткачыхі» В. Мулявина на слова М. Богдановича, «Стася» О. Молчана на слова Я. Пущи, «Я все тот же» И. Любинского на слова А. Шанаева и многих других, без которых нельзя было представить репертуар ансамбля тех лет. Среди лучших песен Валерия Дайнеко числится и «Калыханка» Д. Явтуховича на слова Л. Прончака (*Спіць над лесам аблачынка, / Засынай, мая дзяўчынка…*), названная одним из критиков маленьким шедевром, которая и сегодня каждый вечер звучит в программе «Вячэрняя казка» на Первом национальном канале Белорусского радио, а также включена во многие альбомы.

Но все же главным направлением в творчестве «Песняров» всегда были обработки народных песен. Уже позднее, создавая свои собственные произведения,

Мулявин обратился к классикам белорусской литературы, прежде всего — к поэзии Янки Купалы. И параллельно в репертуар ансамбля все чаще стали входить песни советских композиторов, в первую очередь Игоря Лученка и Александры Пахмутовой. И что примечательно — «Песняры» запели на русском языке. Музыковеды отмечали, что этим новым направлением в своем творчестве они вписали яркую страницу в историю советской популярной музыки. Вот в такой период и появился в ансамбле Валерий Дайнеко, что сразу нашло отражение в его репертуаре.

Но что характерно, даже в эстрадных шлягерах явно ощущалась неповторимая песняровская стилистика, узнаваемая с первых аккордов любой песни. Участники ансамбля сумели найти органичный сплав в сочетании современной музыки с белорусским песенным фольклором. Их отличительной чертой всегда было ансамблевое пение, основанное на многоголосье.

— Практически все ВИА тогда пели в унисон, редко расходясь в два-три голоса, а «Песняры» использовали белорусское народное многоголосье, — объясняет Валерий. — В этом и есть их уникальность. И Мулявин очень не любил, если кто-то в отношении его ансамбля употреблял аббревиатуру ВИА, по его мнению, — легковесную и ни к чему не обязывающую. Ведь всем известно, какую огромную работу он проделывал по сбору и изучению белорусского музыкального фольклора — и не только во время специальных экспедиций в период становления «Песняров». В те годы, когда я работал в ансамбле, мы зачастую во время гастролей по городам республики заезжали в какие-то отдаленные деревни, где нередко удавалось обнаружить чистейшие образцы белорусского фольклора. Иногда старые беззубые бабки такие «фирменные» мелизмы выдавали, что их сразу и повторить было невозможно. И сегодня я абсолютно искренне могу сказать, что наибольшее чувство творческого удовлетворения я испытываю именно от ансамблевого пения.

Такое признание из уст солиста-вокалиста может показаться даже несколько неожиданным. Однако здесь сказывается его профессиональная хормейстерская компетентность, основанная на понимании природы ансамблевого и хорового исполнения. Вообще Валерий Дайнеко является признанным мастером вокальных аранжировок и построения композиций а капелла, чем он успешно занимался сначала в «Песнярах», а теперь — и в «Белорусских песнярах». Вспомним, к примеру, этапную программу «Обрядовые песни», подготовленную ансамблем в конце 1970-х годов. Или же его превосходную обработку обрядовой песни «Ой, дзе ж мы ходзім», исполненную а капелла.

— Не могу сказать, что до прихода в «Песняры» увлекался народной музыкой, я ее просто знал, потому что в свое время изучал, — говорит артист. — Ранее несколько обработок народных песен сделал в ансамбле «Ровесник», одну — в «Червоной Руте», а в «Песнярах» такая деятельность была особенно востребованной, поэтому ей и занялся. И вскоре Мулявин стал мне полностью доверять аранжировки акапельных песен.

Конец 1970-х — начало 1980-х годов были ознаменованы приходом в «Песняры» новых высокопрофессиональных музыкантов, которые привнесли новое звучание в звуковую палитру ансамбля и были способны к созданию новых для коллектива музыкальных форм. Среди них — гитарист и аранжировщик Владимир Ткаченко, пианист и композитор Игорь Паливода, гитаристы Борис Бернштейн и Александр Растопчин, барабанщик Владимир Беляев.

В это время Владимир Мулявин все чаще стал обращаться к произведениям крупной формы. Вслед за фолк-рок-оперой «Песня пра долю», созданной им по мотивам поэмы Янки Купалы «Адвечная песня», началась работа над поэмой-легендой «Гусляр», в основе которой лежал еще один купаловский шедевр — поэма «Курган». На этот раз Мулявин использовал одноименную кантату Игоря Лученка для симфонического оркестра, хора и солистов, переработав ее для рок-ансамбля. По существу, это был концерт-спектакль, в котором

каждый участник ансамбля исполнял определенную роль. Примечательно, что в 2010 году по инициативе поэта Андрея Скоринкина произошло второе рождение этого произведения, приуроченное к 100-летию написания Янкой Купалой поэмы «Курган», 50-летию сочинения Игорем Лученком одноименной кантаты и 30-летию создания Владимиром Мулявиным поэмы-легенды «Гусляр». Известной на мультимедийном рынке Беларуси компанией «Вигма» был выпущен диск с новой версией этого произведения, в записи которого принимал участие и Валерий Дайнеко — единственный из того давнего состава «Песняров». Среди других исполнителей — Анатолий Ярмоленко, Инна Афанасьева, Ян Цыбулько, арт-группа «Беларусы» и сам Андрей Скоринкин.

Увлекшись в конце 1970-х созданием крупных форм, Владимир Мулявин инициировал подготовку ряда театрализованных программ из песен и романсов на стихи столь почитаемого им Янки Купалы. После чего последовали циклы иных концептуальных программ: «Веселые нищие» на музыку Игоря Паливоды и стихи Роберта Бернса; «Через всю войну», посвященная 40-летию освобождения Беларуси, в которой были представлены песни на стихи поэтов-фронтовиков в аранжировке Владимира Мулявина, Игоря Паливоды, Владимира Ткаченко и Бориса Бернштейна; «Во весь голос» на музыку Владимира Мулявина и стихи Владимира Маяковского; «Вянок» на музыку Владимира Мулявина и стихи Максима Богдановича, посвященная 100-летию со дня рождения поэта. И во всех этих концептуальных программах выделялись композиции в исполнении Валерия Дайнеко, например, «Послушайте!» на стихи Маяковского или ставшие особенно популярными песни из цикла «Вянок». Запомнились также песни «У высокім небе», «Маргарита» и другие из программы Олега Молчана на стихи Александра Легчилова «Слова Скарыны».

Другое дело, что по-настоящему оценить профессиональный уровень подготовки и весомость этих монументальных вещей могли разве что искушенные меломаны, а для рядового слушателя они были не совсем понятны, а потому — и не особенно интересны. И как утверждают некоторые музыкальные критики, к концу 1980-х годов это привело к снижению популярности «Песняров». Однако не все так однозначно. В этот период были заметны творческие метания руководителя ансамбля и его разногласия с коллегами, и определенное напряжение внутри коллектива стало предтечей того явления, которое летописцы «Песняров» назовут первым глобальным кризисом, в результате чего во второй половине 1992 года ансамбль покидают Валерий Дайнеко и Владислав Мисевич, который вместе с Мулявиным стоял у самых истоков создания коллектива. В этом же году уходят Владимир Беляев и Александр Растопчин. А еще ранее из ансамбля ушли такие сильнейшие музыканты, как Владимир Ткаченко, Игорь Паливода, Борис Бернштейн. В «Песняры» приходят новые молодые музыканты, в том числе Александр Катиков (бас-гитара) и Олег Аверин (клавишные, акустическая гитара), которые вместе с солистом-вокалистом Игорем Пеней впоследствии войдут в состав «Белорусских песняров».

«Мечты сбываются и не сбываются…»

Итак, начиная с 1993 года, открылась новая страница в творческой биографии Валерия Дайнеко — он стал солистом Государственного концертного оркестра Беларуси под управлением Михаила Финберга.

— Основной причиной моего прихода в этот коллектив была моя давняя мечта по-настоящему выразиться в джазе — с большим оркестром, — признается артист. — Еще в годы учебы в музучилище я работал в составе джазового вокального квартета при оркестре Белорусского радио и впоследствии никогда не переставал увлекаться этой музыкой. Однако осуществить свою мечту в оркестре Финберга оказалось не так-то просто. У Михаила Яковлевича был очень плотный график работы: всевозможные концерты, авторские вечера, фестивали

и прочие значимые мероприятия. Время моего прихода в оркестр как раз совпало с проведением первого фестиваля белорусской песни и поэзии в Молодечно, где я, кстати, был членом жюри. Конечно, наряду с другими солистами оркестра я принимал участие в различных концертах, в подготовке новых эстрадных программ и т. д. Но в конце концов мы с Михаилом Яковлевичем все-таки вплотную подошли к той тематике, ради которой я вообще пришел в оркестр. Я сам подобрал и подготовил программу из так называемых джазовых стандартов — произведений мировой джазовой классики — и надеялся, что ее можно будет везде показывать. Но вопреки моим ожиданиям, мы ее сыграли в филармонии только один раз! Несколько месяцев напряженной работы — ради одного лишь концерта… Немного утешает лишь то, что была сделана его запись для телевидения.

При оркестре тогда была джаз-группа под названием «Пятый угол», которую в тот период как раз возглавил Борис Бернштейн. Понятно, что я принимал участие в ее работе как солист-вокалист и в определенной степени имел возможность для реализации своих амбиций. Мы выступали на джазовых фестивалях, делали записи на радио. Совместно с Инной Афанасьевой, которая в то время также была солисткой оркестра Финберга, подготовили известную на то время программу еврейской музыки.

В целом за четыре года работы в оркестре я спел около шестидесяти песен, половина из которых впервые прозвучала в моем исполнении. По сравнению с работой в «Песнярах», у меня здесь было много свободного времени, что позволяло параллельно заниматься какими-то сольными проектами, чаще всего — совместно с Инной Афанасьевой. И мы благодарны Михаилу Яковлевичу, что он нам в этом не мешал. В это время я выпустил также два своих магнитных альбома, один из которых был подготовлен с бывшим песняровским гитаристом Александром Растопчиным. Но те творческие планы, ради которых я и пришел в оркестр, мне, по существу, реализовать не удалось, что и послужило причиной моего ухода.

В период работы в оркестре Валерий соприкасался с деятельностью «Песняров» лишь однажды. В 1994 году в Витебске в рамках «Славянского базара» проходили торжества по случаю 25-летия ансамбля, куда Мулявин пригласил некоторых бывших коллег, в том числе и Валерия Дайнеко, где он исполнил песню «Слуцкія ткачыхі», а Анатолий Кашепаров, Валерий Яшкин и Александр Демешко — «Вологду». И это был разумный ход — на юбилейном концерте песняровские хиты в исполнении ветеранов ансамбля публика принимала с восторгом.

— К 1997 году о напряженной ситуации в «Песнярах» уже стали говорить в министерских кулуарах, — рассказывает Валерий. — Мне доводилось во время различных конкурсов и фестивалей общаться с тогдашним министром культуры Александром Сосновским, который высказывал обеспокоенность судьбой этого коллектива. Тогда казалось, что возвращение в ансамбль его старых участников может как-то стабилизировать атмосферу в коллективе и поднять его творческий уровень, поэтому мы с Владиславом Мисевичем снова вернулись в «Песняры». Более того, в начале 1998 года Мисевича назначают директором ансамбля, отстранив от этой должности Мулявина, за которым оставляют функции художественного руководителя. Однако со своим внутренним кризисом Владимир Георгиевич не мог справиться ни сам, ни вместе с нами и в жизни коллектива участия уже практически не принимал. Мы без него готовили программы, без него ездили на гастроли. И в тот момент, когда мы были на гастролях в Краснодаре, Владимир Мулявин попал на прием к высокому руководству. В результате решением Министерства культуры в октябре 1998 года он был восстановлен в должности директора. Вслед за этим вместе с Владиславом Мисевичем я и основной костяк ансамбля — всего семеро человек — подали заявления об увольнении. Владимиру Мулявину пришлось практически заново формировать новый состав ансамбля. Министерство культуры пыталось нас примирить: дважды, сначала с министром Александром Сосновским, а затем с его преемником Леонидом Гуля-

ко, мы обсуждали причины произошедшего раскола, и дважды эти переговоры ни к чему не привели. Нас тогда много приглашали и на радио, и на телевидение, и, объясняя произошедшее, мы никогда не позволяли себе нелицеприятных выпадов в адрес Владимира Георгиевича. Своеобразная «словесная драка» началась между нами гораздо позже.

«Минск—Москва»

Уйдя на свой страх и риск из государственного ансамбля, музыканты решили образовать свою группу — их творческий потенциал для этого был более чем достаточным. Среди них три заслуженных артиста: Владислав Мисевич (саксофон, флейта) — один из основателей ансамбля, Валерий Дайнеко (вокал, альт) и Игорь Пеня (вокал, клавишные) — оба почти по 20 лет проработавшие в коллективе. Рядом с ними — Олег Аверин (клавишные, вокал, гитара) и Александр Катиков (бас-гитара, вокал), пришедшие в ансамбль в начале 1990-х и сразу завоевавшие авторитет сильных музыкантов, а также ударник Владимир Марусич, пришедший приблизительно в то же время. Вместе с названными музыкантами в состав нового коллектива вошел и звукорежиссер Александр Попроцкий — великолепный профессионал, работавший в «Песнярах» с 1990 года. Как видим, состав более чем солидный, и главное, — слаженный. К ним примкнули только два новых музыканта — гитарист и клавишник.

Как и положено, в Министерство юстиции были поданы документы на регистрацию бренда «Белорусские Песняры». И с этим названием, кстати, коллектив был принят в «Белконцерт». А в 2002 году ансамбль перебазировался в Москву, где также официально зарегистрировался и получил статус юридического лица. О каких-то трениях с государственным ансамблем «Песняры» теперь уже и говорить не приходится: в феврале нынешнего года в Министерстве культуры состоялась встреча участников обоих ансамблей, приуроченная к 70-летию со дня рождения Владимира Мулявина, в ходе которой стороны договорились мирно разрешить все спорные вопросы.

Так вот незаметно и пролетело 13 лет, в течение которых «Белорусские песняры» продолжают радовать своих поклонников. И состав за эти годы у них остался практически тот же. В Москве у артистов студия, там — их место работы, а в Минске — место жительства. Существуют как бы в нескольких измерениях: не только на два города — на две страны. Благо граница открыта. У Валерия Дайнеко даже один из сольных альбомов озаглавлен «Минск—Москва», в дизайнерском оформлении которого изобретательно использован московский символ нашей республики — Белорусский вокзал.

— Чаще всего мы проводим концерты в Москве на самых разных площадках, в том числе с солидными программами выступали в концертном зале «Россия», в Кремлевском дворце, в Московском театре эстрады, — рассказывает Валерий. — Но в то же время объехали практически всю Россию: Дальний Восток, Камчатка, Красноярский край, Норильск и так далее. Порой один такой концерт может быть связан с двумя самолетами и двумя автобусами. Но работа в «Песнярах» была еще труднее — мы тогда нередко в одном городе за десять дней давали до тридцати концертов. Много гастролируем в Украине, Прибалтике, бываем и в странах дальнего зарубежья, в том числе в США. С большим удовольствием даем концерты в родной Беларуси.

Что примечательно, у «Белорусских песняров» нет руководителя. В творческом плане все артисты равны. И самое главное, у всех полная свобода самовыражения. Коллектив настолько самодостаточный, что легко может обходиться без привлечения авторов извне. Сами создают произведения — сами их и исполняют.

— Наиболее разносторонний в творческом плане у нас Олег Аверин, — говорит Валерий. — Он одновременно музыкант и певец, композитор и поэт. Большин-

ство песен, которые мы исполняем, создано им. «Бялявая, чарнявая…» — это его шедевр, а воспринимается как народная песня. Он мастер создавать произведения, стилизованные под народные. Александр Катиков, Максим Пугачев пишут музыку. Одновременно все они — прекрасные аранжировщики. В звучании ансамбля мы стараемся находить золотую середину между старой песняровской стилистикой и современными тенденциями. Сохранили фирменное песняровское многоголосие — даже при исполнении новых произведений. В то же время делаем новые аранжировки старых песен. В репертуаре сохраняем много старых хитов из репертуара «Песняров», по-прежнему востребованных публикой.

Во многих произведениях из современного репертуара, исполняемых Валерием Дайнеко, явно прослеживаются джазовые приемы и интонации, например, в песнях Олега Аверина «Не люби нелюбимого», «Только с тобой» и других. «Да, в основном это элементы соул-джаза, и в песнях Катикова они тоже есть, — подтверждает Валерий. — Особенно это чувствуется в аранжировках. Мулявин в свое время это не очень-то приветствовал — опасался, что мы потеряем свой национальный колорит, но и не запрещал». *(Интересный факт: «Белорусские Песняры» в свой последний альбом «Моя душа» включили песню «Россия—Беларусь» Ю. Беляева и А. Полякова, которая может претендовать на гимн Союзного государства, после чего услышали в свой адрес немало упреков в конъюнктурном подходе к творчеству.)*

О широте творческого диапазона певца говорят и его сольные альбомы, которые он, как ни странно, стал выпускать не очень давно.

— Мой первый сольник вышел десять лет назад, — говорит Валерий, — и приурочил я его к своему 50-летию. К тому времени у меня накопилось такое количество песен, что их необходимо было как-то систематизировать и упорядочить. Этот первый альбом получил название «Буду помнить» — по заглавной песне М. Алейникова, которую он посвятил своей матери. А я эти слова отнес ко всем помещенным в альбом песням, наиболее близким мне самому: «Я схожу по тебе с ума», «Кто бы мог подумать», «Зачарованая мая» и другим, представленным как лучшие песни из альбомов разных лет, которых у меня в действительности не было. После этого я осуществил свою давнюю мечту — выпустил «Беларускі альбом», в который вошли песни И. Лученка, В. Мулявина, Л. Захлевного, Д. Долгалева, О. Молчана, Д. Явтуховича, П. Еременко на слова М. Богдановича, Г. Буравкина, А. Легчилова, Л. Прончака, А. Бадака, В. Петюкевича, О. Лойко. Были выпущены также альбомы с музыкой В. Головко, А. Балашова и других авторов. Одним из последних вышел роковый альбом «SWEET FREEDOM», музыка к которому была записана совместно с гитаристом А. Растопчиным еще 22 года тому назад. Из белорусских композиторов на сегодняшний день я больше всего сотрудничаю с Д. Долгалевым — сейчас мы с ним записываем очередной альбом с рок-оперой «Огонь Прометея». В перспективе планирую выпустить свой дуэтный альбом, а также альбом ранее неизданных произведений.

Известно, что нынешним летом обладательницей Гран-при международного конкурса исполнителей эстрадной песни, проходившего на XX международном фестивале искусств «Славянский базар в Витебске», стала белоруска Алена Ланская с песней «Белая ластаўка» В. Кондрусевича и О. Болдыревой. Певица на протяжении шести лет принимала участие в отборочных турах, и к долгожданной победе ей помог прийти Валерий Дайнеко. Именно к нему обратились представители продюсерского центра «Спамаш», где работает эта молодая певица, с просьбой подготовить ее к конкурсу.

— Мы мечтали войти хотя бы в тройку лидеров, — говорит Валерий, — поэтому Гран-при стало для нас обоих неожиданностью. Такого рода работой я занимался впервые: девушку нужно было подготовить не к успешной сдаче экзамена, как это было в период моей педагогической деятельности, а к эффект-



Валерий Дайнеко с дочерьми Викой (слева) и Яной.

ному выступлению, которое должно было не только убедить членов жюри, но и произвести на них впечатление.

Эта победа свидетельствует о том, что певцу не следует забывать о своем педагогическом поприще. Начиная с 1996 года, на протяжении семи лет он был доцентом Института современных знаний, где преподавал эстрадный и джазовый вокал. Среди его известных учеников — солист группы «Харлі» Евгений Чалышев, Марина Попова, поп-певица Бьянка, но большинство из них сегодня работают за рубежом. С отъездом «Белорусских Песняров» в Москву педагогическая деятельность Валерия Дайнеко прекратилась. Он и сегодня имеет массу интересных предложений, от которых вынужден отказываться. Но не исключено, что в дальнейшем свою деятельность свяжет с каким-нибудь продюсерским центром, где сможет не только заниматься с вокалистами, но и создавать новые песни, делать аранжировки и продолжать дело всей своей жизни.

О семейной лодке и подводных рифах

В личной жизни Валерия Дайнеко не все так однозначно, а кое-что кажется даже загадочным. Но отметим сразу — никакой вереницы жен, приписываемых артисту обывательской фантазией, у него не было. С легкой руки, а точнее — с острого словца одного из журналистов, его стали называть… женатым холостяком. С определением «холостяк» все кажется понятным — уже почти 20 лет Валерий живет один. Но почему тогда — «женатый»? А потому, что до сих пор не развелся с женой.

Необычность семейной жизни Валерия заключается и в том, что отцовские чувства ему довелось испытать задолго до рождения собственного ребенка — вместе с заключением брака он обрел не только жену, но и почти трехлетнюю дочь. Это обстоятельство не является тайной за семью печатями, однако Валерий никогда сам об этом говорить не станет. Лишь убедившись, что собеседник осведомлен о деталях его семейной жизни, он может пойти на более откровенный разговор.

— С Ириной, моей будущей женой, я познакомился в Москве, в спорткомплексе «Олимпийский», где она работала администратором, — рассказывает Валерий. — Из-за того, что на работе нужно было задерживаться допоздна, ее дочь от первого брака — маленькая девочка Яна — находилась в круглосуточном садике-пятидневке. Первая мысль остаться в этой семье у меня появилась тогда, когда во второй раз в жизни я пошел с Ириной забирать ребенка из садика. Как сейчас помню: увидев нас издалека, через открытые двери нескольких комнат к нам навстречу бежала Янка и с радостным возгласом «Папа!» бросилась ко мне, обхватив ручонками ноги. А Ирина стоит рядом и говорит: «А меня что, здесь нет?» Вот так у меня появилась семья. С гастролей «Песняры» ехали к своим семьям в Минск, а я — в Москву. Через пять лет у нас появилась вторая дочь — Вика.

Яна сначала училась в школе с углубленным изучением немецкого языка, затем — с углубленным изучением музыки и хореографии, однако в детстве особых вокальных способностей, как нам казалось, у нее не было. И вдруг в 8-м классе как будто внутри нее что-то переключилось — ее приняли в Большой детский хор Всесоюзного радио и телевидения под управлением Владимира Попова. После школы Яна поступила в Плехановскую академию, получила специальность финансового менеджера, однако работать в этой сфере не стала. Начала заниматься музыкой с частными преподавателями и была принята в проект «Поющие вместе», который прославился хитом «Такого, как Путин». После распада этой группы Яна несколько лет была ресторатором, не покидала связей с миром шоу-бизнеса и получила приглашение в ансамбль «NEW Самоцветы», которым руководит Инна Маликова. Сегодня это довольно успешный и востребованный коллектив, который привносит новое звучание в шлягеры легендарных «Самоцветов».

А младшая дочь Вика училась в балетной школе, но потом сама поняла, что балерины из нее не выйдет. Закончила ту же школу, что и Яна. Начала сочинять песни — и музыку, и слова. Занималась в детской студии Театра Луны, принимала участие в спектаклях, потом поступила в ГИТИС на курс Сергея Проханова — руководителя этого театра. Вскоре ей предложили интересный проект в США, где она провела три года, выпустив там свой дебютный альбом под именем Yasha. За это время написала много песен, две из которых поет Наталья Подольская. Сейчас она продолжает музыкальную карьеру в России, пишет очередной альбом и завоевывает известность. За неполные 25 лет она объездила почти весь мир, не была, наверное, только в Японии и Австралии, овладела английским языком, сейчас изучает испанский. Вообще Вика интересуется в жизни очень многим — освоила основы моделирования одежды, прекрасно разбирается в вопросах дизайна жилья, с увлечением постигает секреты кулинарного мастерства. Уверен, она будет прекрасной хозяйкой дома, за которую не стыдно будет перед ее супругом.

Фото из личного архива артиста.



Заметки на полях

Вот книга (Людміла Дучыц, Ірына Клімковіч. «Сакральная геаграфія Беларусі». — Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011), при чтении которой возникает почти непроизвольное желание все время оставлять закладки между страницами и делать пометки на ее полях, те самые *nota bene (N. B.)*, которые красноречивее всяких слов свидетельствуют о том, что прочитанное по-настоящему цепляет тебя и не отпускает даже после того, как перевернута последняя страница.

А ведь не какие-то там страсти-мордасти, любови-моркови и прочая новомодная чепуха, которую ныне сплошь и рядом старательно пытаются преподнести покупателю в качестве большой литературы, наделяя авторов сих опусов льстивыми комментариями. Впрочем, книга, которую я держу в руках, относится тоже к весьма востребованному в наши дни жанру, так называемому нон-фикшен. Что лишний раз доказывает: читатель в своей массе уже устал от потребительской чернухи. А потому лучше уж погрузиться в мир невыдуманных событий и фактов, чем в придуманную кем-то галиматью. Ну, а если эти события и факты, к тому же, напрямую связаны и с тобой, и с теми местами, где ты родился и живешь, то интересное времяпрепровождение, можно сказать, гарантировано.

«Такая вот история с географией», — порой сокрушаемся мы, когда попадаем в непростую житейскую ситуацию. И, произнося эту расхожую фразу, начисто забываем о том, что история действительно творится (или созидается) только в тесной и неразрывной связи с географией. Которая (имеется в виду география) не просто является сотворцом истории, но иногда и кардинальным образом меняет ее ход, предопределяет ее дальнейшее развитие.

Что, кстати, совершенно блистательно продемонстрировал в своих работах Лев Николаевич Гумилев. Появившиеся в самом начале шестидесятых годов прошлого века, озаглавленные в скучной академической манере, как и положено серьезным научным исследованиям (чего стоят хотя бы «География этноса в исторический период» или «Этногенез и биосфера Земли» и тому подобное), книги Гумилева, тем не менее, в мгновение ока становились самыми настоящими бестселлерами тех лет. Сама помню, как в отделе домашнего абонемента тогдашней Ленинки читатели выстраивались в очередь, чтобы только через месяц или два получить в руки на каких-то четыре или пять дней вожделенный том, повествующий о хунну или об открытии Хазарии.

В рецензируемой книге нет пространных рассуждений о пассионарности народов и пассионарных надломах, о химерах и вспышках этногенезов, о том, как соотносятся природа и общество с точки зрения исторической географии и этнологии. Зато есть другое: искреннее желание как можно пристальнее вглядеться в нашу в общем-то весьма непростую и донельзя запутанную отечественную историю сквозь призму привычных всем с детских лет пейзажей и ландшафтов. Что в какой-то степени роднит книгу с работой того же Гумилева под названием «Поиски вымышленного царства», увидевшей свет в далеком 1970 году. Ибо, не сомневаюсь, такой небанальный поворот в сюжете серьезного исследования неизбежно вызовет интерес к «Сакральной географии» со стороны самых разных читателей, причем в равной степени как искушенных знатоков истории, так и просто любителей старины и отеческих преданий.

Что ж, история нашей страны действительно в немалой степени является

заложницей ее географического положения: расположенная в самом центре Европы, воистину, на семи ветрах, Беларусь кого только не повидала за свою долгую и весьма драматичную историю. Достаточно лишь бегло просмотреть разделы, в которых приведена топонимика описываемых мест. Тут тебе и Гора Литовская, и Польская Гора, и Казацкий Стан, и Крепость от шведов, и Саксонский Курган, и Французская Батарея, и Шведский Вал, и Шведские Окопы, и Прусова Гора, и Австрийские Могилы, и Наполеоновские Могилы, и Татарские Кладбища, и даже Японские Могилы (бог знает, каким ветром занесло в наши края уроженцев Страны Восходящего Солнца).

«Усякія могілкі, а старыя і пагатоў, выклікаюць у людзей пашану і містычны страх», — читаю я в главе, посвященной преданиям, связанным с захоронениями и кладбищами. И рука непроизвольно тянется к карандашу, чтобы поставить на полях очередное N. B. Звучит благостно, но, увы и ах! — далеко не всегда соответствует действительности.

Да вот и подходящий пример по теме. Мой отец похоронен на старинном деревенском кладбище возле исчезнувшей ныне с лица земли деревни Березница, что в Березинском районе Минской области. Кладбищу, наверное, лет триста, не меньше. Об этом косвенно свидетельствует старинная, поросшая мхом могильная плита с полустершейся от времени надписью: «Здесь похоронен дворянин Гуща», и дата — 1831 год. Но бог мой! Какое же унылое зрелище являет собой сегодня это практически заброшенное деревенское кладбище. Деревянный забор вокруг него давным-давно истлел и развалился, старинные вековые сосны гниют и потихоньку падают на могилы усопших предков. Кто они, эти люди, обретшие свой вечный покой под нескончаемыми рядами серых валунов? И кто этот неведомый нам дворянин Гуща, живший два столетия тому назад и не побрезговавший лечь в одну землю вместе с простым людом?

Воистину, Березинский район еще ждет своего Карлюкевича, который бы поведал миру о тех славных людях, живших когда-то в его родных местах. А от властей района так хотелось бы дождаться и той самой *пашаны*, и *містычнага страху да старых могілак*.

Вообще при чтении этой книги глаз все время отмечает знакомые и даже родные тебе названия. Деревня Рымовцы, что на Могилевщине, — искренне радуюсь я, встретив еще одно знакомое название. Моя тетя более сорока лет отработала учительницей в Рымовецкой средней школе, где преподавала русскую и белорусскую словесность. Кстати, и похоронена там же, на деревенском кладбище вместе с другими моими многочисленными родственниками по линии мамы. Рымовцы, Городок, Кисловщина, Глуша — родные места, ласкающие слух названия, счастливый ареал моего детства.

— Странная, однако, рецензия получается! — вполне возможно, воскликнет кто-то, дочитав до этого места. — Вроде речь о сакральной географии Беларуси, а рецензент все норовит о себе да о себе.

Да, мои дорогие! Такая вот история с географией получается, и никуда от этого не деться. Потому что в душе каждого из нас существует своя, сугубо личная география, в которой красным маркером памяти отмечены и могучие сосны, и красавцы дубы, и живительные родники, и развалины средневековых замков, и камни, и курганы, и реки, и озера, и просто дороги, по которым столько исхожено и изъезжено. И все эти святые для твоего сердца места невольно вспоминаются при чтении книги Людмилы Дучиц и Ирины Климкович. Такова уж специфика «Сакральной географии Беларуси», я бы даже сказала, такова сакральность самой этой книги.

Кстати, о названии. Вот, пожалуй, единственный момент, который вызвал у меня некоторое неприятие, и даже отторжение. Боюсь обидеть авторов, и все же выскажусь по этому поводу так. Недаром в старину говорили: как корабль назовешь, так он и поплывет. А уж о названии книги и само собой можно повторить то же и теми же словами. А потому назвать книгу правильно и точно — это дело архисложное и

важное. Что покоробило лично меня? Да прежде всего, неоправданно широкое толкование слова «сакральный». Все же, если открыть любой толковый словарь, то дефиниция слова вполне конкретна: *священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу*.

Я поняла бы мотивированность такого названия, если бы речь, скажем, шла о местах, связанных с досточтимыми святыми земли Белорусской. Такими, как Афанасий Брестский, Валентина Минская, Иоанн Кормянский и прочее. Но что такого священного в многочисленных дубах, разбросанных по всей Беларуси, под тенью которых якобы сиживал Наполеон? Сама, помню, отдыхала в дупле такого дерева, которое даже превратили в своеобразную беседку. Этот могучий дуб лет сорок тому назад украшал шлях, ведущий из Новогрудка в деревню Валевку. Местные любители старины еще рассказывали мне всякие байки: дескать, земли в свое время принадлежали графу Валевскому, и якобы влюбленный Бонапарт мчался по этой дороге к своей ненаглядной Марысе, а по пути сделал привал под вековым дубом.

Как тут не вспомнить Джером К. Джерома, который не без юмора описывает в своей замечательной книжке «Трое в одной лодке» (кстати, по замыслу — обычный путеводитель, заказанный автору одной туристической фирмой, занимавшейся организацией речных экскурсий по Темзе) схожую ситуацию, связанную с королевой-девственницей Елизаветой I? Большая любительница пива и охоты, эта неутомимая Диана, по словам Джерома, успела отметиться практически во всех английских пабах, особенно в провинции. Была она там или нет, вопрос сто сорок восьмой, но хозяин заведения на почетном месте в обязательном порядке вывешивал табличку с примерно таким текстом: «За этим столом сиживала королева Бетти» или «королева Лиз», смотря по тому, какое уменьшительное больше нравилось владельцу паба.

Я думаю, назови авторы свою книгу предельно сухо (как это делал тот же Лев Николаевич Гумилев), например, так: «Историческая география Беларуси», и подобных нареканий в свой адрес они бы не услышали. Впрочем, все это *minor matters*, как говаривала одна из моих любимых героинь у Оскара Уайльда. То есть мелочи все это в сопоставлении с главным. А главное — это то, что книга состоялась, и впереди у нее хорошее будущее и, уверена в том, самый широкий круг читателей.

И, наконец, еще один, последний, штрих, и снова сугубо субъективный. Мне очень понравилась фотография, размещенная на тыльной стороне обложки. Две милые женщины (и ведь действительно милые!) неспешно идут по дороге. Слева от них — один из тех многочисленных курганов, о которых так поэтично и образно повествуется в VIII главе книги. Когда смотришь на эту фотографию, когда вглядываешься в лица женщин, то понимаешь, каким нелегким был труд по сбору материалов и сколько нужно было исходить вот таких же дорог, и проселочных, и столбовых, чтобы в итоге написалась эта книга. Что ж, как известно, дорогу осилит идущий. А потому «В добрый путь!» говорю я и книге, и ее авторам, у которых, не сомневаюсь, впереди еще много интересных странствий по нашей родной земле. Дай им бог, чтобы эти «вандроўкі» обязательно принесли и новые открытия, и новые книги.

Зинаида КРАСИНА



Между молотом и наковальней

Пожалуй, не обойтись без вынесенных в заголовок слов, если пытаться кратко охарактеризовать содержание книги В. Юнака «Мизинец генералиссимуса». К сожалению, реалии нашего «общего книгоиздательского пространства» таковы, что для широкого круга белорусских читателей она, хотя и вышла полтора года назад, остается неизвестной.

А именно для белорусов эта книга должна быть особо интересной уже потому, что главным героем одной из двух повестей («О сербе и молоте»), ее составляющих, является Данило Сердич — советский военачальник, имя которого у нас, что называется, на слуху. Вообще, с Белоруссией связаны важнейшие этапы судьбы этого легендарного человека.

Сердич Данило, которого впоследствии «по-нашему» именовали Даниилом Федоровичем, родился в 1896 году в Личанском крае (ныне — область Республики Хорватии). Рано остался без отца, который вынужден был отправиться на заработки в Америку и там погиб в шахте. Как и полагается настоящему сербу-личанину, Данило с самого раннего детства мечтал стать офицером, причем считал, что по-настоящему осуществить свою мечту может только в России, куда и отправился, едва достигнув шестнадцатилетнего возраста. Судя по всему, юноша обладал такой целеустремленностью и силой воли, что его не могли остановить никакие препятствия. И хотя их оказалось много, он добился-таки своего: как вольноопределяющийся поступил в Гродненское военное училище. А через полгода началась Первая мировая война. Получив после окончания училища унтер-офицерский чин, Сердич был направлен в учебную команду Гродненского гусарского полка, квартировавшего в Варшаве. Впоследствии, когда сформировался Сербский добровольческий корпус, оказался в его составе. Причем врожденная склонность к военному делу вкупе с такими личными качествами, как решительность и незаурядная сила характера, никогда не позволяли молодому офицеру-сербу оставаться на втором плане. Без оговорок можно утверждать, что он во всей полноте осознавал свое предназначение-призвание: неизменно отличался отвагой в боевых операциях, мужественно смотрел в глаза смерти, перенес несколько ранений, заслуженно стал полным Георгиевским кавалером. Не мог он остаться в стороне и от бурных событий февраля, а затем октября 1917 года. Они вовлекли боевого офицера в Югославянский революционный союз, впоследствии же, когда разгорелась Гражданская война, приведших на сторону большевиков — как командира Первого интернационального коммунистического отряда. Со временем авторитет Данилы Сердича только рос, обеспечивая заметное место в командном составе РККА. Причем судьба неоднократно опять возвращала его на белорусские земли — в Минск, Витебск. А в июне 1935 года его назначили командиром дислоцированного в Минске 3-го кавалерийского корпуса и одновременно начальником Минского гарнизона, заместителем командующего Особым Белорусским военным округом. Соответственно, комкор Сердич вошел в состав ЦК КП(б) и ЦИК БССР — короче говоря, в элиту власти. Но в 1937 году его арестовывают по «делу Тухачевского». Он, чувствуя себя невиновным и по натуре своей будучи неспособным изворачиваться, в ходе следствия отвергал всяческие компромиссы, а тем более путь предательства боевых товарищей. За что и получил смертный приговор. Так и ушел из жизни, едва перешагнув сорокалет-

ний рубеж, этот мужественный серб, живший любовью к матушке-России и надеждами на нее во всем, включая будущее человечества. Реабилитация в «больших счетах» кое-что поправила, но все же, но все же, но все же...

Перипетиям такой вот героической и трагической судьбы посвящена эта повесть, героями которой, помимо самого Данилы Сердича, являются его жена Антонина Савельевна, сын Вячеслав, соотечественник Олекса Дундич, а также Иероним Уборевич, Семен Буденный, Климент Ворошилов, Николай Ежов, Михаил Калинин, Михаил Тухачевский, Георгий Димитров и ряд других лиц, как реальных, так и вымышленных.

Кстати, важно отметить, что автор книги, Виктор Васильевич Юнак — московский филолог-сербист, кандидат филологических наук и писатель-прозаик, неравнодушный к давним и не очень «узлам» истории.

Вторая его повесть, давшая название всей книге, возвращает нас к недоброй памяти событиям, которые были вызваны Резолюцией коммунистического Информбюро от 28 июня 1948 года и к опаснейшему кризису привели советско-югославские отношения. Соответственно, главными героями этого произведения являются Иосиф Сталин и Иосип Броз Тито, рядом с которыми фигурируют также иные политические деятели — Эдвард Кардель, Милован Джилас, Владимир Бакарич, Сретен Жуёвич, Вячеслав Молотов, Георгий Димитров.

Но политические события, как известно, определяются не только тем, чего желают «верхи». Так что не менее существенна та линия сюжета, которая связана с судьбами советских специалистов, помогавших развивать металлургическое производство в социалистической Югославии, — Ивана Дятлина, Николая Уварова и Сергея Петрова, а также сербской семьи — инженера Предрага Николича, его брата-офицера Владо и сестры-студентки Веры. Пресловутая Резолюция внесла раскол в общество как Югославии, так и СССР, что отразилось также и на семьях, и на индивидуальных судьбах людей. Так, советский инженер Сергей Петров, полюбивший сербку Веру, проникшийся уважением к югославскому народу и его вождю, Иосипу Брозу, становится «невозвращенцем».

Весьма интересен, хотя и не менее таинственен, образ Карла Штайнера, героя обеих повестей. К. Штайнер — член ЦК Коммунистической партии Югославии, в 1932 г. командированный в Москву для исполнения функций директора Издательства и типографии Коминтерна. А в 1936 г. он был арестован, осужден на десять лет, затем получил еще «десятку»… Так вот, в 1948 г. компетентные органы СССР предлагали ему выступить с публичным заявлением против «Тито и его клики». Штайнер отказался. Но в конце концов это и не потребовалось. То, что было нужно, сделал другой югослав — Владо Николич.

Несмотря на то, что история здесь предстает по преимуществу в качестве фона, который рассматривается, к тому же, под заданным углом зрения и с акцентированной беллетризацией, данная книга заслуживает внимания как со стороны историков и политологов, так и читателей-неспециалистов, особенно молодого поколения, у которого она способна пробудить интерес к прошлому, к его героям и антигероям, да и к свидетелям, которые были рядом с первыми и вторыми.

Хорошо, что мы теперь имеем возможность, да и право, оценивать дела минувших дней отстраненно. Хотя следует учитывать, конечно, что память связывает нас не только с прошлым, но и с будущим.

Иван ЧАРОТА



Максім БАГДАНОВІЧ: вядомы і невядомы. Крытыка-архіўны зборнік.
Укладанне і каментарыі Ц. Чарнякевіча.
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Выпущенная к 120-летию со дня рождения классика белорусской литературы Максима Богдановича, эта книга примечательна тем, что в ней представлены исследования его творчества в 1910—1940 годах, что позволяет проследить, как поэзия М. Богдановича воспринималась критикой в первой половине XX века. Помещена первая кандидатская диссертация по его творчеству, защищенная Рыгором Железняком в 1940 году. Среди авторов также Антон Луцкевич, Ефим Карский, Михайло Пиятухович, Александр Вознесенский, Иван Замотин и другие. Представлены и малоизвестные материалы переписки родных и близких М. Богдановича.

Анатоль БУТЭВІЧ.
Таямніцы Мірскага замка. Падарожжа па сівых мурах з Адамам Міцкевічам.
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Гордясь нынешней Беларусью, мы с волнением вспоминаем прошлое своего края, в котором было немало славных дел, жили замечательные люди. Поэтому и пользуются таким интересом книги историко-краеведческого характера, а также историко-художественные. Не останется незамеченной и эта — «Таямніцы Мірскага замка», написанная Анатолем Бутевичем. Она примечательна тем, что никто до А. Бутевича так правдиво и интересно не рассказывал о ныне всемирно известном Мирском замке и его обитателях. Вообще, когда-то нашу землю называли страной замков. Но время беспощадно отнеслось ко многим из них. К счастью, Мирский уцелел, а недавно был и отреставрирован. Из книги можно узнать, когда и почему Мир стал называться Миром, когда и почему началось его строительство. Приводятся сведения обо всех владельцах Мирского замка, говорится о важнейших исторических событиях, свидетелем которых он был. Познавателен и раздел «Легенды Мірскага замка». А ко всему, в издании помещено множество иллюстраций, что превращает эту книгу в книгу-альбом. Альбом же можно использовать и в качестве хорошего подарка.

Эдуард ДУБЯНЕЦКІ.
Душы маёй няскончаны палёт.
Мн.: Кнігазбор, 2011.

Содержание книги Эдуарда Дубенецкого «Душы маёй няскончаны палёт» составили произведения, написанные на протяжении 1990—2011 гг. Это философская, любовная и гражданская лирика, поэтические афоризмы и миниатюры. Автор задумывается над тем, как мы живем и ради чего живем. Его волнует будущее родного края, не обходит Э. Дубенецкий и проблемы нравственного совершенствования личности.

Жаўранкі над полем. Апавяданні. Укладальнік Алесь Бадак.
Мн.: Мастацкая літаратура, 2011.

Самая прекрасная пора в жизни человека — детство — видится со страниц этой книги. Конечно, не всегда оно было радостным и радужным, однако, вместе с тем, всегда оставалось неповторимым. В этом лишний раз убеждаешься, знакомясь с рассказами народных писателей Беларуси Янки Брыля, Василя Быкова, Ивана Мележа, Ивана Науменко, Ивана Шамякина, а также Бориса Саченко, Ивана Чигринова, Ивана Пташникова, Алеся Савицкого, Виктора Гордея, Алеся Жука, Владимира Липского, Людмилы Рублевской и других авторов. Книга «Жаўранкі над полем», несомненно, станет хорошим подспорьем школьникам на уроках белорусской литературы.

Васіль ЖУШМА.
Гарэза. Аповесць.
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

В повести «Гарэза» Василь Жушма продолжает лучшие традиции классической литературы природоведческой тематики. Произведение состоит из небольших рассказов, связующим звеном в которых выступает белочка-непоседа. Гареза попадает в самые разнообразные ситуации, попутно знакомится с жизнью местных обитателей — зверей и птиц. Повесть В. Жушмы в первую очередь адресуется детям, но хотелось бы, чтобы с ней познакомились и взрослые, так как это еще одна возможность окунуться в неповторимый мир природы, почувствовать всю ее первозданную красоту.

Валерий КАСТРЮЧИН, Владимир ЦВЕТКОВ.
Приключения в долине Пяти Ветров. Фантастические повести.
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Кроме заглавной повести в книгу вошла еще одна — «Путешественники во времени». Конечно же, художественный прием, в основе которого лежит путешествие, тем более во времени, далеко не нов. Можно назвать немало произведений, композиционно построенных по такому принципу. Однако не будем забывать, что каждый автор обязательно стремится внести нечто свое, новое. Таким путем и пошли Валерий Кастрючин и Владимир Цветков. Богатая творческая фантазия позволила им создать захватывающие сюжеты, совершить путешествие не только в прошлое, но и заглянуть в будущее. Читатель, который познакомится с этими фантастическими повестями, посетит Марс и Фобос, Атлантиду, побывает в Древнем Риме и даже перенесется в антимир.

Виктор КУДЛАЧЕВ, Ирина ФОМЕНКОВА.
Азбука культурной речи.
Мн., Літаратура і Мастацтва, 2011.

Веселые стихи, рассказы, загадки и скороговорки, написанные поэтом Виктором Кудлачевым, хорошо дополняются заданиями, составленными писательницей Ириной Фоменковой. В результате получилось 12 уроков, пройдя обучение на которых, мальчишки и девчонки, — а «Азбука культурной речи» адресована детям младшего школьного возраста — найдут ответы на разные вопросы, которые их волнуют в повседневности. К примеру, «Откуда к нам приходят слова», «Слова обычные и необычные», «Умей слушать», «Разговор по телефону»… Например, урок девятый — «Письма и Эсэмэски». Девочка послала такое письмо: «Написала внучка деду: // «Поздравляю с Днем Победы! // Долгих лет тебе желаю // И «спасибо» посылаю // За весну, что в сорок пятом // Подарил ты всем ребятам!» Дальше идет напоминание: «Ни эсэмэски, ни электронные послания не заменят теплых слов письма, написанного твоей рукой». Также рассказывается о том, как нужно писать письма: начать с обращения, рассказать о своих удачах или неудачах и т. д. Уже этого примера достаточно для того, чтобы убедиться: книга «Азбука культурной речи» так и «просится» в библиотеки.

Янка МАЎР.
Палескія рабінзоны. Аповесць, апавяданні. Укладальнік Аксана Спрынчан.
Мн.: Мастацкая літаратура, 2011.

Хорошо сказала известный исследователь белорусской детской литературы Маргарита Ефимова в предисловии к этой книге: «Янка Маўр!.. Выбраць гэты мілагучны, загадкавапрывабны псеўданім мог толькі вельмі арыгінальны, вынаходлівы чалавек з добрым мастацкім густам і крылатай фантазіяй. Такім ён быў, наш Маўр — Іван Міхайлавіч Фёдараў, патрыярх беларускай літаратуры, для дзяцей і юнацтва, адзін з яе заснавальнікаў і рупліўцаў». В основе томика избранного Я. Мавра, пожалуй, его самая известная повесть — «Палескія рабінзоны». Также в книге помещены и другие произведения писателя, относящиеся к хрестоматийным. Среди них рассказы

«Слёзы Тубі», «Лацароні», «Незвычайная прынада» и другие.

Віктар ПРАЎДЗІН.
Вяртанне з апраметнай. Дэтэктыўны раман.
Мн.: Мастацкая літаратура, 2011.

Автор широко известных книг «Візіцёр з Поўначы», «Эксгумацыя», «Шлях на Галгофу», «Танцавальны марафон», «Нелюбімыя гінуць» и других, Виктор Правдин в детективном романе «Вяртанне з апраметнай» остается верен себе. Он пишет так, что лишний раз убеждаешься: нет жанров плохих или хороших, когда за перо берется мастер. Читать роман одно удовольствие. Книга настолько увлекательна, что от нее невозможно оторваться. Уже хотя бы то, что главный герой Андрей Бусел попадает на собственные похороны, заинтересовывает, а ведь впереди еще основная интрига, в которой переплелись политика и любовь, дружба и деньги, как бы соединились прошлое и будущее.

Зіновій ПРЫГОДЗІЧ.
Постаці: З цэлым народам гутарку весці...
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Десять творческих портретов известных деятелей белорусской культуры составили содержание книги писателя и журналиста, кандидата философских наук Зиновия Пригодича. Однако это не статьи или очерки, а беседы с теми, чье имя, как говорится, на слуху. Такая форма позволяет З. Пригодичу глубже проникнуть в мир их творчества, лучше узнать отдельные моменты биографии, так как в разговоре человек полнее раскрывает свою душу, становится более откровенным. Если же быть конкретным, то на страницах этой книги можно встретиться с Валерием Анисенко, Михасем Дриневским, Марией Захаревич, Леонидом Захлевным, Адамом Мальдисом, Иваном Миско, Михасем Мицкевичем, Георгием Поплавским, Анатолием Сульяновым и, к сожалению, уже ушедшим в мир иной Янкой Сипаковым.

Людмила РУБЛЕВСКАЯ.
Пляски смерти. Готический роман. Перевод с белорусского автора.
Мн.: Мастацкая літаратура, 2011.

Книгой Людмилы Рублевской «Пляски смерти» издательство «Мастацкая літаратура» начало новую серию «Готика—Фэнтези—Хоррор». Роман остросюжетен. Главная героиня его, бывшая журналистка Анна Борецкая, как бы находится в двух временных измерениях. Во сне она переносится в средневековый город, где живет ее двойник, дочь бургомистра Анета, где и происходят… пляски смерти. Что представляют они собой, в чем их загадка, это решать Анне Борецкой и ее бывшему мужу, реставратору Юрасю Домогурскому.

Сергей ТРАХИМЕНОК.
Чаша Петри, или Русская цивилизация: генезис и проблемы выживания. Роман.
Мн.: Літаратура і Мастацтва, 2011.

Серия «Черная молния», в которой вышел новый роман Сергея Трахименка «Чаша Петри…» — для тех, кто не только любит «острое чтиво», но, ко всему, желает, чтобы это была не занимательность ради занимательности, приключения ради приключений, а также и глубокое психологическое осмысление всего происходящего. В таком случае роман «Чаша Петри…» оправдает самые лучшие ожидания читателей. В произведении главный герой, программист Петр Лазутин, выигрывает конкурс на замещение должности аналитика в немецкой фирме, владельцем которой является некто Кребс. Официально эта фирма ведет разработки в сфере клонирования человека. Но так ли это на самом деле? Интересно, что произойдет дальше? Читайте роман С. Трахименка. Он того стоит.

Василь СЛУЦКИЙ

МАРЧУК Георгий Васильевич. Родился в 1947 г. в Давид-Городке Столинского района Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик, драматург. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Секретарь Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

ПОЗДНЯКОВ Михаил Павлович. Родился в 1951 г. в д. Забродье Быховского района Могилевской области. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, переводчик, прозаик, языковед. Автор многих книг для юных и взрослых читателей. Председатель Минского городского отделения СПБ. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Минске.

ЗЕЛЕНКО Вера Викторовна. Родилась в 1956 г. в Москве. Окончила математический факультет Белорусского государственного университета. Публиковалась в периодических изданиях Беларуси. Автор книги прозы «Время ничего не значит». Живет в Минске.

ЧМАРА Надежда Филипповна. Родилась в д. Чудяны Чериковского района Могилевской области. Окончила юридический факультет Белорусского государственного университета. Работает председателем суда Кировского района Могилевской области. В «Нёмане» публикуется впервые.

АВЛАСЕНКО Геннадий Петрович. Родился в 1955 г. в д. Липовец Ушачского района Витебской области. Окончил биологический факультет Белорусского государственного университета. Автор нескольких книг для детей и взрослых. Живет в Червенском районе Минской области.

АРЕСТОВ Юрий Павлович. Родился в 1961 г. в г. Анапа Краснодарского края. Автор нескольких поэтических сборников, среди которых «Прикосновение». В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Жлобинском районе.

СКАБИА Джулиано. Родился в 1935 г. в Падуе (Италия). Итальянский писатель, философ, драматург и режиссер. Автор множества книг, среди которых «Нане ока», «Поэт-дерево», «Лоренцо и Чечилия», «Восстание семян», «Письма волку», «Трепет» и другие. Живет во Флоренции (Италия).

РАВЕРА Габриель. Родился в 1961 г. в Парме (Италия). Итальянский поэт, публицист. Особую известность ему принесли книги «Стихи на ближайшую осень» (2003) и «Путевые заметки: в зоне Чернобыля» (2011). Организатор проектов оздоровления белорусских детей в Италии и поставок гуманитарных грузов населению Беларуси, пострадавшему от взрыва на ЧАЭС.